Б. НИКИТИН

РОКОВЫЕ ГОДЫ

Б. НИКИТИН РОКОВЫЕ ГОДЫ

Б. НИКИТИНЪ

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(НОВЫЯ ПОКАЗАНІЯ УЧАСТНИКА)

CHALIDZE PUBLICATIONS 1987

B. NIKITIN

FATAL YEARS

Перепечатка с издания
1937 года, Париж

Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731
Manufactured in USA

ОГЛАВЛЕНIЕ

ОТЪ АВТОРА

Настоящее изданіе запаздываетъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

Цѣль книги — записать детали событій, не получившія широкой огласки. Онѣ были извѣстны и другимъ участникамъ разслѣдованій, а на короткое время отражались съ разныхъ сторонъ въ мѣстной прессѣ 17-го и 18-го г. г.

Взвѣшивая каждое слово, я стремился изложить только факты, которые въ своихъ существенныхъ чертахъ — всѣ могутъ быть доказаны историкомъ.

Въ то же время я вычеркивалъ фразы и страницы, стараясь избѣжать острыхъ угловъ, подавить страсти, приблизиться къ эпосу. Трудно. Развѣ можемъ мы, участники и современники, говорить объективно о драмѣ, которая еще продолжается? Не новый экземпляръ исторіи той эпохи я выпускаю, а только привожу мои воспоминанія.

Читатель самъ легко отдѣлитъ все личное, взглянувъ на книгу сквозь мою призму, которую найдетъ въ эпиграфѣ на слѣдующей страницѣ.

Настоящіе тираны человѣчества — иллюзіи, созданныя имъ самимъ.

Лебонъ.

1

НА РАЗВАЛИНАХЪ

7-го марта 1917 года мнѣ пришлось по личнымъ дѣламъ попасть въ Петроградъ. Я былъ отпущенъ съ фронта на три дня.

Еще въ вагонѣ мнѣ неотступно приходило на мысль, какой просторъ для нѣмцевъ открывала въ Россіи революція и какъ упрощались ихъ задачи.

Увы... ироніей судьбы именно мнѣ же и выпалъ жребій быть начальникомъ контръ-развѣдки въ Округѣ, оглавившемъ революцію.

По прибытіи въ Петроградъ я отправился являться въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба и тамъ встрѣтился съ княземъ Тумановымъ и Туганъ-Барановскимъ *). Оба стали уговаривать меня остаться въ Петроградѣ, а на мои отказы и увѣренія, что я долженъ вернуться на фронтъ для продолженія интересной задачи, мнѣ неизмѣнно возражали, что все равно оставятъ меня именемъ военнаго министра. Мои споры не привели ни къ чему; черезъ три дня я получилъ приказъ о назначеніи въ распоряженіе Главнокомандующаго Петроградскаго Округа генерала Корнилова.

12-го марта вечеромъ я явился Корнилову, а послѣдній сразу же назначилъ меня начальникомъ контръ-развѣдки. Разговоръ былъ въ дружеской формѣ въ присутствіи начальника Штаба — генерала Рубецъ-Масальскаго. Я упорно про-

*) Одинъ — товарищъ военнаго министра, другой — начальникъ Канцеляріи и, какъ "младотурки", были изъ тѣхъ, кто вершали судьбы военнаго министерства,

силъ избавить меня отъ дѣятельности, не свойственной моему характеру и которой къ тому же я никогда не занимался. Корниловъ настаивалъ, ободрялъ пріятной для моего самолюбія увѣренностью въ успѣхѣ; а Рубецъ-Масальскій шутилъ, играя словами, говоря, что развѣдка, знакомая мнѣ по войнѣ, или контръ-развѣдка — почти одно и то же.

Наконецъ, мнѣ указали, что я долженъ принять на себя выполненіе задачъ, имѣющихъ при новыхъ условіяхъ чрезвычайное государственное значеніе, и долженъ пересилить себя для блага родины. Тѣ же доводы неизмѣнно приводилъ впослѣдствіи и Туганъ-Барановскій, когда при нашихъ встрѣчахъ я никогда не упускалъ случая поблагодарить его за столь дружескую услугу.

А положеніе было слѣдующее.

Какъ извѣстно, въ дни февральскаго переворота изъ тюремъ Петрограда было выпущено до 10 тысячъ уголовныхъ преступниковъ. Всѣ они были освобождены толпой подъ видомъ людей, пострадавшихъ за убѣжденія при старомъ режимѣ. Конечно, на свободу попали и всѣ уличенные въ шпіонажѣ.

Февральскія событія, по большинству ихъ историческихъ описаній, принято называть стихійными: монархія пала стихійно; такъ же былъ сожженъ Окружный Судъ; толпа стихійно разбила тюрьмы, свергла полицію и т. д. Таковы, какъ объясняютъ, размахъ и поэзія февральскихъ дней. Какъ выходитъ просто, какъ красиво. Стоитъ лишь сослаться на историческую причинность, чтобы все стало сразу понятнымъ. Здѣсь я хотѣлъ бы привести лишь справку объ одномъ явленіи той же категоріи, разгромившемъ до тла старую контръ-развѣдку и о которомъ мнѣ пришлось произвести весьма подробное разслѣдованіе *).

---

*) Я не изслѣдовалъ участія нѣмцевъ въ другихъ фазахъ февральской революціи за недостаткомъ времени. Приходилось смотрѣть только впередъ. Случайно въ главѣ "Изъ журнала к.-развѣдки" я привожу подробности дѣла одного штабного офицера, связаннаго съ нѣмцами и принявшаго также замѣтное участіе въ февральскихъ событіяхъ.

Въ этихъ же рамкахъ читатель самъ прослѣдитъ за Нахамкесомъ; прямыхъ документовъ для него у меня не было.

Одинъ изъ непріятельскихъ агентовъ — Карлъ Гибсонъ, котораго, кстати, я вновь поймалъ черезъ полтора мѣсяца и водворилъ въ тюрьму, выскочивъ на свободу при февральскомъ переворотѣ, первое же, что сдѣлалъ, это привелъ толпу и ворвался съ ней въ помѣщеніе контръ-развѣдки подъ предлогомъ, что пришелъ громить "охранку". А начавъ разгромъ, онъ прежде всего разыскалъ свое досье въ дѣлахъ по алфавиту и, конечно, унесъ его съ собою. Толпа, руководимая Гибсономъ, переломала шкафы, сожгла и перервала много бумагъ, разбросала по полу до 300 тысячъ регистраціонныхъ карточекъ, хранившихся въ алфавитномъ порядкѣ.

Служащихъ тутъ же захватили и поволокли въ Государственную Думу, гдѣ ихъ намѣренно представили, какъ политическихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, и посадили въ отдѣльную комнату. А на Знаменской улицѣ, къ дверямъ контръ-развѣдки былъ приставленъ караулъ отъ революціонныхъ войскъ, а само отдѣленіе опечатано *).

Прежде всего предстояло удалить караулъ, снять печати. Но продѣлать это было не такъ просто: для сего надо имѣть ордеръ изъ Государственной Думы, а чтобы попасть въ послѣднюю, получить пропускъ.

Пропускъ я получилъ 12-го вечеромъ, а 13-го, съ утра отправился въ Таврическій Дворецъ.

Тутъ попадаю во всевозможныя толпы и хвосты и нѣсколько разъ отсылаюсь обратно.

Сюда на первыхъ порахъ устремились тѣ, кто хотѣлъ сконструировать власть. Но революція уже покрыла ихъ новой волной: 13-го марта я попадаю прямо въ Совдепъ. Въ многочисленныхъ комнатахъ — секціи, комитеты и комиссіи, которымъ надлежитъ вѣдать буквально всѣми государственными вопросами.

Но большая ихъ часть завалена безконечнымъ числомъ мелкихъ частныхъ дѣлъ, какъ-то: арестомъ, разслѣдованіемъ, либо освобожденіемъ лицъ, причастныхъ къ старому режиму.

---

*) Проживающій въ Парижѣ старый контръ-развѣдчикъ полковникъ Соколовъ могъ бы привести детали исторіи Карла Гибсона.

На разныхъ дверяхъ читаю плакаты съ надписями вродѣ слѣдующихъ: "Агитаторы для отправки на фронтъ отъ такой-то партіи", или: "группа агитаторовъ-республиканцевъ"; "запись агитаторовъ на фронтъ" и даже "курсы агитаторовъ".

Въ корридорахъ толпы народа; все, казалось, перепуталось.

Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, я неожиданно добираюсь до очень важной персоны — новаго адъютанта коменданта. Какъ сейчасъ помню эту фигуру средняго роста, въ морской формѣ, съ серебряными погонами съ одной звѣздочкой.

Узнавъ, кто я и зачѣмъ пришелъ, онъ, сразу перемѣнивъ тонъ, становится отмѣнно любезнымъ.

Только черезъ три дня, когда мнѣ пришлось поѣхать въ Таврическій Дворецъ и арестовать этого адъютанта, только черезъ три дня я понялъ его желаніе угодить мнѣ при первой встрѣчѣ *).

Однако, возвращаюсь къ этой первой встрѣчѣ. Адъютантъ ведетъ меня къ коменданту; послѣдній выдаетъ необходимыя бумаги; наконецъ, адъютантъ же, расталкивая толпу, провожаетъ до самой улицы, прося, конечно, использовать его въ предстоящей мнѣ работѣ.

Прохожу черезъ караулъ, снимаю печати; нахожу поломанные столы, взломанные шкафы и горы обгорѣвшей и разорванной бумаги.

Но если фасадъ былъ обращенъ въ обломки, то уже внутренняя сѣть просто исчезла.

Въ самомъ дѣлѣ, до революціи главнымъ источникомъ всякаго рода освѣдомленій было вездѣсущее охранное отдѣленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Само же министерство имѣло въ своемъ распоряженіи всѣ срадства страны — прямыя и вспомогательныя.

Эта громадная машина добывала всякаго рода свѣдѣнія, поэтому вплоть до революціи и въ дѣлѣ освѣдомленія контръ-развѣдки большую роль играла полиція.

---

*) См. "Петроградская трясина".

Но февральская революція съ корнемъ вырвала не только политическую полицію, но всѣ органы государства, ограждающіе общество отъ всякаго рода нарушителей закона, дѣянія которыхъ, вездѣ и при любомъ строѣ караются суровымъ судомъ.

Удары наносились въ мартѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ особымъ злорадствомъ.

Въ печати шла травля часто по непровѣреннымъ подозрѣніямъ; а отдѣльныя шайки (кстати, не могу назвать ихъ иначе) гонялись за тѣми, чьи имена кѣмъ-нибудь и какъ-нибудь произносились.

Поэтому тѣ, кто служилъ раньше въ полиціи, навсегда запряталисъ, а секретные агенты, вѣроятно, сами старались забыть о своей службѣ.

Конечно, эти преслѣдованія имѣли свои причины: историческія, бытовыя, несомнѣнно, психологическія и, можетъ быть, національныя. Я хочу только подчеркнуть этотъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ русской революціи и внесшій впослѣдствіи такъ много трагичности въ дѣятельность не одной только контръ- развѣдки.

Въ Германіи, послѣ ноябрьской революціи 1918 года, — вся полиція осталась на своихъ мѣстахъ. Новая власть проявила къ ней чуткую заботу: обращалась къ населенію съ особыми воззваніями, приглашала служащихъ не покидать своихъ постовъ. Сохранивъ такимъ путемъ органы, поддерживающіе общественный порядокъ, нѣмецкія правительства имѣли въ дни испытаній и аппаратъ противодѣйствія.

Совсѣмъ иначе было въ Россіи. Уже въ ночь съ 1 на 2-ое марта нѣсколько делегатовъ отъ Совѣта с. и р. депутатовъ, возглавляемыхъ Нахамкесомъ, предъявили членамъ Временнаго Правительства рядъ условій, на которыхъ они согласны мириться съ его существованіемъ. Однимъ изъ первыхъ пунктовъ было требованіе о замѣнѣ полиціи милиціей съ выборнымъ началомъ. Временное Правительство, которое еще было въ пріодѣ своего формированія, пыталось, въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ, смягчить ультиматумъ въ отношеніи другихъ вопросовъ, но молча согласилось на учрежденіе милиціи. Тотчасъ же въ провинцію полетѣли телеграммы о сверженіи

полиціи, телеграммы, содержаніе которыхъ всѣмъ намъ было хорошо извѣстно изъ повседневной печати. Это тоже "стихійное" явленіе, налаженное не безъ Нахамкеса и его единомышленниковъ, рѣзко ударило по контръ-развѣдкѣ, такъ какъ лишало ее не только налаженной годами секретной агентуры, но и поддержки административныхъ органовъ всей страны.

Съ наружнымъ личнымъ составомъ было не лучше: мнѣ предстояло освободить его изъ-подъ ареста, пересмотрѣть и часть уволить, такъ какъ оставлять на службѣ лицъ, въ какой-либо мѣрѣ причастныхъ къ политической полиціи, я оффиціально уже не могъ.

Приходилось еще посмотрѣть, что можно еще извлечь изъ болѣе уцѣлѣвшаго Военнаго Вѣдомства.

Въ Петроградѣ въ вѣдѣніи Военнаго Министерства было два органа, имѣвшіе касательство къ контръ-развѣдкѣ: центральный, на всю Россію, и мое отдѣленіе. Первый состоялъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба и не занимался разработкой дѣлъ, а только регистрировалъ подозрѣваемыхъ лицъ по донесеніямъ изъ всѣхъ Округовъ. Онъ же вѣдалъ заграничными агентами, посольствами, и черезъ него же Округа получали кредиты. Мое же отдѣленіе — активный органъ для Петроградскаго Округа.

Я отправляюсь къ генералъ-квартирмейстеру Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба — генералу Потапову. Тотъ вызываетъ полковника генеральнаго штаба Раевскаго, и вотъ съ этого памятнаго для меня часа начинается серія нашихъ собесѣдованій и безконечныхъ сюрпризовъ. Эти удивительные люди продолжали жить въ прошломъ столѣтіи. Они смотрѣли только на свой письменный столъ, на которомъ лежала старая инструкція.

На вопросъ мой, на какой кредитъ можетъ расчитывать мое отдѣленіе, они отвѣтили буквально: "Пока ничего... но вы будете участвовать въ междувѣдомственной комиссіи по составленію новой инструкціи. Примѣнительно къ этой, т. е. будущей инструкціи, вы составите планъ работъ и смѣту. Представите въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, которое ихъ предварительно разсмотритъ".

— "А потомъ?" поинтересовался я.

— "Потомъ, если Главное Управленіе Генеральнаго Штаба ихъ одобритъ, они поступятъ въ Канцелярію Военнаго Министерства, которое ихъ пересмотритъ и внесетъ на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта".

— "Значитъ, Военный Совѣтъ и санкціонируетъ кредитъ?" спросилъ я.

— "Нѣтъ, послѣ Военнаго Совѣта вашъ проектъ будетъ отправленъ въ Ставку. Вотъ уже Ставка по его разсмотрѣніи можетъ открыть вамъ кредитъ".

— "Позвольте, выходитъ, что вамъ предстоитъ сперва выработать новую междувѣдомственную инструкцію, потомъ планъ работъ, да сверхъ того на прохожденіе всѣхъ перечисленныхъ этаповъ уйдетъ не меньше четырехъ мѣсяцевъ, и то при удачѣ, что мой проектъ будетъ попадать передъ очередными засѣданіями".

Мои доводы, что при такомъ положеніи вещей я не могу даже нанять служащихъ, такъ какъ имъ не изъ чего платить жалованья, успѣха не имѣютъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что, все равно, теперь контръ-развѣдка работать не можетъ, что сначала надо составить инструкцію и подготовить и обучить новый личный составъ.

Тогда я предлагаю такой выходъ: не ожидая инструкціи, я немедленно подаю свой планъ и смѣту; но въ предвидѣніи открытія новыхъ кредитовъ, пусть мнѣ по крайней мѣрѣ не закрываютъ старый кредитъ въ 45 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, который отпускался на мое отдѣленіе при старомъ режимѣ и уже вошелъ въ смѣту Военнаго Вѣдомства.

— "Нѣтъ", отвѣчаютъ Потаповъ и Раевскій, "ни копѣйки; никакихъ исключеній".

Перехожу черезъ Дворцовую площадь въ Штабъ Округа; не перестаю твердить про себя всѣ перечисленныя инстанціи, стараясь заучить ихъ наизусть.

Въ Штабѣ Округа центральная фигура — помощникъ начальника Штаба, полковникъ Балабинъ. Умный, энергичный, рѣшительный со стальными нервами, Балабинъ прекрас-

но разбирается въ обстановкѣ и уже черезъ нѣсколько дней заслуженно получаетъ постъ начальника Штаба.

Въ пріемной и у дверей его кабинета обычная толпа народа. Протискиваюсь не безъ труда, разсказываю о неудачѣ съ кредитами.

Балабинъ на первыхъ порахъ думаетъ, что я шучу: онъ сухо отвѣчаетъ, что у него нѣтъ времени для составленія сборника веселыхъ разсказовъ. Однако, быстро убѣдившись, что мнѣ совсѣмъ не до смѣха, Балабинъ беретъ меня за рукавъ и ведетъ къ Главнокомандующему. Корниловъ терпѣливо выслушиваетъ весь перечень будущихъ этаповъ моей будущей смѣты и едва успѣваетъ пообѣщать внести вопросъ во Временное Правительство, какъ его увлекаютъ на какое-то срочное засѣданіе; а Балабина тоже уводятъ по неотложнымъ дѣламъ.

Очевидно, кредиты прійдутъ не скоро.

2

ПО НОВОМУ

Деньги на контръ-развѣдку ищу въ долгъ у знакомыхъ: другого выхода положительно не придумаю.

Частнымъ образомъ занимаю у Сергѣя Гавриловича Тарасова (коммерсантъ изъ Армавира) 12 тысячъ рублей *). Выдаю ему расписку на своемъ оффиціальномъ бланкѣ съ печатью, что занимаю у него 12 тысячъ "для выдачи жалованья служащимъ и обязуюсь вернуть ихъ по полученіи казенныхъ денегъ".

Теперь уже запасаться терпѣніемъ придется не мнѣ одному, но и Тарасову.

Корниловъ и Балабинъ сначала недоумѣваютъ, а потомъ приходятъ въ восторгъ, но ненадолго.

Не ожидая выработки новой междувѣдомственной инструкціи, 21 марта представляю свой мотивированный планъ и смѣту на 60 тысячъ рублей въ мѣсяцъ.

---

*) Въ настоящее время С. Г. Тарасовъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ въ Парижѣ.

Много разъ тщетно стараюсь добиться хотя бы аванса; много разъ Корниловъ требуетъ кредитовъ Военнаго Вѣдомства; много разъ Балабинъ предлагаетъ разогнать вес. личный составъ канцеляріи Потапова вмѣстѣ съ ея шефомъ. Наконецъ, черезъ полтора мѣсяца, въ концѣ апрѣля, мнѣ условно выдаютъ 45 тысячъ съ оговоркой Потапова: «Эта единовременная выдача въ видѣ аванса отнюдь не означаетъ, что вамъ открытъ ежемѣсячный кредитъ. Что будетъ дальше — еще посмотримъ".

Сколько времени предполагалъ смотрѣть Потаповъ, и куда именно, — я не знаю; но вопросъ разрѣшился и для него, и для меня совершенно неожиданно.

Проходитъ еще около мѣсяца, и вотъ въ маѣ Потаповъ приглашаетъ меня пріѣхать и довольно-таки смущенный заявляетъ:

— "Вновь назначенный начальникъ Генеральнаго Штаба Романовскій (Юрій), вступивъ въ должность, сразу же обратилъ особое вниманіе на контръ-развѣдку. Онъ самъ утвердилъ вашъ планъ и приказалъ за своей личной отвѣтственностью немедленно начать выдавать вамъ 60 тысячъ въ мѣсяцъ. Вотъ видите, вы добились того, чего хотѣли. Такъ лучше: теперь, по крайней мѣрѣ, если дѣло не пойдетъ, то виноваты будете вы; въ противномъ случаѣ вы бы сказали, что виноваты мы".

Трудно было усвоить логику Потапова о виноватомъ; при той задачѣ, которая передо мною выростала, мнѣ никогда и на мысль не приходило, что я имѣю право спрятаться за чьей-нибудь спиной.

Смѣта, утвержденная Романовскимъ, такъ, кстати, и не успѣла доѣхать до Ставки.

Освобождаю служащихъ изъ-подъ ареста. Нѣкоторые изъ нихъ, затравленные незаслуженными преслѣдованіями, уходятъ сами. Другая часть постепенно отсѣивается; но рѣшительно оставляю около половины стараго состава; безъ него мы не стали бы на ноги.

Предстоитъ набирать новый личный составъ. Но вѣдь служба въ контръ-развѣдкѣ весьма деликатное métier на

которое не только обучають, но воспитывають, и къ которому надо имѣть призваніе; а пользоваться старымъ источникомъ отнюдь не могу.

Тутъ мнѣ приходитъ мысль, которая выручила меня самого и сразу вывела контръ-развѣдку на большую дорогу: рѣшаю, что наиболѣе пригодны будутъ юристы, особенно лица со слѣдственнымъ опытомъ.

Ѣду къ прокурору Петроградскаго Окружного Суда, навожу справки и съ большой осторжностью выбираю перваго — бывшаго секретаря суда Каропачинскаго. Осматриваемся уже вдвоемъ. Выборъ облегчается тѣмъ, что многіе испытанные слѣдователи попали въ опалу; среди нихъ и Павелъ Александровичъ Александровъ — судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, имя котораго знакомо всей Россіи. Захватываю Александрова, и насъ уже трое.

Дальше наборъ происходитъ безъ усилій съ моей стороны: каждый новый, предварительно осмотрѣнный, становится уже своимъ и старается тоже провѣрить или подыскать нѣсколькихъ и т. д. Къ концу марта тщательно провѣренный личный составъ уже готовъ полностью; онъ доведенъ, согласно моему новому плану, до 21 юриста и 180 агентовъ и прочихъ служащихъ. Но общее явленіе: всѣ, отъ перваго до послѣдняго, сначала съ ужасомъ отскакиваютъ и отказываются, такъ какъ боятся, что втяну ихъ въ политику. Даю заклятія, что буду преслѣдовать только "нѣмцевъ", а затѣмъ уговариваю въ сущности тѣми же словами, какими убѣждалъ меня самого Корниловъ.

Контръ-развѣдку превращаю въ цѣлый департаментъ, къ полному ужасу Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Потаповъ и Раевскій съ невозмутимой послѣдовательностью пытаются мнѣ напомнить, что канцелярія контръ-развѣдки Штаба Арміи на Галиційскомъ фронтѣ состояла изъ трехъ человѣкъ. Пробую имъ объяснить разницу положеній, но остаюсь при впечатлѣніи, что мое краснорѣчіе для нихъ оказывается недостаточнымъ.

Назначаю себѣ восемь помощниковъ - слѣдователей; изъ нихъ шесть превращаются въ столоначальниковъ; седьмой по-

мощникъ — шефъ моей канцеляріи, а восьмому — Александрову отдаю всѣхъ агентовъ наружнаго наблюденія. Выдавая этимъ агентамъ заданія, ему приходится предварительно знакомиться, хотя бы вкратцѣ, со всѣми дѣлами, и такимъ путемъ предоставляется всюду вносить свое столь цѣнное творчество. Но долженъ отмѣтить другую, едва ли не еще большую заслугу Александрова: онъ такъ натаскалъ своихъ агентовъ, что черезъ два мѣсяца ихъ нельзя было узнать, что мнѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствовали всѣ помощники.

Не такъ просто съ насажденіемъ новой секретной агентуры. Здѣсь нужна абсолютная тайна, невозможно открыто наводить даже справки. Сверхъ того, постоянно остерегаюсь наскочить на ненадежныхъ людей, которыхъ вдругъ стало вездѣ такъ много, и, наконецъ, всюду встрѣчаю упорнѣйшее нежеланіе, вызванное страхами попасть въ бѣду по недавнему примѣру. Медленно разбрасываю сѣть, начиная съ главныхъ точекъ.

Каропачинскому поручаю отдѣлить изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ всѣ дѣла, которыя не относятся къ контръ-развѣдкѣ; отъ меня ихъ рѣзко и настойчиво требуетъ памятная Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія, которая подъ предсѣдательствомъ Муравьева разыскивала преступленія главнѣйшихъ дѣятелей стараго режима. Здѣсь съ полной очевидностью выясняется, что всѣ обвиненія на старую контръ-развѣдку, будто она занималась не только своимъ прямымъ дѣломъ, но и политикой, — были несправедливы и напрасны. Всѣ старыя дѣла имѣли мотивомъ преслѣдованіе непріятельскихъ агентовъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ доходили до политическихъ партій, устраивавшихъ забастовки на заводахъ, работающихъ на войну; но вполнѣ естественно было поискать въ этомъ направленіи вліяніе нашихъ враговъ. Что же касается политическихъ разслѣдованій, то въ этой области охранное отдѣленіе слишкомъ ревниво оберегало свои права, чтобы уступить ихъ въ другія министерства.

Среди досье контръ-развѣдки нашлось только одно исключеніе — дѣло Манусевича-Мануйлова, совсѣмъ не имѣвшее отношенія ни къ нѣмцамъ, ни къ политикѣ. Оно было начато

по иниціативѣ Ставки, которая не хотѣла довѣрить Манусевича полиціи, "изъ опасенія, что послѣдняя можетъ свести на-нѣтъ крупное шантажное дѣло", въ которомъ къ тому же были замѣшаны и банки.

Для своей контръ-развѣдки намѣчаю новую общую линію: она должна затруднять всякаго вида вредную дѣятельность непріятельскихъ агентовъ, а въ частности — быть основана на широкомъ примѣненіи административныхъ высылокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ современномъ государствѣ, при нормальныхъ условіяхъ, удается поймать всего только нѣсколькихъ шпіоновъ въ годъ. Но я не могу тянуть дѣла годами, а съ другой стороны, если ограничусь этой узкой задачей, то вся дѣятельность контръ-развѣдки не принесетъ никакой пользы, когда революція довела работу нѣмцевъ въ Россіи до чудесной простоты; отъ нихъ всего лишь требуется расшатать остатки государственности и затруднить новое строительство, а вовсе не кража какихъ-нибудь секретныхъ плановъ. Конечно, при новой системѣ полетятъ щепки, неизбѣжны ошибки, но вѣдь, все равно, и судебныя ошибки неминуемы, когда нельзя расчитывать на прямыя улики и находить на политическомъ агентѣ компрометирующихъ документовъ.

Эти соображенія, простыя, какъ мнѣ казалось, до очевидности, подверглись впослѣдствіи жестокой критикѣ въ своемъ исходномъ положеніи въ понятіи о контръ-развѣдкѣ. Корниловъ всецѣло одобрилъ намѣченный мною курсъ — предупредительныхъ мѣръ и административныхъ высылокъ. Онъ всегда искалъ крутыхъ рѣшеній.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день апрѣля открыла свои засѣданія большая комиссія, собранная подъ предсѣдательствомъ Потапова, для выработки обѣщанной инструкціи. Первымъ пунктомъ ставится на обсужденіе опредѣленіе понятія о самомъ словѣ — контръ-развѣдка. Послѣ долгихъ дебатовъ, къ концу второго засѣданія я ясно почувствовалъ, что рискую остаться въ меньшинствѣ, что роль контръ-развѣдки въ ея защитѣ общегосударственныхъ интересовъ будетъ сведена лишь къ выполненію нѣсколькихъ чисто военныхъ задачъ: ограничится преслѣдованіемъ фотографовъ на крѣпостныхъ

веркахъ, подрывателей мостовъ на стратегическихъ направленіяхъ и т. п. Тогда я спрашиваю предсѣдателя, подъ какое понятіе будетъ отнесено преслѣдованіе тѣхъ нѣмецкихъ агентовъ, которые разваливаютъ государство по всѣмъ направленіямъ и на какое именно вѣдомство этого рода дѣятельность будетъ возложена. Присутствовавшіе при этомъ представители другихъ вѣдомствъ не замедлили признать недѣлимость контръ-развѣдки, а понятіе, наконецъ, получило свое надлежащее толкованіе: контръ-развѣдка вѣдаетъ всѣми "нѣмцами", но само собою, не принимаетъ на себя функцій политической полиціи.

Повѣрку всей денежной отчетности возлагаю на спеціальный комитетъ, выбранный всѣми служащими, еще въ послѣднихъ числахъ фвраля. Въ него вошли старшіе юристы, а предсѣдателемъ комитета былъ избранъ товарищъ прокурора Гредингеръ.

21-го марта Балабинъ передаетъ мнѣ съ разрѣшенія Корнилова свое факсимиле: "Я такъ занятъ", говоритъ Балабинъ, "что у меня никогда не будетъ времени изучать ваши дѣла; а при такихъ условіяхъ вы всегда будете освѣдомленнѣе меня, я же буду подписывать такъ, какъ вы доложите. Къ чему же эта комедія и потеря времени для насъ обоихъ? Ставьте сами мое имя, только скрѣпляйте его своею собственною подписью". Дѣло заключалось въ томъ, что въ важныхъ случаяхъ приходилось дѣйствовать именемъ Главнокомандующаго, что составляло исключительное право начальника Штаба; Балабинъ какъ бы передавалъ мнѣ свои полномочія по контръ-развѣдкѣ. Трудно было сдѣлать иначе: мы видѣлись урывками, по ночамъ, всего разъ или два въ недѣлю.

22-го марта ко мнѣ на Знаменскую вваливается нѣсколько членовъ Совѣта с. и р. депутатовъ; они объявляютъ, что Совѣтъ рѣшилъ подчинить себѣ непосредственно мою контръ-развѣдку и поручить ей борьбу съ контръ-революціей. Это заявленіе, само собой, выражается голосами и жестами, въ весьма внушительной формѣ. Слухи о такомъ мудромъ рѣшеніи до меня уже доходили, когда приходилось бывать въ Таврическомъ Дворцѣ для освобожденія старыхъ служащихъ, и наслушиваться разныхъ обѣщаній разогнать всѣхъ, начиная съ новаго на-

чальника. Что касается сей послѣдней угрозы, то мнѣ трудно упрекать Совѣтъ въ ея необоснованности, такъ какъ врядъ ли я подходилъ къ намѣченной имъ новой роли. Отвѣчаю, что пока буду начальникомъ я, контръ-развѣдка будетъ заниматься только нѣмцами, а не политикой.

Подъ впечатлѣніемъ столь любезнаго прямого обращенія, ѣду къ Балабину, прекрасно понимая, что вмѣшательство Совѣта можетъ имѣть самыя пагубныя для дѣла послѣдствія. Балабинъ такъ же оцѣниваетъ положеніе, но самъ безсиленъ помочь; онъ совѣтуетъ обратиться къ Керенскому, который, состоя министромъ Юстиціи, числится одновременно товарищемъ предсѣдателя Совѣта, с. и р. депутатовъ.

На другой день застаю Керенскаго утромъ, до выхода на пріемъ; передаю ему во всѣхъ подробностяхъ требованіе Совѣта. Говорю, что борьба съ нѣмцами совершенно самостоятельная государственная задача, которую нельзя сейчасъ ни съ чѣмъ смѣшивать; прошу воздѣйствовать на Совѣтъ. Керенскій вполнѣ соглашается, обѣщаетъ свою поддержку; и дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней пресловутое рѣшеніе отмѣняется.

Ѣду договариваться съ прокуроромъ Судебной Палаты, которому контръ-развѣдка обычно направляетъ свои законченныя разслѣдованія. Прокуроръ Палаты Переверзевъ сразу же, при первой нашей встрѣчѣ, говоритъ мнѣ, что для него нѣтъ ничего болѣе важнаго, какъ контръ-развѣдка, которой онъ готовъ отдать свои силы; онъ проситъ вѣрить въ его всемѣрную поддержку и содѣйствіе.

Какъ-то въ апрѣлѣ онъ сообщаетъ мнѣ, что назначается министромъ юстиціи. "Ну, теперь прощай контръ-развѣдка", говорю я ему послѣ подобающихъ случаю поздравленій. "Вотъ и ошибаетесь, теперь-то я вамъ и помогу", энергично протестуетъ Переверзевъ. И онъ сдержалъ свое обѣщаніе контръ-развѣдкѣ, мнѣ же далъ бодрость духа, безъ которой я не могъ бы уцѣлѣть отъ травли Совѣта с. и р. депутатовъ.

Въ своемъ основномъ планѣ я допускалъ развитіе нашей дѣятельности только при наличіи довѣрія и поддержки всего русскаго общества. Со своей стороны, Переверзевъ стремился привлечь къ нашему дѣлу русскую общественность. Намъ преж-

де всего необходимо снять съ контръ-развѣдки тотъ полицейскій ярлыкъ, который на нее повѣсили въ февралѣ не столько за ея прошлую дѣятельность, какъ съ легкой руки Карла Гибсона и его "не вѣдающихъ, что творятъ" помощниковъ.

Переверзевъ устраиваетъ нѣсколько засѣданій при участіи представителей общественности. Онъ старается показать, что въ контръ-развѣдкѣ сидятъ люди, которымъ можно принести свѣдѣнія, можно довѣрить свои сомнѣнія. Не мало интереснѣйшихъ дѣлъ пришло къ намъ именно этимъ путемъ. Конечно, не обходилось и безъ комическаго элемента. Однажды мы собрались въ Маріинскомъ Дворцѣ. Присутствуютъ Керенскій и нѣсколько министровъ. Совершенно неожиданно для насъ появляются нѣсколько членовъ исполнительнаго комитета Совѣта с. и р. депутатовъ, въ томъ числѣ и соціалъ-демократъ Н. Д. Соколовъ. Прослушавъ о начинаніяхъ русской общественности, они видимо задѣты, что не получили приглашенія, и сами прикатили посмотрѣть, все ли идетъ въ должномъ порядкѣ. Какъ всегда, мнѣ приходится отвѣчать на всевозможные вопросы. На одномъ концѣ стола вижу нѣсколько знакмыхъ фигуръ, а передъ ними толстые портфели, туго набитые, какъ полагаю, попросту газетной бумагой...

Вотъ эти, по обыкновенію, будутъ загадочно говорить, гладя по портфелю, что онъ полонъ важнѣйшихъ разоблаченій. Но ихъ никто никогда не откроетъ. Имъ хочется денегъ. Они присматриваются, ищутъ повода со мною познакомиться, такъ какъ увѣрены, что у начальника контръ-развѣдки — милліоны; они не знаютъ о моей долговой распискѣ Тарасову.

Съ другой стороны стола гудитъ Соколовъ. Онъ наивно касается вопроса секретной агентуры, который у насъ никогда не подымается; Соколовъ очень категориченъ въ своихъ указаніяхъ, что я ни подъ какимъ видомъ не долженъ вербовать "освѣдомителей" въ соціалъ-демократической партіи. Впрочемъ, черезъ два мѣсяца я убѣдился, что онъ имѣлъ полное основаніе безпокоиться, если не за себя лично, то во всякомъ случаѣ за своихъ очень близкихъ друзей.

Коротко отвѣчаю Соколову, что не сомнѣваюсь, что соціалъ-демократическая партія сама мнѣ выдастъ нѣмецкаго шпіона, если бы таковой оказался среди ея членовъ. Сидящій

рядомъ со мною Главный Военный Прокуроръ генералъ Апушкинъ поспѣшно наклоняется и говоритъ: "А если хотите знать мое мнѣніе, такъ дѣлайте, что хотите, только бы добиться результатовъ".

Послѣ собранія задерживаемся съ Апушкинымъ на нѣсколько минутъ, вспоминаемъ инцидентъ, и оба начинаемъ смѣяться.

Мои помощники стараются оповѣстить всѣхъ, кого только могутъ, что въ контръ-развѣдкѣ нѣтъ жандармовъ; они ревниво слѣдятъ, чтобы на всѣхъ исходящихъ бумагахъ отчетливо стоялъ мой бланкъ офицера Генеральнаго Штаба.

Поручаю молодымъ юристамъ Щукину и Данилову открыто набирать студентовъ для выполненія самыхъ разнообразныхъ, но не сложныхъ порученій. Труды Щукина и Данилова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Студенты, особенно въ началѣ, охотно откликнулись на призывъ; они помогали намъ, въ первые трудные переходные мѣсяцы. Для ихъ организаціи мы наняли особое помѣщеніе, пригласили на жалованье изъ ихъ же среды двухъ секретарей.

Керенскій, какъ Генералъ-Прокуроръ, обѣщаетъ поддержать мою программу, но категорично возражаетъ противъ отдѣла пропаганды, который я предлагаю открыть въ противовѣсъ той, что ведется на митингахъ нашими врагами — нѣмцами. Онъ считаетъ, что этимъ отдѣломъ не можетъ руководить лицо, состоящее на службѣ; онъ говоритъ, что пропаганду поручитъ Савинкову. То былъ вопросъ общей политики, такъ никогда и не получившій своего разрѣшенія.

Въ концѣ марта посылаю Корнилову на конфирмацію первый пакетъ о высылкѣ 33 иностранцевъ — перенатурализованныхъ нѣмцевъ, которыхъ много разъ разоблачала старая контръ-развѣдка. Для высылки заграницу требуется собственноручная подпись Главнокомандующаго. Балабинъ передаетъ мнѣ по телефону, что Корниловъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ утвердилъ мои постановленія, смѣялся и приказалъ меня спросить:

— "Почему 33, а не 133?" Но на слѣдующій день его пріемная полна народу. На каждаго изъ 33 пришло по крайней мѣрѣ два негодующихъ заступника и ходатая. Корниловъ

спѣшно меня вызываетъ; начинаемъ вмѣстѣ разсматривать каждаго высланнаго въ отдѣльности.

Дѣло № 1: коммерсантъ — Бемме — скупаетъ сычуги, телячьи желудки, для выдѣлки питательнаго экстракта; пересылаетъ ихъ черезъ Данію въ Германію. Лучшіе желудки — на Волгѣ, но Бемме два года упорно ѣздитъ по прифронтовой полосѣ, все тщетно ищетъ годовалыхъ телятъ, четыре раза арестовывается и столько же разъ, за недостаткомъ прямыхъ уликъ, выпускается.

Далѣе, по дѣламъ № № 2, 3 и 4 проходимъ черезъ злостную спекуляцію на скандинавскіе, швейцарскіе и датскіе банки съ неизбѣжнымъ нѣмецкимъ оттѣнкомъ.

Корниловъ приходитъ въ ярость, не хочетъ слушать пятаго дѣла, вызываетъ адъютанта и лаконически приказываетъ передать ходатаямъ, что если бы не современное положеніе, то онъ расправился бы съ высылаемыми иначе.

3
ПЕТРОГРАДСКАЯ ТРЯСИНА

Описаніе городской обстановки начну съ неудачъ моихъ агентовъ. Они уходятъ за справками, но часто возвращаются съ пустыми руками и въ недоумѣніи докладываютъ, что въ участкахъ милиціи сразу же наталкиваются на бѣжавшихъ арестантовъ, исполняющихъ тамъ должностныя обязанности.

Нерѣдко старшіе чины контръ-развѣдки въ милиціонерахъ, стоящихъ на улицахъ, тоже узнаютъ своихъ старыхъ кліентовъ.

При моихъ поѣздкахъ въ Градоначальство меня обыкновенно встрѣчаетъ одинъ и тотъ же вопросъ помощника градоначальника, полковника Симсонъ-фонъ-Гимельшерна:

— "Что, опять пріѣхали насъ бранить?..."

Требую, чтобы мнѣ указали хотя бы двухъ или трехъ человѣкъ на участокъ, къ которымъ мы могли бы обращаться безъ риска быть спровоцированными. Контръ-развѣдкѣ нѣтъ дѣла до этого преступнаго міра; но онъ положительно заградилъ ей дорогу. Однако, Градоначальство не въ силахъ испол-

нить столь скромной просьбы. Посылаю студентовъ обходить участки для регистраціи милиціи; помогаю выкидывать отдѣльныхъ лицъ, провожу своихъ кандидатовъ.

Особенно не давались раіоны Нарвской и Спасской частей.

Уходитъ мѣсяца три, и только въ іюнѣ получаю увѣренность, что въ каждомъ участкѣ встрѣчу двухъ-трехъ надежныхъ людей.

Приблизительно къ этому времени значительные отдѣлы Градоначальства уже были закрыты, опечатаны и попали подъ судъ.

Въ эту пору изъ всѣхъ щелей выступили бойкіе авантюристы, нерѣдко съ темнымъ прошлымъ, и сообразуясь, подлаживаясь къ новымъ настроеніямъ, начали развивать бѣшеную энергію. Они первые оцѣнили новыя возможности. Градоначальство прежде всего стало жертвой именно этихъ паразитовъ. Въ его пріемныхъ, въ переднихъ высшихъ должностныхъ лицъ государства, въ кулуарахъ Совѣта кишитъ толпа добровольцевъ, пришедшихъ со всевозможными сенсаціонными предложеніями, открытіями и удивительнѣйшими разоблаченіями. Для успѣха они просятъ выдать имъ ордера на арестъ или обыскъ *).

Нѣкоторые представители власти, поддавшись искушенію, подписывали надлежащіе приказы. Но обыски въ такихъ случаяхъ заканчивались жалобами новыхъ жертвъ, что у нихъ пропали драгоцѣнныя вещи, деньги и проч. Нерѣдко выдавшіе ордера обращались ко мнѣ съ просьбою — помочь извлечь ихъ обратно. Бывали и такіе курьезы, что скомпрометировавъ себя уже въ другомъ мѣстѣ, новый радѣтель государственныхъ интересовъ являлся предлагать мнѣ свои услуги, а изъ моей пріемной попадалъ въ тюрьму.

Еще въ мартѣ Комендантское Управленіе Таврическаго Дворца проситъ меня убрать своего адъютанта. По своему прошлому, онъ оказывается болѣе чѣмъ подозрительнымъ проходимцемъ, а въ настоящемъ изобличается въ кражахъ и вы-

*) А сколько ихъ бѣгало безъ ордеровъ!

могательствахъ *). Пробую отклонить отъ себя эту честь, предлагаю съ подобными дѣлами не обращаться въ контръ-развѣдку. Но Таврическое Комендантское Управленіе, ослѣпленное отвѣтственною ролью при переворотѣ своего новаго адъютанта, никакъ не можетъ придти въ себя, что попало на бандита. Въ Таврическомъ Дворцѣ считаютъ этотъ случай дѣломъ государственной важности и просятъ ихъ выручить.

А вотъ и самъ комендантъ Петроградской Городской Управы К. Этотъ уже маркой повыше, а потому съ нимъ приходится прибѣгнуть къ старому персидскому способу: Корниловъ вызываетъ К. по службѣ къ себѣ въ кабинетъ, задаетъ ему вопросъ, а мы съ ротмистромъ Егіазаровымъ быстро снимаемъ съ него оружіе и растеряннаго сдаемъ на гауптвахту. Но тѣсенъ міръ Божій. Въ 1919 году встрѣчаю К. въ Баку, гдѣ онъ уже подъ именемъ венгерскаго графа С. выдаетъ себя за делегата Энвера-Паши, посланнаго въ Азербейджанъ для формированія какого-то турецкаго корпуса. И удиралъ же онъ отъ меня, когда я подошелъ къ нему и назвалъ его петроградскую фамилію!

Въ Градоначальствѣ, въ милиціи, въ большихъ учрежденіяхъ и гостинницахъ вы неизмѣнно встрѣчаете будто изъ земли выросшихъ комендантовъ и имъ подобныхъ. Въ февральскіе дни нѣкоторые изъ нихъ проявили лихорадочную дѣятельность, будто бы помогли продѣлать революцію и отстоять свои учрежденія отъ разгрома толпы. Всѣ они прочно пустили корни, своевременно заручившись сертификатами Таврическаго Дворца. Тѣ, кто проскочилъ въ гостинницы, благоденствуютъ: пользуются помѣщеніемъ, прекраснымъ столомъ, всячески стараются подобрать въ свои руки все предпріятіе. Только съ ихъ разрѣшенія можно получить комнату; они же командуютъ въ погребѣ и всѣхъ терроризируютъ, начиная съ администраціи.

Подобнымъ дѣятелямъ очень хотѣлось пристроиться къ контръ-развѣдкѣ: они приходили даже съ рекомендаціями.

Классомъ ниже другихъ обыкновенно представлялись про-

---

*) Морской офицеръ. Черезъ мѣсяцъ выяснилось, что состоялъ подъ судомъ за взятки во время плаванія по Амуру.

тежэ Совѣта. "Посмотрите, какой молодецъ", говоритъ мнѣ мой знакомый Б., "теперь онъ получаетъ ордера отъ Совѣта; но въ февралѣ по собственной иниціативѣ арестовалъ самого генерала Сухомлинова". Смотрю, — матросъ, по внѣшности положительно Стенька Разинъ, какимъ его можно себѣ представить. Даже жаль тратить такія силы на опальнаго при старомъ режимѣ старика.

— "Благодарю, но я выдаю ордера только моему личному составу, а принять на службу сейчасъ не могу".

Мнѣ незачѣмъ брать на фильмъ этотъ типъ, цѣлыми сворами блуждающій по столицѣ. Его гораздо лучше представятъ послѣдователи Максима Горькаго, придавъ его героямъ широкій революціонный размахъ и гарантировавъ имъ полную безнаказанность Не забудемъ, что они рыскали, драпируясь моднымъ лозунгомъ "охрана завоеваній революціи".

Всѣ вмѣстѣ взятые, разныхъ калибровъ, они съ десятью тысячами зарегистрированныхъ, что выскочили изъ петроградскихъ тюремъ, составили авангардъ тѣхъ главныхъ силъ, которыя подошли изъ Сибири и другихъ мѣстъ ссылокъ и заключеній. По всей Россіи весь старый уголовный міръ былъ выпущенъ на свободу и фатально сгустилъ первую революціонную накипь.

Я не могу пройти мимо этого коэффиціента, взятаго изъ общей формулы разложенія Россіи. Какъ бы онъ ни былъ извѣстенъ, но онъ гораздо значительнѣе, чѣмъ кажется со стороны, и много виднѣе тѣмъ, кто съ нимъ сталкивался.

Въ революціяхъ чернь, поднявъ голову, мѣстами проскакиваетъ на поверхность. Здоровыя начала съ ней борятся, только постепенно ее снимаютъ.

Но нашъ чередъ пришелъ въ разгаръ небывалой міровой войны. Нѣмцы повели наступленіе на слабомъ внутреннемъ фронтѣ такимъ бѣшенымъ темпомъ, что хронометръ исторіи не успѣлъ отсчитать своихъ положенныхъ часовъ. Болѣе того: нѣмцы поддержали именно русскій острогъ, въ которомъ большевицкая партія вербовала свои кадры, не стѣсняясь нѣмецкими деньгами. Тѣ, кто былъ въ Петроградѣ, хорошо помнятъ, изъ какихъ подонковъ состояли комитеты большевизирующихъ полковъ, ихъ ораторы, агитаторы, всевозможные

делегаты и вооруженные головные отряды. Мы не встрѣчали среди нихъ служителей идеи равенства или людей озлобленныхъ тяжелымъ трудомъ, а узнавали именно тѣхъ, кто до сего не показывался при дневномъ свѣтѣ изъ страха передъ отдѣльными статьями уголовнаго закона.

Въ хронологическомъ порядкѣ первыми показались на авансценѣ низы, лишенные моральныхъ нормъ. Большевики, какъ партія, начали пристраиваться къ нимъ только въ апрѣлѣ. Въ свою очередь, выступившіе первыми и всѣ, кто быстрѣе другихъ освободились отъ "моральныхъ предразсудковъ", хлынули именно къ тѣмъ, кто могъ навсегда забыть ихъ старый, порочный активъ.

Въ Петроградъ свободно ѣхали со всѣхъ концовъ земли и безслѣдно въ немъ проваливались. Въ первые мѣсяцы Адресный Столъ не существовалъ; тогда какъ въ старые годы онъ выписывалъ до 30.000 новыхъ карточекъ въ день. Открыть его удалось позднѣе, и только къ іюлю довести запись до скромной цифры 7.000, столь далекой отъ систематической регистраціи. Бывали случаи, когда агенты и студенты контръ-развѣдки отбивали подрядъ цѣлые кварталы, чтобы разыскать одинъ новый адресъ. Но столь дорогой пріемъ можно было примѣнять только въ дѣлахъ большой важности, да и онъ не всегда давалъ желанный результатъ.

Визы для выѣзда заграницу ставило Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, предварительно запрашивая Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Послѣднее давало заключенія самостоятельно, не считаясь съ тѣмъ, что половина его архива въ 1916 году переѣхала въ Ставку, и не запрашивая даже Петроградскую контръ-развѣдку. Отъѣзжающіе добирались до Бѣлоострова, иногда до Торнео; но на каждой изъ этихъ станцій попадали на пункты, подчиненные Сѣверному Фронту и пережившіе свою довольно бурную революцію. Отсюда ихъ, за малыми исключеніями, возвращали обратно въ Петроградъ для какого-то разслѣдованія, направляя, конечно, въ мѣстный органъ — въ мое отдѣленіе. Такъ продолжалось довольно долго, пока Потаповъ, наконецъ, не согласился, чтобы при немъ по утрамъ ежедневно состоялъ мой представитель.

Что касается комендантовъ Торнео и Бѣлоострова, то эти

почему-то всегда и даже черезчуръ ретиво бросались исполнять мои приказанія.

Заграницу могъ ѣхать только опальный классъ; выѣздъ былъ скорѣе затрудненъ. Но зато для въѣзда въ свободную Россію революція разбила всѣ заставы. Къ намъ возвращались политическіе эмигранты; поэтому Временное Правительство, по требованію Совѣта с. и р. депутатовъ, распорядилось впускать рѣшительно всѣхъ. Наши студенты предназначались прежде всего для эмигрантовъ. Казалось бы, нѣтъ ничего обиднаго, если васъ встрѣтятъ именно студенты, а не подозрительные чиновники или милиціонеры, и зададутъ три самыхъ невинныхъ вопроса: кто вы? гдѣ остановитесь? и кого знаете въ Петроградѣ? Наши противники-нѣмцы заставляли пріѣзжающаго проходить длинный рядъ экзаменовъ, сажали его въ самую настоящую химическую ванну изъ опасенія, что у него на кожѣ могутъ быть сдѣланы записи.

Я поставилъ для начала всего три вопроса; но и они были приняты за орудія пытки. Въ лучшемъ случаѣ студентамъ грубо отвѣчали по третьему пункту — "кого вы знаете въ Петроградѣ?", называя при этомъ какое-нибудь общеизвѣстное имя въ родѣ: "Керенскій" или "Чхеидзе". Обыкновенно же раздавались истерическіе вопли: "Мы пріѣхали въ свободную Россію, а насъ встрѣчаетъ охранка!" И легко себѣ представить, какъ наша идейная молодежь разсыпалась въ разныя стороны подъ улюлюканіе толпы. Въ тѣ времена лучше было попасть подъ ружейный огонь, чѣмъ получить въ общественномъ мѣстѣ кличку охранника.

Можетъ быть, эмигранты имѣли право стать нервнобольными послѣ всѣхъ невзгодъ, перенесенныхъ за долгіе годы изгнанія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что всякій, кто пожелаетъ поѣхать въ Россію, будь то шпіонъ, не только обязатеельно получитъ визу, но можетъ, строго сохранивъ свое инкогнито, отплыть съ Финляндскаго вокзала въ неизвѣстномъ направленіи. Поэтому — послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ самомъ Петроградѣ, я сталъ посылать студентовъ въ Бѣлоостровъ. Тамъ не было толпы; туда никогда не пріѣзжали для встрѣчъ именитые члены Совѣта с. и р. депутатовъ, и дѣло пошло много лучше. Бывали случаи, когда въ Бѣлост-

ровѣ группы эмигрантовъ сами просили обратить вниманіе на отдѣльныхъ лицъ, приставшихъ къ нимъ по дорогѣ. Нѣкоторымъ изъ такихъ привелось изъ вагона прямо попасть подъ замокъ. Но на долго ли?.. Петроградская толпа періодически стала разбивать двери всѣхъ домовъ заключенія. Каждое отмѣтное шествіе по улицамъ, новый день большихъ демонстрацій приносили свободу нѣмецкимъ избранникамъ, запертымъ всего лишь наканунѣ. Теперь двери уже разбивались отнюдь не для освобожденія политическихъ заключенныхъ: такихъ совсѣмъ не было, потому что до іюльскаго возстанія не допускалось ни одного политическаго преслѣдованія.

По такой системѣ въ дѣлахъ контръ-развѣдки установился своеобразный полный оборотъ: около мѣсяца на разслѣдованіе и задержаніе, не болѣе мѣсяца заключенія, затѣмъ разгромъ, свобода, старая исходная точка и т. д. И завертѣлась контръ-развѣдка, какъ бѣлка въ колесѣ.

Чувствую, что на этотъ разъ уже окончательно пріѣхали въ тупикъ.

Обращаюсь въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Директоръ Департамента разводитъ руками, проситъ немного подождать. Онъ говоритъ, что перевести дома заключенія сейчасъ положительно некуда, что, согласно общей директивѣ, народу предоставлено сконструировать власть на мѣстахъ; что руководящіе принципы новаго творчества уже разрабатываются Министерствомъ. Часть ихъ, дѣйствительно, приводилась въ печати въ послѣднихъ числахъ апрѣля; но обѣщаній, даже подкрѣпленныхъ свѣтлыми принципами, намъ недостаточно. Провожу недѣлю въ полной безнадежности, въ сознаніи, что вся дѣятельность контръ-развѣдки теряетъ смыслъ.

Послѣ новаго разгрома тюрьмы ѣду опять въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, а оттуда прямо къ министру и Главѣ Государства — князю Львову. Прошу его увозить изъ Петрограда въ болѣе спокойное мѣсто тѣхъ заключенныхъ, дѣла которыхъ я передаю прокурору Палаты. Князь Львовъ обѣщаетъ срочно разсмотрѣть вопросъ и извѣстить меня о принятыхъ мѣръ. Черезъ два дня директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ привозитъ вполнѣ искренній отвѣтъ: “Не спрашивайте съ насъ: мы безсильны что-либо сдѣлать! Вы не може-

те себѣ представить того развала, который идетъ по всей Россіи! Но мы хотимъ вамъ предложить: выберите сами любо мѣсто Россіи, гдѣ хотите; посылайте туда съ вашими караулами кого хотите; и устраивайте ихъ тамъ, какъ хотите. Мы не будемъ вамъ препятствовать".

Вотъ спасибо! До такой импровизаціи я бы никогда не додумался. Какіе тамъ могутъ быть споры, что насъ не касаются функціи другихъ министерствъ!

Денегъ нѣтъ; подымать вопросъ о кредитахъ безполезная трата времени. Выбираю районъ, далекій отъ всякихъ стратегическихъ направленій; прошу Министерство Путей Сообщенія указать мнѣ какую-нибудь строющуюся вѣтку на Уралѣ, гдѣ нужны рабочіе. Со старыми коллегами-путейцами сговариваюсь въ одинъ день: вѣтка налицо, а еще больше желаніе выручить.

Въ концѣ мая провожаю первую партію. Ее везутъ такъ называемые солдаты, т. е. мужики, зачисленные въ полки Петроградскаго гарнизона. Путевыя довольствія въ общей суматохѣ выписываются за счетъ полковъ. Отношеніе этихъ конвойныхъ командъ къ обличаемымъ въ шпіонствѣ самое брезгливое. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлъ свѣдѣнія о благополучномъ прибытіи; но охотно допускаю, что были и такіе случаи, когда измѣнялись маршруты или съ полдороги покупались обратные билеты *).

Конечно, такимъ путемъ нельзя было спрятать отъ петроградскихъ демонстрацій всѣхъ, кого мы преслѣдовали. Но тѣ, кто въ ожиданіи суда испытывали на Уралѣ нѣкоторыя неудобства, безспорно заслуживали худшей участи. Постановленія контръ-развѣдки были всегда сугубо мотивированными. Прокурорскій надзоръ не переставалъ благодарить моихъ юристовъ за обстоятельность разслѣдованій и обоснованность обвиненій. Не было случая, чтобы нашимъ опытнымъ слѣдователямъ предложили пересмотрѣть статью обвиненія.

Можно себѣ представить, какой гулъ поднялъ бы Совѣтъ с. и р. депутатовъ, если бы узналъ о зарождающемся новомъ

---

*) Всего уѣхало четыре партіи. Съ послѣдней закончилась и моя "система" административныхъ высылокъ!..

поселеніи, и съ какимъ торжествомъ издалека посмотрѣлъ на насъ Аракчеевъ. Но представителямъ закона мы отвѣтимъ: у насъ отмѣнили во время войны смертную казнь измѣнникамъ.

Положніе верховнаго блюстителя закона, Генералъ-Прокурора Переверзева было, въ сущности, безнадежное. Его неудачи начинаются съ первыхъ же дней, когда онъ, какъ прокуроръ Судебной Палаты, пробуетъ бороться съ самоуправствомъ. Его заявленія, что онъ одинъ представитель закона, въ лучшемъ случаѣ обходятъ молчаніемъ. Но зато иногда приходятъ отвѣты, составленные въ самыхъ нецензурныхъ выраженіяхъ заборной литературы, въ родѣ той телеграммы, которую онъ получилъ отъ перваго президента первой Шлиссельбургской республики. Помню, насъ обоихъ даже удивило, какъ это почта могла пропустить подобный текстъ.

На память приходитъ его выѣздъ въ республику Кронштадтъ для спасенія отъ линчеванія морскихъ офицеровъ. Троцкій и Луначарскій, такъ много потрудившіеся за независимость Кронштадта, имѣли здѣсь своего достойнаго сподвижника — Рошаля. Этотъ по началу былъ студентомъ, укралъ партійныя деньги, а, убѣгая отъ суда, искалъ спасенія у большевиковъ. Въ красной арміи и по сіе время сохраняется полкъ славнаго имени Рошаля.

Переверзевъ ѣдетъ въ Кронштадтъ, требуетъ отъ Комитета выдачи ему морскихъ офицеровъ. Переговоры протекаютъ очень успѣшно; но къ вечеру появляется Рошаль, послѣ чего дебаты сразу принимаютъ иное направленіе. Рошаль обѣщаетъ подчиниться только волѣ всего народа. Поддержанный Комитетомъ, онъ требуетъ, чтобы Переверзевъ вышелъ на большой митингъ, устраиваемый на другой день утромъ на Якорной площади. Тамъ, молъ, будутъ вынесены всенародныя рѣшенія, которыя для всѣхъ обязательны. При этомъ въ предложеніяхъ Рошаля какая-то неясность: будетъ ли народъ обсуждать только офицерскій вопросъ, или пожелаетъ, чтобы Переверзевъ раздѣлилъ судьбу офицеровъ. Переверзеву ничего не остается, какъ согласиться. Двери дома, гдѣ происходили засѣданія, какъ будто случайно занимаются вооруженными матросами, а Рошаль уходитъ наладить свободное выраженіе

народной воли. Переверзева спасаетъ только находчивость его секретарей, особенно Данчича, которому ночью посчастливилось вытащить его изъ Кронштадта.

Черезъ нѣсколько дней кронштадтцы все же отпустили небольшую часть — человѣкъ 20 офицеровъ, конечно, подъ обѣщаніе самаго строгаго суда надъ ними. Они привозятъ эту партію въ истерзанномъ видѣ въ Петроградъ, сажаютъ въ Комендантское Управленіе на Садовой; но здѣсь возникаютъ новыя трудности. "Не придумаю, что дѣлать съ этими офицерами", какъ-то говоритъ мнѣ Переверзевъ, "самое лучшее для нихъ было бы подъ какимъ-нибудь предлогомъ исчезнуть изъ Петрограда. Но кронштадтцы держатъ круглыя сутки свои патрули по Садовой, осматриваютъ всѣхъ, выходящихъ изъ Комендантскаго Управленія. Обѣщаю имъ сослать офицеровъ безъ суда, напримѣръ, въ Сибирь; но матросы именно этого и боятся, такъ какъ вполнѣ освѣдомлены, что происходитъ въ Сибири". Однако, время и статское платье сглаживаютъ последнее препятствіе, и всѣ 20 человѣкъ постепенно исчезаютъ.

Получивъ портфель министра юстиціи, Переверзевъ продолжаетъ искать практическихъ рѣшеній. Какъ-то, въ моемъ присутствіи, едва вступивъ въ должность, онъ однимъ росчеркомъ пера замѣтно сократилъ сферу дѣятельности Чрезвычайной Комиссіи Муравьева и одновременно выдвинулъ проектъ новаго закона о специальномъ ускоренномъ судопроизводствѣ. "Вотъ гдѣ мнѣ эта комиссія", говоритъ новый министръ, дѣлая выразительные жесты выше головы. Какой вызовъ тѣмъ, чье больное воображеніе видитъ вездѣ и во всемъ контръреволюцію... А вѣроятнѣе всего — оффиціальное объявленіе мира между небольшимъ "прогрессивнымъ блокомъ" и тѣми интеллигентными силами всей страны, что служили старому порядку и безъ которыхъ не могло строиться новое государство? Нѣтъ сомнѣнія — крушеніе монархіи ошеломило громадную часть послѣднихъ: потребовалось извѣстное время, чтобы они, переломивъ психологію, вступили на путь своего лояльнаго творчества. Въ этой средѣ мы видимъ и Потаповыхъ, ожидающихъ новыхъ междувѣдомственныхъ инструкцій; среди нея встрѣчаемъ и тѣхъ, кто съ трудомъ отходилъ отъ паники.

Помню свои поѣздки за справками, когда подбиралъ лич-

ный составъ контръ-развѣдки. Помню растерянныя лица у всѣхъ семей и квартирантовъ, выбѣгающихъ на звонки въ переднюю, испуганныхъ, дрожащихъ, встрѣчающихъ меня — всего-то штабного офицера — увѣреніями, что главы семьи нѣтъ дома. Уходило не мало времени, прежде чѣмъ показывался самъ хозяинъ и, къ общему удовольствію, понявъ цѣль визита, съ радостью давалъ мнѣ характеристику одного изъ своихъ знакомыхъ.

Наконецъ, прыжокъ изъ абсолютной монархіи въ бездонную республику требовалъ времени для приведенія въ равновѣсіе тѣхъ міровоззрѣній, которыя привыкли оставаться въ точныхъ границахъ закона.

Такъ или иначе, но выступленіе лойяльнаго и дѣеспособнаго большинства, того самого, которое намъ оставила исторія, слегка задерживается.

Но власть не въ состояніи обезпечить ему свободный путь. Она спѣшитъ отмѣнить старые законы съ тѣми институтами, которые обезпечивали ихъ примѣненіе; а дерзкіе захватчики смѣются надъ тезисами и резолюціями: ихъ можетъ сбросить только штыкъ. Въ столицѣ штыковъ, дѣйствительно, много; но всѣ они въ лучшемъ случаѣ воткнуты въ землю.

Передъ глазами проходитъ наша маленькая драма контръ-развѣдки. Изъ прежней тѣсной квартиры на Знаменской мы перешли въ большой домъ Императорскаго Конвоя на Воскресенской набережной, гдѣ заняли два нижнихъ этажа. Третій этажъ предназначался для какого-то второстепеннаго отдѣла Штаба Округа и временно пустовалъ. Въ первыхъ числахъ іюня, въ одно прекрасное утро пріѣзжаю и глазамъ не вѣрю: верхній этажъ занятъ "Боевымъ отдѣломъ Литейной части партіи большевиковъ". Сюда уже перевезены всѣ доспѣхи, какъ флаги, плакаты, брошюры и арсеналъ; тутъ блестятъ и поднятые штыки. Все, что угодно, но не мириться же съ присутствіемъ въ вашемъ домѣ той самой партіи, о которой вы уже полнымъ ходомъ ведете разслѣдованіе. Всѣ мои люди наружнаго наблюденія попадаютъ подъ обзоръ противника, не говоря уже объ удобствахъ общаго подъѣзда, внутреннихъ сообщеній и митинговъ передъ домомъ.

Такъ и просидѣли надъ головой до іюльскаго возстанія.

Ѣздилъ къ Главнокомандующему и просилъ ихъ убрать. Половцевъ самъ уговаривалъ казаковъ, а для привлеченія пѣхотныхъ солдатъ посылалъ меня къ своему помощнику по политическимъ дѣламъ Округа — Козьмину. Оба получили одинаковый отказъ: части не пошли; тутъ и политика, и, въ сущности, обязанности судебнаго пристава, и полиціи, которымъ не мѣсто въ свободномъ государствѣ. Половцовъ посовѣтовалъ мнѣ поѣхать къ Дутову, пресѣдателю обще-казачьяго союза. Обращался къ Дутову, наконецъ, къ своимъ старымъ пріятелямъ прямо въ полки, и искренно пожалѣлъ, что не успѣлъ обучить ружейнымъ пріемамъ чиновъ контръ-развѣдки. Именно этого намъ не хватало.

Стоитъ ли приводить оскорбленія, которыя получалъ Переверзевъ, когда требовалъ отъ штабъ-квартиры большевиковъ очищенія дома Кшесинской? Къ нему безцеремонно являлся съ отказомъ юрисконсультъ партіи большевиковъ, членъ исполнительнаго комитета Совѣта с. и р. депутатовъ Козловскій. "Первый разъ вижу его безъ шапки", сказалъ я Переверзеву, встрѣтивъ Козловскаго въ министерской пріемной, "когда онъ во главѣ цѣлой банды врывается съ наглыми криками и угрозами въ мою пріемную, онъ никогда не снимаетъ шляпы".

Но зачѣмъ искать примѣры среди тѣхъ трудныхъ случаевъ, когда самоуправство прикрывалось лѣвыми лозунгами. Вотъ передо мной военный агентъ, румынскій полковникъ. Его дѣло много проще, и въ немъ нѣтъ никакой политики. Кстати, это и было единственное дѣло, не имѣвшее никакого отношенія къ контръ-развѣдкѣ и которое въ свою очередь выпало на мою долю.

Крупный биржевой дѣлецъ Филотти бѣжалъ изъ Румыніи съ нѣсколькими милліонами чужихъ денегъ; само собой, онъ не могъ выбрать болѣе удобнаго убѣжища, какъ Петроградъ. Румынскій полковникъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о пребываніи Филотти. Онъ объѣздилъ всякаго рода милиціи, градоначальство, даже министерства, и вездѣ на просьбу помочь ему захватить Филотти получалъ отказъ. Ему отвѣчали, что заняться поимкой некому *)

---

*) Чтобы представить себѣ состояніе Петрограда, обращаю вниманіе на это показаніе посторонняго лица.

И действительно, вопросъ о формированіи уголовной милиціи былъ поднятъ только 2-го іюля.

Военный агентъ ѣдетъ къ Главнокомандующему, объясняетъ свои безплодные поиски власти, проситъ содѣйствія. Корниловъ указываетъ ему на меня, предупреждая, какъ говоритъ мнѣ военный агентъ, что если я не помогу, то ему не стоитъ никуда обращаться.

Поручаю дѣло Данилову. Молодой, увлекающійся. способный юристъ, Даниловъ никогда не могъ успокоиться, пока не справится съ принятымъ на себя разслѣдованіемъ. Онъ беретъ двухъ агентовъ, проваливается на 36 часовъ и возвращается съ Филотти, скрывавшимся по подложному паспорту Фроскатти. Даниловъ въ пыли, похожъ на трубочиста; военный агентъ ликуетъ. "Вотъ что", говорю я ему, "вы видите, мы поймали Филотти. Такъ я вамъ его дарю. Мои люди сейчасъ доставятъ его къ вамъ въ миссію, и дѣлайте тамъ съ нимъ что хотите. А пожелаете, такъ увозите его къ себѣ на родину". — "Я даже не смѣлъ просить васъ о такой любезности", снова благодаритъ румынскій полковникъ. Какой странный человѣкъ! Да тутъ нѣтъ никакой любезности: я просто не хочу каждый мѣсяцъ терять время на новые розыски Филотти или посылать Данилова сопровождать его до румынской границы.

Какъ внимательно ни перечитывать страницы первыхъ четырехъ мѣсяцевъ революціи, мы не найдемъ въ нихъ слѣдовъ о принятіи мѣръ защиты противъ лѣвой политической опасности. Февральскимъ побѣдителямъ она была невидна. Они долго продолжаютъ съ испугомъ оглядываться только назадъ, на тѣхъ, кто нагналъ на нихъ страху за прошлую эпоху. Вотъ для этого-то направленія Совѣтъ с. и р. депутатовъ открываетъ свой отдѣлъ по борьбѣ съ контръ-революціей.

И какъ разъ обратно, по другую сторону — свобода мнѣній и пропаганды зорко охраняются самой Верховной Властью. Тутъ отдѣльные ея представители просто отказываются отъ самыхъ лояльныхъ методовъ политической борьбы, принятыхъ въ Европѣ, считая ихъ за нарушеніе объявленныхъ вольностей.

Первый министръ юстиціи Керенскій разсказываетъ

мнѣ, что къ нему обратились гимназисты и гимназистки съ просьбой разрѣшить имъ устроить демонстрацію Ленину противъ дома Кшесинской. "Я запретилъ демонстрацію", говоритъ Керенскій, "въ свободной странѣ — свобода слова"... Но почему же, чтобы не мѣшать Ленину, можно въ томъ же самомъ отказать русской молодежи?!

Временное Правительство вычеркиваетъ всѣ статьи закона о ниспроверженіи существующаго строя. Старый строй только что ниспровергнутъ, и какъ будто неловко новой власти на первыхъ же шагахъ искать виновныхъ въ нарушеніи этихъ статей. Да совсѣмъ и недостаточно приказать вернуть законъ изъ архива. Прокуроръ не имѣетъ вооруженной силы для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій; онъ не можетъ найти и одной винтовки. Въ его распоряженіи нѣтъ организаціи для охраны существующего порядка, безъ которой не обходится ни одно государство. Вотъ когда по-истинѣ можно сказать, что охранка отомстила революціи послѣ своей смерти. Самое названіе, даже мысль о политической полиціи не допускается къ открытому обсужденію, — мы о нихъ толковали только въ тиши кабинета.

Но уже второй министръ юстиціи Переверзевъ проситъ меня показать нѣсколькимъ изъ его людей методъ поисковъ и разслѣдованій контръ-развѣдки. "Пусть Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не рѣшается; я открою политическій отдѣлъ при Министерствѣ Юстиціи". Однако, новая постройка не ладится. Черезъ нѣсколько недѣль собирается конфиденціальное засѣданіе: Переверзевъ, нач. Ген. Штаба Романовскій, Половцовъ, Балабинъ, я и Мироновъ. Послѣдній — очи и уши Керенскаго; я его вижу уже второй разъ. Наша первая встрѣча носила скорѣе комическій характеръ. Балабинъ какъ-то предупредилъ меня, что ко мнѣ пріѣдетъ довѣренный Керенскаго, котораго тотъ проситъ принять. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней открывается дверь, входитъ Мироновъ и спрашиваетъ: "Скажите, вы занимаетесь провокаціей?"... Я предоставляю каждому привести за меня тотъ единственный отвѣтъ, который можно услышать на подобный вопросъ.

Мироновъ былъ переутомленъ интересными археологиче-

скими раскопками, которыя производилъ въ нѣдрахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; вѣроятно, этимъ можно было объяснить его выступленіе не на тему на памятномъ конфиденціальномъ и короткомъ засѣданіи. Переверзевъ сообщаетъ намъ, что въ его политическій отдѣлъ никто не идетъ. Вдругъ, къ общему удивленію, Мироновъ мрачно и неожиданно нападаетъ на меня: "А все-таки въ вашей контръразвѣдкѣ вы оставили охранниковъ..." — Рѣзко отвѣчаю, что мнѣ уже довольно этихъ угрозъ отъ Совѣта с. и р. депутатовъ; что личный составъ контръ-развѣдки — моя гордость и въ ней нѣтъ ни одного охранника. Затѣмъ обращаюсь къ Переверзеву и говорю, что онъ никогда не наберетъ людей въ свой политическій отдѣлъ, пока будетъ продолжаться не только безполезная, но вредная для государства травля лицъ, служившихъ въ политической полиціи. Переверзевъ заявляетъ, что онъ попытается остановить кампанію прессы, ведущуюся въ этомъ направленіи. И дѣйствительно, на другой день изысканія въ архивахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ прекращаются, а проскрипціонные списки исчезаютъ со столбцовъ газетъ.

Однако, всѣмъ нашимъ начинаніямъ было суждено повиснуть въ воздухѣ. Черезъ три недѣли послѣ іюльскаго возстанія всѣ, присутствовавшіе на памятномъ засѣданіи, ушли отъ власти, кромѣ Миронова, который такъ и продолжалъ до 25-го октября душить "контръ-революцію".

Исполнительный Комитетъ Совѣта с. и р. депутатовъ съ его министрами упорно смотрѣли на полярную звѣзду, спорили и не отдавали себѣ отчета въ той жуткой дѣйствительности, которая видна была тѣмъ, кому было приказано спуститься на землю.

4

ВОЙСКА

Революція пришла въ армію съ тыла.

Возьмемъ начало военной катастрофы такъ, какъ его записала телеграфная лента разговора 3-го марта между новымъ военнымъ министромъ Гучковымъ и начальникомъ шта-

ба верховнаго главнокомандующаго генераломъ Алексѣевымъ. Подлинная лента этого разговора изъ Петрограда съ Могилевомъ лежитъ у меня на столѣ передъ глазами. Ее прислалъ Гучковъ Великому Князю Михаилу Александровичу.

Вотъ она *):

" здѣсь у апп. **) военный министръ александръ ивано-
" вичъ гучковъ. проситъ начальника штаба верховн. главно-
" ком. ***) подойти къ аппарату. здравія желаю алек-
" сандръ ивановичъ у аппарата алексѣевъ. не имѣя воз-
" можности говорить съ предсѣдателемъ государственной
" думы ****) я очень прошу взять на себя передачу ему
" серьезнѣйшаго для арміи вопроса сегодня въ 6 часовъ
" утра м. в. родзянко *****) просилъ меня задержать об-
" народованіе манифеста 2-го марта точка хотя манифестъ
" этотъ дошелъ только до высшихъ начальствующихъ лицъ
" но этимъ вопросъ въ отношеніи арміи совершенно не рѣ-
" шенъ скрыть актъ столь великой важности въ жизни рос-
" сіи немыслимо онъ долженъ быть безотлагательно обна-
" родованъ въ установленномъ порядкѣ точка слухъ о немъ
" просочился уже въ войсковую среду и въ населеніе гу-
" берній фронта точка главнокомандующіе въ теченіе все-
" го дня настоятельно указываютъ что дальнѣйшее промед-
" леніе объявленія войскамъ содержанія этого акта можетъ
" теперь же повлечь за собою сначала недоумѣніе а потомъ
" послѣдствія весьма грозныя — этотъ голосъ всѣхъ стар-
" шихъ начальствующихъ лицъ долженъ быть услышанъ въ
" петроградѣ они доносятъ о томъ что стало болѣзненнымъ
" вопросомъ для всей дѣйствующей арміи точка выходъ
" долженъ быть найденъ путемъ соглашенія съ лицомъ дол-
" женствующимъ вступить на престолъ — совершенно не

*) Княгиня Н. С. Брасова предоставила мнѣ ленту для напечатанія.
**) Аппарата.
***) Верховнаго Главнокомандующаго.
****) Слова Алексѣева.
*****) Предсѣдатель Государственной Думы.

" исключена возможность выработки по успокоенію страны
" всѣхъ подробностей того или иного государственнаго уст-
" ройства точка нужно памятовать что борьба съ внѣшнимъ
" врагомъ въ данное время все же остается главнѣйшею
" обязанностью каждаго русскаго человѣка точка распа-
" тавъ же дѣйствующую армію скрывая отъ нея истину и
" дѣйствительныя намѣренія правительства мы подготовимъ
" себѣ печальную участь точка главнокомандующіе едино-
" гласно свидѣтельствуютъ что сегодня или завтра крайній
" срокъ освѣдомленія войскъ о чемъ я донесъ и великому
" князю николаю николаевичу ожидая его указаній точка
" второй вопросъ до настоящаго времени правительство
" принявъ власть въ свои руки не желаетъ обратиться къ
" дѣйствующей арміи съ горячимъ воззваніемъ выполнять
" свой святой долгъ заключающійся въ упорной борьбѣ съ
" внѣшнимъ врагомъ — желательно также воззваніе къ на-
" роду чтобы онъ спокойно продолжалъ свою дѣятельность
" напрягая всѣ силы къ той же общей великой цѣли точка
" третій вопросъ считаю себя обязаннымъ настоятельно
" просить чтобы всѣ сношеніями съ арміями всѣ распоря-
" женія органовъ правительства велись только черезъ ввѣ-
" ренный мнѣ штабъ и по второстепеннымъ вопросамъ че-
" резъ главнокомандующихъ точка только при этомъ усло-
" віи мы сохранимъ столь важные для арміи устои подчи-
" ненности и порядка безъ какихъ нѣтъ вооруженной силы
" точка возвращаясь къ первому вопросу полагаю вполнѣ
" возможнымъ въ первомъ манифестѣ новаго царствованія
" объявить о томъ что окончательное рѣшеніе вопросовъ го-
" сударственнаго управленія будетъ выполнено въ согласіи
" съ народнымъ представительствомъ хотя бы по окончаніи
" войны или наступленія успокоенія точка для прочности
" нравственной и боевой нашихъ войскъ это вопросъ исклю-
" чительной важности и не допускающій никакого отлага-
" тельства — пять милліоновъ вооруженныхъ людей ждутъ
" объясненія совершившагося —
"пока кончилъ алексѣевъ

“ 3 марта 18/2 минутъ

“ здравствуйте михаилъ васильевичъ отвѣчаю вамъ *) по “ пунктамъ первое манифестъ 2-го марта былъ переданъ “ мнѣ государемъ вчера вечеромъ во псковѣ — обнародо- “ ваніе его петроградѣ встрѣтило препятствіе въ томъ что “ великій князь михаилъ александровичъ посовѣтовавшись “ съ составомъ совѣта министровъ вопреки моему мнѣнію и “ мнѣнію милюкова рѣшилъ отказаться отъ престола точка “ предполагается одновременное обнародованіе какъ мани- “ феста 2-го марта такъ и манифеста 3-го марта объ отка- “ зѣ со сторооны михаила александровича точка обнародо- “ ваніе обоихъ манифестовъ произойдетъ въ теченіи пред- “ стоящей ночи точка у власти остается временное прави- “ тельство съ княземъ львовымъ во главѣ и въ составѣ вамъ “ извѣстномъ до созыва учредительнаго собранія которому “ надлежитъ разрѣшить окончательно вопросъ о государст- “ венномъ устройствѣ точка срокъ созыва собранія не опре- “ дѣленъ точка пунктъ второй воззваніе къ арміи будетъ “ безотлагательно составлено точка пунктъ третій ваше со- “ вершенно справедливое желаніе чтобы сношенія дѣй- “ ствующей арміей производились исключительно черезъ “ ставку или черезъ главнокомандующаго съ допускомъ “ исключенія только по мелочнымъ вопросамъ будетъ при- “ нято къ исполненію кончаю не имѣете ли что либо мнѣ “ сказать ”

“ имѣю александръ ивановичъ — неужели нельзя было “ убѣдить великаго князя принять временно до своего из- “ бранія власть это сразу внесло бы опредѣленность въ по- “ ложеніи россіи вообще въ серьезныя для данной минуты “ отношенія къ союзникамъ а главное явилось бы отлич- “ нымъ способомъ вліять на настроеніе арміи хорошимъ “ примѣромъ служитъ ревель гдѣ при полученіи первыхъ “ свѣдѣній о манифестѣ наступило успокоеніе среди флот- “ скихъ частей и соприкасающихся съ ними сухопутныхъ а “ когда появился тамъ текстъ манифеста то образовалось “ хорошее приподнятое настроеніе точка трудно предусмот-

*) Слова Гучкова.

“ рѣть какъ приметъ стоящая въ окопахъ масса мани-
“ фестъ третьяго марта развѣ не можетъ она признать его
“ вынужденнымъ со стороны теперешнюю дѣйствующую ар-
“ мію нужно беречь и беречь отъ всякихъ страстей въ во-
“ просахъ внутреннихъ вѣдь теперешній петроградскій гар-
“ низонъ разложившійся нравственно безполезенъ для ар-
“ міи — вреденъ для государства — опасенъ для петрогра-
“ да отъ этого намъ нужно сохранить всѣ части дѣйствую-
“ щей арміи ибо жестокая борьба еще далеко не законче-
“ на и каждый боецъ необходимъ отечеству — хотя бы не-
“ продолжительное вступленіе на престолъ великаго князя
“ сразу внесло бы.... *) и уваженіе къ волѣ бывшаго госу-
“ даря и готовность великаго князя послужить своему
“ отечеству въ тяжелые переживаемые имъ дни увѣ-
“ ренъ что на армію это произвело бы наилучшее бодрящее
“ впечатлѣніе а въ этомъ вѣдь теперь залогъ успѣшнаго
“ рѣшенія важнѣйшей государственной задачи — черезъ
“ полгода же все выяснится ближе лучше и всякія измѣне-
“ нія протекутъ не столь болѣзненно какъ теперь — вотъ
“ что я считаю своимъ священнымъ долгомъ добавить къ ра-
“ нѣе высказанному — слишкомъ тяжелая отвѣтственная за-
“ дача лежитъ на арміи и ея начальникахъ и нужно облег-
“ чить имъ возможность имѣть всѣ мысли и силы направ-
“ ленными противъ врага внѣшняго и спасти ихъ отъ вся-
“ кихъ колебаній точка алексѣевъ 3 марта 18 часовъ 35
“ минутъ. —

“ отвѣчаю вполнѣ раздѣляю ваши опасенія а также мнѣ-
“ ніе что въ интересахъ быстраго успокоенія страны воз-
“ вращенія ея къ нормальной жизни а также въ интересахъ
“ арміи являлось бы крайне важнымъ чтобы престолъ былъ
“ безотлагательно замѣщенъ кѣмъ-либо хотя бы временно до
“ санкціи учредительнаго собранія точка однако мои до-
“ воды никого не убѣдили и рѣшеніе великаго князя было
“ принято свободно и безповоротно точка приходится под-
“ чиниться совершившемуся факту столь громадной исто-
“ рической важности и попытаться честно и добросовѣстно

*) Пропускъ слова.

" упрочить новый строй и не допустить серьезнаго ущерба
" для арміи точка съ этимъ намѣреніемъ принялъ я пред-
" ложенный пость и приложу всѣ мои силы выполненію этой
" задачи кончаю гучковъ 6 часовъ 33 минуты "

" еще одно слово могу ли оффиціально сообщить сейчасъ
" же главнокомандующимъ что предстоящей ночью мани-
" фестъ второго марта будетъ обнародованъ.

" повторяю оба манифеста будутъ обнародованы одновре-
" менно объ этомъ можете сообщить оффиціально кончилъ
" гучковъ очень благодаренъ будьте здоровы алексѣевъ".

Аппаратъ умолкъ. Онъ точно записалъ, что еще въ 6 часовъ утра Родзянко просилъ Алексѣва задержать обнародованіе манифеста Государя объ отреченіи.

Великій Князь Михаилъ Александровичъ отрекся только послѣ полудня *).

Гучковъ, отвѣчая въ 6 часовъ вечера, объясняетъ, что обнародованіе манифеста Государя встрѣтило препятствіе въ томъ, что Великій Князь рѣшилъ отказаться отъ престола. Но телеграфная лента не даетъ отвѣта, почему же Родзянко просилъ задержать манифестъ Царя еще въ 6 часовъ утра, т. е. до отказа Великаго Князя вступить на престолъ? Изъ нея же мы достовѣрно узнаемъ, что генералы согласились — указывали крайній срокъ молчанія.

Изъ всѣхъ противорѣчій вытекаетъ неоспоримый фактъ задержанія обнародованія манифеста объ отреченіи Императора въ пользу брата — популярнаго въ странѣ, имѣвшаго за собою преданныя ему воинскія части, среди которыхъ онъ провелъ войну. Въ Петроградѣ предпочли объявить Россіи одновременно два манифеста — два отреченія.

Если бы промедленія не было, то Великій Князь до принятія рѣшенія узналъ бы по многимъ, многимъ проводамъ, въ томъ числѣ и отъ молчавшихъ генераловъ, подлинное къ нему отношеніе всей Россіи, котораго онъ не могъ знать по своей удивительной скромности въ моментъ рѣшительнаго

*) Совѣщаніе Великаго Князя съ министрами началось послѣ 10 часовъ утра.

разговора съ министрами, не желавшими, кромѣ двухъ, съ нимъ работать.

Та же телеграфная лента приводитъ точную оцѣнку петроградскаго гарнизона; но въ ней не найти слѣдовъ, какія военныя силы должны обезвредить петроградскія войска и спасти отъ нихъ тылъ, фронтъ, Верховную Власть, всю страну.

На фронтѣ — на позиціяхъ не говорили объ усталости отъ войны. За все время до катастрофы ни въ частяхъ, ни среди близкихъ друзей мнѣ никогда не приходилось услышать вопроса: "Скоро ли кончится война?.."

Въ печати иногда приводятъ нѣсколько примѣровъ отказа частей идти въ атаку, принимая ихъ за признаки революціонныхъ настроеній. Подобные случаи отказа бывали во второочередныхъ частяхъ и въ самомъ началѣ войны и всегда будутъ повторяться. Всѣ эти примѣры обыкновенно начинаются съ ошибочнаго указанія на ненадежное состояніе 7-го Сибирскаго корпуса. Запишемъ, что за послѣдніе мѣсяцы, предшествующіе революціи, позиціи его подъ Бржезанами были труднѣйшія: до противника по всему фронту 25-50 шаговъ; упорная минная война въ нѣсколькихъ пунктахъ; бомбометы, бомбочки не прекращались; наши тыловые подступы подъ ружейнымъ обстрѣломъ. Едва ли не каждыя двѣ недѣли спеціальные штурмовые баталіоны противника атаковывали отдѣльные участки. Начальникъ Штаба 7-ой арміи генералъ Н. Н. Головинъ поручалъ объѣзжать каждому изъ своихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба какой-нибудь корпусъ, а мнѣ какъ разъ выпало спеціально близко наблюдать за 7-ымъ Сибирскимъ. Командовалъ корпусомъ герой войны — старый сибирскій стрѣлокъ генералъ Ступинъ. Тяжелѣе обстановку въ позиціонной войнѣ трудно придумать. И все же полки не дрогнули: духъ героя-командира, духъ стараго русскаго солдата былъ съ ними.

Если глубокому тылу — всей странѣ тяжелы были долгіе годы испытаній и 2 милліона 400 тысячъ убитыхъ, то зато славныя традиціи полковъ Великой Арміи жили съ ними въ боевой линіи. Особенности этихъ традицій и быта войсковыхъ соединеній внесли у себя коррективъ въ общія явленія, общей революціи.

Молча переноситъ психологическій переломъ классъ военной интеллигенціи. Идеалы офицера Императорской Арміи сожжены; но воинская честь и любовь къ Россіи оставляютъ его въ окопахъ. Разстрѣливаемый съ фронта и съ тыла, онъ не допускаетъ мысли, что можно покинуть поле чести, и вездѣ, на длинномъ русскомъ фронтѣ, появляются новыя могилы, вырытыя революціей.

Первые дни Русскія Войска продолжаютъ выполнять свои боевыя заданія. На фронтѣ уже нѣтъ Императорской Арміи; но это такъ трудно понять тѣмъ, кто привыкъ считать войска за послѣднюю преграду къ выполненію своихъ плановъ. Они спѣшатъ по-своему переломить Армію; да ихъ идеологія и конечныя цѣли такъ далеки отъ военной мысли!

Агитаторы Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ несутся на фронтъ разъяснять войскамъ значеніе происшедшихъ событій; они отъѣзжаютъ ежедневно пачками, вагонами и экстренными поѣздами со всѣхъ петроградскихъ вокзаловъ.

Помню безвыходное положеніе Петроградскгао Главнокомандующаго Корнилова, когда онъ говорилъ мнѣ и Балабину объ этомъ, для него самомъ больномъ вопросѣ, которому онъ съ перваго же дня придавалъ первостепенное значеніе.

Разъяснители ѣдутъ изъ Таврическаго Дворца. Совѣтъ и слышать не желаетъ о какихъ-либо ограниченіяхъ въ этомъ направленіи. Всѣ караулы, въ томъ числѣ тѣ, что на вокзалахъ, ставятся Совѣтомъ и ему подчиняются. Даже мнѣ, чтобы снять часовыхъ съ контръ-развѣдки, потребовался ордеръ Таврическаго Дворца; а отдѣлъ нарядовъ карауловъ удалось перетащить въ Штабъ Округа уже Половцову, только черезъ три мѣсяца спустя.

Среди тучъ совсѣмъ ненужныхъ и вредныхъ наставниковъ, что двигались на фронтъ, слѣдовало поискать и тѣхъ, кто былъ снабженъ нѣмецкими инструкціями.

Для этого мы составляемъ маленькую стратегему: Главнокомандующій постарается добиться, чтобы всѣ отъѣзжающіе хотя бы являлись ему, а адъютанты будутъ составлять

списки представляющихся, затягивать пріемъ и вызывать чиновъ контръ-развѣдки. Послѣ долгихъ настояній Корнилову удается вырвать отъ Совѣта обѣщаніе направлять къ нему всѣхъ ѣдущихъ въ Армію. Но обѣщаніе это фактически не выполняется; за все время явилось всего-то нѣсколько, и то оффиціальныхъ делегацій.

Руководители изъ революціоннаго центра въ большинствѣ случаевъ осаживаются въ тылу армій, гдѣ встрѣчаютъ своихъ коллегъ, съ безпокойствомъ смотрящихъ на западъ въ сторону фронта. Здѣсь уже дѣло налаживается въ большомъ масштабѣ. Запасные баталіоны превращаются въ школы, гдѣ читается и проходится на практикѣ полный курсъ развала арміи. Идейное руководство центра торопится отмѣнить начала дисциплины; для этого отдѣльные его представители выпускаютъ изъ комнаты Таврическаго Дворца военный приказъ № 1 — въ старой, заграничной редакціи; его проводитъ предсѣдатель собранія — убогій Н. Д. Соколовъ, близкій другъ и оффиціальный покровитель зарегистрированнаго шпіона — очень неубогаго, хитраго Козловскаго.

Запасные баталіоны посылаютъ изъ провинціи въ боевую линію сотни тысячъ пополненій, только что прошедшихъ курсъ разрушенія и принимающихъ на себя роль инструкторовъ.

Мнимая опасность у однихъ, реальная угроза лѣвому крылу и, наконецъ, настойчивыя требованія свободъ — все вмѣстѣ двигаетъ революціонную мысль въ одномъ направленіи.

Временное Правительство, любуясь свѣтлыми идеалами, отмѣняетъ смертную казнь: въ его составѣ нѣтъ военнаго. Не всѣ, но большинство министровъ, грозятъ уходомъ "въ отставку", если прольется хоть одна капля крови *).

Послѣ первыхъ потрясеній появляются большевики, которые на нѣмецкія деньги заостряютъ агитацію о захватѣ земель и прекращеніи войны.

Нѣсколько такъ называемыхъ младо-турокъ, ведомыхъ

---

*) Чтобы избѣжать остраго угла, я не называю фамилій тѣхъ и другихъ.

горнымъ инженеромъ Пальчинскимъ, задумываютъ спасти положеніе, поставивъ во главѣ Военнаго вѣдомства самаго популярнаго въ то время оратора, и ѣдутъ къ Керенскому. Одинъ изъ нихъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи, что имъ пришлось поѣхать нѣсколько разъ, такъ какъ при первомъ визитѣ Керенскій былъ буквально ошеломленъ столь неожиданнымъ предложеніемъ.

Представители соціалистическихъ партій стоятъ за продолженіе войны; но причиненное зло уже не исправить уговариваніемъ.

Однажды, проходя по заламъ Маріинскаго Дворца, я остановился посмотрѣть, какъ Керенскій принималъ одну изъ многочисленныхъ делегацій солдатъ съ фронта. Правая рука военнаго министра забинтована; онъ раздаетъ рукопожатія лѣвой рукой и произноситъ рѣчь, въ которой говоритъ, что русская армія получила столько свободъ, какихъ не имѣетъ ни одна армія въ мірѣ, и что теперь пора вернуться къ боевымъ дѣйствіямъ.

Переходъ въ наступленіе вызываетъ Тарнопольскія, Калушскія и другія катастрофы. Онѣ были необходимы, чтобы доказать очень многимъ въ Петроградѣ и заграницей, что скопища вооруженныхъ людей, надѣленныхъ всѣми свободами ,не надо разсматривать, какъ армію.

Невольно вспоминаю, какъ еще въ мартѣ на меня едва не набросились съ кулаками три нашихъ "младо-турка", когда я имѣлъ неосторожность сказать, что война кончена.

16 іюля возстанавливается законъ о введеніи смертной казни на фронтѣ. Обсужденіе боевыхъ приказовъ въ митинговомъ порядкѣ затихаетъ; большая часть солдатъ начинаетъ вспоминать о дисциплинѣ; а солдатская накипь безъ особаго сопротивленія переливается въ тылъ, для котораго страшный законъ остается отмѣненнымъ.

Но всѣ усилія по возрожденію только одной военной зоны совершенно безполезны, если не привести въ порядокъ и тылъ. Они не могутъ спастини фронта, ни тѣмъ болѣе всей страны.

Верховный Главнокомандующій Корниловъ получаетъ серію обѣщаній и отказовъ Верховной Власти о возстановленіи

закона о смертной казни для тыла арміи и проведенія твердыхъ реформъ на фронтѣ.

Изъ всей лѣвой группы соціалистовъ подымается въ защиту закона только Церетели. На бурномъ собраніи при обсужденіи этого вопроса, онъ одинъ противъ нѣсколькихъ сотъ голосуетъ за смертную казнь въ столицѣ; только ему одному какъ будто не страшны воспоминанія о другихъ революціяхъ, когда построившіе эшафотъ сами восходили на него впослѣдствіи.

Наконецъ, Корниловъ, съ согласія Временнаго Правительства и Управляющаго Военнымъ Министерствомъ, двигаетъ кавалерійскія части къ Петрограду для проведенія въ столицѣ военнаго положенія, но въ послѣднюю минуту становится жертвой великой провокаціи и направляетъ войска противъ Временнаго Правительства. Два кавалерійскихъ корпуса останавливаетъ у самой окраины Петрограда только старый престижъ Верховной Власти, сохранившійся въ провинціи.

"Да если бы мы только знали, что у васъ здѣсь дѣлается!" говорили мнѣ на другой день старые друзья — командиры головныхъ полковъ Кавказской Туземной Конной Дивизіи.

Неудача кавалерійскаго рейда вызываетъ новое потрясеніе, упрощаетъ послѣдній ходъ противника.

Совсѣмъ иначе проходятъ восемь мѣсяцевъ Временнаго Правительства для войскъ Петроградскаго Округа. Тутъ прежде всего въ ночь съ 1 на 2 марта Правительство, опять-таки молча, принимаетъ пунктъ ультиматума, предъявленнаго Нахамкесомъ, Чхеидзе и другими отъ имени Совѣта с. и р. депутатовъ и въ силу котораго оно давало обязательство о "неразоруженіи и невыводѣ на фронтъ воинскихъ чатей, принимашихъ участіе въ революціонномъ движеніи".

Всякаго рода делегаты не замедлили разъяснить войскамъ въ полкахъ и на митингахъ, что они предназначаются для "охраны революціи"; эти основныя положенія были твердо усвоены всѣми частями Округа: охраняя революцію, солдатъ спасалъ самого себя отъ отправки на фронтъ.

Трудно придумать болѣе удачное постановленіе объ охранѣ, чтобы именно погубить февральскую революцію. Въ Петроградѣ и его окрестностяхъ расквартировывалось около 300

тысячъ войскъ. Они были представлены: 16-ю гвардейскими запасными баталіонами, по 5-8 тысячъ каждый; четырьмя запасными пѣхотными полками по 15 тысячъ; техническими войсками и двумя казачьими полками. Около двухъ третей, т. е. примѣрно 200 тысячъ солдатъ было сосредоточено въ самомъ Петроградѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Итакъ, рѣшеніемъ Совѣта с. и р. депутатовъ для войскъ Петроградскаго Округа міровая война была закончена уже 2-го марта.

Эти войска завѣдомо не предназначались къ отправкѣ на внѣшній фронтъ, а привлекались къ участію въ политикѣ, какъ бы на случай междоусобной войны. Но какой войны, на какихъ внутреннихъ фронтахъ и за какія политическія программы, они узнали только черезъ восемь мѣсяцевъ. Для нихъ прежде всего исчезла идея самого формированія военныхъ частей. Полки превратились въ отряды спеціальнаго назначенія. Но и эти отряды такъ и остались безъ конкретно выраженной цѣли своего существованія.

Почти одновременно, 2-го марта, выпускается приказъ № 1, а вслѣдъ за тѣмъ 14 марта выходитъ полу-оффиціальное изданіе деклараціи правъ солдата. Оба вмѣстѣ отмѣняютъ власть начальниковъ, вводятъ комитеты, уничтожаютъ дисциплину.

Безъ идеи, безъ дисциплины, передъ нами были не войска, а вооруженная толпа, для всѣхъ одинаково опасная. Она была одѣта въ шинели, получала отъ казны продовольствіе, пользовалась казенными квартирами. Среди нея, приблизительно одинъ на четыреста, виднѣлись офицеры, которымъ пришлось взять на себя неблагодарную задачу уговаривать не увлекаться модными и пріятными лозунгами. Имъ кричали: "контръ-революція!" Среди тыловыхъ офицеровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пригорода и столичныхъ командахъ, сразу появляются революціонные коменданты изъ старыхъ и убѣжденныхъ противниковъ дисциплины. Нельзя также обойти молчаніемъ другой типъ, правда — немногочисленный, но знакомый арміи. Обыкновенно — это поручикъ, обязательно со скверной боевой репутаціей, митингующій, посылающій де-

легаціи и добивающійся выборнымъ порядкомъ должности командира полка.

Сами по себѣ отдѣльные случаи не были опасны, но зато подавали дурные примѣры, которые толкали къ быстрому разрушенію.

Уже въ концѣ марта въ Петроградѣ трудно было найти стоящихъ на часахъ солдатъ: всѣ часовые сидѣли на стульяхъ и табуретахъ, а около нихъ стояли прислоненныя къ стѣнѣ винтовки. Къ этому надо добавить, что, идя на постъ, солдатъ, никогда не забывалъ запастись сѣмечками и папиросами.

О занятіяхъ въ частяхъ можно сказать очень не много. Прежде всего, солдаты поняли, что на войну ихъ не пошлютъ, а потому самое обученіе военному дѣлу считали для себя безполезнымъ. Они не имѣли представленія о внутреннемъ фронтѣ гражданской войны; а для охраны революціи ихъ собирали на митинги, выводили на демонстраціи, и все кончалось общимъ торжествомъ и удовольствіемъ. Кромѣ того, помѣщенія въ казармахъ часто были заняты большими собраніями и митингами. Да, наконецъ, не было и дисциплинарной власти, которая бы имѣла право и могла вернуть солдата въ строй.

Праздное и безцѣльное проживаніе естественно привело къ тягѣ въ городъ. И вотъ улицы заполняются гуляющими; а болѣе практичные отправляются на вольныя работы, продаютъ газеты, сѣмечки, заводятъ свои маленькіе, переносные торговые лотки, подметаютъ улицы, преобразовываются въ носильщиковъ и даже зачисляются въ милицію.

Для усиленія офицерскаго состава, его авторитета и единенія съ солдатами, Корниловъ сталъ производить унтеръ-офицеровъ въ прапорщики по 20 на баталіонъ. Новые офицеры сразу прониклись идеей порядка; они прилагали всѣ усилія, чтобы воздѣйствовать на солдатъ, обращались съ ними по-своему, не останавливались передъ рукоприкладствомъ.

Балабинъ назначалъ для разрѣшенія всевозможныхъ личныхъ вопросовъ смѣшанныя комиссіи изъ солдатъ и офицеровъ. Въ большинствѣ случаевъ офицерамъ удавалось удер-

живать за собою руководство разслѣдованій, доводить ихъ до благополучнаго конца.

Вопросъ о реорганизаціи многотысячныхъ запасныхъ баталіоновъ въ полки нормальнаго состава былъ поднятъ Корниловымъ и проведенъ въ приказѣ. Военное Министерство согласилось на него въ принципѣ, но приступить къ переформированію не разрѣшило.

Власть Главнокомандующаго была номинальна. Петроградъ оффиціально узналъ объ этомъ 21 апрѣля. Въ этотъ день Корниловъ вызываетъ батарею и баталіонъ для защиты Верховной Власти противъ вооруженной "манифестаціи", устроенной передъ Маріинскимъ Дворцомъ. Выступленіе было организовано большевиками при участіи нѣмцевъ, какъ выяснилось по дѣламъ публициста К.-Степинъ *). Предсѣдатель Совѣта с. и р. депутатовъ Чхеидзе телеграммой отмѣняетъ нарядъ; вызванныя части остаются въ казармахъ. "Только исполнительному комитету принадлежитъ право располагать вами", пишетъ Чхеидзе въ своемъ обращеніи ко всѣмъ частямъ гарнизона. Войска послушались Чхеидзе. Права Главнокомандующаго упраздняются. Корниловъ уходитъ.

Новому Главнокомандующему Половцову съ трудомъ удается добиться компромисса, въ силу котораго приказы будутъ все же подписываться Главнокомандующимъ, но обязательно контръ-ассигноваться двумя изъ шести и точно поименованными членами исполнительнаго комитета Совѣта.

Чтобы стать ближе къ солдатамъ и въ противовѣсъ разлагающему вліянію Таврическаго Дворца, Половцовъ заводитъ такъ называемое "Совѣщаніе при Главнокомандующемъ", составленное изъ выборныхъ всего гарнизона. Здѣсь на собраніяхъ, руководимыхъ Балабинымъ, делегаты полковъ охотно слѣдовали сдерживающему призыву разумныхъ указаній. Совѣщаніе при Главнокомандующемъ состояло только изъ призывныхъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ, а потому гораздо вѣрнѣе представляло полки, чѣмъ военная секція Совѣта. Въ послѣдней отдѣльные члены ея нерѣдко одѣвали въ

---

*) См. "Прямыя улики" и "Нѣмецкія деньги".

первый разъ военныя гимнастерки подъ крышей Таврическаго Дворца, гдѣ украшали ихъ своими старыми университетскими значками. Переодѣться было совсѣмъ нетрудно, такъ какъ нѣкоторые полки, особенно большевизирующіе: 1 пулеметный, 1 запасный, Московскій, Гренадерскій, разныя команды свободно зачисляли въ свои списки людей со стороны; они даже проводили ихъ въ свои полковые комитеты, какъ то было, напримѣръ, въ 1 пулеметномъ полку. Полковыя собранія зачастую переходили въ многолюдные митинги, на которые приваливали изъ города одни и тѣ же летучіе резервы, приводимые большевиками. Солдатъ полка брали изморомъ: часть ихъ постепенно расходилась, а митинги все затягивались и заканчивались резолюціями, обязательными для полковыхъ комитетовъ.

Мѣры, принимаемыя Военнымъ командованіемъ, не могли остановить разрушительнаго дѣйствія пропаганды.

Обыкновенно, возвращаясь домой около 3 часовъ ночи, я проѣзжалъ мимо штаба большевиковъ, занимавшаго домъ Кшесинской, и всегда видѣлъ на площади немного порѣдѣвшую за день, но все еще большую толпу солдатъ. Иногда, сойдя съ автомобиля, я пробивался къ балкону, съ котораго говорилъ очередной ораторъ. Мои развѣдчики шли своими путями. Меня просто интересовалъ вопросъ: о чемъ можно говорить каждыя сутки, съ утра до такого поздняго часа, чтобы имѣть столь многочисленную аудиторію. Но выходило такъ, что здѣсь не говорили, а систематически повторяли, а значитъ, можно думать, сюжетъ былъ настолько интересенъ, что его хотѣлось прослушать много разъ. Рѣчь каждаго оратора продолжалась въ среднемъ полъ часа. Его безъ зедержки смѣнялъ другой. Организованныя станціи T. S. F. могли бы позавидовать такой пунктуальности, особенно при работѣ, расчитанной безъ малаго на круглыя сутки. Содержаніе рѣчей было одинаково и давно намъ знакомо изъ любого митинговаго выступленія. Оно только дополнялось измѣненными разсказами, цинизмъ которыхъ не уступалъ фантазіи; но зато неизмѣнно заканчивалось непосредственнымъ призывомъ, обращеннымъ къ солдатамъ, стоящимъ подъ балкономъ, идти, идти именно имъ и

взять то, что принадлежитъ другимъ *) Солдатъ стоялъ, молчалъ и слушалъ. Рабочіе митинговали, возвращались къ станкамъ; они такъ или иначе были заняты заботами о кускѣ хлѣба. Напротивъ, солдаты жили на всемъ готовомъ, гуляли по улицамъ и выслушивали преудивительные разсказы.

Уже на четвертомъ мѣсяцѣ революціи гарнизонъ шелъ значительно впереди рабочей массы, если не считать нѣсколькихъ заводскихъ очаговъ, большевицко-нѣмецкихъ.

Солдаты, составлявшіе подавляющую часть всѣхъ выступавшихъ въ разные дни, все больше и больше отрывались влѣво по мѣрѣ подхода къ октябрю.

Дѣйствіе пропаганды въ городѣ поражало своей быстротой. Послѣ іюльскаго возстанія домъ Кшесинской былъ очищенъ отъ большевиковъ; тамъ былъ поставленъ 1-й самокатный баталіонъ, только что пришедшій съ фронта. При своемъ прибытіи въ столицу солдаты этого баталіона обращали на себя вниманіе своей дисциплинированностью. Ихъ можно было принять за юнкеровъ. Мы даже не представляли, что на пятомъ мѣсяцѣ революціи можно было увидѣть такихъ отчетливыхъ и выправленныхъ людей.

Командиръ баталіона мнѣ съ гордостью говорилъ, что его солдаты хватаютъ безъ разговора и приводятъ къ нему всякаго проповѣдника, появлявшагося въ расположеніи баталіона.

Черезъ три мѣсяца, въ октябрѣ, этотъ самокатный баталіонъ штурмовалъ Зимній Дворецъ, въ которомъ закончило свое существованіе Временное Правительство.

Наша удачная экспедиція 18 іюня на дачу Дурново лишній разъ подтвердила во всѣхъ своихъ подробностяхъ объ отсутствіи власти Главнокомандующаго. Въ обществѣ составилось и отчасти сохранилось до сихъ поръ представленіе, что петроградскія войска подчинялись не Главнокомандующему, а Совѣту с. и р. депутатовъ. Это — большое заблужденіе. День 4-го іюля была та дата, когда Совѣтъ могъ воочію убѣдиться, что у него уже нѣтъ ни одного солдата: въ Петроградѣ

*) Ленинское "разрѣшеніе аграрной проблемы", путемъ организованнаго захвата земель.

не было войскъ, а была солдатская толпа, и она никому не подчинялась *).

Мысль о томъ, что мы не выскочимъ изъ этого хаоса безъ своей собственной организаціи, ясно сознавалась нѣкоторыми изъ насъ съ первыхъ же дней.

Потерпѣвъ фіаско со своимъ предложеніемъ открыть отдѣлъ пропаганды, но ободренный удачнымъ наборомъ личнаго состава контръ-развѣдки, я сейчасъ же поѣхалъ къ Балабину и предложилъ ему приступить къ новому спеціальному и поименному формированію. Мы составили небольшой проектъ о "культурно-просвѣтительномъ отдѣлѣ при Штабѣ Округа", и Балабинъ началъ хлопоты отъ отпускѣ соотвѣтственныхъ кредитовъ. Мы вовсе не хотѣли Мафіи, но имѣли въ виду положить начало организаціи, которая могла бы вывести въ нужный моментъ дисциплинированныхъ людей для поддержки Временнаго Правительства. Судьба ходатайствъ Балабина была та же, что и другихъ подобныхъ.

Въ уговариваніяхъ проходятъ три мѣсяца, и вотъ въ разгаръ іюльскаго возстанія, когда на улицахъ заговорили пулеметы, Балабинъ неожиданно, не безъ ироніи приноситъ пріятное извѣстіе: "Поздравляю. Временное Правительство рѣшило открыть тебѣ кредитъ въ 250 тысячъ рублей на "Культурно-просвѣтительный отдѣлъ Штаба Округа". О такихъ суммахъ мы и не мечтали. Былъ ли кредитъ открытъ въ дѣйствительности — мнѣ неизвѣстно.

Въ сущности, только путемъ индивидуальнаго набора кадровъ въ тылу и были сформированы впослѣдствіи всѣ русскія арміи отъ бѣлыхъ до красныхъ включительно.

Перестроить громадную Императорскую Армію въ окопахъ подъ лозунгомъ "спасенія революціи" оказалось невозможнымъ.

Приложеніе.

Въ своихъ "Воспоминаніяхъ" А. И. Гучковъ сообщаетъ о "большихъ кредитахъ", открытыхъ имъ, какъ военнымъ

---

*) Такимъ образомъ, петроградскій гарнизонъ нельзя ни подсчитывать общепринятыми пріемами, ни противопоставлять числу штыковъ.

министромъ, Корнилову, на пропаганду въ Петроградскомъ Округѣ.

Долженъ сказать, что узналъ объ этомъ черезъ 20 лѣтъ. О какихъ кредитахъ можетъ быть рѣчь, если Корниловъ съ такимъ трудомъ добился ассигнованій на мой шестой столъ пропаганды и на необходимую ему контръ-развѣдку. По слѣдующей главѣ можно убѣдиться, какъ письменныя требованія Корнилова передавались военнымъ министромъ (Гучковымъ) въ Главное Управленіе Ген. Штаба, гдѣ ихъ "клонило ко дну".

5

СОЮЗНИКИ

Конечно, контръ-развѣдка не могла обойтись безъ заграничынхъ агентовъ. Дополнительныя свѣдѣнія изъ заграницы были особенно необходимы ввиду упрощеннаго въѣзда въ Россію, а также состоянія самого Петрограда. Я уже не говорю о томъ, насколько было бы важно безъ моихъ запросовъ получать отъ нашихъ заграничныхъ агентовъ необходимыя предупрежденія. При своихъ первыхъ шагахъ на обращеніе по этому вопросу въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба я получилъ отъ Потапова такой отвѣтъ, который положительно затмилъ по своей неожиданности всѣ сюрпризы, когдалибо мнѣ поднесенные этимъ удивительнымъ человѣкомъ.

Онъ сказалъ мнѣ, что у Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба нѣтъ не только въ центральныхъ европейскихъ державахъ, но даже въ Стокгольмѣ, ни одного секретнаго агента. Отвѣтъ былъ необычайный; я невольно усумнился въ его правдивости, но своимъ недовѣріемъ только задѣлъ Потапова. Къ сожалѣнію, то былъ фактъ, и на полученіе отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба столь необходимыхъ свѣдѣній разъ навсегда слѣдовало поставить большой крестъ.

Выхожу отъ Потапова. Чувствую, что опять провалился; но вдругъ вспоминаю о союзникахъ, спускаюсь этажемъ ниже, вхожу въ комнату англійской делегаціи. Меня сейчасъ же провели къ маіору Alley, которому я сказалъ, что хотѣлъ бы

"координировать" нашу работу. Высокій, симпатичный, съ открытымъ лицомъ англичанинъ выразилъ полную готовность идти навстрѣчу моему предложенію. Я высказалъ пожеланіе о совмѣстной работѣ, которая могла бы выразиться въ дополненіи моихъ свѣдѣній данными англійской контръ-развѣдки за границей.

Съ маіоромъ Alley мы скоро подружились. Онъ сталъ, не теряя времени, расширять кругъ моихъ связей среди иностранцевъ.

Англійскій Военный агентъ генералъ Knox поддерживаетъ инициативу его, предлагаетъ свое содѣйствіе. Alley устраиваетъ мнѣ свиданіе съ представителемъ французской длегаціи Commandant Guibert ; такимъ образомъ, я получаю возможность пользоваться свѣдѣніями и изъ французскихъ источниковъ.

Наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко знакомитъ меня немного позднѣе съ энергичнымъ офицеромъ французской службы — капитаномъ Laurent, который впослѣдствіи передалъ мнѣ особенно цѣнныя свѣдѣнія о большевикахъ *).

Только черезъ союзниковъ я и получалъ изъ-за границы тѣ даныя, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна контръ-развѣдка **).

Нерѣдко они сами привозили интересныя разоблаченія, но иногда я просилъ ихъ о наведеніи какой-нибудь конкретной справки. Въ этомъ случаѣ меня никогда не спрашивали о цѣли заданія и обыкновенно черезъ нѣсколько дней привозили самые исчерпывающіе телеграфные отвѣты.

Изъ общихъ мѣръ особенно остро чувствовалась необходимость въ строгомъ контролѣ на границахъ Россіи, такъ какъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы, не было возможности регистрировать въ самомъ Петроградѣ.

Разобравъ подробно съ маіорами Alley и Guibert постановку дѣла въ Англіи и Франціи, я обратился съ прось-

---

*) См. "Нѣмецкія деньги".

**) По старому положенію, эти свѣдѣнія должно было мнѣ передавать Главное Управленіе Генеральнаго Штаба.

бою въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба ввести новый методъ контроля на границахъ; но Потаповъ отвѣтилъ, что ни ему, ни Раевскому сейчасъ некогда заниматься подобными вопросами.

Какъ разъ послѣ столь неудачнаго разговора, ѣду на завтракъ къ маіору Guibert, гдѣ застаю, кромѣ самого хозяина, также его шефа — генерала Lavergne и маіора Alley. Напоминвъ собравшимся, что для въѣзда въ Россію открыты всего четыре пункта: Торнео, Мурманъ, Кяхта и Владивостокъ, я спрашиваю, согласны ли они прикомандировать на каждый изъ нихъ по офицеру отъ англійской и французской контръ-развѣдки. Наличіе такихъ офицеровъ дало бы возможность непосредственно использовать ихъ заграничную агентуру. Кромѣ того, присутствіе иностранныхъ офицеровъ при нашихъ комендантахъ подняло бы престижъ послѣднихъ, что было положительно необходимо. Съ полной готовностью и къ общему удовольствію, тутъ же за столомъ получаю формальное согласіе союзниковъ.

Къ вечеру составляю проектъ на двухъ страницахъ о пограничныхъ пунктахъ съ прикомандированными французскимъ и англійскимъ офицерами и примѣненіи для въѣзжающихъ системы, аналогичной англійской — по тремъ фотографическимъ карточкамъ.

Придивая этому проекту громадное значнеіе именно для округа столицы и боясь, что онъ можетъ попасть подъ сукно, рѣшаю провести его прямымъ путемъ — черезъ Главнокомандующаго во Временное Правительство.

Корниловъ припнсываетъ свое убѣдительное заключеніе, везетъ мой рапортъ въ Маріинскій Дворецъ, гдѣ лично въ апрѣлѣ вноситъ его на засѣданіе Временнаго Правительства и привозитъ благопріятный отвѣтъ.

Alley, Guillbert и я уже празднуемъ побѣду. Мысленно укоряю себя, что раньше не придумалъ такого прямого пути воздѣйствія; нѣсколько дней хожу полный гордости своимъ новымъ изобрѣтеніемъ. Но... я упустилъ изъ виду, что "всѣ дороги ведутъ въ Римъ".

Черезъ нѣсколько дней меня срочно вызываетъ Пота-

новъ. Къ полному ужасу, узнаю у него въ рукахъ мою записку; выслушиваю вопли о томъ, что я надѣлалъ, что Главному Управленію Генеральнаго Штаба предложено свыше дать заключеніе, а ему положительно нѣтъ времени созывать новую комиссію для разсмотрѣнія моихъ писаній. Тщетно стараюсь объяснить, что мой шефъ — Главнокомандующій, вправѣ подавать свое мнѣніе туда, куда онъ находитъ нужнымъ, что никакой комиссіи не требуется, а надо только подтвердить состоявшееся уже соглашеніе съ союзниками и дать приказаніе соотвѣтствующему отдѣленію утверждать визы на въѣздъ въ Россію только по полученіи дополнительныхъ свѣдѣній изъ-за границы; что разъ онъ завѣдомо не можетъ получать такихъ свѣдѣній изъ русскихъ источниковъ, то ихъ слѣдуетъ взять у иностранцевъ.

Но разъ моему рапорту было предопредѣлено пройти всѣ этапы большой "потаповской дороги", то становилось совершенно безнадежнымъ ожидать осуществленія намѣченнаго плана. Корниловъ нѣсколько разъ настаивалъ передъ Временнымъ Правительствомъ, — столько же разъ Потаповъ завѣрялъ меня, что рапортъ будетъ разсмотрѣнъ подлежащими инстанціями; а теперь мнѣ жаль потеряннаго времени на составленіе проекта. Но тогда, въ 1917 году, мнѣ было еще неловко передъ своими новыми знакомыми, что не сумѣлъ провести въ жизнь столь необходимой общей мѣры.

Однако, наша первая неудача не смутила Alley и Guibert. Они, видимо, знали о моихъ затрудненіяхъ гораздо больше, чѣмъ показывали, и твердо рѣшили поддерживать своего союзника — русскаго офицера.

Въ послѣднихъ числахъ марта ко мнѣ пріѣзжаетъ сильно озабоченный Alley. Онъ привозитъ списокъ предателей въ 30 человѣкъ, во главѣ которыхъ стоитъ Ленинъ, предупреждаетъ, что ихъ пропустила Германія, и что они примѣрно дней черезъ пять прибудутъ къ нашей границѣ. Онъ хорошо знаетъ, что вопросы о визахъ меня не касаются, а проходятъ только черезъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, но выражаетъ сомнѣніе, что послѣднее въ силахъ воспрепятствовать въѣзду этихъ 30 эмигрантовъ.

Беру списокъ, обхожу три инстанціи. Подаю рапортъ съ протестомъ Главнокомандующему. Корниловъ самъ возитъ его Временному Правительству. Затѣмъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба съ удовольствіемъ констатирую, что Потаповъ совершенно раздѣляетъ наше мнѣніе, обѣщаетъ протестовать, но предупреждаетъ, что визы ставитъ не онъ, а Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Отъ Потапова ѣду къ министру иностранныхъ дѣлъ. Милюкова не застаю, меня принимаетъ товарищъ министра Нератовъ. Говорю ему, что формально меня эти вопросы не касаются, но никакъ не могу допустить, чтобы именно на меня, а не на кого другого свалился цѣлый пломбированный вагонъ. Нератовъ обѣщаетъ протестовать, сдѣлать все возможное.

Дня черезъ два изъ всѣхъ инстанцій получаю всѣмъ хорошо извѣстный, одинаковый отвѣтъ: по требованію исполнительнаго комитета Совѣта с. и р. депутатовъ, приказано и этимъ 30 эмигрантамъ не препятствовать къ свободному въѣзду въ Россію.

Вызываю телеграммой коменданта Бѣлоострова, есаула Савицкаго, подчиненнаго Сѣверному фронту.

— "Вотъ вы," говорю ему, "все просите у меня живого дѣла. Вамъ такъ хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Бѣлоостровъ. Такъ я вамъ даю задачу много проще: силой, или какъ хотите, но не пропустите ихъ черезъ границу".

Казакъ выражаетъ полную готовность, много обѣщаетъ, уважаетъ. Но, какъ разсказывалъ потомъ, "люди не вышли"

Чѣмъ дальше обнаруживалось отсутствіе власти, тѣмъ большую смѣлость проявляли наши враги — нѣмцы.

Въ концѣ іюня капитанъ Laurent сообщаетъ мнѣ о весьма характерномъ случаѣ беззастѣнчивости ихъ наемниковъ.

Въ Петроградѣ 18 іюня состоялась демонстрація большевиковъ *). Laurent меня извѣщаетъ, что за два дня, еще 16 іюня, въ берлинской прессѣ приводились подробная программа и всѣ лозунги этой подготовляемой демонстраціи, а

*) См. "Дача Дурново".

20 іюня обстоятельный отчетъ о ней уже появился на страницахъ „Local Anzeiger" Laurent сообщаетъ, что этотъ отчетъ былъ переданъ въ Берлинъ по телеграфу черезъ Стокгольмъ со станціи Петроградскаго Совѣта с. и р. депутатовъ. Эти срочныя и заблаговременныя донесенія уже указывали на существованіе своего рода "прямого провода" между двумя враждующими столицами.

Приступаю къ разслѣдованію. Ѣхать на станцію Таврическаго Дворца или посылать агентовъ контръ-развѣдки — безполезно, такъ какъ до шкафовъ съ лентами и документами насъ Совѣтъ с. и р. депутатовъ, все равно, не допуститъ, а наше появленіе лишь вызоветъ сенсацію, которая повредитъ разслѣдованію.

Ѣду къ Главному Начальнику Почтъ и Телеграфовъ — Похвисневу, своему старому знакомому; запираюсь съ нимъ въ его кабинетѣ; объясняю , въ чемъ дѣло, спрашиваю, есть ли у него вѣрный человѣкъ, котораго онъ могъ бы послать по службѣ на совѣтскую станцію, какъ бы по какому-либо другому дѣлу и чтобы тотъ извлекъ мнѣ подлинный текстъ упомянутой телеграммы и узналъ, кто именно ее отправилъ.

Похвисневъ горячо берется за выполненіе моей просьбы. На другой день онъ, смущенный, привозитъ мнѣ ленту этой телеграммы, которую, дѣйствительно, отправили изъ Таврическаго Дворца въ Стокгольмъ по адресу Ганецкаго. Но говоритъ, что подлинный текстъ пропалъ, а телеграфисты, конечно, точно не помнятъ, кто былъ отправитель, но, повидимому, ее принесъ изъ редакціи "Правды" Брониславъ Веселовскій *).

21-го іюня Laurent мнѣ передалъ первую пачку иносказательныхъ телеграммъ, которыми обмѣнивались лидеры большевиковъ съ заграничынми нѣмецкими агентами въ Стокгольмѣ **). Дня черезъ два министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко, переговоривъ предварительно съ Laurent по телефону, привезъ его вечеромъ къ Предсѣдателю Временнаго Прави-

---

*) См. "Нѣмецкія деньги".
**) Читатель найдетъ подробный текстъ этихъ телеграммъ въ главѣ "Нѣмецкія деньги".

тельства князю Львову, на квартирѣ котораго собрались еще нѣсколько министровъ, въ томъ числѣ Некрасовъ.

Laurent прочелъ министрамъ телеграммы и на вопросъ князя Львова пояснилъ, что такой живой обмѣнъ телеграммъ, самъ по себѣ, независимо отъ ихъ содержанія, является прямой уликой противъ большевиковъ, обличающей ихъ въ тѣсной связи съ нѣмцами. Князь Львовъ слушалъ, но не высказывался. Терещенко склонялся къ мнѣнію Laurent. Противъ выступилъ Некрасовъ. Онъ заявилъ, что иносказательный характеръ телеграммъ лишаетъ ихъ всякаго значенія. Laurent настаивалъ, что именно иносказательный текстъ заслуживаетъ спеціальнаго вниманія, указывалъ на фактическую связь, доказанную документально; наконецъ, сказалъ министрамъ, что во Франціи такихъ телеграммъ, разсылаемыхъ нѣмцамъ и получаемыхъ отъ нѣмцевъ, во время войны было бы совершенно достаточно, чтобы ихъ отправители были арестованы и преданы суду. Рѣзкое различіе мнѣній Laurent и Некрасова только заострялось.

Некрасовъ продолжалъ разъяснять, что телерамммы не могутъ служить поводомъ для ареста. Остальные министры колебались. Спорящія стороны остались при своихъ мнѣніяхъ; участники совѣщанія разъѣхались, а колебанія все продолжались....

Приложеніе.

1-го марта 1935 г. Commandant Pierre Laurent скончался.

Въ 1918 г. въ Москвѣ онъ продолжалъ свою работу противъ большевиковъ, его преслѣдовавшихъ. Скрываясь отъ нихъ, онъ заболѣлъ въ тяжелыхъ условіяхъ дифтеритомъ, послѣдствія котораго и свели его преждевременно въ могилу. По описаніямъ во главѣ "Нѣмецкія деньги" особенно очевидно, какъ многимъ обязана ему русская развѣдка 1917 года, какъ много ясности внесли его труды въ наше общее дѣло. Говорю наше, такъ какъ Pierre Laurent отъ своего большого сердца до послѣднихъ минутъ любилъ Національную Россію.

Я надѣюсь, что читатель пойметъ и раздѣлитъ со мной тѣ чувства возхищенія и грусти, которыя мнѣ диктуютъ настоящія строки у свѣжей могилы нашего друга и союзника.

6

ГЕНЕРАЛЪ BRANDSTRÖM

Главнокомандующій посылаетъ меня къ Шведскому Послу договориться объ обмѣнѣ пятнадцати военноплѣнныхъ.

— "Я знаю", говоритъ Корниловъ, "что этотъ вопросъ насъ не касается, а подлежитъ вѣдѣнію Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба; но Шведскій Посолъ генералъ Brandström обратился ко мнѣ лично; мнѣ было неудобно отказать и направить его въ другое учрежденіе".

Самый фактъ обращенія генерала Brandström къ Главнокомандующему не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго, такъ какъ послѣ объявленія войны Швеція оффиціально приняла на себя защиту интересовъ нѣмецкихъ подданыхъ, оставшихся въ Россіи.

Новое порученіе какъ нельзя лучше совпадало съ разслѣдованіями, занимавшими контръ-развѣдку.

Среди выпущенныхъ изъ тюремъ и бѣжавшихъ изъ концентраціонныхъ лагерей при февральскомъ переворотѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, десятка полтора засѣли сразу въ бесть въ Шведское Посольство, чѣмъ поставили посла въ неудобное положеніе. Онъ хотѣлъ отъ нихъ избавиться.

Нѣкоторые изъ этихъ незванныхъ гостей, особенно одинъ пожилой врачъ, настолько осмѣлѣли, что выходили погулять по городу. Я не торопился нарушать ихъ мирнаго режима: за гуляющими ходили мои агенты, выясняли ихъ маршруты и записывали новые адреса.

Ѣду къ генералу Brandström вечеромъ; не называя своей должности, прошу доложить, что къ нему пріѣхалъ офицеръ отъ Главнокомандующаго.

Посолъ принимаетъ меня. Начавъ съ обычныхъ привѣтствій, переходимъ на длинный дипломатическій разговоръ на французскомъ языкѣ.

Brandström, говоритъ, что у него въ Посольствѣ живетъ 15 "несчастныхъ", сильно перепуганныхъ революціей, которыхъ онъ съ удовольствіемъ отправилъ бы въ Германію.

Онъ дѣлаетъ мнѣ первое предложеніе — вмѣсто названныхъ 15-ти человѣкъ, отпустить изъ Германіи только 7 русскихъ военно-плѣнныхъ. При этомъ самъ же улыбается. Я тоже. Стараюсь отвѣчать ему въ томъ же духѣ дипломатической непроницаемости, безъ упоминанія о прогулкахъ доктора. Говорю, что тѣ несчастные, о которыхъ онъ заботится, очевидно, такъ прекрасно устроены въ его домѣ, что другіе могли бы имъ позавидовать. Затѣмъ благодарю за столь высокое мнѣніе о русскихъ, которое я всецѣло раздѣляю, и усматриваю въ его оцѣнкѣ, вытекающей изъ предложенія дать двухъ нѣмцевъ за одного русскаго. Но при этомъ выражаю опасеніе, что при соблюденіи формальностей, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба можетъ не согласиться съ нашими расчетами и оказать препятствіе.

По существу, я ничего не имѣлъ противъ того, чтобы отпустить спрятавшихся шпіоновъ и другихъ къ себѣ на родину, тѣмъ болѣе, что ихъ связи были уже достаточно выяснены. Какая тюрьма могла ихъ сохранить до суда, и гдѣ, наконецъ, по какимъ законамъ они будутъ отбывать наказаніе?

Въ разбираемомъ частномъ случаѣ Шведскій Посолъ весьма кстати не только брался самъ ихъ вывезти, но еще являлась возможность вернуть кого-нибудь изъ концентраціонныхъ лагерей Германіи. Конечно, я не могъ согласиться съ его первой арифметической формулой. Brandström осторожно настаиваетъ, ссылается на несогласіе Германскаго Главнаго Командованія, очевидно, готовясь къ моему контръ-предложенію съ цифрами, переставленными въ обратномъ порядкѣ. Я не заставляю себя ждать — высказываю предположеніе, что было бы правильнѣе разобрать оба списка поименно, такъ какъ легко можетъ оказаться, что слѣдуетъ выписать какъ разъ обратно — 30 русскихъ за 15 нѣмцевъ.

Свиданіе затягивается. Посолъ предполагаетъ запрашивать Берлинъ черезъ Стокгольмъ. Встаю уходить, говорю на прощаніе, что для этихъ "несчастныхъ", можетъ быть, лучше всего остаться въ Посольствѣ, и прошу, на всякій случай, записать адресъ и мою должность — "Начальникъ контръ-развѣдки".

Едва успѣлъ я произнести эти фатальныя слова, какъ мнѣ пришлось, уступая выразительнымъ жестамъ Brandström, снова занять свое кресло.

Онъ долго молчалъ. Мы сидѣли другъ противъ друга, не произнося ни слова. Какъ долго — не знаю; мнѣ казалось, безконечную минуту, пока я не заговорилъ первый. Я сказалъ, что дѣло военноплѣнныхъ не можетъ у насъ вызвать разногласій, тѣмъ болѣе, что я со своей стороны всецѣло поддерживаю желаніе Главнокомандующаго оказать любезность лично Шведскому Послу, а потому полагаю, что вопросъ можно покончить теперь же, обмѣнявъ 15 на 15, но, конечно, противъ тѣхъ, находящихся въ Германіи, кого выберетъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Заканчиваю свое предложеніе увѣренностью, что главное нѣмецкое командованіе, очевидно, тоже пожелаетъ сдѣлать любезность Послу Швеціи и не замедлитъ измѣнить свои инструкціи. Brandström соглашается. Поблагодаривъ другъ друга, мы разстаемся послѣ долгаго рукопожатія.

На другой день утромъ мнѣ докладываютъ, что ко мнѣ пріѣхалъ Шведскій Посолъ. Принимаю его въ своемъ кабинетѣ. Онъ входитъ въ сопровожденіи свиты изъ трехъ старшихъ чиновъ Посольства; говоритъ, что пріѣхалъ съ визитомъ, представляетъ мнѣ своихъ спутниковъ. Разсаживаю гостей. Объ обмѣнѣ плѣнныхъ — ни полслова.

Brandström высказываетъ пожеланіе, чтобы наше знакомство не прекращалось. Наши "длинныя дипломатическія фразы" исчезаютъ. Онъ любезно проситъ меня обращаться къ нему лично по всѣмъ вопросамъ, которые будутъ относиться къ его вѣдѣнію. Мы разстаемся въ наилучшемъ настроеніи, въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я нѣсколько разъ заѣзжалъ къ Brandström, по дѣламъ одного госпиталя, гдѣ самоуправство военноплѣнныхъ доставляло много хлопотъ контръ-развѣдкѣ, а главнымъ образомъ, по вопросамъ о полчищахъ военноплѣнныхъ, которые, пользуясь режимомъ свободы передвиженія, начали показываться на митингахъ. Въ провинціи бывали случаи массоваго участія нѣмецкихъ солдатъ въ большевицкихъ демонстраціяхъ. Большевики трубили по этому поводу о торжествѣ интернаціонала; но Brandström,

не раздѣляя ихъ точки зрѣнія, соглашался со мною, что интернаціоналъ пока-что выходитъ однобокимъ. Въ Петроградѣ не доходило до массоваго выступленія военноплѣнныхъ. Но отдѣльныхъ изъ нихъ, называющихъ себя больными, здоровыхъ, переодѣтыхъ и всякихъ, мои агенты часто вылавливали и на улицахъ, и на митингахъ, особенно въ раіонѣ Финляндскаго вокзала. Brandström, всегда очень охотно помогалъ мнѣ брать ихъ на учетъ. Положеніе его, какъ посла нейтральной державы, принявшей защиту интересовъ подданныхъ нашего противника, было, конечно, крайне труднымъ.

Падкая на дешевыя сенсаціи молва сплетала кругомъ Посольства всевозможныя простѣйшія легенды о шпіонажѣ. Ихъ авторы не давали себѣ отчета, что шпіоны ищутъ скрытыхъ путей, а не открытой вывѣски. Вѣроятно, эти необоснованные слухи задѣвали Brandström, побудили его со мною ближе познакомиться, демонстративно представить мнѣ своихъ старшихъ подчиненныхъ.

Въ нашихъ встрѣчахъ онъ всегда строго соблюдалъ нейтралитетъ, я оставался въ оффиціальныхъ рамкахъ. Только мы не вели игры, какъ при первомъ свиданіи. Я видѣлъ его всегда такимъ, какимъ онъ былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ — привѣтливо настроеннымъ, какъ мнѣ казалось, — ко мнѣ расположеннымъ и всегда лойяльнымъ. Именно такимъ сохраняется онъ въ моей памяти.

7

ПРЯМЫЯ УЛИКИ

Въ началѣ апрѣля появляется въ Петроградѣ извѣстный публицистъ К. Онъ прямо изъ Стокгольма и, остановившись въ Европейской Гостиницѣ, начинаетъ вести свой обычный широкій трэнъ. Но не проходитъ и нѣсколькихъ дней, какъ до меня доходятъ свѣдѣнія, что К. будто бы посланъ въ Россію нѣмецкимъ Главнымъ Штабомъ для выполненія какихъ-то важныхъ порученій. Наблюденіе контръ-развѣдки на первыхъ же шагахъ усиливаетъ первое неясное подозрѣніе. К. трактуетъ съ нѣсколькими членами Совѣта с. и р. депутатовъ о заключеніи сепаратнаго мира Германіи съ Рос-

сіей *). Одновременно выясняется, что К. хочетъ пріобрѣсти контрольный пакетъ русской газеты съ большимъ тиражемъ; но его первые поиски въ этомъ направленіи не имѣютъ успѣха. Конечно, онъ не открываетъ источниковъ кредитовъ, но тѣмъ не менѣе ему отказываютъ. Наблюденіе за К. усиливается, и скоро одна за другой открываются всѣ нѣмецкія карты его преступной игры.

Намъ становится извѣстнымъ, что онъ привезъ съ собой проектъ договора о сепаратномъ мирѣ, составленный нѣмецкой Главной Квартирой. Мы уже знаемъ, что въ первомъ пунктѣ этого договора, передъ перечисленіемъ условій оставлено мѣсто въ кавычкахъ для проставленія даты, а за этимъ мѣстомъ стоятъ слова: "мѣсяца мая сего года", когда должно начаться перемиріе. У насъ начинаетъ слагаться впечатлѣніе, что ему черезъ скандинавскія страны открыты кредиты до 3-хъ милліоновъ рублей на пріобрѣтеніе газеты для пропаганды германофильскихъ идей.

Слѣдить за нимъ среди общаго развала, особенно за его корреспонденціей, было очень трудно.

Но какъ ни былъ хитеръ К., но наклонность къ широкой жизни заставляла его дѣлать промахи; нѣкоторыми изъ нихъ и удалось воспользоваться. Я не могъ утверждать, что вся его корреспонденція попала на мой письменный столъ; я не могъ расчитывать собрать о немъ исчерпывающія данныя. Но и того, что удалось получить, оказалось достаточнымъ, чтобы на основаніи документовъ выдѣлить его въ группу лицъ, продававшихъ Россію нѣмцамъ.

Среди телеграммъ, отправленныхъ К. въ Стокгольмъ, изъ тѣхъ, что попали мнѣ въ руки, обращали на себя вниманіе сообщенія о треніяхъ въ какомъ-то "бюро" и о "Богдановѣ", служившемъ въ этомъ бюро. Большая часть телеграммъ шла въ Стокгольмъ по адресу госпожи Брейденбейдъ, а нѣкоторыя изъ нихъ на имя Гуревича. Всѣ онѣ были на французскомъ языкѣ. Содержаніе нѣсколькихъ въ переводѣ дословно такое: "Изъ-за несогласій въ бюро ожидаются ско-

---

*) Этотъ фактъ былъ также извѣстенъ Г. Эрлишъ.

рыя перемѣны его состава", — "Богдановъ, по всей вѣроятности", скоро покинетъ бюро", — "Богдановъ покидаетъ бюдо" — "Переведите полъ машины въ Стокгольмъ, полъ машины въ Христіанію". Эти телеграммы обыкновенно были зашифрованы довольно примитивнымъ шифромъ — вставкой лишнихъ словъ въ извѣстномъ порядкѣ. Читать ихъ стало совсѣмъ просто послѣ того, какъ удалось скопировать шифръ, которымъ пользовался К.

Пріурочивая содержаніе телеграммъ къ извѣстнымъ политическимъ событіямъ, талантливый судебный слѣдователь В. уже черезъ 2 недѣли высказалъ мнѣ гипотезу, что если въ телеграммахъ К. замѣнить слово "бюро" словами "Временное Правительство", а "Богданова" — "Милюковымъ", то по датамъ эти телеграммы пріобрѣтаютъ значеніе точныхъ донесеній о несогласіяхъ среди членовъ Временнаго Правительства и удаленіи министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова. Какъ извѣстно, Милюковъ стоялъ за безоговорочное продолженіе войны и въ этомъ вопросѣ поддерживался политикой англійскаго посла Бьюкенена.

Эти предположенія мы считали уже весьма обоснованными послѣ полученія мною двухъ телеграммъ, отправленныхъ К. одновременно: одной, зашифрованной, на имя Брейденбейдъ, а другой, оффиціальной, своему частному знакомому, русскому послу въ Швеціи Н., телеграммъ, посланныхъ вслѣдъ за уходомъ Милюкова. Первая гласила: "Послѣ разногласій Богдановъ удаленъ изъ бюро". Вторая: "Ожидается назначеніе Терещенко. Искренно поздравляю" *).

Чтобы проникнуть въ дѣло К., мнѣ необходимъ былъ Стокгольмъ, и майоръ англійской миссіи Alley съ неизмѣнной готовностью точно выполнялъ по телеграфу мои многочисленныя прсьбы. На исполненіе каждой изъ нихъ уходило всего 2-3 дня. Этимъ путемъ мнѣ и были доставлены почти всѣ перечисленныя телеграммы, которыя я отчаялся разыскать въ Петроградѣ. Майоръ Alley установилъ черезъ англійскую развѣдку въ Стокгольмѣ, что Брейденбейдъ интимно связана съ К.; уже черезъ недѣлю онъ привезъ мнѣ ея

*) Милюкова смѣнилъ Терещенко.

фотографическія карточки и доказалъ, что она постоянно сносится съ нѣмецкимъ Главнымъ Штабомъ.

Тѣмъ временемъ К. продолжалъ объѣзжать редакціи большихъ газетъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ Петроградѣ, онъ задумываетъ поѣхать на нѣсколько дней въ Москву постучаться въ "Русское Слово". Съ нимъ въ вагонъ, будто случайно, усаживаются неизвѣстные ему спутники, возглавляемые Каропачинскимъ.

Тутъ, при отходѣ поѣзда, происходитъ небольшое приключеніе съ двумя дежурными агентами, тоже пріѣхавшими на вокзалъ по слѣдамъ К. Второпяхъ снаряжая Каропачинскаго, мы не успѣваемъ послать имъ приказаніе не ѣхать по желѣзной дорогѣ. Эти двое доходятъ до станціи, но здѣсь ихъ останавливаютъ совѣтскія рогатки, для прохода которыхъ надо имѣть пропускъ на выѣздъ изъ Петрограда, а достать его могъ далеко не всякій. Они спѣшатъ въ комиссаріатъ станціи; но милиція относится къ ихъ объясненіямъ съ недовѣріемъ, а также къ ихъ документамъ, усматривая въ нашихъ двухъ агентахъ скрывающихся контръ-революціонеровъ, желающихъ бѣжать отъ суда народнаго. Время уходитъ въ разговорахъ, а на платформѣ одинъ за другимъ раздаются звонки, уже слышится свистокъ паровоза. Тутъ одинъ изъ двухъ, выдающійся старшій агентъ Касаткинъ, не выдерживаетъ: не желая разстаться съ К., онъ, къ удивленію бдительной стражи, бросается въ дверь, выскакиваетъ на платформу, бѣжитъ къ отходящему поѣзду, вскакиваетъ на подножку и уносится, какъ былъ, — безъ билета и безъ денегъ — въ неизвѣстное для него направленіе. Уже въ вагонѣ, онъ, къ удивленію своему и радости, попадаетъ на Каропачинскаго.

Послѣ бѣгства Касаткина положеніе его оставшагося коллеги становится совсѣмъ незавиднымъ. Его арестовываютъ, допрашиваютъ, передопрашиваютъ, препровождаютъ въ Таврическій Дворецъ и уже оттуда, внимая просьбамъ самого потерпѣвшаго, подъ конвоемъ доставляютъ въ контръ-развѣдку.

Поѣздка въ Москву намъ представлялась, какъ путешествіе въ неизвѣстное государство. Мнѣ было неясно, что происходило въ Округѣ моего сосѣда, а о сношеніяхъ шифрованными телеграммами нельзя было и подумать. Снабжаю Ка-

ропачинскаго на всякій случай письмомъ отъ Переверзева къ прокурору Московской Судебной Палаты объ оказаніи ему всяческаго содѣйствія.

Въ "Русскомъ Словѣ" К. также постигаетъ неудача. Каропачинскій ѣдетъ въ редакцію узнавать подробности и на вопросъ, почему газета такъ категорически отвергаетъ сотрудничество К., одинъ изъ редакторовъ отвѣтилъ, что еще передъ революціей, примѣрно въ 1916 г., К. прислалъ нѣсколько статй, но ихъ редакція не пропустила. — "Внѣшнимъ образомъ статьи эти", говоритъ редакторъ, "удовлетворяли всѣмъ условіямъ для напечатанія: темы интересны и въ высшей степени патріотичны, а форма изложенія не оставляла желать лучшаго. Однако, послѣ прочтенія у васъ остается какой-то неpріятный осадокъ — arrière goût ; вы лишены возможности обличить автора, ибо его выводы одинаково патріотичны, какъ и все содержаніе. Но у васъ, на его статью, у васъ самого выводъ напрашивается совершенно иной, а въ результатѣ мысли, имъ затронутыя, оказываются для васъ отравлены".

Въ Москвѣ мои агенты переусердствовали: К. замѣчаетъ, что за нимъ слѣдятъ, старается замести слѣды, проходитъ черезъ дома съ двойными выходами, черезъ общественныя мѣста, фойе театровъ и т. п.

Черезъ нѣсколько дней онъ возвращается въ Петроградъ, гдѣ продолжаетъ вести переговоры и главнымъ образомъ черезъ своихъ старыхъ знакомыхъ публицистовъ. Убѣдившись, что большая пресса не склонна воспользоваться предлагаемой ей поддержкой, К. начинаетъ обращаться въ небольшія газеты, которыя "держалъ до сихъ поръ въ резервѣ". Такъ, по крайней мѣрѣ, выражался онъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми изъ окружавшихъ его друзей.

Изъ лицъ, посѣщавшихъ К. въ этотъ періодъ, къ намъ въ первый разъ попадаетъ на учетъ нѣкій Степинъ. Наблюденіе сразу подтверждаетъ его активную роль среди большевиковъ, а самостоятльное разслѣдованіе, законченное уже послѣ дѣла К., обнаруживаетъ, что Степинъ былъ агентомъ Ленина по найму солдатъ и рабочихъ для участія за деньги въ демонстраціяхъ большевиковъ.

Къ Степину мы вернемся еще нѣсколько разъ. Съ К., по моимъ свѣдѣніямъ, онъ часто видѣлся. О томъ, что К. могъ передать какія-нибудь деньги Степину, не могло быть и рѣчи: небольшіе авансы, полученные имъ въ Стокгольмѣ, изсякли; онъ самъ уже начиналъ испытывать денежныя затрудненія. У меня составилось тогда впечатлѣніе, что черезъ этихъ двухъ людей связывались двѣ различныя нѣмецкія сѣти.

Наконецъ, 18 мая секретные агенты сообщаютъ, что въ 5 часовъ дня К. окончательно заключилъ договоръ съ какой-то газетой, а наружное наблюденіе доноситъ, что онъ провелъ эти часы у Нотовича, въ редакціи "Петроградскаго Курьера". Отсюда нетрудно было сопоставить, съ кѣмъ состоялась сдѣлка.

Разслѣдованіе продолжалось мѣсяцъ; затягивать дальше я уже не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по тексту договора о сепаратномъ перемиріи, оно должно было начаться въ маѣ, а май подходилъ къ концу. Но, съ другой стороны, въ тѣ времена для ареста кого-нибудь изъ тѣхъ, кто имѣлъ заступниковъ въ Совѣтѣ с. и р. депутатовъ, надо было вооружиться прямыми исчерпывающими уликами по обвиненію въ шпіонажѣ. Да и въ такихъ случаяхъ въ контръ-развѣдку вваливалась банда съ криками "охранка!" и обѣщаніями стереть насъ "въ порошокъ"; а заключеннаго выпускали на свободу въ день демонстраціи.

Такъ или иначе, найти Степина съ деньгами было недостаточно; за нимъ слѣдовало прослѣдить, чтобы точно доказать происхожденіе денегъ и представить юридическія доказательства. Эти соображенія привели меня къ рѣшенію закончить дѣло К. по пріобрѣтенію газеты и заключенію сепаратнаго перемирія.

Но до поры до времени отмежевать отъ него Степина и компанію. Такимъ образомъ, я не показывалъ большевикамъ, что мнѣ извѣстенъ одинъ изъ путей расходованія денегъ, и тѣмъ получалъ возможность не повредить новому разслѣдо ванію.

Министръ юстиціи Переверзевъ былъ въ курсѣ всѣхъ подробностей. Онъ одобрилъ мое рѣшеніе и самъ предложилъ заключить К. прямо въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской

крѣпости, такъ какъ собранныя данныя уже приводили къ яснымъ выводамъ. Какъ Генералъ-Прокуроръ, онъ выдалъ мнѣ на это специальный ордеръ.

Главный вопросъ, который меня заботилъ, было обязательно найти текстъ договора о сепаратномъ перемиріи и осторожно освѣтить связи Степина. Для сего являлось необходимымъ широкое производство обысковъ. Того же требовали и финансовыя связи К. Поэтому пришлось мобилизовать всѣхъ юристовъ контръ-развѣдки, а также пригласить двухъ финансовыхъ экспертовъ. Но такъ какъ и этихъ силъ оказалось недостаточно, то Переверзевъ прислалъ судебнаго слѣдователя, которому предстояло передать слѣдствіе въ Министерствѣ Юстиціи.

Въ ночь съ 22-го на 23 мая я произвелъ въ Петроградѣ 19 обысковъ и 5 арестовъ, а одновременно же въ Москвѣ моимъ линымъ составомъ — 6 обысковъ.

Въ Европейскую Гостинницу пришлось выѣхать самому, чтобы по ходу дѣла тутъ же рѣшить еще 2 обыска: мнѣ было извѣстно, что въ финансовой комбинаціи К. принимали участіе два датчанина, изъ живущихъ въ гостинницѣ; но кто именно — я не зналъ; тамъ же ихъ проживало пять.

Все прошло въ полной тишинѣ, если не считать одного маленькаго происшествія .

Дѣло въ томъ, что во время своихъ разъѣздовъ по Петрограду К. нѣсколько разъ видѣлся съ такъ называемымъ "королемъ биржи" — Манусомъ. Предвидя, что для реализаціи крупныхъ кредитовъ, открытыхъ К., ему придется провести рядъ финансовыхъ операцій, я не могъ оставить безъ вниманія этихъ визитовъ къ Манусу, тѣмъ болѣе, что комбинаціи были направлены на скандинавскіе банки, а контръ-развѣдка подготовляла именно по этимъ путямъ на Германію свое самостоятельное выступленіе.

Учитывая всѣ обстоятельства, я подписалъ ордеръ на обыскъ у Мануса, хотя не имѣлъ противъ него никакихъ уликъ. Около 2-хъ часовъ ночи мнѣ въ Европейскую Гостинницу позвонилъ по телефону дежурный по контръ-развѣдкѣ, товарищъ прокурора Гредингеръ и доложилъ, что молодой юристъ, посланный къ Манусу, не былъ впущенъ послѣднимъ

въ его. квартиру, а на предложеніе открыть дверь именемъ Главнокомандующаго, Манусъ открылъ стрѣльбу изъ револьвера.

Я приказалъ Гредингеру поѣхать лично, выломать дверь и привести Мануса въ контръ-развѣдку, что и было исполнено. Манусъ объяснилъ свое сопротивленіе тѣмъ, что думалъ, будто къ нему явились не представители власти, а шайка, прикрывавшаяся именемъ Главнокомандующаго.

Заключительный актъ не только подтвердилъ предварительные выводы, но, не скрою, по цѣнности уликъ, то, что мы получили на обыскахъ, превзошло наши ожиданія.

Проектъ сепаратнаго договора Германіи съ Россіей былъ найденъ въ чемоданѣ самого К. Онъ состоялъ изъ 12 печатныхъ листовъ большого формата. По одному изъ печатныхъ приложеній къ договору можно было заключить, что при его передачѣ въ Стокгольмѣ К. долженъ былъ получить авансомъ въ два пріема 20 тысячъ рублей; при этомъ тутъ же оговаривалось, что означенная сумма должна быть увеличена, но не указывалось, до какой цифры, и было неясно, къ какому именно времени.

Въ самомъ текстѣ бросалось въ глаза требованіе самостоятельности Финляндіи и Украины; о другихъ народностяхъ ни слова. Меня тогда же поразило совпаденіе, что Ленинъ въ своей пропагандѣ также не переставалъ призывать къ отдѣленію только Финляндіи и Украины; я даже рѣшилъ пріобщить къ дѣламъ Ленина и этотъ договоръ въ нѣмецкой редакціи, какъ косвенную улику *).

---

*) Уже много позднѣе я узналъ, что отношеніе Ленина къ финляндскому и украинскому вопросамъ удивило не меня одного, но даже... Дзержинскаго. Учеикъ Розы Люксембургъ, Дзержинскій выступалъ противъ права націй на самоопредѣленіе. На конференціи большевицкой партіи 24-29 апрѣля 1917 г. Дзержинскій обвинялъ Ленина въ покровительствѣ сепаратистскимъ тенденціямъ, ослабляющимъ пролетаріатъ Россіи; онъ сказалъ: "Я могу упрекнуть его (Ленина) въ томъ, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія польскихъ, украинскихъ и другихъ шовинистовъ". См. Троцкій — "Февральская Революція", стр. 364. Очевидно, интернаціоналистъ Ленинъ провозглашалъ самоопредѣленіе Финляндіи и Украины согласно обязательствъ, принятыхъ имъ передъ нѣмцами.

Нотовичъ сразу же подтвердилъ, что продалъ К. свою газету "Петроградскій Курьеръ". Онъ говорилъ, что не зналъ о происхожденіи денегъ. Уступая просьбамъ моихъ слѣдователей, я его отпустилъ.

Но самое главное было привезено на другой день изъ Москвы, это — собственноручное письмо К., написанное имъ, когда онъ былъ въ Москвѣ, но не отправленное по почтѣ, а переданное "шведу" Дитрихсу для провоза черезъ границу въ Стокгольмъ, письмо, адресованное Брейденбейдъ.

Дитрихсъ не успѣлъ выѣхать въ Стокгольмъ: онъ былъ обысканъ, какъ близкое къ К. лицо, съ которымъ послѣдній часто видѣлся, когда ѣздилъ закупать "Русское Слово".

Письмо было на 8 страницахъ на французскомъ языкѣ. Его читали въ оригиналѣ всѣ юристы контръ-развѣдки, а также Переверзевъ. Оно было сфотографировано въ нашей лабораторіи. Одну изъ фотографій я поднесъ на память Переверзеву. Оригиналъ былъ, конечно, переданъ слѣдователю.

На первой страницѣ, послѣ обычныхъ привѣтствій, — аллегорія — сравненіе Россіи съ густымъ лѣсомъ, сквозь чащу котораго съ трудомъ пробирается К. Со второй страницы дословно: "Мы много работали, чтобы прогнать „chasser" Милюкова и Гучкова. Теперь почва подготовлена: „à bon entendeur salut" *)

Далѣе слѣдуетъ очень краснорѣчиво изложенная просьба — скорѣй передать партіи центра — Рейхстага, чтобы она перестала брядать оружіемъ, и доказать этой партіи, что ея непримиримыя требованія аннексій и контрибуцій губятъ Германію. Тутъ же указывается, что Ленинъ не соглашается поддерживать эти требованія. Эти, сказалъ бы, настойчивыя указанія и совѣты партіи центра Рейхстага занимали около половины письма. Наконецъ, уже ближе къ концу, просьба — перевести полъ милліона рублей черезъ Стокгольмъ, полъ милліона черезъ Христіанію.

---

*) Галлицизмъ, трудо переводимый буквально, но смыслъ таковъ: "Имѣющіе уши да слышатъ".

Гучковъ, военный министръ, вышелъ изъ состава Правительства 28 апрѣля, почти въ одинъ день съ Милюковымъ.

Маленькая деталь: въ послѣдней фразѣ заключался ключъ къ прочтенію нѣкоторыхъ телеграммъ, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ. Въ нихъ предстояло замѣнить слово "машина" — милліономъ.

Слѣдуетъ ли останавливаться послѣ такого письма на другихъ компрометирующихъ, но уже второстепенныхъ документахъ? Напр., на тѣхъ двухъ письмахъ, что передалъ мнѣ Нотовичъ? Мы считали, что письмо К., въ которомъ онъ самъ описалъ свою дѣятельность и такъ горячо обращался къ партіи Рейхстага, составляетъ прямую улику. Этотъ документъ не меньше говоритъ о его виновности, чѣмъ договоръ на 12 печатныхъ листахъ, съ коимъ онъ обращался къ членамъ Совѣта.

Имя К., его литературныя дарованія и острое перо были хорошо извѣстны русскому обществу. Поэтому легко себѣ представить сенсацію, вызванную его арестомъ. Уже на другой день печать была полна всевозможными подробностями и толкованіями, которыя уходили на безконечность отъ дѣйствительности. Она не знала мотивовъ обвиненія, и въ общую группу лицъ, причастныхъ "къ какому-то дѣлу по шпіонажу", летѣли и тѣ, кто не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Въ частности, незаслуженно компрометировались и всѣ, кого я сознательно ввелъ въ орбиту передвиженій К. Въ то же время у меня появились опасенія, что чрезмѣрная огласка закроетъ пути къ новымъ, вытекающимъ изъ дѣла, разслѣдованіямъ, особенно относящимся къ Степину. Тогда я рѣшилъ попробовать прекратить сообщенія печати, и здѣсь зафиксирую то болѣзненно-чуткое отношеніе русской прессы, которымъ она встрѣтила обращеніе контръ-развѣдки. Я послалъ короткое циркулярное письмо редакторамъ во всѣ безъ исключенія 30-ти газетъ въ Петроградѣ такого содержанія:

"Въ печати появились свѣдѣнія по дѣлу объ арестѣ К. Преждевременныя комментаріи могутъ незаслуженно бросить тѣнь на чье-нибудь доброе имя, а также повредить разслѣдованію. Если вы, г. редакторъ, раздѣляете это мнѣніе, то прошу васъ передать мою просьбу вашимъ сотрудникамъ временно воздержаться отъ какого бы то ни было выступленія въ печати по этому дѣлу".

На другой день всѣ 30 газетъ совсѣмъ забыли о К. На немъ тяготѣло слишкомъ грозное обвиненіе; общественная мысль всѣхъ политическихъ оттѣнковъ отвѣтила характернымъ общимъ молчаніемъ, что у нея нѣтъ двухъ мнѣній о томъ жуткомъ понятіи, которое связано со словомъ "измѣна". Только іюльскія событія показали, что для большевиковъ даже за этой роковой чертой разрѣшается сдѣлать исключеніе.

Положеніе К. въ Трубецкомъ бастіонѣ было незавидное: ему не было извѣстно, что именно знаетъ контръ-развѣдка. Искусный систематическій допросъ талантливаго слѣдователя В. постоянно ставилъ К. въ необходимость приводить все новыя объясненія, а когда слѣдователь открывалъ одну изъ своихъ новыхъ картъ и спрашивалъ, почему она противорѣчитъ предыдущимъ протоколамъ, то наступалъ очередной провалъ.

Матеріалы, извлеченные изъ дѣла К, были многочисленны и разносторонни. Сами по себѣ значительныя задачи по пріобрѣтенію газеты и даже заключенію сепаратнаго мира поблѣднѣли и отодвинулись на второй планъ передъ роковымъ вопросомъ объ участіи нѣмцевъ въ организаціи безпорядковъ, а въ частности — вооруженной манифестаціи 21 апрѣля.

Какъ извѣстно, послѣдняя была вызвана дополнительной дипломатической нотой, посланной Временнымъ Правительствомъ Союзнымъ Державамъ. Нота была передъ тѣмъ нѣсколько разъ перередактирована подъ угрозой Совѣта и Организаціоннаго Комитета соціалъ-демократической партіи, требовавшихъ не только отказа отъ завоевательныхъ плановъ, но иниціативы первыхъ шаговъ для выступленія совмѣстно съ Союзными Державами на пути мирныхъ переговоровъ. Въ окончательной редакціи дипломатическая нота Милюкова не удовлетворила пораженцевъ и нѣмцевъ, такъ какъ въ ней говорилось о стремленіи довести міровую войну до рѣшительнаго конца и желаніи отразить врага.

Посѣщавшіе Степина чаще другихъ рабочіе, среди нихъ отъ завода Парвіайненъ и солдаты Финляндскаго полка, выступили противъ оттѣнковъ ноты, а сами въ цѣломъ не могли ее даже прочесть ввиду ихъ безграмотности *).

---

*) См. "Нѣмецкія деньги".

Всѣмъ намъ памятны флаги и значки большевиковъ, развѣвавшіеся 21 апрѣля на Маріинской площади. Мы читали на нихъ громадныя надписи: "Долой Милюкова и Гучкова!", о работахъ по удаленію которыхъ доносилъ К. госпожѣ Брейденбейдъ. Оба министра черезъ нѣсколько дней разстались со своими портфелями. Открытое давленіе членовъ исполнительнаго комитета Совѣта с. и р. депутатовъ на Милюкова, ихъ идеологическое воззваніе объ отказѣ отъ аннексій и контрибуцій, воззваніе по редакціи делегата нѣмцевъ Роберта Гримма и обращенное ни больше, ни меньше, какъ къ народамъ всего міра, — все это поддерживалось угрозой не только большевиковъ, но не грамотныхъ вооруженныхъ солдатъ, нанятыхъ Степинымъ для выхода на небольшую Маріинскую площадь *).

Естественное теченіе русской революціи извращалось искусственно извнѣ. И чѣмъ больше это искусственное давленіе ободряло носителей чистой доктрины или совпадало съ удобными для толпы лозунгами, тѣмъ оно имѣло большій успѣхъ и приводило къ крайностямъ. Такъ должны были итти нѣмцы, какъ до сихъ поръ подсказывала логика. И вотъ, наконецъ, появляется первый достовѣрный фактъ: передъ нами стояли публицистъ К. и Степинъ.

При встрѣчѣ съ ними у меня, конечно, возникла мысль опубликовать добытые матеріалы, какъ доказательства, что не всегда требованія толпы и делегацій диктуются только волей русскаго народа. Поэтому въ маѣ я составилъ конспектъ разслѣдованія для помѣщенія въ печати и представилъ его черезъ Генералъ-Прокурора Временному Правительству. Я получилъ отвѣтъ, что очень интересно, но не своевременно для опубликованія. Это рѣшеніе имѣло извѣстное обоснованіе, такъ какъ дѣло Степина еще не было закончено.

— "Не безпокойтесь, Борисъ Владиміровичъ", сказалъ мнѣ слѣдователь В., "предоставьте дѣйствовать мнѣ, только не спрашивайте, какъ именно, если довѣряете".

На слѣдующій день В. мнѣ сообщилъ, что поѣхалъ съ конспектомъ къ потерпѣвшему Милюкову, полагая, что это вѣрный

---

*) О Р. Гриммъ см. "Изъ журнала контръ-развѣдки".

путь, чтобы довести до прессы хоть часть разоблаченій. Онъ не ошибся. Черезъ нѣсколько дней на соединенномъ засѣданіи членовъ Государственной Думы Милюковъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся части конспекта.

Новыя пересѣченія линій, вышедшихъ изъ дѣла К., пошли въ дальнѣйшую разработку. Но съ этого момента, по просьбѣ своихъ слѣдователей, я перестроилъ внутреннюю сѣть и сознательно отступилъ отъ принятаго правила единоличнаго вѣдѣнія секретными агентами. Выдача имъ заданій при большомъ напряженіи отнимала много времени, въ ущербъ другимъ дѣламъ. Я раздалъ секретныхъ агентовъ на руки своихъ помощниковъ.

Судьба К. зависѣла отъ превратностей революціи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ защититься, онъ сталъ ссылаться на недомоганіе и просилъ перевести его въ больницу. Переверзевъ видѣлъ въ этихъ просьбахъ только исканіе новыхъ путей къ освобожденію и прочно держалъ К. въ Трубецкомъ бастіонѣ, пока оставался министромъ.

Въ сентябрѣ того же года, находясь на Кавказѣ, я прочелъ телеграмму изъ Петрограда, что министръ юстиціи Малянтовичъ выпустилъ К. на свободу подъ залогъ въ 30 тысячъ рублей. Дешево же, почти даромъ обошлись ему 12 листовъ сепаратнаго договора и письмо къ Брейденбейдъ, не говоря уже о всѣхъ остальныхъ безплатныхъ приложеніяхъ!

8

ЧЕРНОВЪ

Временное Правительство первой коалиціи пришло къ власти черезъ вооруженную демонстрацію 21-го апрѣля, организованную большевиками на нѣмецкія деньги *). Оно насчитывало въ своемъ составѣ 6 соціалистовъ, среди которыхъ министромъ земледѣлія состоялъ членъ центральнаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ В. Черновъ.

*) См. "Нѣмецкія деньги".

Какъ-то въ маѣ я заѣхалъ въ Англійскую миссію.

"Посмотрите, какое интересное свѣдѣніе", сказалъ мнѣ майоръ Alley, доставъ изъ письменнаго стола небольшую книжечку. Въ рукахъ его оказался секретный справочникъ англійской развѣдки изданія 1916 года.

Alley раскрылъ справочникъ, положилъ передо мной, и мы вмѣстѣ прочли, а я тутъ же кратко записалъ въ переводѣ слѣдующее резюмэ прочитаннаго:

"Бывшій австрійскій консулъ во Флоренціи Пелька фонъ Норденшталемъ послѣ объявленія войны Италіей переѣхалъ въ Швейцарію. Тамъ онъ спеціально вербовалъ политическихъ дѣятелей для работы въ пользу Центральныхъ державъ. Однимъ изъ привлеченныхъ имъ для такого рода дѣятельности былъ Черновъ".

Alley загадочно улыбается. У меня захватило дыханіе, Дѣйствительно, очень интересно.

Попросивъ его достать какія только можно подробности, я погналъ автомобиль къ министру юстиціи.

Застаю Переверзева одного въ своемъ маломъ кабинетѣ. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ и что-то пишетъ. Кладу передъ нимъ записку и въ двухъ словахъ называю источникъ свѣдѣній.

Переверзевъ читаетъ, вскакиваетъ и, молча, быстро идетъ къ двери.

"Постойте, Павелъ Николаевичъ", говорю ему вдогонку, "у меня къ вамъ еще нѣсколько вопросовъ".

Переверзевъ останавливается, поворачивается: "Да развѣ послѣ этого могу я чѣмъ-нибудь заниматься!" машетъ онъ моей запиской и скрывается за дверью.

Встрѣчаемся вечеромъ. Мраченъ и неразговорчивъ.

— "Ну, какъ, Павелъ Николаевичъ?"

— "Мнѣ сказали, что эти свѣдѣнія изъ стараго департамента полиціи, который ихъ выдумалъ нарочно!"

— "Что вы, что вы! Да вѣдь эти данныя напечатаны англійской контръ-развѣдкой, а не русскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. Наконецъ, какъ же Правительство можетъ игнорировать это донесеніе?"

— "Говорилъ...."

Я не спросилъ, къ кому именно онъ обращался. Не подлежитъ сомнѣнію — къ другимъ своимъ коллегамъ по Правительству.

Здѣсь передъ нами разыгрывается удивительнѣйшее явленіе. Черновъ былъ не только министромъ, но входилъ въ составъ Правительства, которое представляло Верховную Власть страны. Верховная Власть не удаляетъ этого министра, но въ то же время не игнорируетъ полученныя о немъ свѣдѣнія. Напротивъ: всѣ начинаютъ взапуски предупреждать другъ друга, рекомендуя быть осторожнымъ и воздержаться говорить о военныхъ дѣлахъ въ его присутствіи. Такъ было, например, на засѣданіи 3-го августа, происходившемъ при участіи Верховнаго Главнокомандующаго Корнилова. Наконецъ, бывали случаи, что въ присутствіи Чернова, министры осторожно дергали одинъ другого за рукавъ. Такая аномалія являлась еще однимъ противорѣчіемъ въ Правительствѣ среди многихъ другихъ; она имѣла свои объясненія. Совѣтъ с. и р. депутатовъ очень считался съ партіей эсъ-эровъ, особенно въ первые мѣсяцы. А Черновъ — видный эсъ-эръ — былъ даже предсѣдателемъ съѣзда своей партіи, который состоялся въ Петроградѣ съ 25-го мая по 4 іюня. Онъ имѣлъ большое вліяніе и такъ умѣло провелъ съѣздъ, что Керенскій оказался забаллотированнымъ и не попалъ въ Центральный Комитетъ партіи.

Послѣ іюльскаго возстанія непріятные для Чернова слухи поползли въ печать въ періодъ второго кризиса власти. Поднятые нами два мѣсяца назадъ, они на этотъ разъ исходили изъ старыхъ эмигрантскихъ круговъ, подтверждали правильность документовъ Департамента полиціи, отнюдь не противорѣчили указаніямъ англійской контръ-развѣдки и сводились къ слѣдующему.

Въ 1915 году въ Парижѣ Черновъ со своими единомышленниками пробовалъ издавать газету "Жизнь", но за отсутствіемъ средствъ она не замедлила прекратить свое существованіе. Тогда въ октябрѣ того же года Черновъ переселяется въ Швейцарію. Въ Женевѣ Черновъ, Натансонъ, Камковъ, Заіонцъ, Диккеръ, Шапшелевичъ и другіе, пользуясь германскими субсидіями, организовываютъ "Комитетъ интеллекту-

альной помощи русскимъ военноплѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи". Этотъ комитетъ издавалъ на нѣмецкія деньги журналъ "На чужбинѣ", который безплатно разсылался на нѣмецкія же средства по лагерямъ русскихъ военноплѣнныхъ *).

Напомнимъ, что за люди сидѣли въ этомъ гнѣздѣ.

Связи Натансона съ Германіей доказывать излишне: о нихъ въ свое время достаточно сказалъ тотъ же эсъ-эръ Савинковъ.

Въ отношеніи Заіонца, по донесеніямъ Военнаго Агента въ Швейцаріи, было установлено, что онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ вышеназваннымъ А. Пелько фонъ Норденшталемъ. Заіонцъ же, кстати, предлагалъ ему свои услуги для доставки матеріаловъ для покушеній.

Наконецъ, Камковъ получаетъ деньги съ одной стороны отъ того же Пельке фонъ Норденшталемъ; а изъ другого кармана — отъ германскаго вице-консула въ Женевѣ Гофмана.

Про Чернова старые эмигранты говорили такъ: лично онъ не состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Пельке фонъ Норденшталемъ, — деньги приносилъ Камковъ; но Черновъ зналъ, чьи это деньги, зналъ, за что они даются, и ими пользовался за свои труды, которые отвѣчали полученнымъ заданіямъ. Именно при такихъ подробностяхъ я не видѣлъ разницы, получалъ ли онъ самъ деньги непосредственно отъ Пельке, или ихъ приносилъ отъ того же Пельке Камковъ, тѣмъ болѣе, что роль послѣдняго ни у кого не вызывала сомнѣній. Напротивъ, нѣкоторые старые эмигранты до сихъ поръ усматриваютъ большое различіе между этими двумя способами пе-

---

*) Судить о направленіи журнала можно по воспоминаніямъ Г. Алексинскаго: "Souvenir d'un condamné à mort" — page 3 — 4 :
Въ апрѣлѣ 1917 г. Савинковъ, Дейтчъ, Алексинскій, Черновъ и другіе возвращаются на пароходѣ въ Россію; съ ними же нѣсколько десятковъ русскихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ нѣмецкаго плѣна черезъ французскій фронтъ. Къ послѣднимъ подходятъ Черновъ и Алексинскій. Черновъ спрашиваетъ: читали ли они журналъ "На чужбинѣ" и какъ онъ имъ понравился.

Отвѣтъ: "Не очень". Черновъ: "Почему?" Солдатъ поясняетъ: "Въ немъ писали хорошо лишь о Германіи, а о нашей Россіи говорили только дурно". Разговоръ обрывается.

редачи денегъ, а мнѣ ставятъ въ упрекъ, что я не провѣрилъ самъ на мѣстѣ свѣдѣній англійскаго секретнаго справочника.

Въ 1917 году въ Петроградѣ я не могъ доказать, передалъ ли въ Швейцаріи два года тому назадъ Пельке деньги Чернову изъ рукъ въ руки. Если они видѣлись, то врядъ ли въ присутствіи понятыхъ. Поэтому, разъ я не могу доказать, то, по строгому принципу, которому слѣдую при составленіи настоящихъ строкъ, я не считаю себя въ правѣ утверждать, что Черновъ лично видѣлся съ Пельке, и не могу настаивать на этой детали.

Мнѣ часто возражали, что онъ циммервальдовецъ *) и совсѣмъ не скрываетъ своихъ пораженческихъ убѣжденій. Черновъ интернаціоналистъ, у него нѣтъ отечества.

Но несмотря на все значеніе Интернаціонала и ужасы Великой Войны, наша эпоха глубоко національна. Онъ, пораженецъ, — былъ министромъ, во время войны; а въ 1918 году Черновъ — интернаціоналистъ — становится предсѣдателемъ Перваго Русскаго Учредительнаго Собранія. Ну, а тогда, въ 1917 году, газеты заговорили о его дѣятельности въ Швейцаріи со словъ патріотически настроенныхъ лѣвыхъ эмигрантовъ, а вовсе не по доносамъ Департамента полиціи, который всегда почему-то все выдумывалъ нарочно!

Черновъ даже вышелъ изъ состава министровъ, чтобы, какъ онъ заявилъ, реабилитировать свою честь; но третейскій судъ такъ и не состоялся. 22-го іюля Центральный комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ постановилъ выяснить дѣло въ трехдневный срокъ, а до того времени эсъ-эрамъ въ правительство не входить.

Кризисъ затягивался. Министръ Некрасовъ и другіе приложили всѣ усилія, чтобы свести "недоразумѣніе" на-нѣтъ, и Черновъ благополучно вновь сталъ министромъ **).

---

*) Участникъ интрнаціональной соціалистической конференціи 9-12 сентября 1915 г. въ Циммервальдѣ.

**) Слово "недоразумѣніе" сказалъ Некрасовъ.

Но съ какой легкостью ни зачеркивать все, что было противъ него, — конечно, кромѣ того, что свидѣтельствовало само лѣвое крыло старой эмиграціи, мы вплотную подходимъ къ психологіи Ленина: одинъ разрушалъ Россію въ 1916 году, а другой въ 1916-1917 г. г.

9

ДАЧА ДУРНОВО

На берегу Невы, совсѣмъ недалеко отъ заводовъ Выборгскаго раіона, стоялъ двухъэтажный домъ, окруженный великолѣпнымъ паркомъ. Вся усадьба съ началомъ революціи была захвачена небольшой группой выпущенныхъ на свободу грабителей. И вотъ вокругъ живописнаго уголка нашей столицы одна за другой начинаютъ слагаться легенды, нерѣдко самаго противорѣчиваго содержанія. Взвинченное воображеніе чего-только ни приписало этому поистинѣ "Заколдованному мѣсту", исторія съ которымъ невольно приводитъ на память всѣмъ извѣстный разсказъ Гоголя. Слухи быстро облекались въ фантастическіе образы; а образы жонглировались на митингахъ увлекающимися демагогами, глаголящими устами "самого народа".

На эти призраки много энергіи и времени потратилъ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, собравшійся въ Петроградѣ 3-го іюня *). Присутствіе на дачѣ одного-двухъ анархистовъ въ устной передачѣ сразу же выросло въ цѣлую группу анархистовъ-активистовъ. Митингъ въ 123 человѣка разнаго рода кліентовъ прокурорскаго надзора, безъ особаго усилія воображенія, разросся въ полномочное собраніе анархистовъ-коммунистовъ, посылавшее по той же летучей почтѣ въ Таврическій Дврецъ свои ультиматумы и угрозы вооруженныхъ демонстрацій. А тутъ же, 14 іюня, еще и Либеръ сообщилъ о ядрѣ какихъ-то, но уже не анархистовъ, а монархистовъ,

*) 1.090 делегатовъ, изъ нихъ 105 большевиковъ и 32 интернаціоналиста.

засѣвшихъ на той же дачѣ Дурново, подъ предводительствомъ мифическаго полковника Гаврилова, котораго, кстати сказать, такъ до сихъ поръ никому и не привелось увидѣть.

Какъ бы то ни было, гостепріимный паркъ представлялъ удобную лужайку для митинговъ, да очагъ преступности оказывался налицо. Прокуроръ Судебной Палаты, конечно, не могъ пройти мимо насильниковъ, но по установившейся привычкѣ, на его требованія уже не обращали вниманія. Впрочемъ, этотъ весьма сложный случай былъ совсѣмъ особеннымъ: здѣсь даже умѣренные соціалисты затруднялись поставить свой діагнозъ, какъ отнестись къ частной собственности, отобранной у Дурново. Съ одной сторны — они были склонны порицать захватъ дома; но въ то же время, съ другой — въ отношеніи парка — совершенно недвусмысленно разъясняли, что онъ долженъ быть закрѣпленъ въ собственность народа.

Слухи о готовящихся вооруженыхъ демонстраціяхъ большевиковъ все чаще и настойчивѣе носятся въ кулуарахъ. Часть умѣренныхъ членовъ Съѣзда выдвигаетъ контръ-проектъ въ видѣ мирной демонстраціи и въ свою очередь зоветъ всѣхъ 18 іюня выйти на улицу. Однако, день манифестаціи проходитъ не по плану ея миролюбивыхъ инициаторовъ, но по новой программѣ большевиковъ и къ полному торжеству послѣднихъ. Кто изъ насъ, проживавшихъ тогда въ Петроградѣ, не слышалъ отъ своей прислуги, что ей большевики предлагаютъ (черезъ Степиныхъ и т. п. агентовъ) отъ 10 до 30 рублей за участіе въ шествіяхъ по улицамъ? *). Но какъ новость, большевики 18 іюня выпустили такое количество флаговъ и значковъ со всевозможными подобающими лозунгами, какого мы до сихъ поръ никогда не видѣли. Конечно, не скудный поденный заработокъ рабочаго оплатилъ эту бутафорію, а только богатая касса большевиковъ могла поднять такіе расходы. Зато кто бы ни вышелъ на улицу, изъ кого бы толпа ни собиралась, — всѣ попадали подъ большевицкія надписи, всѣхъ подавлялъ рѣющій надъ головами лѣсъ древокъ съ громадными, нерѣдко саженными красными полотнищами.

---

*) См. "Нѣмецкія деньги".

Внѣшній эффектъ, благодаря такой декораціи, вышелъ ошеломляющимъ: Петроградъ сразу какъ бы сталъ краснымъ городомъ. Красный смотръ, такимъ образомъ, удался, какъ никогда, и закончился, по нормальному расписанію, очереднымъ разгромомъ всѣхъ мѣстъ заключенія.

Около шести часовъ вечера, подойдя къ окну своего кабинета на Воскресенской набережной, я увидѣлъ на противоположномъ берегу Невы большую толпу народа, окружившую тюрьму — такъ называемые "Кресты". Зову дежурнаго старшаго агента Ловцева: "Возьмите съ собой нѣсколькихъ агентовъ и пойдите въ "Кресты". Указываю ему на толпу: "Узнайте, кого выпустили изъ тѣхъ, кто числится за мной, и куда они отправились".

Примѣрно черезъ часъ Ловцевъ возвращается: "Изъ посаженныхъ вами освобождены: Хаустовъ, Мюллеръ и Еремѣевъ. Два послѣдніе ушли на дачу Дурново, куда я послалъ за ними четырехъ агентовъ".

Исторія обоихъ заключенныхъ весьма необычна.

Мюллеръ. Прибылъ въ апрѣлѣ изъ-за границы съ партіей эмигрантовъ. На границѣ, въ Бѣлоостровѣ, былъ указанъ моимъ студентамъ самими же эмигрантами, какъ подозрительное лицо, пристававшее къ нимъ въ Швеціи и ничего общаго съ эмигрантами не имѣющее. На допросѣ нашими агентами въ Бѣлоостровѣ онъ сначала давалъ противорѣчивые отвѣты и, наконецъ, совсѣмъ запутался, не умѣя объяснить ни откуда ѣдетъ, ни цѣли своей поѣздки. Все, вмѣстѣ взятое, вызвало подозрѣніе, что Мюллеръ посланъ нѣмцами. Однако, по заведеннымъ порядкамъ, когда въѣздъ въ Россію былъ свободенъ рѣшительно для всѣхъ, и визы штамповало автоматически Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, съ молчаливаго согласія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, я не имѣлъ ни права, ни возможности вернуть Мюллера въ Торнео. Поэтому, по примѣру своихъ предшественниковъ, Мюллеръ изъ вагона былъ препровожденъ въ тюрьму. Но уже въ маѣ, по установившимся обычаямъ, его выпустила толпа, разбивъ двери дома заключенія во славу очередной демонстраціи. Съ тѣхъ поръ онъ начинаетъ пользоваться свободой петроградскаго режима и такъ продолжалъ бы безмятежно

проживать до неизвѣстнаго времени, если бы не непріятный случай, вызванный его же собственной неосторожностью.

Въ первыхъ числахъ іюня, на Знаменской площади, около Николаевскаго вокзала, состоялся довольно многолюдный митингъ, на которомъ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать Міровую войну? Одинъ изъ членовъ Совѣта изъ Таврическаго Дворца, убѣжденный сторонникъ войны, пытается доказать товарищамъ, что имъ надо вернуться въ окопы; но противъ него яростно выступаетъ какая-то неизвѣстная фигура, предлагая немедленно же заключить общій миръ. Къ концу длительнаго диспута, всемогущій членъ Совѣта, скрывавшій до сихъ поръ свое званіе, доведенъ до изступленія. Онъ открываетъ свое инкогнито, называетъ оппонента шпіономъ, тутъ же, на площади, его арестовываетъ и, какъ нѣмецкаго агента, самъ сдаетъ въ ближайшій коммиссаріатъ. Отсюда неизвѣстная фигура пересылается въ контръ-развѣдку; а мы, къ своему пріятному изумленію, узнаемъ въ ней нашего стараго знакомаго Мюллера.

Исторія Еремѣева много проще. Въ началѣ мая я получаю телеграмму изъ Тифлиса отъ Закавказскаго Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ просьбою арестовать нѣкоего Еремѣева. Этотъ дезертиръ по призванію бѣжалъ съ Кавказскаго фронта по первоначалу въ Тифлисъ, гдѣ позанимался нѣкоторое время воровствомъ и пропагандой, а потомъ съ какими-то не совсѣмъ ему принадлежащими суммами поспѣшилъ укрыться въ болѣе безопасное мѣсто, каковымъ не безъ основанія считалъ Петроградъ.

Еремѣевъ былъ нами найденъ и арестованъ, но видимо имѣлъ за собой большихъ заступниковъ, такъ какъ не прошло и недѣли, какъ ко мнѣ явился изъ Таврическаго Дворца членъ Совѣта, юристъ Л. "Меня послалъ къ вамъ Чхеидзе; онъ проситъ васъ выпустить Еремѣева, такъ какъ получилъ изъ Тифлиса телеграмму отъ Гегечкори, въ которой тотъ настаиваетъ на освобожденіи Еремѣева, считая, что послѣдній полезенъ ихъ партіи". Показываетъ подлинную телеграмму. Отвѣчаю Л., что Гегечкори, очевидно, введенъ въ заблужденіе, такъ какъ арестовывая Еремѣева, я лишь исполнилъ просьбу Закавказскаго Совѣта; но теперь уже и самъ не хочу

съ нимъ. разстаться. Показываю досье, дополнительныя данныя и отказываюсь выпустить Еремѣева. Л. совершенно со мною соглашается, говоритъ, что Чхеидзе не были извѣстны эти подробности, извиняется и сконфуженный уѣзжаетъ.

Теперь вернемся ко дню 18 іюня.

Узнавъ отъ Ловцева имена выпущенныхъ, звоню по телефону начлальнику Штаба Балабину: "Сейчасъ толпа выпустила изъ "Крестовъ" Моллера и Еремѣева, которыхъ я посадилъ по просьбѣ Петроградскаго и Закавказскаго Совѣтовъ с. и р. депутатовъ. Они ушли на дачу Дурново. Послалъ вдогонку агентовъ, но, конечно, моихъ силъ недостаточно. Не придумаешь ли что-нибудь подъ эти совѣтскія приказанія?"

— "Попробуемъ", услыхалъ я отвѣтъ.

Узнавъ отъ Балабина эти подробности, Половцовъ ѣдетъ въ Маріинскій Дворецъ на засѣданіе Временнаго Правительства; предлагаетъ послѣднему взять дачу Дурново; но видитъ колебанія нѣкоторыхъ министровъ, встрѣчаетъ неопредѣленное отношеніе, иными словами, не можетъ добиться никакого отвѣта. Отчаявшись, онъ уже выходитъ изъ зала засѣданій, когда его нагоняетъ Переверзевъ: "Генералъ, я санкціонирую ваше предложеніе именемъ Правительства, какъ Генералъ-Прокуроръ, беру отвѣтственность на сбя и самъ ѣду съ вами".

Едва проходитъ часъ съ небольшимъ послѣ моего разговора, какъ меня вызываетъ къ телефону Балабинъ: "Мы рѣшили подъ видомъ возвращенія твоихъ двухъ бѣглецовъ, арестованныхъ Совѣтами, сегодня же ночью взять дачу Дурново. Пріѣзжай поскорѣй".

Черезъ четверть часа я въ Штабѣ Округа. Первымъ встрѣчаю Половцова — оживленнаго, въ сильно приподнятомъ настроеніи. Онъ обращается ко мнѣ съ дружескими, теплыми словами, вспоминаетъ нѣсколько славныхъ, трудныхъ боевъ Дикой Дивизіи: "Прошу тебя", кончаетъ онъ, "забудь свои новыя должности, считай, что ты снова въ Штабѣ нашей Дивизіи, и разыграемъ вмѣстѣ дачу Дурново. Неужели ты мнѣ откажешь?"

— "Конечно, нѣтъ: съ радостью". отвѣчаю я. Кругомъ все въ движеніи. Вызываю для юридическаго надзора В. Н. Каропачинскаго и Снѣгиревскаго.

Однако, положеніе Главнокомандующаго самое нелѣпое: войска не могутъ выступить безъ разрѣшенія Совѣта, но посвящать въ наши планы хотя бы контрольную комиссію изъ 8 членовъ Совѣта — прямо опасно, такъ какъ мы не только не получимъ разрѣшенія, но намъ попросту запретятъ выступленіе. Вотъ почему Половцовъ ограничивается принципіальнымъ разговоромъ съ тремя членами Совѣта, наиболѣе рѣшительно настроенными, между прочимъ, съ Сомовымъ. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности ясно высказывается, что засѣвшихъ на дачѣ Дурново слѣдуетъ разогнать немедленно. Добиваться отъ нихъ большаго было бы неосторожно.

Далѣе, чтобы собрать самый отрядъ, Половцовъ пускаетъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность. Даже лучшимъ частямъ, какъ 1-му Донскому полку, командамъ Преображенцевъ и Семеновцевъ изъ отборныхъ людей, онъ предложилъ каждой въ отдѣльности явиться условно на сборный пунктъ — къ Литейному мосту къ 4-мъ часамъ утра и тамъ уже, а не въ казармахъ, убѣдиться, что выступаютъ онѣ не однѣ, а вмѣстѣ съ другими и, главное, съ разрѣшенія Совѣта.

Въ 4 часа у моста моментъ критическій. Онъ проходитъ благополучно, только потому, что людей вытянули изъ казармъ, и они были тщательно выбраны изъ тѣхъ, кто наиболѣе сохранилъ подобіе воина.

Вотъ передъ нами послѣдній могиканъ, чудомъ уцѣлѣвшій въ нашихъ краяхъ, осколокъ большой арміи, унтеръ-офицеръ дѣйствительной службы Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. Славный полкъ пронесъ черезъ вѣка идеи своего Великаго Основателя, въ которыхъ воспитывалъ Семеновскаго солдата. Теперь послѣдній семеновецъ, послѣдній разъ предоставленъ себѣ самому. Онъ привелъ къ Литейному мосту роту и самъ долженъ рѣшить, какъ поступить. Ему много разъ объясняли, что если прикажутъ вывести людей, то надлежитъ потребовать письменнаго приказанія, подписаннаго членами Совѣта и скрѣпленнаго совѣтской печатью. Въ полку онъ привыкъ точно исполнять приказанія, а здѣсь, у Литейнаго моста, самъ Главнокомандующій такъ привѣтливо говоритъ ему:

— "Неужели вы не вѣрите мнѣ — вашему Главнокомандующему? Развѣ я могу повести васъ на дурное дѣло?" Ун-

теръ-офицеръ стоитъ передъ Половцовымъ вытянувшись, каблуки вмѣстѣ. Ему стыдно требовать, какъ будто неловко вспоминать о письменномъ предписаніи! Онъ явно избѣгаетъ титуловать "господинъ генералъ". Такъ и кажется, что съ языка сорвется: "Ваше превосходительство".

— "Да вѣдь члены Совѣта разрѣшили захватить тѣхъ, кто былъ пойманъ по ихъ же приказанію", продолжаетъ Половцовъ и тутъ же, какъ послѣдняя "была — не была", вдругъ заявляетъ: "Наконецъ, и бумага у меня въ карманѣ".

Стою рядомъ, боюсь посмотрѣть на Половцова: а ну, какъ попроситъ показать... Хочу отвести разговоръ и громко говорю: "А вотъ и преображенцы".

— "Слушаюсь! Идемъ!", громко восклицаетъ семеновецъ, отчетливо поворачивается кругомъ и идетъ къ ротѣ. Тронулись: одна колонна, человѣкъ въ 200 (преображенцевъ и семеновцевъ) — съ запада; другая (измайловцы и егеря) — съ востока; при каждой полсотни казаковъ.

Беру автомобиль, быстро ѣду впередъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью. Объѣзжаю сначала весь кварталъ и на углу слѣзаю. У воротъ въ паркъ два стража отъ засѣвшей банды, потерявшіе обликъ человѣческій: грязныя, рваныя шинели, лица испитыя, немытыя, бороды нечесанныя, въ рукахъ винтовки. Иду къ воротамъ, и какъ разъ подходитъ головной разъѣздъ, а съ нимъ Половцовъ. Входимъ вдвоемъ, за нами казаки. При нашемъ появленіи оба караульщика исчезаютъ. Беру солдатъ, оцѣпляю домъ и одновременно приказываю подобрать нѣсколько десятковъ хулигановъ, завсегдатаевъ ночлежки, мирно спавшихъ подъ деревьями. Домъ запертъ со всѣхъ сторонъ. Возвращаюсь на крыльцо, а Половцовъ подходитъ къ окну и стучитъ.

Тѣмъ временемъ небольшой дворъ заполняется нашими людьми. Пріѣзжаетъ Переверзевъ. Наконецъ, изъ боковой галлереи появляется для переговоровъ высокій представительный матросъ — Желѣзняковъ. Переверзевъ требуетъ, какъ Генералъ-Прокуроръ, немедленно открыть двери. Желѣзняковъ вступаетъ въ пререканія, говоритъ о свободахъ и правахъ народа на дома и земли. Складная рѣчь его течетъ быстро, словъ не подыскиваетъ; держитъ себя непринужденно. По

внѣшности — совсѣмъ не татуированная физіономія бульдога; напротивъ — высоко закинутая голова, съ правильными чертами лица при открытомъ воротѣ даже импонируетъ.

Переверзевъ настаиваетъ: онъ прежде всего желаетъ получить Мюллера и Еремѣева, которые прячутся въ домѣ. Желѣзняковъ отвѣчаетъ, что Мюллеръ, дѣйствительно, здѣсь, а Еремѣева нѣтъ, такъ какъ онъ ушелъ къ большевикамъ въ домъ Кшесинской.

— "Вы, товарищъ-министръ, войдете въ домъ только черезъ наши трупы", заканчиваетъ онъ и быстро скрывается въ галлерею, откуда уже слышатся стуки молотковъ, заколачивающихъ двери.

— "Генералъ", обращается Переверзевъ къ Половцову, "предоставляю вамъ распоряжаться и занять домъ войсками".

Едва переговоры кончились, какъ за окнами въ нижней галлереѣ начинаютъ вырисовываться какія-то фигуры. Какъ оказалось потомъ, то были не анархисты, а бездомные бродяги самаго послѣдняго разбора, которые больше всего боялись пролитія своей крови и подошли къ окнамъ, чтобы сразу же попасть намъ на глаза и засвидѣтельствовать покорность.

Половцовъ идетъ къ окну и командуетъ: "Впередъ!". Но наша воинская сила притихла и не двигается; ея какъ будто и нѣтъ совсѣмъ. Вдругъ впередъ кидается ординарецъ Балабина — студентъ Петроградскаго политехникума *). Онъ съ разбѣга вскакиваетъ на подоконникъ, широкимъ взмахомъ обѣихъ рукъ разбиваетъ стекла, высаживаетъ переплетъ рамы и спрыгиваетъ по ту сторону. За нимъ влѣзаемъ мы — три офицера Дикой Дивизіи: адъютантъ Половцова корнетъ М. А. Масленниковъ, ротмистръ Рагозинъ и я. Войска безмолвствуютъ, стоятъ какъ вкопанныя.

Положеніе Половцова очень трудное: онъ снова пускается на хитрость: "Преображенцы, что же вы стоите? Смотрите, семеновцы уже вошли...", говоритъ онъ у одного окна преображенцамъ. Быстро переходитъ на другой фасъ и приглашаетъ уже семеновцевъ поспѣшить, "чтобы догнать преображен-

*) Къ сожаленію, не помню его фамиліи.

цевъ, которые уже вошли". Потомъ возвращается къ преображенцамъ, невозмутимо стоящимъ во дворѣ, и монологъ возобновляется.

Нѣсколько казаковъ-урядниковъ постепенно втягиваются въ домъ, за ними десятка полтора солдатъ. Тутъ очень быстро происходитъ маленькая непріятность: противникъ начинаетъ кидать ручныя гранаты изъ оконъ и балкона верхняго этажа во дворъ; впрочемъ, онъ забываетъ выдернуть предохранители, и ни одна граната не разрывается. Нѣсколько подобныхъ гранатъ были брошены и около лѣстницы внутри самого зданія. Для нашихъ воиновъ этого оказалось достаточно: солдаты, забравшіеся было въ домъ, опрометью бросаются назадъ, высыпаются изъ окна, въ которое мы пролѣзли, бѣгутъ черезъ дворъ на набережную, а за ними убѣгаетъ и все наше войско.

Теперь обстановка такая: въ зданіи остались мы — офицеры. Во дворѣ стоятъ Переверзевъ съ прокуроромъ Судебной Палаты Каринскимъ, Половцовъ съ Балабинымъ и нѣсколькими офицерами, а съ ними одинъ все онъ же — послѣдній солдатъ — унтеръ-офицеръ Л.-Гв. Семеновскаго полка. Онъ начинаетъ свистѣть, кидается на улицу, сильной рукой поворачиваетъ и вталкиваетъ во дворъ отдѣльныхъ солдатъ. Паника постепенно прекращается; многіе, но, конечно, не всѣ, возвращаются во дворъ, послѣ чего наступленіе начинается сначала.

Уютный когда-то, хорошо обставленный двухъэтажный домъ, превращенный въ ночлежку, постепенно очищается. Сопротивленіе оказываетъ только одна комната, въ которой заперлись Желѣзняковъ съ Аснинымъ. Выламывая послѣднюю дверь, одинъ изъ солдатъ просовываетъ въ щель винтовку и, ворочая стволомъ, нечаянно спускаетъ курокъ. Раздается выстрѣлъ, кстати сказать, единственный. Пуля случайно попадаетъ въ спину Аснина и укладываетъ его на мѣстѣ.

Аснинъ былъ извѣстный воръ-рецидивистъ. Отбывъ по суду два наказанія за кражи, онъ былъ приговоренъ въ третій разъ къ каторжнымъ работамъ въ Сибирь, гдѣ его застала революція. Выпущенный въ мартѣ на свободу, Аснинъ вернулся въ Петроградъ, подружился съ Желѣзняковымъ и, записавшись въ анархисты, поселился на дачѣ Дурново. От-

туда онъ двигалъ революцію, разсылалъ угрозы по разнымъ организаціямъ — самое обыкновенное явленіе тѣхъ далекихъ дней.

Наконецъ, Желѣзняковъ "сдается силѣ", и всѣ плѣнные собираются во дворѣ.

Тѣ, кто видѣлъ эту группу, никогда ее не забудутъ. Числомъ около ста, то были не люди, а выходцы изъ нижняго подвала петроградской трущобы, въ грязныхъ лохмотьяхъ, съ лицами, отмѣченными разъѣдающимъ клеймомъ порока. Вѣроятно, большинство изъ нихъ долгіе годы не видѣло куска мыла, а ножницы никогда не прикасались къ ихъ всклокоченной гривѣ и щетинѣ. Среди другихъ, десятка полтора, судя по одеждѣ, слѣдовало принять за женщинъ; но онѣ такъ растеряли и распили малѣйшіе признаки своего былого облика, что почти не отличались отъ всѣхъ остальныхъ. Эти были особенно ужасны.

Отправляемъ всю группу на разслѣдованіе. Половцовъ отдаетъ послѣднія приказанія полковнику П. Назимову, котораго оставляетъ за начальника: "Вы останетесь здѣсь съ батальономъ еще одинъ часъ", говоритъ онъ, отмѣчая время, "а потомъ отведете солдатъ въ казармы". Рѣшеніе правильное, отвѣчающее обстановкѣ и единственное: солдатъ уже стало значительно меньше, они начали разсасываться по окрестностямъ, уже разбрелись. "Понимаешь", говоритъ мнѣ Половцовъ, "я не могу приказать иначе. Представляешь себѣ, что будетъ здѣсь часа черезъ два, какая соберется толпа народа, и сколько людей останется у Назимова? Да и кто его будетъ слушаться? Только новый скандалъ, новое неисполненіе приказанія!"

Возвращаемся вмѣстѣ въ автомобилѣ. Настроеніе отъ успѣшнаго конца у обоихъ повышенное, веселое.

— "Что, на арканѣ тащилъ свою гвардію", смѣюсь я надъ Половцовымъ. Въ это время на набережной обгоняемъ нашихъ плѣнниковъ. Посрединѣ съ гордо закинутой головой выдѣляется стройная фигура Желѣзнякова. Кругомъ него, пугливо озираясь по сторонамъ, ползутъ какія-то убогія, уродливыя тѣни. "Такъ вотъ эти оборванцы посылали ультимату-

мы Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ!", восклицаетъ Половцовъ, указывая на нихъ.

Несомнѣнно, на митинги въ паркъ приходили и другіе анархисты и большевики. Но какъ ни подходить къ этимъ ультиматумамъ и ихъ авторамъ, все-таки придется признать, что на плацдармѣ окопались не народные делегаты, а одинъ анархистъ Желѣзняковъ — сила черноземная, а съ нимъ разные грабители. Тамъ же мы находимъ и нѣмецкаго агента Мюллера!...

Желѣзняковъ, Аснинъ и Мюллеръ — трое въ тѣсномъ союзѣ, какъ символъ разрушенія, такъ и проходятъ черезъ всю эпоху отъ 1 марта до нынѣшнихъ дней.

Неужели же это имъ надлежало отдать паркъ Дурново? Другихъ мы не видимъ *). Таково еще одно противорѣчіе революціи, гдѣ все такъ запутанно и сложно; а между тѣмъ, какъ легко и просто въ прежнее время ликвидировалъ бы все дѣло съ дачей самый обыкновенный околодочный надзиратель. Намъ же предстояло еще защищаться и оправдываться. Для начала пріѣзжаемъ съ Половцовымъ въ Собраніе Преображенскаго полка и распредѣляемъ арестованныхъ. Къ своему большому удовольствію, прокуроръ узнаетъ среди обитателей дачи прежде всего Гусева — мелкаго вора-рецидивиста, давно разыскиваемаго за послѣднюю кражу.

Черезъ часъ пріѣзжаетъ съ дачи Дурново оставленный тамъ для наблюденія Каропачинскій съ сообщеніемъ, что не только въ паркѣ собралось много народу, но толпа уже запрудила прилегающія улицы. Вѣсть о нашемъ визитѣ и смерти Аснина бѣжитъ по городу. Митингъ принимаетъ грандіозные размѣры; ораторы смѣняютъ другъ друга, объявляютъ "смерть палачамъ" и все остальное, что полагается изъ того же репертуара.

Главное Управленіе Генеральнаго Штаба спѣшитъ использовать моментъ, очень подходящій, по мнѣнію Полапова, для пропаганды. Оттуда посылаютъ на дачу на автомобилѣ корнета В. Скосырева съ пакетомъ какихъ-то прокламацій. Несчастный не успѣваетъ доѣхать, какъ его стаскиваютъ съ

---

*) См. "Петроградская трясина".

машины и жестоко избиваютъ. Скосыревъ былъ подобранъ прохожими въ безсознательномъ состоянiи и доставленъ въ госпиталь.

Отъ преображенцевъ перехожу черезъ Дворцовую площадь; иду къ министру иностранныхъ дѣлъ Терещенко. Онъ ждетъ меня къ 11 часамъ и знакомитъ у себя въ кабинетѣ съ офицеромъ французской делегацiи, капитаномъ Laurent оказавшимъ намъ впослѣдствiи неоцѣнимыя услуги. "Вотъ теперь вы знакомы", говоритъ Терещенко, "и можете обо всемъ сноситься другъ съ другомъ непосредственно безъ меня".

Отъ Терещенко ѣду къ Переверзеву, который просилъ срочно сообщить ему точныя данныя о Мюллерѣ и Еремѣевѣ. Узнаю отъ Бессарабова, что въ Таврическомъ Дворцѣ разразилась буря,.... а потому Временное Правительство назначило особую смѣшанную комиссiю изъ прокурорскаго надзора и членовъ Совѣта с. и р. депутатовъ для разслѣдованiя всего "происшествiя". Переверзевъ, уѣзжая, поручилъ меня спросить, кого я предложу въ эту комиссiю отъ контръ-развѣдки. Называю П. А. Александрова.

Спѣшу къ себѣ на Воскресенскую набережную; прiѣзжаю какъ разъ во-время, такъ какъ въ передней застаю большевика присяжнаго повѣреннаго Козловскаго, а съ нимъ десятка два вооруженныхъ солдатъ и имъ подобныхъ. Еще съ лѣстницы слышу шумъ и крики, которыми обычно сопровождаются эти посѣщенiя *).

Нѣсколько человѣкъ кричатъ сразу. "Контръ-революцiя" повторяется на всѣ лады, а за нею выдвигается настойчивое требованiе немедленно выпустить арестованныхъ. Слѣдомъ идутъ соотвѣтствующiя объясненiя, что постигнетъ контръ-развѣдку, если товарищи сегодня же не вернутся на дачу Дурново. Для большаго вразумленiя двое бойко размахиваютъ кулаками и изступленно выкрикиваютъ: "Въ бараній рогъ!".

— "Да вы не туда попали", отвѣчаю я, какъ мнѣ кажется, спокойнымъ голосомъ, а у самого внутри такъ все и прыгаетъ: "Мы исполнили только желанiе Совѣта с. и р. депу-

*) Среди другихъ — знакомыя лица: сосѣди по верхнему этажу изъ "боевого отдѣла Литейной части партiи большевиковъ".

татовъ. Поѣзжайте къ нимъ и все узнаете. Кстати, къ нимъ и обращайтесь за освобожденіемъ". Мгновенно замерли; недовѣрчиво переглядываются. Черезъ нѣсколько секундъ заводитъ одинъ Козловскій, но уже октавой ниже: "Доказательства! Я самъ членъ исполнительнаго комитета". — "Да я уже вамъ сказалъ: поѣзжайте въ Совѣтъ", отвѣчаю я, повышая голосъ, "тамъ и спеціальная комиссія назначена". Поворачиваю налѣво, иду по корридору; вызываю Александрова и запираюсь съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Гости уходятъ. Еще раза два доносятся съ лѣстницы прощальные возгласы: "Охранка!". Все утихаетъ.

Ночью Александровъ возвращается изъ комиссіи съ хорошими вѣстями: "Право, Борисъ Владиміровичъ, какъ будто по точному заказу. Вѣдь только эти два по всѣмъ нашимъ дѣламъ и были арестованы по просьбѣ Совѣтовъ. Спроси у насъ третьяго, мы бы никакъ не нашли. А по поводу выступленія войскъ безъ разрѣшенія, болѣе или менѣе улеглось, такъ какъ за недостаткомъ времени разрѣшенія спросить не успѣли, тѣмъ болѣ, что выступили изъ-за арестованныхъ Совѣтами". Буря утихаетъ. Только выстрѣлъ по Аснину грозитъ крупными осложненіями. Однако, и здѣсь намъ приходитъ на помощь случайное обстоятельство: оказалось, что буквально все тѣло Аснина было татуировано рисунками до крайности циничными, дальше которыхъ никогда не уходила подзаборная литература.

Переверзевъ распорядился сфотографировать эти рисунки.

Подъ давленіемъ "контактной комиссіи", образованной съ началомъ революціи по инициативѣ Нахамкеса, Временное Правительство установило положеніе, въ силу котораго Министры должны были защищать свою дѣятельность передъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ *). На многолюдномъ собраніи Съѣзда, разбиравшемъ нашу экспедицію на дачу Дурново, противъ Переверзева выступаетъ рядъ ораторовъ, среди другихъ особенно ожесточенно большевики Луначарскій и Ка-

*) О "контактной комиссіи" см. главу: "Нахамкесъ". Изъ нея же видно, что Нахамкесъ считалъ себя членомъ "Законодательной Палаты".

меновъ. На крики и упреки въ "убійствѣ народнаго избранника", Переверзевъ предъявляетъ фотографіи тѣла Аснина со всѣми рисунками. Эффектъ выходитъ ошеломляющій. Луначарскій и Каменевъ поспѣшно ретируются; даже Троцкій не умѣетъ найти слова, а собраніе провожаетъ министра оваціями *).

Матросы-кронштадцты устраиваютъ "борцу за идею" Аснину помпезныя похороны съ красными флагами, оркестрами, рѣчами "смерть палачамъ" и т. п.

Такимъ образомъ, для насъ все кончилось гладко. Внѣшнимъ образомъ то же можно было сказать и про Главнокомандующаго, хотя, несомнѣнно, трюкъ съ выводомъ войскъ не могъ усилить къ нему довѣрія Совѣта р. и с. депутатовъ, а потому акціи его въ Таврическомъ Дворцѣ упали еще ниже.

Хуже всѣхъ пришлось Переверзеву. Черезъ нѣсколько дней, войдя въ комнату секретарей министра юстиціи, застаю такую картину: у стола сидитъ Бессарабовъ, передъ нимъ стоитъ Данчичъ, размахиваетъ руками и въ тактъ приговариваетъ: "Убьемъ, убьемъ, убьемъ". — "Такъ убейте же, чортъ васъ возьми, только избавьте отъ своего присутствія".

— "Въ чемъ дѣло, Иванъ Ивановичъ, откуда такіе ужасы?", прерываю я его ритмическое покачиваніе. Все объясняется. Желѣзняковъ пользовался большой популярностью среди кронштадтскихъ самостійниковъ. И вотъ каждый день съ утра, въ пріемную министра юстиціи вваливалась пачка вооруженныхъ матросовъ и не уходила до самого вечера, требовала немедленнаго освобожденія Желѣзнякова, грозя въ противномъ случаѣ убить Переверзева.

Послѣдній выходилъ къ матросамъ и неизмѣнно отвѣчалъ, что Желѣзняковъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока

*) Черезъ много лѣтъ Троцкій все же разыскалъ свое слово. На стр. 483-ей "Моя жизнь" т. П онъ описываетъ, какъ "представители юстиціи и милиціи выяснили", что на дачѣ Дурново "нашелъ пріютъ рядъ просвѣтительныхъ рабочихъ организацій", и тамъ "царилъ полный порядокъ".

По самому тщательному обыску, кромѣ "просвѣтительныхъ" рисунковъ на тѣлѣ Аснина никакихъ признаковъ этихъ организацій мы не нашли.

онъ; Переверзевъ, останется министромъ. Павелъ Николаевичъ твердо держалъ свое слово. Эти угрозы, естественно, временами доводили до изступленія секретарей министра, которымъ приходилось ихъ выслушивать въ пріемной втеченіе цѣлаго дня и каждый день.

Думаемъ вмѣстѣ, какъ помочь, какъ не допускать матросовъ до пріемной. Пробую поставить караулъ. Передняя министерскаго дома немедленно превращается въ свиной хлѣвъ съ сѣмечками.

Горе-солдаты: добрая половина сразу уходитъ въ городъ; оставшіеся же мирные мужички, запрятавъ винтовки, со страхомъ и уваженіемъ смотрятъ на рѣшительныхъ, грубыхъ, вооруженныхъ матросовъ, увѣренно и быстро поднимающихся по лѣстницѣ. Какой контрастъ!.. Эти знаютъ, чего хотятъ.

10

ИЗЪ ЖУРНАЛА КОНТРЪ - РАЗВѢДКИ

Въ контръ-развѣдкѣ волненіе. Большая междувѣдомственная комиссія Потапова закончила въ серединѣ іюня составленіе общей инструкціи контръ-развѣдкѣ. Но бѣда не въ этомъ. Она даже приступила къ составленію плана работъ. И это бы еще ничего: я участвовалъ только въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ и времени не потерялъ, такъ какъ посылалъ вмѣсто себя замѣстителя Пашеннаго.

Вся непріятность — въ циркулярѣ. Это новый сюрпризъ Потапова. Въ заботѣ по созданію новаго кадра новой контръ-развѣдки, онъ открываетъ спеціальные курсы, что нельзя было не привѣтствовать. Только въ приказаніи по всѣмъ контръ-развѣдкамъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба увѣдомляетъ, что служить въ контръ-развѣдкѣ будутъ только тѣ, кто окончитъ названные курсы. Агенты и младшіе служащіе обезпокоены: они уже на службѣ, не могутъ ее бросить, чтобы посѣщать курсы, а потомъ, оказавшись безъ диплома, будутъ подлежать увольненію. Ходатайства и протесты моего помощника, состоящаго для связи при Главномъ Управленіи, не при-

водятъ ни къ чему. Ему твердо разъясняютъ двумя словами: "Никакихъ исключеній".

Ѣду къ Потапову.

— "Да вѣдь вы сами пригласили читать лекціи на курсахъ всѣхъ нашихъ старшихъ юристовъ, начиная съ Александрова! Я разрѣшилъ имъ посвятить часа по два въ день на лекціи. У насъ агенты все время проходятъ практическую школу тѣхъ же профессоровъ. Вашимъ циркуляромъ вы срываете всю работу. Мнѣ придется закрыть контръ-развѣдку".

Потаповъ продолжаетъ упорствовать, пока я не говорю, что вынужденъ буду запретить своимъ слѣдователямъ читать лекціи, такъ какъ останусь одинъ.

Онъ сдается. Не уѣзжаю, пока не получаю письменное къ циркуляру дополненіе, изъ котораго слѣдуетъ, что для нынѣшняго состава петроградской контръ-развѣдки посѣщеніе курсовъ не обязательно.

На службѣ я принималъ постороннихъ лицъ только одинъ часъ въ день — отъ 6 до 7 часовъ вечера, чѣмъ вызывалъ жестокія нареканія нетерпѣливой публики.

— "Кто вы такой?!" иногда раздраженно кричали на меня разочарованные ходатаи, "мы любого министра достанемъ скорѣе, чѣмъ васъ".

Тѣмъ не менѣе, мѣнять порядка я не собирался. У меня нѣтъ времени разговаривать въ пріемной больше часа въ день, а всякій явившійся могъ поговорить въ любой часъ дня и ночи съ дежурнымъ слѣдователемъ или обратиться въ мою канцелярію и условиться о встрѣчѣ со мной.

Непроходимыя трудности были въ другой области: намъ не удавалось устанавливать систематическаго наблюденія за лидерами большевиковъ. Въ апрѣлѣ, еще при Корниловѣ, мнѣ помогла наша студенческая организація. Она начала было представлять ежедневныя сводки о томъ, что происходитъ въ домѣ Кшесинской. Однако, по прошествіи нѣсколькихъ дней регулярныя донесенія оборвались. Мнѣ заявили, что я втягиваю въ политику, а послѣ жестокаго преслѣдованія всѣхъ, занимавшихся политической развѣдкой при старомъ режимѣ, уговорить кого-нибудь влѣзть въ политическую партію —

было неимовѣрно трудно. Достаточно сказать, что даже на насъ, занимавшихся всего только нѣмецкими дѣлами, смотрѣли какъ на обреченныхъ. Къ этому остается прибавить, что видные большевики имѣли обыкновеніе тщательно замаскировывать свои слѣды.

Такъ, трусливый по натурѣ Ленинъ очень любилъ скрываться. Въ лучшемъ случаѣ мнѣ приходилось узнать, гдѣ онъ провелъ уже истекшую ночь, а поэтому возстановить за нимъ разъ потерянное наблюденіе было совсѣмъ нелегко.

Въ началѣ іюня Балабинъ мнѣ сообщилъ, что Петроградскій Округъ получаетъ спеціальныя заданія по оборонѣ, а потому нашъ тыловой Штабъ переформировывается. Въ связи съ этимъ преобразованіемъ былъ возстановленъ отдѣлъ Генералъ-Квартирмейстера, а меня назначили Генералъ-Квартирмейстеромъ съ оставленіемъ контръ-развѣдки въ моемъ непосредственномъ подчиненіи. Одновременно Половцовъ приказалъ мнѣ лично продолжать вести дѣло по обвиненію большевиковъ въ государственной измѣнѣ.

Начальникомъ контръ-развѣдки былъ назначенъ по моему представленію талантливый, смѣлый, рѣшительный судебный слѣдователь В. Кромѣ большевиковъ, я оставилъ непосредственно за собой одно непріятное дѣло о копіи съ документа, выкраденнаго изъ мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Эту бумагу мои агенты раскопали въ одной небольшой гостинницѣ на Фонтанкѣ, гдѣ ютились всякаго вида подозрительные люди. Мнѣ не пришлось довести этого дѣла до конца, а потому я лишенъ права назвать фамиліи. Слѣдующій за мной Генералъ-Квартирмейстеръ, полковникъ Порадѣловъ передавалъ мнѣ уже заграницей, что его контръ-развѣдка, идя по тому же направленію, также не успѣла закончить разслѣдованія; но продвигаясь дальше, имѣла всѣ основанія ожидать такъ называемаго "громкаго процесса" *).

Въ мое время о подробностяхъ разслѣдованія знали три человѣка: я, Балабинъ и Генеральнаго Штаба генералъ Сатерупъ,

*) При такихъ условіяхъ рѣшать о возможности предать дѣло гласности я предоставляю полковнику Порадѣлову.

который взялся намъ помочь. Дѣло въ томъ,что въ упомянутой компаніи, вѣрнѣе сказать — шайкѣ, изъ гостинницы на Фонтанкѣ часто бывалъ одинъ довольно видный офицеръ, который раньше служилъ въ Штабѣ. Онъ принималъ замѣтное участіе въ февральской революціи, а потомъ пошелъ по администраціи. Въ новыхъ учрежденіяхъ его бездѣятельность, а можетъ быть и злонамѣренная служба Германіи, ознаменовалась невѣроятнымъ разваломъ. Этотъ офицеръ велъ разгульный образъ жизни среди подонковъ общества, поэтому, естественно, наши подозрѣнія направились въ его сторону, тѣмъ болѣе, что выкраденный документъ былъ въ его вѣдѣніи *). Предстояло прослѣдить, провѣрить дальнѣйшее. Генералъ Сатерупъ приходилъ въ ужасъ. Даже Балабинъ начиналъ нервничать. Онъ говорилъ мнѣ такъ: "Спасемъ честь мундира; если самое тяжелое подтвердится, то мы съ тобой поѣдемъ на квартиру, вручимъ ему револьверъ и предложимъ въ нашемъ присутствіи застрѣлиться".

Но революція спасла и этого, какъ многихъ другихъ, чьи дѣла закрылись на вѣчныя времена.

Какъ общее правило, шпіонъ на дознаніи никогда не признается въ своей дѣятельности, горячо клянется всѣми святыми въ своей невиновности. Для убѣдительности призываетъ болѣзни и несчастія на головы своихъ дѣтей или близкихъ, а женщины сверхъ того впадаютъ въ истерику, падаютъ на колѣни. И вся эта ложь для непосвященнаго кажется самой неподдѣльной искренностью.

Однажды мы съ Александровымъ допрашивали одного очень подозрительнаго Сорокина, проживавшаго въ Лигово. Онъ призывалъ къ забастовкамъ на заводахъ района Нарвской заставы, это мы опредѣлили точно. О его связяхъ съ нѣмцами прямыхъ уликъ въ началѣ не было, но косвенныхъ, по донесеніямъ секретныхъ агентовъ — порядочно. Сорокинъ тоже — въ слезы и на колѣни. Александровъ случайно выходитъ. Я дѣлаю видъ, что смотрю въ окно. Онъ съ рыданіями поднимается и, думая, что я не вижу, быстро стягиваетъ

*) Этого офицера не было въ эмиграціи. Онъ остался у большевиковъ.

первую попавшуюся бумагу съ моего стола и скорѣе въ карманъ. Я поворачиваюсь, хватаю его за руку. Слезы сразу высохли; а косвенныя улики прояснились.

Больше всего донесеній приходило о несуществующихъ Т. С. Ф.-ахъ. Можно подумать, что весь Петроградъ покрываетъ лѣсъ мачтъ, по которымъ посылаются донесенія въ Берлинъ. Предлагать разыскивать эти станціи — простѣйшій способъ завязать съ нами знакомство.

И кто только не приходитъ съ разными услугами! Услыхавъ какъ-то шумъ въ пріемной, я вышелъ посмотрѣть. Застаю офицера, юнкера, а кругомъ толпу народа. Мнѣ докладываютъ, что офицеръ привелъ юнкера, обвиняя его въ шпіонажѣ. Приглашаю къ себѣ офицера. На немъ форма Казанскаго драгунскаго полка. Корнетъ, уже немолодой — лѣтъ 30-ти. Казанскій полкъ я довольно часто встрѣчалъ на фронтѣ. Задаю корнету рядъ вопросовъ о полкѣ и дѣйствительно убѣждаюсь, что славныя дѣла Казанскихъ драгунъ ему близко знакомы.

— "Почему же вы арестовали юнкера?"

— "Я схватилъ его на Невскомъ и привелъ прямо сюда: онъ шпіонъ".

Слово за словомъ выясняется, что юнкера онъ сейчасъ увидѣлъ впервые въ своей жизни, а схватилъ его за внѣшность, какъ блондина, полагаясь исключительно на свое чутье.

Рѣчь офицера спокойная, но глаза ужасны: неподвижный, тяжелый, сосредоточенный взглядъ. Сумасшедшій? Такъ и оказалось: доблестный офицеръ былъ въ бою тяжело раненъ въ голову, потерялъ разсудокъ, сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ. Оттуда бѣжалъ. Сколько такихъ гуляло по улицамъ? Вызываю по телефону смотрителя лѣчебницы, возвращаю ему офицера, а разстроеннаго въ конецъ юнкера утѣшаю, что онъ очень дешево отдѣлался. Уступая его просьбамъ, выдаю ему для представленія начальнику училища удостовѣреніе съ печатью, что онъ "вовсе не шпіонъ".

Среди иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ іюнѣ въ Петроградъ, былъ извѣстный швейцраскій соціалистъ Робертъ Гриммъ. Попавъ въ Россію подъ видомъ ознакомленія съ

революціей, онъ былъ встрѣченъ автомобилями и оваціями на вокзалѣ и на первыхъ порахъ вызывалъ горячія симпатіи Президіума Совѣта, а также нѣкоторыхъ министровъ-соціалистовъ, особенно Скобелева.

Однако, послѣ такой общей радости дружескія чувства внезапно постигло горькое разочарованіе. Удалось перехватить черезчуръ откровенную телеграмму отъ нѣмецкаго вице-консула въ Женевѣ Гофмана, посланную Гримму въ Петроградъ. На память мнѣ трудно привести точный текстъ телеграммы. Замѣтимъ только, что по немъ можно было безошибочно судить, что Гриммъ имѣлъ опредѣленное заданіе отъ Гофмана — добиться сепаратнаго мира Россіи съ Германіей, дѣйствуя черезъ Совѣтъ. Конечно, можно спорить и противъ документовъ, но уже гораздо труднѣе.

Оффиціально соціалъ-демократическая формула Гримма, какъ извѣстно, переписывалась въ Петроградѣ въ такомъ видѣ: "Самая важная и совершенно неотложная задача русской революціи въ настоящій моментъ — борьба за миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, борьба за миръ въ международномъ масштабѣ".

Ратовать за немедленное прекращеніе войны не возбранялось, если ораторъ исходилъ изъ какой-нибудь политической платформы, хотя бы пораженческой. Но когда та же мысль являлась изъ нѣмецкой инструкціи, то оригинальное понятіе должно было получить болѣе узкое толкованіе.

Вотъ и доказывай каждый разъ, откуда именно пришла мысль о сепаратномъ мирѣ.

Временное Правительство очень горячо обсудило новое положеніе Гримма. Переверзевъ разсказывалъ мнѣ, что министры-поручители были посрамлены выше мѣры, даже не нашли, что возразить. Временное Правительство единогласно постановило выслать Гримма въ 24 часа за предѣлы Россіи.

Переверзевъ меня вызываетъ сообщаетъ рѣшеніе Правительства, приказываетъ привести его въ исполненіе, прослѣдить Гримма до границы.

— "Вотъ такъ, Павелъ Николаевичъ", отвѣчаю я, "благодарю васъ за добрыя вѣсти; но почему бы намъ не по-

мѣстить Гримма въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости и не разсказать ему о содержаніи нѣскольких статей нашего Уголовнаго Уложенія? Это было бы такъ наглядно для другихъ гостей".

Переверзевъ смѣется: "Вы хотите невозможнаго. Будьте счастливы и высылкѣ".

Согласно новому порядку, Правительству еще предстоитъ защищать свое рѣшеніе во Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ. Для сего оно назначаетъ докладчикомъ министра-соціалиста Церетели. Выступленіе послѣдняго на трибунѣ 19 іюня вызываетъ жаркіе дебаты и особенно рѣзкіе выпады нынѣ здравствующаго члена II Интернаціонала Абрамовича, и уже умершаго Цедербаума (Мартова), особенно защищающихъ Гримма.

Церетели не смущается. Онъ аргументируетъ, настаиваетъ, и въ финалѣ добивается подавляющаго большинства, признавшаго постановленіе Правительства правильнымъ.

Такимъ образомъ, необходимо отмѣтить, что Гриммъ, счастливо избѣжавъ каторжныхъ работъ, былъ изгнанъ изъ Россіи не одними буржуазными министрами, но согласно постановленія многолюднаго Съѣзда Совѣтовъ. Своимъ приговоромъ Съѣздъ удостовѣрялъ подлинность описаннаго факта; само же дѣло пріобрѣтало международный интересъ, въ виду положенія Р. Гримма и той исключительной роли, которую онъ игралъ на интернаціональныхъ пораженческихъ конференціяхъ въ Швейцаріи, — тѣхъ самыхъ, поставимъ въ скобкахъ, гдѣ протекала работа Ленина и его клики.

Напомнимъ, что Циммервальдская конференція избрала руководящій центръ, такъ называемую Интернаціональную Комиссію, куда вошли: членъ итальянской палаты Моргари, членъ Швейцарскаго Университетскаго совѣта Нэнъ, Робертъ Гриммъ и, какъ переводчица, Анжелика Балабанова.

Комиссія обосновалась въ Бернѣ, откуда давала руководящія указанія по всѣмъ странамъ черезъ свой постоянный секретаріатъ; а послѣдній состоялъ всего изъ секретаря Роберта Гримма и переводчицы при немъ Балабановой.

Итакъ, Робертъ Гриммъ разсылалъ по Европѣ "руководящія указанія", собиралъ конференціи, а самъ, какъ мы до-

кументально доказали (въ Петроградѣ), получалъ инструкціи отъ нѣмецкаго вице-консула въ Женевѣ Гофмана *).

11
НѢМЕЦКІЯ ДЕНЬГИ

Контръ-развѣдка появилась заново. Предоставленная самой себѣ, она боролась собственными силами. Въ этихъ условіяхъ очень многое завѣдомо оказывалось внѣ ея досягаемости, и отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ вида, что цѣлыя нѣмецкія звенья такъ навсегда и оказались не освѣщенными, а значительныя части общей картины нѣмецкаго наступленія по Россіи остались покрытыми вѣчной темнотой.

Прошли года. Въ печати появились всевозможныя разъясненія, дополненія, комментаріи, даже фотографіи новыхъ документовъ, но все это меня не касается, какъ бы они на первый взглядъ ни казались заманчивыми для подтвержденія основныхъ положеній. Контръ-развѣдкѣ іюля 1917 года они не нужны, а нѣкоторые изъ нихъ даже опасны.

Намъ посчастливилось въ свое время выйти навстрѣчу нѣмцамъ по нѣсколькимъ путямъ и на нихъ зацѣпиться. Вотъ только объ этихъ достиженіяхъ и о матеріалахъ, попавшихъ тогда въ бюро государственной контръ-развѣдки, мнѣ придется представить здѣсь краткую сводку **).

Прежде всего два слова о Ермоленко. Почему-то съ него начинаются почти всѣ разоблаченія въ печати и на него принято указывать, какъ на главнаго обличителя. Но такъ какъ онъ, кромѣ голословныхъ заявленій, не далъ ничего, то все обвиненіе, построенное на его показаніяхъ, по справедливости осталось неубѣдительнымъ.

---

*) Что касается Балабановой, то ея работа на Германію была разоблачена итльянской прессой и Бурцевымъ въ октябрѣ 17-го год. См. "Мессажеро" и "Общее Дѣло" ном. 15, 12 октября 1917 года.

**) Я далекъ отъ мысли тѣмъ самымъ умалить значеніе всѣхъ тѣхъ, кто со своей стороны самъ разоблачалъ предателей. Ихъ дѣятельность не составляеъ темы настоящаго описанія.

Какъ извѣстно, 25 апрѣля прапорщикъ 16 Сибирскаго полка Ермоленко былъ выпущенъ изъ плѣна нѣмцами въ тылъ 6-ой арміи. Пойманный, приведенный въ Штабъ, онъ сталъ разсказывать, что посланъ для пропаганды сепаратнаго мира, что содержаніе будетъ получать отъ украинца Скоропись-Іелтуховскаго, который направленъ къ намъ нѣмцами, какъ и Ленинъ, для работы по разрушенію Россіи; а въ отношеніи Правительства оба получили заданіе въ первую очередь удалить министровъ Милюкова и Гучкова.

Въ этомъ заявленіи очень интересно найти подтвержденіе о заботахъ нѣмцевъ по удаленію названныхъ двухъ министровъ, свѣдѣнія о чемъ пришли къ намъ совсѣмъ инымъ путемъ изъ дѣла публициста К. Даже знаменательно, что въ этомъ вопросѣ двѣ различныя траэкторіи, вышедшія изъ Берлина, попадали въ одну точку. А такъ какъ наши данныя изъ дѣла К. были основаны на подлинныхъ документахъ, то, повторяя ихъ, Ермоленко тѣмъ самымъ могъ вызвать къ себѣ нѣкоторое довѣріе. Интересно также отмѣтить, что К. и Ермоленко появились въ разныхъ концахъ Россіи почти одновременно — въ апрѣлѣ.

Весьма цѣнно и указаніе на Скоропись-Іелтуховскаго, пользуясь которымъ, можно было бы изловить послѣдняго въ Кіевѣ, конечно, при условіи, что Ермоленко сказалъ правду, будто именно отъ него будетъ получать деньги.

Что же касается до сообщенія Ермоленко о Ленинѣ, то оно не можетъ разсматриваться даже какъ первое освѣдомленіе, по которому обыкновенно приступаютъ къ разслѣдованію; о томъ, что Ленинъ посланъ нѣмцами, мнѣ не говорили только нѣмые. На эту тему мы получали сотни писемъ. "Обратите вниманіе на Ленина", останавливали меня своими возгласами даже незнакомые люди. Ну, а дальше? На этомъ дѣло Ермоленко обрывается; но по недоразумѣнію, его оставляютъ краеугольнымъ камнемъ всей постройки, послѣ чего она немедленно разсыпается.

Долженъ заявить, что Петроградская контръ-развѣдка категорически отмежевывается отъ Ермоленко. Больше того: у насъ даже не было досье Ермоленко. До іюльскаго возстанія его фамилію я слышалъ только разъ отъ Переверзева, а по-

дробныя показанія, данныя имъ въ Штабѣ 6-ой арміи, я узналъ отъ самого Ермоленко только послѣ возстанія, когда 8-го іюля мнѣ его прислала Ставка *).

Я увидѣлъ до смерти перепуганнаго человѣка, который умолялъ его спрятать и отпустить. П. А. Александровъ записалъ показанія, а я его спряталъ на нѣсколько часовъ и отпустилъ. Пробывъ въ Петроградѣ не больше сутокъ, онъ уѣхалъ въ Сибирь.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ участіи нѣмцевъ въ уличныхъ безпорядкахъ Петрограда и политическихъ событіяхъ , не предположенія, а документальныя данныя, вошли въ контръ-развѣдку изъ дѣла публициста К. **). Въ этомъ досье передъ нами прежде всего телеграммы информаціоннаго характера, адресованныя нѣмецкому агенту — госпожѣ Брейденбейдъ, сообщающія шагъ за шагомъ о несогласіяхъ въ нѣдрахъ Временнаго Правительства. За ними слѣдуетъ подробное собственноручное письмо К. той же Брейденбейдъ, представляющее донесенія о работѣ по удаленію Милюкова и Гучкова, сопровождаемыя просьбами передать партіи центра Рейхстага, чтобы она перестала бряцать оружіемъ и не требовала аннексій и контрибуцій, со ссылкой при этомъ, что "Ленинъ не соглашается поддерживать эти требованія". Какъ ни толковать эту фразу, но она свидѣтельствуетъ о какихъ-то переговорахъ съ Ленинымъ, т. е., выражаясь техническимъ языкомъ, устанавливаетъ связь послѣдняго съ нѣмцами.

Перелистывая дальше то же досье, мы попадаемъ на Степина. До революціи Степинъ былъ агентомъ компаніи Зингеръ по продажѣ швейныхъ машинъ въ кредитъ, когда и пріобрѣлъ многочисленныя знакомства среди рабочихъ. Какъ выяснило наше разслѣдованіе, начиная съ апрѣля мѣсяца 1917 г., Степинъ нанималъ людей для участія въ большевицкихъ демонстраціяхъ. Увидѣвъ впервые Степина, я поручилъ прослѣдить за нимъ младшему агенту наружнаго наблюденія Савицкому. Послѣдній отличался большой инициативой и по-

*) Почему намъ не сообщили раньше его показанія? Какъ использовала Ставка самого Ермоленко? Мнѣ неизвѣстно.

**) См. "Прямыя улики".

разительной изворотливостью. Способный кубанскій казакъ, Савицкій рванулся съ мѣста такимъ аллюромъ, что не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ самъ познакомился со Степинымъ. Это личное знакомство совершенно не входило въ обязанности агента наружнаго наблюденія, причастность котораго къ контръ-развѣдкѣ можетъ быть вообще легко обнаружена. Для "внутренняго наблюденія" пользуются секретными сотрудниками. Но Савицкій поставилъ меня передъ совершившимся фактомъ, который мнѣ, конечно, захотѣлось использовать. Оставалось предоставить тайну Савицкаго на волю случая. Однако, Савицкій былъ не такъ простъ: онъ, видимо, предусматривалъ всѣ случайности, все время обводилъ Степина вокругъ пальца и такъ до конца и сохранилъ свое инкогнито *).

Конечно, за Степинымъ пришлось поставить другихъ агентовъ наружнаго наблюденія. День за днемъ они доносятъ, что Степина часто посѣщаютъ рабочіе и солдаты разныхъ полковъ, чаще другихъ Финляндскаго, Павловскаго и Волынскаго. Самъ онъ былъ человѣкъ осторожный, крайне подозрительный. Дѣло затягивалось. Все же хитрый Савицкій такъ его обошелъ, что Степинъ сталъ ему довѣрять и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, въ серединѣ іюня пригласилъ Савицкаго къ себѣ въ "бюро", куда имѣли доступъ только очень немногіе — избранные.

Прекрасно помню возбужденный докладъ Савицкаго, когда онъ, упоенный успѣхомъ, явился мнѣ поздно вечеромъ прямо отъ Степина послѣ своего перваго приглашенія. "Бюро" помѣщалось во дворѣ большого дома на Екатерининскомъ каналѣ. Оно состояло изъ двухъ комнатъ, которыя были почти пустыя: въ нихъ стояло два стола, нѣсколько табуретовъ и одинъ шкафъ. Степинъ, повидимому желая похвастаться передъ своимъ новымъ гостемъ, открылъ шкафъ и показалъ Савицкому пачку денегъ въ мелкихъ купюрахъ по 5-10-25 рублей.

— "Сколько же ихъ было?", спрашиваю я Савицкаго,

*) Савицкій — агентъ стараго режима; долженъ быть хорошо извѣстенъ моему предшественнику полковнику Якубову.

самъ приходя въ волненіе, которое мнѣ передается отъ докладчика.

— "Много, очень много!", отвѣчаетъ Савицкій, увѣряя, что они занимали цѣлую полку, но приблизительной цифры назвать не берется, а также не знаетъ, отъ кого ихъ получилъ Степинъ. Это предстоитъ ему вывѣдать въ слѣдующіе визиты.

Ловкій казакъ крутитъ голову Степину, обѣщаетъ ему свои казачьи связи, все больше и больше входитъ въ довѣріе, дѣлается частымъ посѣтителемъ "бюро", несмотря на косые взгляды вооруженныхъ сторожей, которые днемъ и ночью зорко охраняютъ его входъ.

Наружное наблюденіе все неотступно слѣдитъ за Степинымъ независимо отъ приключеній Савицкаго. Просматривая рапорты агентовъ, можно было убѣдиться, что не проходило и двухъ дней, чтобы Степинъ не побывалъ въ штабѣ Ленина — въ домѣ Кшесинской.

Наконецъ, 3 іюля, около 6 часовъ вечера, Савицкій, заставъ Степина за раздачей денегъ солдатамъ, преклоняется передъ его умомъ и талантомъ доставать деньги. Степинъ самодовольно возражаетъ, что денегъ у него сколько угодно. Савицкій не вѣритъ, обѣщаетъ, что если такъ, то приведетъ ему своихъ казаковъ. Степинъ попадается на удочку, говоритъ, что онъ "первый человѣкъ" у Ленина, что послѣдній ему во всемъ довѣряетъ и самъ даетъ деньги.

Въ эти часы по городу начиналось возстаніе. Савицкій спѣшитъ къ начальнику наружнаго наблюденія П. А. Александрову. Послѣдній, оцѣнивъ обстановку, ставитъ дату на ордеръ, который взялъ у меня заранѣе для Степина, и его арестовываетъ.

Кстати, изъ рапорта агента наружнаго наблюденія мы точно узнали, что 3 іюля Степинъ около 4 часовъ дня былъ въ домѣ Кшесинской и оттуда поѣхалъ къ себѣ въ бюро.

Мы никогда не надѣялись переловить всѣхъ Степиныхъ. Намъ достаточно было и одного.

На этомъ досье публициста К. закрывается.

Второе, совершенно независимое направленіе, обрисовалось въ Финляндіи изъ отдѣльныхъ признаковъ.

На одномъ изъ засѣданій, устроенныхъ Переверзевымъ, я познакомился съ предсѣдателемъ финляндской національной контръ-развѣдки. Отъ него я узналъ, что госпожа Колонтай часто бываетъ на двухъ дачахъ подъ Выборгомъ.

Съ другой стороны, комендантъ станціи Торнео, поручикъ Борисовъ сообщилъ мнѣ, что нащупалъ два мѣста въ районѣ Торнео, черезъ которыя отдѣльные люди нелегально переходятъ границу. Торнео не входило въ мой районъ, но было очень вѣроятно, что именно въ этихъ двухъ проходахъ насъ ожидаютъ интересныя встрѣчи. Кромѣ того, положеніе Борисова послѣ развала было очень трудное; его слѣдовало поддержать, тѣмъ болѣе, что онъ могъ служить намъ заставой.

Наконецъ, Временному Правительству было извѣстно, а меня объ этомъ предупредилъ Переверзевъ, что въ Германіи имѣются клише для нашихъ десятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Они были изготовлены еще до войны; но въ свое время Министерство Финансовъ обратило вниманіе, что на отпечатанныхъ въ Германіи кредитныхъ билетахъ двѣ послѣднія цифры серіи оказались слегка подчеркнутыми. Слѣдовало ожидать, что такія десятирублевки будутъ двинуты къ намъ черезъ Финляндію, а потому проходы у Торнео пріобрѣтали совершенно особое значеніе.

Важно отмѣтить теперь же, что на нѣкоторыхъ солдатахъ, а особенно у матросовъ, арестованныхъ послѣ іюльскаго возстанія, мы находили эти десятирублевки нѣмецкаго происхожденія съ двумя подчеркнутыми цифрами *).

Еще въ маѣ все вмѣстѣ взятое побудило меня команди-

---

*) Въ т. II "Моя жизнь" Троцкій пробуетъ снять и это обвиненіе, выдвинутое противъ большевиковъ еще Переверзевымъ и Штабомъ Округа. Троцкій объясняетъ, что пойманныхъ просто грабили подъ предлогомъ, что найденныя на нихъ деньги были отпечатаны въ Германіи. Своимъ неудачнымъ оговоромъ Троцкій только удостовѣряетъ и самый фактъ, и обоснованность непріятнаго для большевиковъ обвиненія. Въ главѣ "Послѣдняя карта" читатель увидитъ, что всѣ безъ исключенія арестованные проходили черезъ одну изъ 12-ти комиссій прокурорскаго надзора при Штабѣ Округа, наблюдаемыхъ нами. Комиссіи зарегистрировали эти найденныя нѣмецкія деньги; причемъ составъ прокурорскаго надзора, открыто, коллективно производимыя дознанія, само собой, исключали всякое отступленіе отъ закономѣрности и отъ истины.

ровать въ Финляндію своего опытнаго человѣка, который на мѣстѣ изслѣдовалъ бы интересующіе насъ вопросы. Выборъ мой остановился на слѣдователѣ С. Опытный въ дѣлахъ розыска юристъ, онъ обладалъ богатой интуиціей.

Въ маѣ и іюнѣ слѣдователь С. нѣсколько разъ съѣздилъ въ Финляндію. Въ Выборгѣ онъ установилъ наблюденіе за дачами, посѣщаемыми Колонтай, на которыхъ, какъ оказалось, происходили встрѣчи лицъ, пріѣзжавшихъ изъ Петрограда и Торнео.

Подъ Торнео онъ помогъ Борисову обнаружить организацію контрабандистовъ, занимавшихся также переброской черезъ кордонъ разныхъ сомнительныхъ путешественниковъ.

Едва мы провели по этимъ вѣхамъ линію Петроградъ — Выборгъ — Торнео, какъ въ первыхъ числахъ іюня Переверзевъ сообщилъ мнѣ, что ему удалось получить свѣдѣнія при посредствѣ одного изъ членовъ центральнаго комитета партіи большевиковъ, что Ленинъ сносится съ Парвусомъ письмами, отправляемыми съ особыми нарочными.

Вспомнимъ вкратцѣ давно извѣстную исторію Парвуса. Бѣжавъ изъ Сибири, Израилъ Лазаревичъ Гельфандъ, онъ же Парвусъ, поступилъ въ соціалъ-демократическую нѣмецкую партію, а по объявленіи войны былъ сначала командированъ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ для спеціальныхъ заданій въ Турцію. Здѣсь, пользуясь своими нѣмецкими связями, онъ занимался поставками турецкому правительству, на которыхъ нажилъ хорошее состояніе.

Переѣхавъ въ Копенгагенъ и получивъ генеральное представительство на экспортъ всего нѣмецкаго угля въ Данію, Парвусъ основалъ тамъ свой такъ называемый "Научный Институтъ", который, какъ извѣстно, представлялъ собой международное бюро для веденія шпіонажа въ пользу Германіи. Принявъ сначала турецкое, а потомъ нѣмецкое подданство, Парвусъ имѣлъ вліяніе въ своей нѣмецкой партіи и выполнялъ порученія нѣмецкаго штаба.

Приведенныя выдержки изъ послужного списка Парвуса были намъ извѣстны въ 1917 году, еще до іюльскаго возстанія. Сбору свѣдѣній способствовали старые эмигранты, къ ко-

торымъ за справками обращался начальникъ контръ-развѣдки, слѣдователь В.

О томъ, что Парвусъ былъ политическимъ агентомъ нѣмецкаго правительства, было также своевременно подтверждено съ полной несомнѣнностью двѣнадцатью представителями Петроградской прессы въ Копенгагенѣ. Они произвели коллективную анкету на мѣстѣ и удостовѣрили этотъ фактъ телеграммой, которую послали за двадцатью подписями въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Телеграмма была распубликована петроградской печатью 19 іюля 1917 г. *).

Нарочныхъ отъ Ленина къ Парвусу, о которыхъ мнѣ сообщилъ Переверзевъ, вѣроятнѣе всего можно было найти на тѣхъ же станціяхъ Выборгъ и Торнео; поэтому мы усилили наблюденіе по всей линіи, а Борисовъ, поддержанный моими агентами, сталъ до тла обыскивать всѣхъ проѣзжавшихъ и переходившихъ границу.

Не прошло и недѣли такого наблюденія, какъ въ Торнео при обыскѣ было обнаружено письмо, адресованное Парвусу. До конца іюня такихъ писемъ было доставлено еще два. Всѣ они, написанныя однимъ и тѣмъ же почеркомъ, очень короткія — не больше одного листа обыкновенной почтовой бумаги, въ 4 страницы, а послѣднее такъ даже въ 2 страницы. Подпись была настолько неразборчива, что даже нельзя было прочесть приблизительно. Содержаніе писемъ было весьма лаконично, безъ всякаго вхожденія въ какія-либо детали. Въ нихъ просто приводились общія фразы, вродѣ: "работа подвигается очень успѣшно"; "мы надѣемся скоро достигнуть цѣли, но необходимы матеріалы"; "будьте осторожны въ письмахъ и телеграммахъ"; "матеріалы, посланные въ Выборгъ, получилъ, необходимо еще"; "присылайте побольше матеріаловъ" и "будьте архи-осторожны въ сношеніяхъ" и т. п.

*) Къ характеристикѣ Парвуса любопытный инцидентъ разсказалъ мнѣ В. Л. Бурцевъ, но уже за границей, послѣ октябрьской революци. Въ 1908 году Парвусъ, состоя еще въ русской соціалъ-демократической партіи, растратилъ около 200.000 герм. марокъ партійныхъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи изданій Максима Горькаго на нѣмецкомъ языкѣ, которыя Горькій пожертвовалъ партіи. Парвусъ истратилъ ихъ на женщину, скрываясь съ ней по Европѣ.

Первые два письма были перехвачены Борисовымъ при попыткѣ переноса ихъ черезъ границу нелегальнымъ путемъ. Третье письмо было для насъ особенно интересно. Его везъ Лурье, а нашли его такъ. Нашъ агентъ Аносовъ, наблюдавшій за одной изъ дачъ Колонтай подъ Выборгомъ, замѣтилъ человѣка, вышедшаго изъ дачи и направившагося на вокзалъ. Агентъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ, доѣхалъ до пограничнаго пункта Бѣлоостровъ, гдѣ точно выяснилъ, что то былъ Лурье, который возвращался въ Петроградъ. Аносовъ показалъ его коменданту станціи, есаулу Савицкому *). Черезъ нѣсколько дней Лурье снова выѣхалъ изъ Петрограда въ Выборгъ, но уже Савицкій обыскалъ его до нитки, отобралъ отъ него бумаги, среди которыхъ и оказалось третье письмо Парвусу. Имѣя такъ много указаній, установить автора писемъ было совсѣмъ не долго. Не надо было быть графологомъ, чтобы, положивъ рядомъ съ письмами рукопись Ленина, признать вездѣ одного и того же автора. Конечно, въ виду важности случая, мы этимъ не ограничились: Александровъ привезъ двухъ присяжныхъ графологовъ, выступавшихъ съ нимъ экспертами въ Петроградскомъ судѣ, которые, не задумываясь, и утвердили наше общее мнѣніе. Письма эти читали всѣ мои помощники и Переверзевъ.

Настойчивыя просьбы Ленина, обращенныя именно къ Парвусу, о присылкѣ "побольше матеріаловъ" были очень симптоматичны.

Принимая вовниманіе, что тогда въ Россіи существовала полная свобода печати, очевидно, не могло быть и рѣчи о присылкѣ секретнымъ путемъ какихъ бы то ни было печатныхъ матеріаловъ. Торговлей Ленинъ не занимался; такимъ образомъ, гипотеза о товарахъ также отпадала. Оружія у большевиковъ въ петроградскихъ полкахъ было сколько угодно. Что же подразумѣвалъ Ленинъ подъ словомъ "матеріалы", обращаясь секретнымъ путемъ къ офиціальному германскому агенту? Но я воздержусь пока отъ вывода и перейду къ третьему, совершенно самостоятельному, направленію.

*) Дѣла Аносова помнитъ мой выдающійся б. сослуживецъ Ѳ. Чернышевъ, проживающій во Франціи.

— "Борисъ Владиміровичъ, обратите вниманіе на Козловскаго", какъ-то сказалъ мнѣ Переверзевъ.

— "Еще бы, Павелъ Николаевичъ! Да онъ мнѣ жить не даетъ своими угрозами отъ имени Совѣта. Я поставилъ за нимъ наблюденіе".

Съ первыхъ же шаговъ нашими агентами было выяснено, что Козловскій по утрамъ обходилъ разные банки и въ иныхъ получалъ деньги, а въ другихъ открывалъ новые текущіе счета. По мнѣнію нашихъ финансовыхъ экспертовъ, онъ просто заметалъ слѣды.

Разслѣдованіе, однако, приняло серьезный характеръ лишь послѣ того, какъ блестящій офицеръ французской службы, капитанъ Пьеръ Лоранъ вручилъ мнѣ 21 іюня первыя 14 телеграммъ между Стокгольмомъ и Петроградомъ, которыми обмѣнялись Козловскій, Фюрстенбергъ, Ленинъ, Колонтай и Суменсонъ. Впослѣдствіи Laurent передалъ мнѣ еще 15 телеграммъ *).

Припомнимъ, что Яковъ Станиславовичъ Фюрстенбергъ, онъ же Ганецкій, состоя членомъ соціалъ-демократической партіи, былъ очень близкимъ человѣкомъ одновременно и къ Парвусу, и къ Ленину. Парвусъ выписалъ Ганецкаго изъ Австріи въ Копенгагенъ, гдѣ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ. Въ 1917 году Ганецкій былъ арестованъ въ Копенгагенѣ за контрабанду, а вообще за нимъ тамъ установилась репутація первокласснаго мошенника. При поддержкѣ Парвуса, Ганецкій избѣжалъ суда, отдѣлался крупнымъ денежнымъ штрафомъ и былъ высланъ изъ Даніи. Онъ выѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ все время служилъ связующимъ звеномъ между Парвусомъ и Ленинымъ **).

Привожу точныя копіи двадцати девяти телеграммъ, переданныхъ мнѣ капитаномъ Laurent

*) Общее число телеграммъ было гораздо больше; оно было изъято военной цензурой послѣ возстанія.

**) При совѣтской власти Фюрстенбергъ - Ганецкій одно время состоялъ народнымъ комиссаромъ финансовъ. До настоящаго времени играетъ видную роль у большевиковъ.

1) Ульяновой *) Широкая 48-9 Петроградъ Новый телеграфный адресъ Сальтшэбаденъ Фюрстенбергъ.

2) Козловскому Сергіевская 81. Станкевича отобрали Торнео все сдѣлали личный обыскъ протестуйте требуйте немедленной высылки намъ отобранныхъ вещей не получили ни одного номера Правды ни одной телеграммы ни одного письма. Пусть Володя **) телеграфируетъ прислать на какомъ размѣрѣ телеграммы для Правды. Колонтай.

3) Фюрстенбергъ. Стокгольмъ. Сальтшэбаденъ. Номеръ 86 получила вашу 123. Ссылаюсь мои телеграммы 84-85. Сегодня опять внесла 20.000 вмѣстѣ семьдесятъ. Суменсонъ.

4) Фюрстенбергъ. Сальтшэбаденъ. Стокгольмъ. Мой багажъ у Леламеда пошлите съ Маріей. Беленинъ.

5) Фюрстенбергъ. Сальтшэбаденъ. Пріѣхали благополучно Бѣлоостровѣ ждали Мячеслава Франи съ семьями. Телеграммы Козловскаго совсѣмъ неосновательны.

6) Козловскому Сергіевская 81, Суменсонъ Надеждинская 36. На дняхъ ѣду Петроградъ день сообщу. Куба ***).

7) Фюрстенбергъ. Сальтшэбаденъ Стокгольмъ. Зовите какъ можно больше лѣвыхъ на предстоящую конференцію мы посылаемъ особыхъ делегатовъ телеграммы получены спасибо Ульяновъ Зиновьевъ.

8) Козловскому Сергіевская 81. Всетаки воскресенье пріѣду тогда урегулирую мандатъ.

9) Сальтшэбаденъ Козловскому Семья Мэри требуетъ нѣсколько тысячъ что дѣлать газетъ не получаемъ.

10) Гиза Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ. Финансы весьма затруднительны абсолютно нельзя дать крайнемъ случаѣ 500 какъ послѣдній разъ карандашахъ громадные убытки оригиналъ безнадежно пустъ Нюэ Банкенъ телеграфируетъ новыхъ 100 тысячъ Суменсонъ.

11)Козловскому Сергіевская 81. Первыя письма получили Нюэ Банкенъ телеграфировали телеграфируйте кто Соломонъ предлагаетъ мѣстное телеграфно агентство ссылается Бронека Савельевича Авилова.

---

*) Лениной.
**) Ленинъ.
***) Уменьшительное имя Ганецкаго.

12) Сумeнсонъ Надеждинская 36 Срочите могу ли сейчасъ пріѣхать Генрихъ ждетъ.

13) Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ Смогу отвѣтить только въ концѣ недѣли. Суменсонъ.

14) Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ. Номеръ 90 Внесла Русско-Азіатскій сто тысячъ Суменсонъ.

15) Срочно Шадурскому Ротгеймъ 19 Христіанія. Жди меня Христіаніи субботу выѣзжаю Стокгольмъ. Колонтай.

16) Петроградъ Фюрстенебргъ. Грандъ Отель Стокгольмъ. Увы пока мало надежды. Телеграфируйте можно ли ждать долго или предпочитаете пріѣхать второй разъ на мой призывъ Пишите Суменсонъ Надеждинская 36.

17) Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ. Вашу получили. Кампанія продолжается потребуйте немедленно образованія формальной комиссіи для разслѣдованія дѣла жлательно привлечь Заславскаго офиціальному суду. Козловскій.

18) Суменсонъ. Надеждинская 36. Послѣдняя Ваша телеграмма 28 дайте окончательный отвѣтъ дольше ждать не могу.

19) Суменсонъ. Надеждинская 36. Сальтшэбаденъ счетъ письма выслалъ 5905 рублей внесъ Суменсонъ. Кржесковскій Грандъ Отель Улица Гоголя.

20) Стокгольмъ изъ Петрограда Фюрстенбергъ Грандъ Отель Стокгольмъ. Нестле не присылаетъ муки. Хлопочите. Суменсонъ Надеждинская 36.

21) Стокгольмъ изъ Петрограда Фюрстенбергъ. Грандъ Отель Стокгольмъ. М-ль Юнгбекъ возвращается на дняхъ изъ Мальмэ Петроградъ. Постарайтесь переговорить съ ней Стокгольмѣ. Суменсонъ Надеждинская 36.

22) Мальмэ изъ Петрограда. Пильдамевеганъ 12 Мальмэ. Пожалуйста повидайтесь Фюрстенбергомъ при Вашемъ отъѣздѣ Стокгольмъ. Грандъ Отель Суменсонъ Звѣринская 38.

23) Изъ Стокгольма Суменсонъ Надеждинская 36 Петроградъ. Телеграфируйте сколько имѣете денегъ Нестле.

24) Петроградъ Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ. Вышлите немедленно рукописи о Польшѣ и брошюру о литературѣ соціалистической. Бронскаго и копію постановленія Турова Козловскому Веселовскій Брониславъ 6 линія 48 кв. 8.

25) Суменсонъ, Надеждинская 36. Невозможно пріѣхать

вторично уѣзжаю Сигизмундъ телеграфируйте туда остатки банкахъ и по возможности уплатить по счету Нестле.

26) Сальтшэбаденъ изъ Петрограда Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ. Телеграфируйте Мензикенъ Ааргау Варшавская благополучно доѣхала Адресъ Костовскій Басковъ пер. 22 кв. .8

27) Петроградъ Фюрстенбергъ Сальтшэбаденъ Стокгольмъ. Номеръ 22. Банкъ вернулъ взносъ 100.000 пріѣхать теперь невозможно Попросите Татьяну Яковлевну вернувшись помочь мнѣ она тамъ. Суменсонъ Надеждинская 36.

28) Сальтшэбаденъ Фюстренбергъ. Послѣдніе десять словъ Вашей телеграммы 30 непонятны. Прошу повторить Суменсонъ Надеждинская 36.

29) Фюрстенбергъ Грандъ Отель Стокгольмъ Срочно кромѣ 28 посланы три телеграммы поѣздка теперь невозможна. Послала письмо нарочнымъ когда смогу приглашу васъ пріѣхать напишите не откажите платить моему тестю двѣсти рублей привѣтъ Суменсонъ Надержинская 36.

Содержаніе нѣкоторыхъ телеграммъ не могло пройти незамѣченнымъ.

Въ телеграммѣ № 2 говорится объ одномъ изъ обысковъ, которые закатывалъ проѣзжающимъ поручикъ Борисовъ въ Торнео. Въ ней же странная просьба, чтобы Ленинъ телеграфировалъ, "какомъ размѣрѣ присылать телеграммы для "Правды" *).

Телеграмма № 6 подписана "Куба" — уменьшительное имя Ганецкаго.

Въ № 7 Ленинъ и Зиновьевъ благодарятъ Ганецкаго за полученныя телеграммы и просятъ продолжать.

Номера 10 — 11 — 14 денежнаго характера — черезъ Нюэ Банкъ и Русско-Азіатскій.

Телеграмма № 24 подписана нашимъ старымъ знакомымъ Брониславомъ Веселовскимъ изъ редакціи "Правды", тѣмъ самымъ Веселовскимъ, который послалъ телеграмму изъ Тав-

*) На третій день возстанія, при очищеніи дома Кшесинской, гдѣ помѣщался штабъ большевиковъ, была найдена слѣдующая телеграмма, отправленная изъ Стокгольма Ленину и подписанная Ганецкимъ: "Штейнбергъ будетъ хлопотать субсидію для нашего общества обязательно прошу контролировать его дѣятельность, ибо совершенно отсутствует общественный тактъ".

рическаго Дворца въ Стокгольмъ Ганецкому для "Локаль-Анцейгеръ" о большевицкой демонстраціи *).

Часть телеграммъ была иносказательнаго характера. Конечно, содержаніе ихъ наводило на нѣкоторыя размышленія; но вся цѣнность телеграммъ заключалась не въ текстѣ, который можно безъ конца коментировать, а въ адресахъ лицъ, которымъ онѣ посылались.

Я уже приводилъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ намъ не удавалось регулярно слѣдить за Ленинымъ. Телеграммы неоспоримо называли намъ, кромѣ Ленина, еще имена тѣхъ, кто постоянно сносился съ Ганецкимъ — нѣмецкимъ агентомъ и къ тому же еще довѣреннымъ Парвуса. Въ нормальныхъ условіяхъ такая несомнѣнная связь во время войны съ непріятельскимъ агентомъ, по меньшей мѣрѣ должна была бы сильно скомпрометировать, вызвать аресты. Гдѣ, въ какой странѣ для доказательства состава преступленія требуется находить на шпіонѣ обязательно денежныя расписки съ печатями? Какъ увидимъ ниже, въ нашихъ спеціальныхъ условіяхъ и банковскихъ расписокъ съ печатями оказалось недостаточно.

Зато телеграммы рѣзко и безошибочно отдѣляли главныхъ отъ всѣхъ остальныхъ, тѣхъ главныхъ, на которыхъ стоило бросить всѣ силы, и въ этомъ и заключалось ихъ громадное значеніе для контръ-развѣдки. Пустивъ столь точные адреса въ разработку, мы сразу выбросились далеко впередъ; каждый часъ сталъ намъ приносить все новое и новое. Только изъ телеграммъ мы узнали впервые о существованіи Суменсонъ. Выяснять, кто она такая, полетѣлъ старшій агентъ Касаткинъ. Узнавъ отъ Касаткина, что она демимонденка, кстати сказать, совсѣмъ не перваго разряда, я сейчасъ же направилъ на нее молодого человѣка Я-на, нашего способнаго и испытаннаго секретнаго сотрудника.. Въ такихъ случаяхъ вы обыкновенно не открываете картъ агенту , а самое большее, что можете сдѣлать въ началѣ, это косвенно подтолкнуть его вниманіе въ ту или иную сторону.

Давая задачу Я-ну, я не сдѣлалъ и намека на большеви-

---

*) См. "Союзники".

ковь, а только сказалъ коротко, что "кажется Суменсонъ занимается какой-то торговлей".

Этотъ молодой человѣкъ въ одинъ вечеръ познакомился съ Суменсонъ. 29 іюня онъ явился и сообщилъ, что Суменсонъ переѣхала на дачу въ Павловскъ, а онъ нанялъ у нея комнату и переѣзжаетъ въ этотъ же день вечеромъ.

— "Только увасъ о ней, повидимому, неправильныя свѣдѣнія: никакими торговыми дѣлами она, по-моему, не занимается", сказалъ мнѣ улыбаясь Я-нъ.

Тѣмъ временемъ Касаткинъ донесъ, что Суменсонъ посѣтила Сибирскій банкъ. Я сейчасъ же послалъ въ банкъ Александрова съ финансовымъ экспертомъ. Они выяснили, что Суменсонъ за послѣдніе мѣсяцы сняла въ одномъ этомъ банкѣ около 800.000 рублей, а на ея текущемъ счету еще оставалось 180.000 рублей. Въ Сибирскій банкъ, какъ то разслѣдовалъ Александровъ уже послѣ возстанія, деньги переводилъ изъ Стокгольма, черезъ Ніа Банкъ, Фюрстенбергъ (Ганецкій). Очень важно замѣтить, что отъ этихъ переводовъ денегъ и ихъ полученія Суменсонъ никакъ не могла бы отказаться, даже если бы обыскъ унея не далъ никакихъ результатовъ: банковскія книги и расписки Суменсонъ давали намъ въ этомъ полную гарантію. Нѣкоторые изъ министровъ заявляли впослѣдствіи, будто бы преждевременное разглашеніе свѣдѣній объ измѣнѣ Ленина дало возможность большевикамъ спрятать всѣ концы въ воду. Но вѣдь слѣды въ банкахъ не исчезли, какъ не могли пропасть всѣ вышеперечисленныя подлинныя письма и телеграммы, устанавливающія непрерывную близкую связь Ленина съ нѣмецкими агентами.

Тѣ же министры говорили, что преждевременная ликвидація дѣла помѣшала Ганецкому пріѣхать въ Петроградъ, а будто бы для обличенія большевиковъ только и не хватало тѣхъ документовъ, которые эти министры расчитывали найти на Ганецкомъ.

О томъ, была ли ликвидація преждевременной, будетъ яснѣе видно изъ слѣдующей главы. Что же касается ожидаемаго пріѣзда Ганецкаго, то мы, конечно, о томъ знали, хотя бы изъ телеграммъ Суменсонъ; но контръ-развѣдка не увле-

калась предположеніями найти на Ганецкомъ бумаги, подписанныя германскимъ канцлеромъ, или пачку кредитныхъ билетовъ съ препроводительнымъ письмомъ отъ Дисконто-Гезельшафтъ банка *). Контръ-развѣдка не могла строить дѣло такой государственной важности на догадкахъ, надумаетъ ли Ганецкій съѣздить въ Петроградъ или нѣтъ, а тѣмъ болѣе, что онъ повезетъ на себѣ документы съ печатями.

Въ іюлѣ въ отношеніи самого Ганецкаго я только пожалѣлъ, что не пріѣхавъ лично, онъ избѣжалъ возмездія и не попалъ въ Петропавловскую крѣпость.

Чтобы не возвращаться больше къ Суменсонъ, долженъ обратить вниманіе, что арестованная во время іюльскаго возстанія, она во всемъ и сразу чистосердечно призналась допрашивавшимъ ее въ моемъ присутствіи начальнику контръразвѣдки и Каропачинскому. Она показала, что имѣла приказаніе отъ Ганецкаго выдавать Козловскому, состоящему въ то время членомъ Ц. К. партіи большевиковъ, какія бы суммы онъ ни потребовалъ, и при томъ безъ всякой расписки. Изъ предъявленныхъ ею чековыхъ книжекъ явствовало, что нѣкоторыя изъ такихъ единовременныхъ выдачъ безъ расписки доходили до ста тысячъ рублей.

Изъ писемъ, отобранныхъ у Суменсонъ, можно было заключить, что Ганецкій переводилъ деньги Суменсонъ подъ видомъ средствъ, необходимыхъ для торговли и главнымъ образомъ аптекарскими товарами. Прикрываться коммерческой перепиской — обычный пріемъ шпіоновъ. Но было особенно характерно, что Суменсонъ даже и непыталась прятаться за коммерческій кодъ, а сразу и просто созналась, что никакого аптекарскаго склада у ней не было, и вообще никакой торговлей она не занималась.

Показанія Суменсонъ представлялись мнѣ настолько исчерпывающими, что, занятый другими дѣлами, я даже не счелъ нужнымъ присутствовать на ея дальнѣйшемъ допросѣ.

При нормальномъ режимѣ контръ-развѣдка не ведетъ

*) При подробномъ разслѣдованіи было выяснено, что Ганецкій въ Ніа Банкъ получалъ деньги изъ Дисконто-Гезельшафтъ Банка.

слѣдствія, а только производить разслѣдованія, которыя передаетъ своему прокурору. Но въ нашихъ специфическихъ условіяхъ мы вынуждены были идти гораздо дальше: у прокурора были слѣдователи, но не было розыскныхъ органовъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня три изложенныя выше самостоятельныя группы дѣлъ, а именно: Степинъ, финляндская на Парвуса, и, наконецъ, Суменсонъ-Ганецкій давали много матеріала для обвиненія большевиковъ въ государственной измѣнѣ; онѣ были достаточно разработаны. Въ нихъ мы имѣли и неоспоримыя связи съ Германіей, и нѣмецкія деньги черезъ банки и даже раздачу этихъ денегъ въ народъ для участія въ демонстраціяхъ.

Контръ-развѣдка никогда не мечтала опредѣлить — какую сумму партія большевиковъ получила отъ нѣмцевъ. Мы ее никогда и не высчитывали. Пути перевода должны были быть разные. Наша цѣль была доказать документально хотя бы одно направленіе.

Приведенныя дѣла имѣли, конечно, свои подробности и развѣтвленія, проходили по всѣмъ отдѣламъ; они составляли три законченныхъ группы.

Мнѣ не приходится говорить о всѣхъ другихъ разслѣдованіяхъ, такъ какъ они не были закончены; но все же изъ нихъ я не могу не привести еще двухъ.

Во-первыхъ, досье компаніи Сименсъ. Отдѣленіе этого общества на югѣ Россіи было закрыто по подозрѣнію въ шпіонажѣ еще при старомъ режимѣ распоряженіемъ генералъ-губернатора Кіевскаго Округа.

Членомъ правленія Сименса состоялъ достаточно извѣстный казначей партіи большевиковъ — Красинъ. Интересно замѣтить, что до революціи Красинъ былъ очень крутъ и требователенъ къ рабочимъ. Наоборотъ, послѣ февральскихъ событій онъ такъ потворствовалъ всѣмъ требованіямъ рабочихъ, что заводъ Сименса въ Петроградѣ положительно развращалъ всю рабочую массу. Достаточно сказать, что когда фабрики кругомъ закрывались одна за другой отъ непомѣрныхъ требованій увеличенія заработной платы, заводъ Сименса легко давалъ прибавки и своими ставками шелъ впереди дру-

гихъ *). Ленинъ называлъ заводъ Сименса своей цитаделью, самъ очень часто туда наѣзжалъ, выступалъ на митингахъ, имѣлъ тамъ большой успѣхъ.

Проникнуть непосредственно въ дѣла правленія завода мнѣ представлялось невозможнымъ. Но я не могъ отказаться отъ мысли завербовать въ отдѣлѣ счетоводства своего информатора. Даже эта задача оказалась неимовѣрно трудной. Съ нею мнѣ помогъ справиться Балабинъ незадолго до іюльскаго возстанія: онъ разыскалъ въ отдѣлѣ отчетности на довольно высокихъ роляхъ своего стараго знакомаго. Послѣ всевозможныхъ обѣщаній и уговоровъ, послѣдній согласился безвозмездно, исключительно изъ патріотическихъ побужденій, меня информировать. Но такія изслѣдованія тянутся медленно, а ускоренный темпъ революціи не далъ намъ и оглянуться, какъ и это дѣло кануло въ Лету.

Второе незаконченное разслѣдованіе относилось къ тѣмъ деньгамъ, которыя, какъ мы знали, германское правительство препровождало еще до революціи черезъ банкъ Сея въ Швеціи на нужды германскихъ военноплѣнныхъ въ Россіи. Эти деньги передавались черезъ посредство консуловъ нейтральныхъ державъ, причемъ контроль надъ ихъ расходованіемъ былъ для насъ недоступенъ. Въ этой области революція многое упростила, а число больныхъ, ходатайства послѣднихъ о льготахъ и побѣги военноплѣнныхъ возрастали въ угрожающей прогрессіи. Больше того: одно это направелніе опредѣленно вело насъ къ быстрой катастрофѣ **). Бывали случаи, что бѣглецы попадались на митингахъ и даже по шпіонскимъ дѣламъ прямого характера, какъ то произошло, напримѣръ, съ унтеръ-офицерами 206-го Прусскаго полка — Альфредомъ Ульке и Гансомъ Штрейхъ. Первый былъ пойманъ при попыткѣ перейти финляндскую границу; на немъ оказались фотографіи мостовъ и карты съ обозначеніемъ нашего фронта, что привело въ восторгъ генерала Потапова, который упрно продолжалъ считать, что поимка такихъ фотографовъ должна составлять нашу главную обязанность.

---

*) Какъ доказать, почему директоръ повышаетъ ставки рабочихъ?

**) См. "Генералъ Brandström,

Событія развертывались съ головокружительной быстротой.

Едва прошла недѣля, какъ Laurent передалъ мнѣ телеграммы, а контръ-развѣдка начала захлебываться отъ чрезмѣрнаго числа срочныхъ дѣлъ. Я имѣлъ обыкновеніе собирать на совѣщаніе ежедневно въ 11 часовъ утра восемь квалифицированныхъ юристовъ, военныхъ и гражданскихъ. Эти совѣщанія протекали въ дружеской обстановкѣ. У насъ не было соревнованія и оскорбленныхъ самолюбій, а просто каждый дѣлился собранными свѣдѣніями и высказывалъ свои соображенія. Иногда мы вмѣстѣ ломали голову, какъ лучше поступить.

На такомъ совѣщаніи 1-го іюля собрались всѣ восемь близкихъ мнѣ людей, въ томъ числѣ начальникъ контръ-развѣдки В., Александровъ, Каропачинскій, Анатра и другіе. Въ этотъ день я предложилъ всѣмъ присутствующимъ, начиная съ младшаго, высказаться о томъ, достаточны ли имѣющіяся у насъ данныя для ареста большевиковъ. Здѣсь были разобраны главнѣйшія улики, и присутствующіе совершенно безъ спора, единогласно признали, что по каждому въ отдѣльности изъ трехъ первыхъ, перечисленныхъ выше, группъ дѣлъ, данныхъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы привлечь большевиковъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Послѣднимъ я спросилъ Александрова, мнѣніе котораго меня особенно интересовало, принимая во вниманіе его общеизвѣстную чрезвычайную осторожность въ заключеніяхъ и общепризнанную репутацію одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ судебныхъ дѣятелей.

— "Какое еще можетъ быть сомнѣніе, Борисъ Владиміровичъ", сказалъ Александровъ и, пожавъ плечами, добавилъ: "что же еще надо?!"

Тогда я поставилъ второй вопросъ: "Когда приступить къ арестамъ?"

На этотъ разъ первый взялъ слово Александровъ. Онъ говорилъ очень недолго и высказалъ лишь то, что одинаково понимали и чувствовали всѣ присутствующіе. Онъ сказалъ, что мы фактически не можемъ не только перехватать всѣхъ большевицкихъ лидеровъ, не только войти въ домъ Кшесинской, но даже проникнуть въ помѣщене большевиковъ, въ третьемъ эта-

жѣ нашего собственнаго дома и произвести обыскъ. А если бы намъ и удалось задержать нѣсколькихъ лицъ, то они были бы выпущены даже не снизу, а сверху.

— "Но вѣдь вы не выдержите равновѣсія, и все пойдетъ прахомъ", сказалъ мнѣ Александровъ. Конечно, то были факты. И я предвидѣлъ большое потрясеніе; но о нёмъ-то мы и мечтали! Переверзевъ мнѣ часто говорилъ, что Россія погибла, и ее можетъ спасти только наша контръ-развѣдка. Первый разъ онъ мнѣ сказалъ такъ: "Вѣдь вы же единственный, Борисъ Владиміровичъ, кто имѣетъ организацію и поддерживаетъ правительство. Россія погибла".

— "Павелъ Николаевичъ, мы говоримъ о Петроградѣ", остановилъ я его, потрясенный.

— "Да нѣтъ же! А я вамъ говорю о Россіи — она погибла", отвѣчаетъ онъ мнѣ убѣжденно: "вѣдь я же сижу въ правительствѣ и слушаю доклады, которые приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи. Докажите, что большевики измѣнники, —вотъ единственное, что намъ осталось".

Итакъ свѣдѣнія собраны. Въ нихъ единственная надежда. Допустить, чтобы послѣдній ходъ сорвали — никакъ нельзя. А кѣмъ его сдѣлать? Что произошло, когда 21 апрѣля Корниловъ попробовалъ было вызвать лучшій батальонъ, лучшую батарею. А дача Дурново? Сколько потребовалось ухищреній, чтобы привести людей яко бы по приказанію Совѣта, чтобы захватить двухъ мелкихъ мошенниковъ, арестованныхъ Совдепомъ. да въ концѣ концовъ самимъ же пришлось лѣзть въ окно. Какой сплошной кошмаръ быть начальникомъ контръ-развѣдки въ русскую революцію!

Къ мнѣнію Александрова, высказанному на совѣщаніи, присоединились всѣ немедленно. Но ждать, неизвѣстно до какихъ поръ, мы тоже не могли.

Тогда тутъ же, на засѣданіи 1-го іюля, я принялъ слѣдующія рѣшенія:

1. Приказалъ отмѣнить производство всѣхъ 913 дѣлъ по шпіонажу, большихъ и малыхъ, находящихся въ разработкѣ контръ-развѣдки и не имѣющихъ прямого отношенія къ большевикамъ, дабы усилить работу противъ большевиковъ.

Такое распоряженіе при обычныхъ условіяхъ слѣдуетъ

признать чистѣйшимъ абсурдомъ: оно нарушало систему, а кромѣ того, очень часто изъ самыхъ ничтожныхъ новыхъ разслѣдованій появляются какъ бы случайно новыя пересѣченія, изъ которыхъ возникаютъ дѣла громадной важности. Но въ данномъ случаѣ я именно считалъ, что у насъ и засѣчекъ, и доказательствъ совершенно достаточно, а не хватало силъ, которыя надлежало сконцентрировать, чтобы удержать за собой все пріобрѣтенное.

Повидимому, новый начальникъ контръ-развѣдки и его старшіе помощники понимали этотъ вопросъ одинаково. Отдавая приказаніе, я его оговорилъ, что отступленія могутъ быть для исключительныхъ случаевъ, но каждый разъ съ моего особаго разрѣшенія. Просьбъ объ отступленіяхъ заниматься какимъ-либо другимъ дѣломъ я не получилъ.

2. Мы составили списокъ двадцати восьми большевицкихъ главарей, начиная съ Ленина, и, пользуясь предоставленнымъ мнѣ правомъ, я тутъ же подписалъ именемъ Главнокомандующаго двадцать восемь ордеровъ на аресты.

3. Практика мнѣ показала, что то, чего мы не могли провести въ Петроградѣ, изъ-за вмѣшательства Совѣта р. и с. депутатовъ, намъ иногда удавалось осуществить внѣ столицы. Поэтому я рѣшилъ немедленно начать наступленіе на финляндскомъ направленіи по группѣ дѣлъ № 2 (Ленинъ — Парвусъ). Тамъ, въ Торнео и Бѣлоостровѣ, были активно настроенные коменданты, а изъ попавшихъ въ списокъ 28 большевиковъ больше половины ѣздили къ себѣ на дачи, а также въ Выборгъ. Стало быть, была не исключена возможность ихъ арестовать внезапно въ вагонѣ, а къ тому же зацѣпить съ поличнымъ. Изъ Финляндіи я расчитывалъ выйти на Петроградъ.

Поэтому въ тотъ же день, 1-го іюля, я переселилъ на границу Финляндіи цѣлый отдѣлъ контръ-развѣдки съ 40 агентами. Начальнику его, тому же слѣдователю С., я вручилъ ордера, приказалъ арестовывать указанныхъ въ нихъ лицъ при ихъ появленіи на границѣ и немедленно о томъ доносить по телефону.

4. Я поставилъ въ извѣстность всѣхъ присутствовавшихъ на совѣщаніи, что такой порядокъ будетъ продолжаться самое

больше семь дней. Въ случаѣ же, если за этотъ срокъ намъ не удастся обличеніемъ и арестами въ Финляндіи вызвать возмущеніе противъ предателей и тѣмъ создать благопріятную обстановку, мы все равно 7-го іюля приступимъ къ ликвидаціи большевиковъ въ самомъ Петроградѣ.

12
ІЮЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Въ тотъ же день, 1-го іюля, около 10 часовъ вечера, я пріѣхалъ въ Штабъ Округа. Сходя съ автомобиля, я встрѣтился на тротуарѣ съ Половцовымъ и Балабинымъ, выходящими изъ Штаба.

Половцовъ отвелъ меня въ сторону и въ присутствіи Балабина сказалъ: "Вотъ тебя-то какъ разъ мнѣ и надо. Положеніе Временнаго Правительства отчаянное; оно спрашиваетъ, когда ты будешь въ состояніи обличить большевиковъ въ государственной измѣнѣ".

Я отвѣтилъ:

— "Данныхъ у меня совершенно достаточно. Но я не вижу тѣхъ войскъ, которыми мы будемъ штурмовать домъ Кшесинской и около тридцати боевыхъ организацій большевиковъ, разбросанныхъ по всему городу. Во всякомъ случаѣ, передай Временному Правительству, что если мы чего-нибудь не придумаемъ до 7-го іюля, то я все равно приступлю въ этотъ день къ арестамъ въ самомъ Петроградѣ".

Здѣсь же въ краткихъ словахъ я доложилъ Половцову объ отданныхъ мною утромъ распоряженіяхъ.

Потомъ я понялъ, что сдѣлалъ большой промахъ, передавъ эти свѣдѣнія для доклада Временному Правительству. Но въ тотъ моментъ мнѣ казалось совершенно необходимымъ, чтобы Главнокомандующій зналъ о столь важныхъ рѣшеніяхъ, тѣмъ болѣе, что они будутъ выполняться его именемъ. Я отвѣтилъ непосредственно на поставленный вопросъ, совершенно упуская изъ виду, что при новой конструкціи Верховной Власти, она не могла сохранить ни одного секрета, и, по мѣткому выраженію Савинкова, строго конфиденціальное рѣшеніе становилось извѣстнымъ дальше "въ товарищескомъ по-

ряд̕". Три-четыре министра ежедневно исповѣдывались въ президіумѣ Совѣта с. и р. депутатовъ, если сами не состояли въ послѣднемъ. А тутъ уже немыслимо поставить глухую стѣну между меньшевиками и ихъ старыми партійцами, засѣвшими въ домѣ Кшесинской, съ которыми они бесѣдуютъ и которыхъ уговариваютъ. Долго ли такимъ путемъ узнать всѣ новости, даже не обращаясь къ помощи спеціальныхъ информаторовъ?

Возьмемъ хотя бы меньшевика Либера. Я не могу прибавить ни слова ни за, ни противъ, кромѣ того, что скажу ниже, и не имѣю точныхъ данныхъ, чтобы бросить ему обвиненіе въ сознательной информаціи, но я не могу также не назвать его привычекъ очень странными. Да и самъ онъ, пріѣхавъ къ намъ 7-го іюля вызволять большевика Каменева, волнуясь, сказалъ Каменеву въ моемъ присутствіи: "Когда я вчера заѣхалъ къ вамъ въ домъ Кшесинской". Его признаніе меня нисколько не удивило: я давно зналъ оригинальные, круговые маршруты Либера изъ Совѣта Таврическаго Дворца въ Штабъ Округа, изъ Штаба въ домъ Кшесинской, оттуда опять въ Совѣтъ и т. д.

Вокругъ того же Либера вертѣлась компанія нѣсколькихъ, очень подозрительныхъ людей, противъ которыхъ у насъ были начаты интересныя разслѣдованія. Эти господа жили въ небольшой плохонькой гостинницѣ на Фонтанкѣ; Либеръ самъ иногда къ нимъ навѣдывался. Собственно, отсюда онъ и попалъ подъ обзоръ контръ-развѣдки. Половцовъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ о жалобахъ Либера, будто его преслѣдуютъ мои агенты. Я разводилъ руками и отвѣчалъ, что непосредственныхъ данныхъ у меня нѣтъ никакихъ, но знакомства у него самыя предосудительныя. Мнѣ объясняли, что то былъ ярко выраженный типъ соглашателя.

Исходя изъ практики и по всѣмъ этимъ соображеніямъ, можно съ увѣренностью сказать, что мой докладъ Половцову для Временнаго Правительства 1-го іюля не могъ не дойти до большевиковъ.

Теперь уже точно извѣстно и знаменательно, что какъ разъ на другой день, именно 2-го іюля, Ленинъ вдругъ спѣшно сталъ составлять планъ возстанія. Въ то же время боль-

шевики не скрывали, что для большинства изъ нихъ возстаніе произошло неожиданно. Они пробовали объяснить, что 1-ый пулеметный полкъ выступилъ "по неизвѣстной причинѣ", а остальные только примкнули "стихійно". Между тѣмъ, когда черезъ недѣлю былъ арестованъ полковой комитетъ 1-го пулеметнаго полка, доставлявшій намъ такъ много непріятностей, то его тройка отъ президіума — живыя фигуры изъ музея Ламброзо — не на шутку перепугавшись, подтвердила, что всѣ указанія получала отъ центральнаго комитета партіи большевиковъ; а на мой вопросъ: "Почему такъ внезапно выступили?" — мнѣ отвѣтили, что имъ сказали, будто они будутъ скоро арестованы.

Сопоставляя эти факты, у меня невольно напрашивается выводъ, что нѣмецкіе наемники, прослышавъ, что ихъ хотятъ захватить не позже 7-го іюля, поспѣшили своимъ выступленіемъ опередить эту дату. Они ускорили возстаніе, намѣченное ихъ руководителями изъ Берлина.

Исторія уже отмѣтила тотъ достовѣрный фактъ, что возстаніе явилось "неподготовленнымъ" и началось безъ вѣдома отдѣльныхъ большевиковъ, которые всѣ вмѣстѣ такъ до сихъ поръ и не дали надлежащаго объясненія этой поспѣшности.

Однако, если мой промахъ имѣлъ свои послѣдствія, то въ конечномъ результатѣ онъ случайно послужилъ намъ на пользу: большевики выступили первыми и уже тѣмъ самымъ возстановили противъ себя все населеніе Петрограда.

День 3-го іюля наступилъ для всѣхъ насъ такъ же неожиданно, какъ для многихъ изъ нихъ. Временное Правительство узнало о выступленіи часа на два раньше меня: вѣроятно, свѣдѣніе дошло до него по тому же обратному проводу.

Около 5-ти часовъ дня, выйдя изъ одного дома на Невскомъ, я не нашелъ своего автомобиля. Швейцаръ поспѣшилъ объяснить, что его увели силой какіе-то солдаты. Отправляюсь пѣшкомъ въ управленіе контръ-развѣдки. По дорогѣ встрѣчаю нѣсколько автомобилей съ вооруженными людьми въ сѣрыхъ шинеляхъ, самаго безобразнаго, неряшливаго вида: на переднихъ крыльяхъ машины обыкновенно лежитъ по хулигану съ винтовкой штыкомъ впередъ. Прійдя на Воскресенскую набережную, перваго, кого увидѣлъ, — своего шоф-

фера Николая. Его было захватили силой и заставили везти, но хитрецъ, едва доѣхавъ до Литейной, остановилъ машину; выключивъ моторъ, онъ поднялъ капотъ и на всѣ понуканія и окрики, дѣлая видъ, что занятъ исправленіями, отвѣчалъ, что моторъ испортился. Посидѣли такъ минутъ съ двадцать; видя, что моторъ не исправляется, вылѣзли и ушли, выругавъ напослѣдокъ. Простоявъ еще для виду съ четверть часа, Николай закрылъ капотъ, сѣлъ за руль и помчался къ намъ въ гаражъ, гдѣ и заперъ машину.

Тѣмъ временемъ по телефону начинаютъ поступать донесенія о митингахъ въ полкахъ, а "наблюдатель" изъ Совѣта с. и р. депутатовъ доноситъ, что большевики требуютъ немедленной передачи власти совѣтамъ, и засѣданіе рабочей фракціи по этому поводу состоится вечеромъ. Какъ разъ на 8 часовъ вечера въ этотъ день у меня было назначено свиданіе на конспиративной квартирѣ,на Моховой улицѣ, съ секретнымъ сотрудникомъ, иногда посѣщавшимъ домъ Кшесинской.

Иду къ назначенному часу; узнаю, что большевики подымаютъ завтра вооруженное возстаніе. Для этого, на усиленіе петроградскихъ бандъ, къ утру будутъ притянуты кронштадтцы и гарнизоны изъ окрестностей; въ томъ числѣ, конечно, солдаты сильно большевизанствующаго 2-го пулеметнаго полка изъ Ораніенбаума. Большевики, игнорируя Временное Правительство, пойдутъ на Таврическій Дворецъ, разгонятъ ту часть депутатовъ, которая поддерживаетъ Временное Правительство, объявятъ о передачѣ верховной власти Совѣтамъ и составятъ новое правительство.

Около 10 часовъ вечера попадаю въ Штабъ Округа. Свѣдѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, поступаютъ очень скверныя. Приходится радоваться, когда узнаешь, что тотъ или иной полкъ согласенъ въ возстаніи вообще не принимать участія ни съ чьей стороны и обѣщаетъ завтра не выйти на улицу, какъ то завѣряютъ насъ полки 1-ой Гвардейской пѣхотной дивизіи. Совсѣмъ обратное приходитъ изъ полковъ Гренадерскаго, Финляндскаго, Павловскаго и вообще всей 2-ой гвардейской дивизіи, равно какъ 1-го запасного и, конечно, 1-го Пулеметнаго, съ которымъ мы давно на положеніи открытой

войны. Эти всѣ не только выйдутъ на улицу, но выступятъ противъ.

Такимъ образомъ, пѣхоты у Главнокомандующаго совсѣмъ нѣтъ.

Артиллеріи за нимъ только запасная батарея гвардейской конной въ Павловскѣ. Юнкера артиллерійскихъ училищъ уже давно сидятъ безъ лошадей и орудій, т. к. они у нихъ отобраны командами солдатъ, состоящихъ при училищахъ.

Броневики были для насъ всегда недосягаемы: они офиціально подчинялись Совѣту с. и р. депутатовъ; команды ихъ сильно распущены и выступятъ, конечно, противъ.

Остается кавалерія: единственная опора Главнокомандующаго — 1-ый Донской казачій полкъ, а также до извѣстной степени 4-ый Донской и два эскадрона запаснаго кавалерійскаго полка. Вообще же, казаки просили ихъ безъ пѣхоты не выводить.

Такимъ образомъ, выступить Половцову въ буквальномъ смыслѣ не съ кѣмъ.

Тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ подтверждаются свѣдѣнія, что большевики поведутъ ударъ на Таврическій Дворецъ.

Половцовъ рѣшаетъ выжидать съ казаками событій, чтобы использовать ихъ въ удобномъ случаѣ, когда таковой представится.

Независимо отъ сего, Совѣтъ с. и р. депутатовъ надѣется притянуть на свою защиту какія-то части.

Онъ приглашаетъ Половцова переѣхать въ Таврическій Дворецъ, чтобы руководить этими войсками оттуда. Воинская секція Совѣта состоитъ, молъ, изъ выборныхъ отъ гарнизона и расчитываетъ на нѣкоторое вліяніе, а распущенная масса номинально подчиняется Совѣту, отдѣльная комиссія котораго утверждаетъ приказы Главнокомандующаго.

Половцовъ отвѣчаетъ отказомъ, предпочитая остаться какъ бы на флангѣ съ нѣсколькими сотнями казаковъ. Вмѣсто себя, онъ рѣшаетъ послать въ Таврическій Дворецъ меня. Узнаю объ этомъ внезапно, приблизительно въ 12 часовъ ночи. Едва успѣваю выслушать приказаніе, какъ приходится брать фуражку. Меня офиціально повезетъ въ Совѣтъ членъ испол-

нительнаго комитета, бывшій большевикъ Войтинскій. Онъ стоитъ тутъ же, около Половцова, и торопитъ.

Успѣваю уже на ходу сказать послѣднему, что не забуду его прерогативъ и что для защиты Петрограда достаточно не больше бригады.

— "Требуй больше! Хотя бы дивизію!", говоритъ Половцовъ мнѣ вдогонку.

А я уже спускаюсь по лѣстницѣ и сажусь съ Войтинскимъ въ совѣтскую машину.

Если бы мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что я буду назначенъ въ Совѣтъ, я бы громко смѣялся. Но сейчасъ въ одинъ мигъ карты перетасованы: остались либо защитники Верховной Власти, либо ея противники, съ которыми предстоитъ драться.

Въ кулуарахъ Таврическаго Дворца застаю большое оживленіе. Тамъ всякаго рода представители, корреспонденты газетъ и много отдѣльныхъ служащихъ отдѣловъ и подъотдѣловъ Совѣта.

Тутъ же только отдѣльные члены Воинской секціи, а остальные всѣ въ большомъ залѣ, гдѣ идетъ бурное пленарное засѣданіе при участіи фракціи большевиковъ. Здѣсь можно получить всѣ послѣднія новости: солдаты 1-го пулеметнаго полка, поддержанные отдѣльными командами, уже собирались у дворца и требовали немедленной передачи власти Совѣтамъ. Керенскій спѣшно уѣхалъ на фронтъ за войсками для защиты Петрограда. За нимъ мчались на грузовикахъ большевики и чуть-чуть его не захватили, опоздавъ на Варшавскій вокзалъ къ отходу поѣзда всего на 20 минутъ.

Члены Воинской секціи, до сихъ поръ въ подавляющемъ большинствѣ противоположнаго намъ лагеря, теперь предупредительно знакомятъ меня со своей организаціей. Воочію убѣждаюсь, что у нихъ существуетъ нѣчто вродѣ параллельнаго намъ штаба съ подобіемъ отдѣленій: оперативнаго, личнаго состава, конечно, пропаганды, борьбы съ контръ-революціей и служебой связи. Показываютъ свои журналы, записи, а по ихъ повышенному и очень бодрому настроенію можно подумать, что уже выступили на войну. Но съ какими войсками? Никто объяснить мнѣ не можетъ.

Полагаю, что при такой обстановкѣ лучше всего осмотрѣть входы и выходы дворца на предметъ его непосредственной обороны. Едва успѣваю обойти это громадное зданіе, какъ меня просятъ пройти на засѣданіе и ведутъ въ одну изъ боковыхъ залъ, гдѣ собралось человѣкъ двѣсти, во главѣ съ Чхеидзе. Это и была та группа, которая окончательно разругалась съ большевиками и, выслушавъ отъ нихъ угрозы и ультиматумы о немедленной передачѣ верховной власти Совѣтамъ, демоснтративно покинула засѣданіе, происходившее въ большомъ залѣ.

Среди собравшихся вижу высокую фигуру министра почтъ и телеграфа Церетели; тутъ же Гоцъ, Анисимовъ и другіе эсъ-эры. Стараюсь вникнуть въ происходящіе дебаты. Слышу, какъ одни укоряютъ другихъ, вспоминая, что давно предлагали порвать съ большевиками, но ихъ не послушались. Длинную тему особенно подробно развиваетъ своимъ отчетливымъ и увѣреннымъ голосомъ Данъ. Становится ясно, что продолжается старый споръ, тѣмъ болѣе, что ораторы уходятъ въ далекое прошлое.

Говорить не на тему и не о томъ, что сейчасъ надлежитъ дѣлать, — принято во всѣ революціи и даже въ самыя рѣшительныя минуты *). Такъ было и у насъ, пока предсѣдательствовавшій Чхеидзе не прекратилъ горячихъ преній и не перевелъ дебаты на жгучій вопросъ — какъ привлечь къ себѣ солдатъ? Собраніе постановляетъ — представителямъ полковъ вернуться въ свои части и уговорить ихъ выступить на сторонѣ Правительства. Тутъ же дѣлается подсчетъ, кто куда поѣдетъ, но выясняется, что миссію эту берутъ на себя всего 39 человѣкъ, въ томъ числѣ и какой-то матросъ, который долженъ "слетать" въ Кронштадтъ и обратно.

Не выдерживаю, посылаю Чхеидзе записку, что прошу слова. Онъ передаетъ, что имѣлъ въ виду предложить мнѣ говорить послѣднимъ, и прекращаетъ запись.

Жду съ нетерпѣніемъ, такъ какъ уже 5 часовъ утра.

Наконецъ, Чхеидзе объявляетъ, что заключительное сло-

*) Такъ, въ послѣдніе часы Парижской Коммуны, когда снаряды рвались у послѣднихъ редюитовъ коммунаръ, эти также спорили о какихъ-то ассигнованіяхъ по театральному бюджету.

во предоставляется "Помощнику Главнокомандующаго", и всѣ поворачиваются въ мою сторону, изъ чего заключаю, что наступила моя очередь. Не знаю, почему ему понадобилось повысить меня на эту должность, но для авторитета это совсѣмъ не такъ плохо.

— "Не разбрасывайтесь", начинаю свою рѣчь, "и весь Петроградскій гарнизонъ намъ вовсе не нуженъ". Далѣе объясняю, что если 39 человѣкъ поѣдутъ, какъ они записались, по одному въ полкъ, то они не смогутъ обойти даже и нѣсколькихъ ротъ, а на митингахъ ихъ все равно провалятъ, и они никого не приведутъ. Говорю, что намъ нуженъ отнюдь не гарнизонъ, а только бригада, или даже полкъ въ 2-3 тысячи человѣкъ; но необходимо, чтобы эти люди дѣйствительно активно выступили. А для этого предлагаю, чтобы всѣ 39 человѣкъ поѣхали только въ одинъ какой-нибудь полкъ 1-ой Гвардейской Дивизіи, поддержали тамъ другъ друга коллективнымъ выступленіемъ и дѣйствительно повели людей за собой.

Чхеидзе и Церетели поддерживаютъ мое предложеніе, которое всѣми принимается. Изъ полковъ они тутъ же выбираютъ Измайловскій, повидимому, болѣе другихъ имъ доступный, и всѣ 39 человѣкъ рѣшаютъ немедленно поѣхать въ послѣдній.

На этомъ, часамъ къ 6 утра, засѣданіе закрывается. Таврическій Дворецъ пустѣетъ.

Озабоченный тѣмъ, что произойдетъ съ контръ-развѣдкой и дѣлами о большевицкой измѣнѣ, выхожу и я. Для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, что ее разнесутъ. Объ этомъ столько разъ кричали съ разныхъ сторонъ и отдѣльные нѣмецкіе агенты, и большевики, и даже пріѣзжіе эмигранты.

Иду пѣшкомъ на Воскресенскую набережную, гдѣ не нахожу ни дежурныхъ, ни даже сторожей, а застаю уже жуткія пустыя помѣщенія, ожидающія своей участи... Роюсь по шкафамъ, разыскиваю штукъ 30 досье о большевикахъ, отбираю 6 наиболѣе важныхъ, кладу къ себѣ въ портфель, а остальныя несу въ архивъ; стараюсь загнать ихъ подъ нижнія полки и какъ можно дальше. Въ концѣ концовъ такъ постарался запрятать папки, что черезъ нѣсколько дней мы

сами ихъ съ большимъ трудомъ разыскали. Затѣмъ беру изъ несгораемаго шкафа всю наличность — 60 тысячъ рублей, а также краткое резюмэ по дѣлу о большевикахъ, которое передъ тѣмъ составилъ предусмотрительный опытный юристъ Г.

Уже въ восьмомъ часу выхожу съ портфелемъ и иду по набережной въ Штабъ Округа. Проходя мимо Лѣтняго Сада, встрѣчаю, къ своему удивленію, выходящаго изъ воротъ Великаго Князя Николая Михайловича. Повидимому, онъ уже возвращается, какъ ни въ чемъ не бывало, со своей утренней прогулки. Великій Князь зналъ меня много лѣтъ. Онъ здоровается и закидываетъ вопросами. Какъ разъ въ этотъ моментъ мимо насъ мчится автомобиль съ вооруженными, расхлябанными солдатами, очевидно, развѣдчиками противника, а судя по внѣшности, взятыми изъ какого-нибудь притона съ окраины столицы. Великій Князь указываетъ на нихъ и спрашиваетъ: "Когда же кончится это безобразіе?"

Отвѣчаю, что это уже совсѣмъ не бозобразіе, а возстаніе. Совѣтую ему прекратить прогулку и сегодня не выходить изъ дому. Идемъ вмѣстѣ до его дворца, а оттуда дохожу одинъ до Штаба.

Прежде всего передаю Балабину деньги и шесть главныхъ досье о большевикахъ, которыя онъ прячетъ въ свой несгораемый шкафъ: тамъ имъ будетъ надежнѣе.

Затѣмъ кратко докладываю Половцому о своихъ ночныхъ впечатлѣніяхъ, а также читаю ему резюмэ по обвиненію большевиковъ въ связяхъ съ нѣмцами.

По части информаціи узнаю, что матросы вышли на насъ изъ Кронштадта въ 8 часовъ утра; идутъ на транспортахъ съ двумя миноносцами. Дессантъ общимъ числомъ 5-6 тысячъ.

Пока собираю послѣднія свѣдѣнія, приходитъ Начальникъ Генеральнаго Штаба ген. Ю. Романовскій, какъ всегда, энергичный и жизнерадостный.

— "Вотъ видите, я подумалъ о васъ и самъ привелъ въ ваше распоряженіе изъ Управленія цѣлое отдѣленіе во главѣ съ полковникомъ Д.", говоритъ онъ мнѣ, указывая на пришедшихъ съ нимъ офицеровъ, и добавляетъ: "Все равно, имъ въ своей канцеляріи сегодня служить не придется, а у васъ, навѣрное, не хватаетъ людей, вамъ они пригодятся".

Назначаю часть пришедшихъ по службѣ связи, а полковника Д. съ остальными посылаю на телефонныя станціи для защиты и развѣдывательныхъ цѣлей.

Они пришлись очень кстати.

Пробывъ въ Штабѣ около часа, нанимаю извозчика, т. к. автомобиль у меня по дорогѣ несомнѣнно отберутъ шныряющія банды, и спѣшу въ Таврическій Дворецъ.

Кругомъ послѣдняго уже собираются солдаты - противника; къ нимъ подходитъ 1-ый Пулеметный полкъ съ небезъизвѣстнымъ прапорщикомъ Сѣмашко и, конечно, со своими пулеметами. Протискиваюсь черезъ враговъ не безъ труда уже пѣшкомъ. Такое положеніе, дѣйствительно, необычайно.

Кулуары дворца начинаютъ наполняться около 10 часовъ. Воинская секція, которая насчитывала по спискамъ болѣе 700 человѣкъ, собирается медленно, видимо, очень неохотно. Добрыя двѣ трети ея такъ за цѣлый день и не показались. Большая часть немедленно приступила къ новому засѣданію въ большомъ залѣ. Остальные были готовы принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ, а человѣкъ 30 проявляли даже особую активность. Они начинаютъ съ упрековъ Половцову, что онъ не пожелалъ самъ пріѣхать. Говорятъ, что отдаютъ себя въ мое распоряженіе, просятъ меня раздѣлить Петроградъ на кварталы, намѣтить мѣста баррикадъ и приступить къ ихъ постройкѣ.

Категорически отклоняю эту затѣю, такъ какъ ни защищать баррикады, ни строить ихъ некому.

Стараюсь добиться, что стало съ тѣми, кто поѣхалъ за Измайловскимъ полкомъ. Гоцъ и Анисимовъ увѣряютъ, что сейчасъ сами за нимъ поѣдутъ. Требую не бригаду, не полкъ, а хоть одинъ батальонъ.

Къ 10 часамъ утра прибываетъ изъ Ораніенбаума 2-ой Пулеметный полкъ съ нѣсколькими десятками пулеметовъ, а къ 11 часамъ уже появляется у насъ подъ окнами. Разныя команды, пришедшія съ нимъ, по пути отъ вокзала стрѣляютъ на Невскомъ въ прохожихъ; шальныя пули носятся по улицамъ; падаетъ нѣсколько раненыхъ, публика въ суматохѣ разбѣгается.

Какъ разъ къ этому времени мы убѣдились, что тѣ наши

часовые, которые стояли у входовъ, сбѣжали отъ одного вида толпы.

Нѣсколько разъ за день удавалось найти охотниковъ покараулить двери, но обыкновенно больше часа они не выдерживали и исчезали. Такимъ образомъ, входъ во дворецъ былъ всегда свободенъ; можно сказать, не преувеличивая, что до самаго вечера мы представляли собой "обозначеннаго противника" *).

Рошаль и Раскольниковъ высаживаются съ кронштадтцами около 11-ти часовъ. Съ шумомъ, безпорядочными рядами матросы направляются къ дому Кшесинской, открывая по дорогѣ ничѣмъ не вызванную стрѣльбу по мирнымъ жителямъ. Изъ дома Кшесинской къ нимъ выходятъ ораторы, предлагаютъ идти на Таврическій Дворецъ, занять его и объявить "Власть Совѣтамъ" **). Послѣ полудня часть кронштадтцевъ занимаетъ Петропавловскую крѣпость, а остальные переходятъ съ новой пальбой къ Таврическому Дворцу. Пальба продолжается около часа. Встрѣченные на пути мужчины и женщины падаютъ убитыми и ранеными.

Послѣ кронштадтцевъ большевики приводятъ 11.000 рабочихъ съ Путиловскаго завода, о выступленіи которыхъ я былъ предупрежденъ заранѣе по телефону. Подходятъ к рабочіе съ Выборгской стороны. Теперь уже вся площадь кругомъ дворца, всѣ прилегающія улицы запружены народомъ. Здѣсь же и люди изъ полковъ 2-ой Гвардейской дивизіи, изъ которыхъ, какъ можно было ожидать, болѣе другихъ Гренадерскаго полка. Тутъ же, очевидно, и всякаго рода зѣваки.

Со стороны задняго подъѣзда, примѣрно въ 10 саженяхъ, сначала лежала цѣпь съ винтовками; но ввиду наплыва людей, оцѣпленіе поднялось, такъ что кругомъ образовалась какъ бы непроходимая живая стѣна.

Какъ разъ передъ тѣмъ ко мнѣ явился казакъ - урядникъ, присланный для связи Балабинымъ. "Какъ же вы пришли?" спрашиваю его съ удивленіемъ. Прибытіе казака меня

*) Спеціальный военный терминъ: такъ на маневрахъ называютъ флажки, которые условно обозначаютъ противника.

**) Точно установлено при разслѣдованіи.

тронуло; значить, все же кто-то обо мнѣ думаетъ.

— "Да вотъ", разсказываетъ урядникъ, "проталкивался я черезъ людей и дошелъ до цѣпи. Лежатъ. Хочу дальше, а тѣ говорятъ: "Нельзя! Никого пропускать не дозволено". Тогда я имъ: "А что будетъ, коли я пойду?" Они мнѣ: "Стрѣлять будемъ". Говорю имъ: "Это въ меня-то стрѣлять будете?! Въ меня?!" Махнулъ на нихъ рукой и пошелъ черезъ цѣпь. Сзади кричатъ: "Чортъ!" А я все шелъ и пришелъ. Такъ и не стрѣляли".

Если можно говорить о непосредственной оборонѣ зданія, то таковая была выполнена нѣсколькими десятками человѣкъ — членовъ Воинской секци.

Изъ толпы вырывались отдѣльныя банды, забирались во дворецъ или во дворъ, гдѣ старались онѣ захватить автомобили. Отъ времени до времени мы выскакивали изъ разныхъ дверей, выставляли вонъ отдѣльныя шайки, отбивали назадъ машины, ставили при входахъ караулы для декораціи. Особенно лихо расправлялся съ этими налетчиками членъ исполнительнаго комитета Сомовъ. Небольшого роста, коренастый, онъ поспѣвалъ всюду, стаскивалъ вновь устроившихся у руля шофферовъ и выталкивалъ ихъ непосредственно въ шею.

Настроеніе нашихъ импровизированныхъ защитниковъ быстро повышалось. Нѣкоторые истерически на меня набрасывались, все спрашивая: "Когда же мы откроемъ боевыя дѣйствія?" А я все тщетно требую привести мнѣ хоть одну команду... И наконец, самъ едва сдерживаюсь, когда въ 1 часъ дня, къ своему негодующему изумленію, увидѣлъ Гоца и Анисимова.

— "Вы что же до сихъ поръ здѣсь дѣлаете? Когда еще три часа тому назадъ взялись ѣхать за Измайловскимъ полкомъ! Вѣдь у меня же до сихъ поръ никого нѣтъ!" налетаю я на нихъ обоихъ и выслушиваю очень неувѣренныя объясненія, что они задержались на интересномъ засѣданіи Совѣта, которое продолжается въ главномъ залѣ.

— "Будьте увѣрены, мы сейчасъ ѣдемъ за полкомъ", говорятъ мнѣ оба и скрываются.

На этотъ разъ они дѣйствительно ушли, и я ихъ въ этотъ день такъ и не увидѣлъ. Встрѣтившись съ Гоцемъ на другой

день, я спросилъ его, чѣмъ же кончилась его поѣздка 4-го іюля. Онъ мнѣ долго объяснялъ, какъ съ трудомъ выбравшись изъ толпы, онъ и Анисимовъ ошиблись адресомъ, попали не въ Измайловскій полкъ, а въ какой-то другой. А потомъ, какъ оказалось, "выйти на улицу уже было невозможно".

Не прошло и часа съ ихъ отъѣзда, какъ мнѣ сообщаютъ съ сіяющимъ видомъ изъ службы связи Совѣта, что ихъ оповѣстили только что по телефону, какъ по Невскому прошелъ цѣлый полкъ въ полномъ порядкѣ, да еще съ музыкой и съ развѣвающимися знаменами. Онъ направлялся къ Таврическому Дворцу, и по мнѣнію членовъ Воинской Секціи, это и есть тотъ Измайловскій полкъ, который идетъ насъ спасать. Мнѣ же кажется совсѣмъ иначе: въ Измайловскомъ запасномъ полку знаменъ нѣтъ, а также нѣтъ и значковъ. Дѣйствительно, вскорѣ къ полученнымъ по телефону свѣдѣніямъ вносится поправка, что надъ полкомъ развѣваются не знамена, а красные флаги. Такъ и есть: стройно подходитъ не союзникъ, а врагъ: 1-ый запасный полкъ, приведенный большевиками, и въ большомъ порядкѣ.

Едва пробившись къ дверямъ, три представителя полкового комитета, а съ ними и прапорщикъ Сахаровъ, являются къ намъ "для переговоровъ объ очищеніи помѣщенія", а сами мрачно, исподлобья озираются по сторонамъ, высматривая, что у насъ дѣлается. На вопросъ мой: "Зачѣмъ явились?" — они отвѣтили: "Революція углубляется". Мы сомкнули ряды и выставили ихъ на крыльцо.

Свѣдѣнія извнѣ приходятъ одно другого хуже.

Первыя боевыя дѣйствія открылись еще въ 12 часовъ ночи, въ Эртелевомъ переулкѣ, у типографіи "Новое Время", куда пріѣхали матросы печатать свои воззванія. Они привезли два пулемета, поставили ихъ по угламъ переулка и время отъ времени открывали изъ нихъ безтолковый огонь, подъ прикрытіемъ котораго товарищи набирали воззванія. Тутъ были убиты: дворникъ, двѣ женщины и ранено нѣсколько запоздалыхъ прохожихъ.

Уже съ утра въ самомъ городѣ, не говоря о томъ, что по улицамъ разъѣзжали броневые автомобили съ пулеметами, изъ

которыхъ стрѣляли неизвѣстно въ кого и почему, большевики поставили команды съ пулеметами на нѣкоторыхъ перекресткахъ улицъ, откуда фланкировали главныя артеріи.

Такая огневая связь была, напримѣръ, установлена ими по всей линіи — по Литейному, Невскому и Садовой улицѣ. Какъ видно, эта система прорѣзала весь Петроградъ лѣваго берега Невы и отдѣляла Штабъ Округа отъ Таврическаго Дворца.

Площадь вокругъ насъ набивается биткомъ. Отдѣльныя группы наглѣютъ больше и больше. Вотъ одна изъ нихъ врывается, ищетъ Переверзева, но, схвативъ по ошибкѣ министра земледѣлія Чернова, вытаскиваетъ его наружу, успѣвъ при захватѣ его изрядно помять и разорвать костюмъ *). Черновъ увѣряетъ, что онъ не Переверзевъ, и начинатеъ объяснять преимущества своей земельной программы, а попутно сообщаетъ, что министры-кадеты уже ушли и правительству не нужны. Изъ толпы несутся всевозможные крики и упреки, вродѣ требованія сейчасъ же раздать землю народу. Чернова подхватываютъ и волокутъ къ автомобилю. Тутъ появляется Троцкій. Пробившись къ Чернову, онъ обращается къ окружающему его сброду, среди котораго выдѣляются кронштадтскіе матросы, и держитъ рѣчь со свойственнымъ ему пафосомъ. Онъ произноситъ слова, которыя впослѣдствіи такъ и остались за матросами: "краса и гордость русской революціи, неужели у васъ поднимется рука на вашего министра?!" Затѣмъ, хорошо зная своихъ сотрудниковъ, Троцкій не ожидаетъ отвѣта "красы и гордости", быстро хватаетъ Чернова за рукавъ и спѣшитъ увести его во дворецъ *).

---

*) На другой день Черновъ укорялъ Переверзева за пережитыя въ его честь минуты.

*) Въ своемъ очеркѣ революціи до Брестъ-Литовска Троцкій пишетъ, что ему пришлось встрѣтиться въ тюрьмѣ съ матросомъ, участвовавшимъ въ попыткѣ арестовать Чернова. Это былъ обыкновенный уголовный преступникъ, который уже раньше сидѣлъ въ Крестахъ за кражу (см. Милюковъ. "Исторія Второй Русской Революціи" т. 1, выпускъ 1, стр. 244).

Здѣсь Троцкій бьетъ въ точку: у него 4 іюля гордостью революціи на передовомъ пунктѣ оказывается уголовный преступникъ, а командиромъ кронштадтцевъ — Рошаль, укравшій партійныя деньги..

Связь моя со Штабомъ поддерживалась весь день по телефону. Въ кабинетѣ Главнокомандующаго стоялъ аппаратъ. Мы условились, что со мной будетъ разговаривать кто-нибудь изъ трехъ: Половцовъ, Балабинъ или оставшійся за Керенскаго, тов. военнаго министра Якубовичъ. Не проходило и получаса, чтобы кто-нибудь изъ нихъ мнѣ не позвонилъ и не спросилъ: "Что новаго?" По ихъ голосамъ мнѣ каждый разъ казалось, что они рады убѣдиться, что я еще не взорванъ, но не увѣрены, не перейду ли я въ лучшій міръ къ слѣдующему ихъ телефону.

Послѣ инцидента съ Черновымъ залы и переднія пришли въ волненіе, а тутъ еще къ 4 часамъ дня зарвавшіеся передніе ряды продвинулись на крыльцо, стали требовать выдачи другого министра — Церетели, находящагося съ нами во дворцѣ. Уже къ этому часу отдѣльныя подозрительныя фигуры довольно свободно расхаживали по корридорамъ.

Звоню Главнокомандующему, попадаю на Балабина:

— "Теперь требуютъ выдачи Церетели. Помочь ему ничѣмъ не могу, т. к. у меня никого нѣтъ. Не можете ли вы насъ поддержать?"

Балабинъ: "Но ты же знаешь, что у насъ тоже никого нѣтъ, кромѣ четырехъ сотенъ казаковъ".

Я: "Да, знаю! И несмотря на просьбы Чхеидзе, ничего тебѣ не говорилъ, когда таскали Чернова; но Церетели мы выдать не можемъ: онъ единственный имѣетъ на Совѣтъ сдерживающее вліяніе. Накопецъ, по обстановкѣ пора и очень важно показать движеніе. Четырехъ сотенъ болѣе чѣмъ достаточно. Пошли половину. Только прикажи пустить въ ходъ оружіе, но дойти во что бы то ни стало. Повѣрь, дойдутъ".

Балабинъ: "Хорошо! Подожди немного".

Черезъ четверть часа звонокъ:

Балабинъ: "Отправляемъ двѣ сотни казаковъ. Посылаемъ съ ними два орудія. Имъ приказано: подъѣхать къ толпѣ, сняться съ передковъ, предложить разойтись, а если не разойдутся — открыть огонь. Удовлетворенъ?"

Отвѣчаю: "Вполнѣ!" и вѣшаю трубку.

Никому ни слова. Вѣроятно, проклянутъ за артиллерійскій

огонь по толпѣ, хотя сами же просили открыть "боевыя дѣйствія". Буду слушать орудійные выстрѣлы.

Исторія дѣйствій этого маленькаго отряда, названнаго неизвѣстно почему отрядомъ полковника графа Ребиндера, слѣдующая.

Отрядъ съ Дворцовой площади шелъ на рысяхъ, когда внезапно недалеко отъ угла Литейнаго и Шпалерной попалъ подъ пулеметъ, поставленный на Литейномъ мосту солдатами Финляндскаго полка. Попавъ неожиданно подъ обстрѣлъ, казаки дернули въ сторону, вразсыпную. Замѣтимъ, что иначе въ такихъ случаяхъ поступить было бы трудно: на улицѣ подъ прямымъ выстрѣломъ пулемета атаковать его въ лобъ для маленькой конной группы — предпріятіе почти безнадежное. А тогда остается прежде всего скрыться въ складкахъ мѣстности, т. е. въ данномъ случаѣ по улицамъ, за домами.

Въ тотъ же моментъ оба орудія остановились и стали сниматься съ передковъ, но одно изъ нихъ тутъ же было окружено возставшими солдатами 1-го Запасного полка; другое орудіе — съ убитымъ въ спину кореннымъ ѣздовымъ Пискуновымъ — успѣло проскочить Литейный проспектъ, сняться съ передка и дать три выстрѣла. Имъ командовалъ пошедшій съ отрядомъ волонтеромъ штабсъ-капитанъ Цагурія *).

Для перваго выстрѣла Цагурія, оставшись одинъ, безъ солдатъ, заряжаетъ самъ — первымъ попавшимся снарядомъ — гранатой; онъ бьетъ на 200 шаговъ по кучкѣ солдатъ, окружившихъ первое орудіе. Граната мѣтко разрывается, наноситъ тяжелый уронъ противнику, который разбѣгается. Къ Цагуріи подбѣгаютъ свои: подъесаулъ гвард. запасн. бат. Филимоновъ и вахмистръ.

Второй выстрѣлъ Цагурія, посылаетъ по пушкамъ Гочкиса, обстрѣливавшимъ его съ сѣвернаго берега Невы.

Наконецъ, третій снарядъ разорвался передъ домомъ

---

*) Конной Артиллеріи штабсъ-капитанъ Цагурія, пріѣхавъ съ Кавказа въ командировку, въ Петроградѣ оказался случайно. Самъ вызвался итти съ отрядомъ. Насколько мнѣ извѣстно, онъ въ настоящее время проживаетъ въ Бельгіи.

Кшесинской. Тамъ уже было объявлено новое правительство при участіи Ленина и Рошаля. Разрывъ передъ окнами показалъ большевикамъ, что мы не только существуемъ, но и выступаемъ активно.

Въ этомъ эпизодѣ отрядъ теряетъ 6 убитыми и 26 ранеными. Цагурія отбиваетъ другое орудіе и постепенно собираетъ людей. На этомъ боевыя дѣйствія отряда заканчиваются.

Какъ видно, бой произошелъ у Литейнаго моста. Разстояніе отъ послѣдняго до Таврическаго Дворца настолько большое, что все дѣло разыгралось, конечно, внѣ сферы расположенія полчищъ, которыя насъ окружали, а потому прямого давленія на нихъ не оказало. Также нельзя допустить, что отъ Литейнаго моста можно продольно обстрѣлять Таврическій Дворецъ, т. к. этого не позволяетъ расположеніе улицъ. Да казаки огня и не открывали, а орудійные выстрѣлы были даны по другому берегу Невы.

Дѣйствія эти я узналъ немного позже, а въ то время изъза общаго шума не слышалъ даже орудійныхъ выстрѣловъ.

Часовъ въ 5 дня мнѣ позвонилъ Балабинъ:

— "П. Н. Переверзевъ, который сидитъ здѣсь съ нами, спрашиваетъ, не имѣешь ли ты препятствій къ немедленному опубликованію части тѣхъ данныхъ, объ измѣнѣ большевиковъ, о которыхъ ты сегодня докладывалъ Половцову? При этомъ разоблаченія были бы подписаны не тобой, т. к. твое имя не вызоветъ довѣрія массъ, а Г. Алексинскимъ и старымъ шлиссельбуржцемъ Панкратовымъ. Теперь спрошу отъ себя, какъ ты думаешь, не создастъ ли намъ, наконецъ, это опубликованіе благопріятную обстановку для ареста большевиковъ?"

Я отвѣтилъ:

— "Совершенно согласенъ. Считаю опубликованіе своевременнымъ и могущимъ быть рѣшающимъ при настоящемъ положеніи. Только прошу тебя, позови сейчасъ же моихъ людей; они должны быть у васъ въ Штабѣ, и помоги имъ немедленно приступить къ арестамъ".

Не могу не удостовѣрить, что Переверзевъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ, что дѣлаетъ ставку на послѣднюю кар-

ту. Выбравъ правильно психологическій моментъ, онъ посовѣтовался съ Половцовымъ, а потомъ, со свойственнымъ ему тактомъ, не счелъ возможнымъ предать гласности свѣдѣній, ему извѣстныхъ, не спросивъ согласія у меня, какъ техническаго исполнителя.

Очень скоро послѣ этого разговора произошло, независимо отъ нашей воли, именно то событіе, которое тактически на нашемъ боевомъ участкѣ повернуло успѣхъ всего дня на нашу сторону.

Насъ окружала тѣснымъ поясомъ лавина въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Большевики дѣйствительно постарались нагнать возможно больше народа, но именно такое число участниковъ обрекло ихъ сегодня на неудачу. Кто были въ массѣ эти люди? Солдаты? Коммунисты? Совсѣмъ нѣтъ! Просто мужики, которые не умѣли какъ слѣдуетъ зарядить винтовки. Имъ наобѣщали много чудесъ, ихъ развратили, согнали въ громадное стадо, среди котораго потерялись сами пастухи. Сколько изъ нихъ на всѣхъ приходилось идейныхъ большевиковъ, готовыхъ, рискуя жизнью, пойти на штыкъ? Да сколько бы ихъ ни было, они потеряли другъ друга, сами потерялись въ этой чудовищной толпѣ изъ безчисленныхъ головъ. Большевики прежде всего завязли. По мѣрѣ того, какъ прибывали новые люди, они теряли управленіе. Уже къ полудню было замѣтно, какъ рвались цѣпочки и исчезало оцѣпленіе. А во вторую половину дня техническія средства управленія были окончательно раздавлены массой, что было видно по всѣмъ ея безтолковымъ передвиженіямъ *).

Характерно, что самъ Троцкій даже на главномъ пунктѣ позиціи вынужденъ былъ спасать своего стараго знакомаго Чернова. Всѣ перепутались, стояли вплотную, такъ что не продвинуться.

Пришло ли отъ Ленина обѣщанное приказаніе, либо болѣе рѣшительные, наскучивъ стоять, сами рѣшили перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, но только вдругъ изъ толпы начали стрѣлять по дворцу. За первыми выстрѣлами послѣдо-

*) Разслѣдованіе подтвердило, что Ленинъ обѣщалъ присылать дополнительныя приказанія.

вали другіе; такъ открылась безпорядочная стрѣльба, которая продолжалась не болѣе получаса. Стрѣляли, можетъ быть, и въ воздухъ, но, несомнѣнно, и по дворцу. Стрѣляли не изъ ближайшихъ рядовъ, а изъ толпы, т. к. именно среди первыхъ рядовъ нашего врага попадало нѣсколько десятковъ раненыхъ, сраженныхъ въ спину пулями своихъ.

Этого оказалось достаточнымъ: съ первыми же выстрѣлами грянула паника, да какая... Толпа закачалась, загулѣла, люди бросились кто куда. Тѣ, кто былъ ближе ко дворцу, устремились въ него, но вовсе не со штыками противъ насъ, а чтобы спрятаться за стѣнами отъ пуль, летающихъ по площади. Это мы сообразили довольно скоро, но все же не сразу.

Среди общей суматохи меня зовутъ къ телефону. На томъ концѣ провода Якубовичъ проситъ оріентировать въ обстановкѣ. Пока онъ ждалъ, то, очевидно, услышалъ по аппарату выстрѣлы, т. к. спросилъ меня: "Кто стрѣляетъ и что происходитъ?"

Только успѣваю сказать, что еще самъ не могу разобраться, какъ съ трескомъ выламывается окно и ко мнѣ начинаютъ быстро влѣзать одинъ за другихъ солдаты съ винтовками. Рѣзкимъ движеніемъ вѣшаю трубку, поворачиваюсь въ полной увѣренности, что пришли меня брать *). Къ удивленію, однако, вижу совсѣмъ не злодѣевъ, какъ ихъ принято представлять, когда они врываются убивать, а очень помятыя физіономіи. Движенія нерѣшительныя, переминаются съ ноги на ногу. А за ними все ползутъ и ползутъ другіе. Среди прочихъ прибываютъ нѣсколько товарищей-кронштадтцевъ. И у нихъ что-то видъ перепуганный. Начинаю думать, ужъ не страшно ли стало на площади, да подъ пулями. Но думать некогда. Знаю, что спасеніе только въ наступленіи, а потому начинаю первый. Дѣлаю видъ, что принимаю ихъ за своихъ:

— "Вы что же такъ поздно пожаловали? Вѣдь мы васъ ждемъ съ утра. Кто же будетъ защищать Верховную Власть?"

---

*) Форма генеральнаго штаба меня очень отличала отъ совѣтскихъ делегатовъ.

Слушаютъ, не двигаясь, какъ будто рады, что ихъ не ругаютъ. Я уже успѣлъ овладѣть собой вполнѣ. Всѣхъ въ большой комнатѣ набралось человѣкъ 30. Иду впередъ, отдѣляю двухъ, приказываю имъ остаться у окна и никого больше не впускать: "А то насъ всѣхъ задавятъ". Остальнымъ говорю: "Идите за мной" и веду ихъ къ главному подъѣзду.

Въ корридорѣ испуганныя лица, меня засыпаютъ вопросами: "Что это за люди?" Идемъ мимо раненыхъ враговъ, которыхъ вносятъ и тутъ же кладутъ на полъ. Ставлю людей въ передней у главныхъ дверей, какъ заставу; приказываю, чтобы никого не впускали.

Выстрѣлы затихаютъ; видны только разбѣгающіеся въ разныя стороны солдаты. Боевые отряды коммунистовъ, тѣ, кто открылъ огонь изъ толпы, съ ней ассимилировались. Они не могли устоять передъ общимъ ужасомъ, который передается отъ бѣгущей массы людей. Надо имѣть незаурядную силу воли, чтобы пойти противъ стихійнаго потока, которымъ двигаетъ страхъ, сильный своей безотчетностью. Паника подхватила зачинщиковъ, толпа унесла ихъ съ собой.

Конечно, слѣдовало ожидать, что кадры оправятся и скоро вернутся. Но тутъ намъ на помощь пришло еще одно обстоятельство, при другихъ условіяхъ, можетъ быть, незначительное, но при пониженномъ настроеніи убѣгающихъ весьма уважительное, чтобы не возобновлять осаду немедленно: не успѣли выстрѣлы затихнуть, какъ хлынулъ дождь, и даже хорошій ливень. Задержавшіяся кучки людей поспѣшаютъ укрыться отъ непрерывныхъ водяныхъ струй; окрестности пустѣютъ *).

Человѣкъ полтораста отъ Воинской секціи и другихъ собираются въ боковомъ залѣ. У насъ совсѣмъ не настроеніе побѣдителей. Мы прекрасно понимаемъ, что только случайно получили передышку. Кругомъ все та же враждебная или въ лучшемъ случаѣ чужая толпа; а у насъ, у насъ ни одного солдата!

---

*) Вспомнимъ грозу 9 Термидора — она разсѣяла послѣднихъ приверженцевъ Робеспьера, запертаго въ Hôtel de Ville

Да и изъ города собираются вѣсти самыя безотрадныя. Становится извѣстнымъ о стрѣльбѣ на разныхъ улицахъ, вездѣ сопровождавшейся убитыми и ранеными. Огонь обыкновенно открывался отдѣльными шайками по случайной толпѣ или прохожимъ. Такъ было у Николаевскаго вокзала, въ первомъ часу дня, затѣмъ на углу Литейнаго и Жуковской въ 2 часа, на углу Невскаго и Садовой въ 3 часа, на Садовой въ 5 часовъ, на углу Надеждинской и Невскаго — въ 6 часовъ, на Знаменской площади въ 9 часовъ вечера. На Обводномъ каналѣ и Литейномъ проспектѣ выстрѣлы почти не умолкали весь вечеръ, а потомъ продолжались и большую часть ночи. На Воскресенской набережной дважды за день большевики обстрѣливали и громили мою контръ-развѣдку. Сильно трещали пулеметы въ 4 часа дня на Литейномъ проспектѣ; тамъ шла колонна кронштадтскихъ анархистовъ со своими черными значками. Какъ говорятъ, имъ померещились гдѣ-то вдали казаки. Анархисты открыли огонь изъ пулемета съ грузовика. Пулеметъ подхватили ружейные выстрѣлы, и опять падали невинныя жертвы, но досталось и во своимъ. Отсюда было доставлено по госпиталямъ нѣсколько десятковъ раненыхъ

Конечно, нѣтъ возможности перечислить всѣ мѣста отдѣльныхъ вспышекъ. Можно только опредѣленно утверждать, что за малыми исключеніями, какъ-то: обстрѣлъ контръ-развѣдки или выстрѣлы у Таврическаго Дворца, огонь открывался не по нашимъ войскамъ, а по мирному населенію для устрашенія или по нервозности: нашихъ войскъ противъ нихъ не было, т. к. у насъ ихъ вообще не имѣлось. Только одинъ 1-ый Донской казачій полкъ вышелъ на улицу. Отъ него съ Дворцовой площади, на короткія разстоянія иногда выѣзжали отдѣльные отряды. Въ одинъ изъ нихъ на углу Невскаго и Морской была брошена бомба, которая вывела изъ строя убитыми и ранеными 6 казаковъ и 10 лошадей. Потери полка за день: 20 убитыхъ, 70 раненыхъ казаковъ и олоко 100 лошадей. Но то былъ одинъ 1-ый Донской, и только!

При такихъ условіяхъ большевики были полными хозяевами города.

Если весь трагизмъ положенія былъ ясенъ еще тогда для нѣкоторыхъ изъ насъ, то онъ еще ярче выступалъ изъ незначительныхъ явленій, которыя не замедлили послѣдовать съ наступленіемъ ночи. Мы начали получать десятки телефонныхъ призывовъ на помощь противъ грабителей. Звонили изъ магазиновъ Гостиннаго Двора, изъ Апраксина рынка, съ Садовой, изъ банковъ на Невскомъ; звонили телефонныя барышни, умоляли отдѣльные голоса изъ частныхъ квартиръ по Литейному и Жуковской, просилы спасти отъ ломящихся бродягъ и мародеровъ.

Услыхавъ эти вопли, моимъ первымъ движеніемъ было, конечно, какъ-то помоч. Но какъ? Коко послать? Поговорилъ два раза со Штабомъ, но это было лишнее. Звонить въ участки милицій? Оттуда не отвѣчаютъ. Да мнѣ именно и жалуются, что ея не могутъ найти *). Выслушивая крики и мольбы женщинъ по телефону, сознавая свое безсиліе, я ничего не отвѣчалъ, вѣшалъ трубку, старался о нихъ не думать; но нельзя забыть эти голоса.

Въ девятомъ часу прискакалъ доблестный Цагурія, но одинъ изъ всего отряда. Онъ поистинѣ "дошелъ во что бы то ни стало": эфесъ шашки отбитъ пулями, фуражка и одежда прострѣлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Настроеніе прекрасное, а послѣ пулеметнаго огня, подъ которымъ продержался, еще повышенное. Онъ сразу набрасывается на первыхъ попавшихся депутатовъ Совѣта, и мнѣ приходится ихъ растаскивать **).

Отряда все еще нѣтъ, и мы продолжаемъ говорить на безконечную тему дня — какъ притащить Измайловскій полкъ. Вдругъ, словно бомба, влетѣлъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ съ членами Воинской секціи, одинъ изъ членовъ Совѣта и закричалъ: "Мы спасены! У Временнаго Правительства есть точныя данныя объ измѣнѣ большевиковъ!"

---

*) Въ серединѣ іюля былъ изданъ указъ министра внутреннихъ дѣлъ о милиціи, которая оказалась "не на высотѣ положенія" въ дни возстанія. Нельзя не оцѣнить деликатности выраженія министра.

**) Изъ всего отряда Цагурія сопровождали только Даніилъ и Петръ Пестрецовы — 1-го Донского каз. полка (два брата).

Во мгновеніе вѣсть распространилась по дворцу. Общій вздохъ облегченія и радости. Уныло опущенныя головы поднялись. Депутаты ликовали, поздравляли другъ друга, жали мнѣ руки.

Тутъ же въ комнатѣ сидитъ на окнѣ министръ труда Скобелевъ. Его обычно тусклая физіономія сейчасъ сіяетъ. Онъ смѣется и весело посвистываетъ. Кто-то кричитъ, что надо скорѣй звонить по телефону во всѣ воинскія части и прежде всего въ Измайловскій полкъ.

Не могу, однако, забыть фигуры новаго сенатора Н. Д. Соколова, избитаго за два дня передъ тѣмъ юнкерами, который съ повязанной головой и трясущимся подбородкомъ бѣгалъ въ сопровожденіи соглядатая Нахамкеса отъ телефона къ телефону, старался кого-то вызвать и въ паникѣ восклицалъ:

— "Неужели Переверзевъ позволитъ дискредитировать цѣлую политическую партію?!"

Уже около 9 часовъ вечера, по собственной иниціативѣ, узнавъ объ измѣнѣ большевиковъ, прибыли первыми на защиту Таврическаго Дворца вооруженные солдаты ближайшей къ намъ воинской части — гвардейскаго сапернаго батальона. Затѣмъ явился давно ожидаемый Измайловскій полкъ. Члены исполнительнаго комитета встрѣчали приходившія войска громкими рѣчами.

Всякій разъ они начинали такъ: "Временное Правительство имѣетъ свѣдѣнія, что Ленинъ продался нѣмцамъ!"

Таврическій Дворецъ гудѣлъ отъ восторга.

Войска кричали "Ура!" Обѣщали поддерживать Верховную Власть. Солдаты все прибывали *).

Наконецъ, около 11 часовъ вечера, мнѣ явились казаки, входившіе въ составъ отряда, съ которымъ шелъ Цагуріа. Мнѣ было ясно, что возстаніе кончено. Я поблагодарилъ ка-

*) На стр. 33 второго тома "Моя жизнь" — "большевицкій историкъ" Троцкій, игнорируя факты, разсказываетъ, какъ прекратилось іюльское возстаніе: "Волынскій полкъ прибылъ съ фронта... послѣ чего все перемѣнилось, и делегаты большевиковъ были изгнаны.

Гдѣ Троцкій, гдѣ былъ Волынскій полкъ и гдѣ исторія?

заковъ отъ имени Половцова и за позднимъ временемъ отпустилъ конныя части по домамъ *).

Около полуночи — телефонъ Балабина:

— "Временное Правительство спѣшно требуетъ тебя въ Штабъ Округа. Пріѣзжай немедленно".

— "А кому же сдать ввѣренный мнѣ Совѣтъ?" смѣюсь я въ телефонъ.

— "Пошли его къ ч-р-у", отвѣчаетъ Балабинъ.

Найти автомобиль, шофферъ котораго согласился бы везти меня въ Штабъ, было не такъ легко, т. к. изъ города все доносятся выстрѣлы. Совѣтскія машины отказываются сдвинуться съ мѣста подъ всевозможными предлгами, пока мнѣ не посчастливилось разыскать того шоффера, вмѣстѣ съ которымъ я отбивалъ утромъ его автомобиль у большевиковъ. Этотъ соглашается. Мы усаживаемся; машина несется стрѣлой къ Дворцовой площади. По дорогѣ — ни одного фонаря; городъ погруженъ во мракъ. Навстрѣчу проскакиваютъ грузовики съ большевицкими солдатами. Гдѣ-то пострѣливаютъ, изрѣдка проносятся какія-то шальныя пули.

Штабъ Округа не узнать: заставы, караулы, юнкера, патрули; въ окнахъ пулеметы. Экъ, счастливые! А у меня не было ни одного. Подымаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ Козьмина, который сообщилъ, что два раза ѣздилъ спасать контръразвѣдку, но что все ея помѣщеніе разгромлено.

Когда я спѣшилъ на вызовъ Правительства, то думалъ, что оно хочетъ оріентироваться или преподать какія-нибудь указанія въ отношеніи Совѣта.

---

*) Замѣтимъ, что въ эмиграціи нѣкоторые руководители событій 1917 года пытаются вычеркнуть изъ моего точнаго конспекта вышеприведенныя фразы совѣтскихъ лидеровъ: "Временное Правительство имѣетъ свѣдѣнія, что Ленинъ продался нѣмцамъ", т. к. считаютъ ихъ вообще для нихъ — для марксистовъ — неудобными. Конечно, я особенно и твердо настаиваю на абсолютной точности записанныхъ мною фразъ. Всѣ онѣ начинались съ того, что именно Вр. Правительство, а никто иной, располагаетъ свѣдѣніями, что деньги Ленина нѣмецкія. Эти непосредственные возгласы были совершенно искренни и естественны для людей, которые вдругъ убѣдились, что ихъ не подымутъ на штыки. Тогда они ухватились за протянутое имъ оружіе. Теперь за дальностью лѣтъ и разстояній — страхъ замѣтно прошелъ.

То, что я услышалъ и увидѣлъ въ дѣйствительности, было очень далеко отъ моихъ предположеній.

Войдя въ комнату, отведенную Временному Правительству, я засталъ въ ней трехъ министровъ: направо отъ двери стоялъ багровый Переверзевъ; налѣво, лицомъ къ двери, за небольшимъ столомъ задыхался Некрасовъ, противъ него, блѣдный, какъ полотно — Терещенко. Говорилъ со мной одинъ Терещенко. Онъ спросилъ:

— "У васъ достаточно данныхъ, чтобы обвинить большевиковъ въ связи съ нѣмцами?"

Я отвѣтилъ:

— "Болѣе чѣмъ достаточно".

Терещенко: "Въ такомъ случаѣ приступите къ аресту".

Я: "Это уже сдѣлано".

Своимъ мнѣ приказаніемъ Терещенко, въ сущности, санкціонировалъ отъ имени Временнаго Правительства мои распоряженія и ордера, отданные именемъ Главнокомандующаго 1-го іюля, а также и приказъ генералъ-прокурора Переверзева, данный передъ тѣмъ непосредственно Штабу Округа.

Вѣсть объ измѣнѣ большевиковъ вмигъ облетѣла всѣхъ и вся до объявленія въ газетахъ. Она встряхнула населеніе, какъ отъ разряда электричества. Петроградскіе солдаты перешли на нашу сторону только послѣ того, какъ узнали объ измѣнѣ Ленина! Только послѣ этихъ свѣдѣній солдаты вышли на улицу и стали на защиту Таврическаго Дворца.

Послѣ жуткаго обвиненія главари сразу попрятались по своимъ норамъ. Отдаленные одиночные раскаты возстанія раздавались еще двое сутокъ. То были безсвязныя короткія стрѣльбы, преимущественно по ночамъ на окраинахъ, а въ центрѣ города — на Адмиралтейской набережной и у Александровскаго парка.

Причинъ неудачи возстанія было нѣсколько.

Прежде всего, нельзя упускать изъ виду, что народъ въ массѣ еще не озлобился до братоубійственной войны. Его раскачивали, и іюльскіе дни являлись лишь первымъ большимъ размахомъ. Отсюда всякаго рода ошибки большевиковъ и случайности сказывались много сильнѣе, чѣмъ это

было, напримѣръ, впослѣдствіи. Не забудемъ также, что военная наука неумолимо караетъ за дурную подготовку операцій.

Возстаніе произошло экспромтомъ; оно не было подготовлено, что видно положительно изъ всѣхъ дѣйствій противника. Полки и большіе отряды не знали своихъ ближайшихъ задачъ даже на главномъ пунктѣ. Имъ говорили съ балкона дома Кшесинской: "Идите къ Таврическому Дворцу, возьмите власть" *). Они пошли и пока ждали обѣщаннаго дополнительнаго приказанія, ряды ихъ смѣшались между собой. Наоборотъ, 10-15 человѣкъ на грузовикахъ, броневики, маленькія команды на автомобиляхъ сохраняли полную свободу дѣйствій, имѣли господство въ городѣ, но также не получили конкретныхъ задачъ, чтобы захватить опорные пункты, какъ вокзалы, телефонныя станціи, продовольственные магазины, арсеналы, всѣ двери которыхъ были открыты настежь **). Улицы заливались кровью, но руководства не было, а случайности приходили намъ на выручку.

На рѣшительномъ пунктѣ толпа завязла. Можно допустить, что до поры до времени ее удерживали бутафорскія винтовки, которыя изрѣдка показывались изъ дверей дворца. Вѣроятно, нѣкоторое вліяніе, но не у дворца, а на руководителей въ домѣ Кшесинской, оказалъ маневръ отряда у Литейнаго моста, точнѣе — выстрѣлъ Цагурія; онъ показалъ, что мы еще не отказались отъ борьбы. Но въ рѣшительномъ мѣстѣ большевики потерпѣли тактическую неудачу отъ своихъ собственныхъ выстрѣловъ, которые вызвали панику. Случайный дождь окончательно опредѣлилъ перерывъ осады, привелъ къ тактической неудачѣ дня на главной позиціи. Но всѣ эти факторы отнюдь не давали намъ побѣды: мы сидѣли въ ямѣ, а большевики продолжали стрѣлять по улицамъ, владѣли городомъ, и достаточно было залпа десяти винтовокъ въ Таврическовъ Дворцѣ, чтобы объявить новую власть.

Вотъ при этой обстановкѣ свалился на большевиковъ тяжелый молотъ — обвиненіе въ измѣнѣ, отъ удара котораго

*) Точно установлено разслѣдованіемъ.

**) Отъ насъ караулъ былъ только на центральной телефонной станціи: у насъ не было людей.

они побѣжали безъ оглядки, а мы выскочили на поверхность. Многіе изъ насъ уже понимали одинаково — или теперь, или никогда.

13
ПОСЛѢДНЯЯ КАРТА

Обличеніе Ленина спутало планы большевиковъ, привело ихъ къ состоянію полной растерянности. Напрасно Троцкій въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ видъ, что ничего особеннаго не случилось. Не думаетъ же онъ серьезно кого-нибудь увѣрить, что была всего только пробная манифестація. Онъ даже нашелъ для нея новый, замѣчательный терминъ: "полувозстаніе". Генеральная репетиція уличныхъ боевъ со стрѣльбой изъ пулеметовъ, съ убитыми и ранеными! А приказанія съ балкона? Возстаніе было. Оно рухнуло. Троцкій лжетъ.

Полковникъ Д., посланный съ офицерами на телефонныя станціи, представилъ мнѣ подробную сводку переговоровъ, слышанныхъ имъ по разнымъ проводамъ въ Петроградѣ и за городъ. Въ ней приводились и разговоры большевиковъ 4 и 5-го іюля между Петроградомъ и Москвой. Большевики изъ Москвы говорили пять разъ съ однимъ домомъ на Садовой улицѣ — со своими единомышленниками въ Петроградѣ.

Петроградъ: "Что происходитъ у васъ?"

Москва: "Все благополучно и спокойно. А у васъ?!

Петроградъ: "Все погибло. Мы совершенно уничтожены".

Троцкій не могъ не знать дома на Садовой и тѣхъ, кто велъ эти разговоры. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ спеціально вызвалъ Троцкаго къ аппарату въ этомъ домѣ и получилъ отъ него грубый окрикъ.

Боевые отдѣлы большевиковъ, а ихъ было въ Петроградѣ около 30, рушились, какъ карточные домики. Они составили нашу первую заботу. Мы начали разбирать ихъ немедленно, на разсвѣтѣ 5-го іюля. Для этого приходилось посылать оказавшихся подъ рукой дружину Георгіевскаго союза, инвалидовъ и юнкеровъ. Разъѣзжая на грузовикахъ, они безъ выстрѣла захватывали помѣщенія. При этомъ обыкновенно брались въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, отбиралось оружіе,

бомбы, безконечное число ящиковъ всякой литературы. Все и все свозилось къ намъ въ Штабъ, откуда по добытымъ свѣдѣніямъ посылались новыя экспедиціи.

Настроеніе нашихъ маленькихъ случайныхъ командъ было превосходное. Онѣ не знали усталости.

— "Пойдите прежде всего спать: вы уже третьи сутки ѣздите безъ передышки, я пошлю другого", говорю я одному офицеру изъ союза Георгіевскихъ кавалеровъ.

— "Ну, позвольте еще хоть одинъ разъ съѣздить", упрашиваетъ тотъ и спѣшитъ по новому адресу.

Еще на разсвѣтѣ 5-го іюля Половцовъ говоритъ мнѣ, что команда инвалидовъ идетъ брать редакцію газеты "Правда".

— "Пойди ты самъ съ ними, какъ бы большевики чего не натворили".

Караулъ саперъ при редакціи разбѣгается отъ одного нашего появленія, а черезъ полчаса текущая переписка въ большихъ корзинахъ переѣзжаетъ въ Штабъ Округа.

Вернувшись изъ редакціи "Правды", ѣду въ контръ-развѣдку. Весь тротуаръ вдоль длиннаго фасада оказывается сплошь бѣлымъ: его покрывали густымъ слоемъ листы бумаги, выдранные изъ нашихъ досье. Всѣ стекла и рамы нижняго этажа были вдребезги. Второй этажъ снаружи уцѣлѣлъ. Въ немъ только прострѣлены стекла моего кабинета. Зданіе вымерло. Отъ караула, поставленнаго наканунѣ Козьминымъ, я не безъ труда разыскалъ одного мирнаго солдатика. Онъ устроился на кухнѣ, гдѣ наладилъ себѣ чай. Я такъ и не могъ допытаться, было ли у него когда-нибудь оружіе.

— "А ну-ка, возьмите топоръ и пойдемъ наверхъ", говорю я этому внѣ сомнѣнія христолюбивому воину. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи забраться въ третій этажъ, взломать дверь и заглянуть въ боевой отдѣлъ большевиковъ, такъ долго висѣвшій надъ нашими головами, и своимъ приходомъ ознаменовать прекращеніе его существованія. Въ помѣщеніи не оказалось ни души.

Въ боевой день 4-го іюля вѣрные долгу старшіе чины контръ-развѣдки собрались въ Штабѣ, около Балабина. Тамъ, занятые лихорадочной работой, они оставались еще трое сутокъ. Что касается младшихъ агентовъ и служащихъ, то

ввиду войны на улицахъ и разгрома зданія, памятуя, какъ въ февральскіе дни расправлялись съ чинами контръ-развѣдки, они, естественно, вѣеромъ разсыпались въ разныя стороны, и прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ начали показываться съ большой осторожностью.

Въ виду этого, дѣятельность контръ-развѣдки налаживалась въ первые дни въ самомъ Штабѣ, по большей части съ новыми лицами.

Каронячинскаго посылаю въ Павловскъ. Ему поручаю арестовать Суменсонъ, но отнюдь не перевозить, а временно сдать на гауптъ-вахту въ Павловскѣ. По городу и въ окрестностяхъ еще пострѣливаютъ, проскакиваютъ отдѣльныя шайки; я не могу рисковать, чтобы такой цѣнный грузъ отняли по дорогѣ. Въ Павловскѣ на гауптъ-вахтѣ она просидѣла два дня. Солдаты гвардейской конной артиллеріи наскучили съ ней возиться, считая, что охранять арестованныхъ имъ не подобаетъ, изрядно избили Суменсонъ и всю въ кровоподтекахъ привезли 7-го іюля къ намъ въ Штабъ, гдѣ сдали лично Половцову.

Относительно Ленина я зналъ, что онъ бѣжалъ, что на официальной квартирѣ на Широкой улицѣ мнѣ его не найти. Однако, туда слѣдовало поѣхать, чтобы не упрекать себя впослѣдствіи, а также для производства самаго тщательнаго обыска. Для этого я намѣтилъ талантливаго товарища прокурора Е., а т. к. квартира Ленина была расположена въ сильно распропагандированномъ рабочемъ кварталѣ и тамъ можно было ожидть вооруженнаго вмѣшательства рабочихъ, то мнѣ не хотѣлось отпускать товарища прокурора Е. одного. Я вызвалъ пятнадцать преображенцевъ, посадилъ ихъ на грузовикъ и самъ поѣхалъ съ товарищемъ прокурора Е. Оставивъ на улицѣ двѣ заставы, мы поднялись съ тремя солдатами по лѣстницѣ. Въ квартирѣ мы застали жену Ленина — Крупскую. Не было предѣла наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встрѣтила насъ криками: "Жандармы! Совсѣмъ какъ при старомъ режимѣ!" и не переставала отпускать на ту же тему свои замѣчанія въ продолженіе всего обыска. Я только сказалъ, что все равно не слушаю ея криковъ. Тов. прокурора Е. изводился, иногда рѣзко ее оса-

живалъ. Какъ и можно было ожидать, на квартирѣ Ленина мы не нашли ничего существеннаго, если не считать одной небольшой схемы, набросанной отъ руки, съ изображеніемъ желѣзной дороги, станціи и нѣсколькихъ улицъ или дорогъ. Крупская замѣтно смутилась, когда мы спросили ее, что это за планъ. Я подумалъ, ужъ не станція ли это, черезъ которую бѣжалъ Ленинъ, и, взявъ схему, сказалъ тов. прокурора Е. послать съ ней агентовъ по финляндской дорогѣ.

Козловскій былъ захваченъ у себя на квартирѣ, а съ нимъ нѣсколько его коллегъ, среди которыхъ попался и Уншлихтъ *). Но для Козловскаго этого было недостаточно. Я зналъ, что кромѣ квартиры на Сергіевской, онъ снимаетъ комнату на Знаменской, въ квартирѣ новаго сенатора Николая Дмитріевича Соколова, по адресу котораго и шла почти вся корреспонденція Козловскаго. Оставить этого безъ вниманія никакъ не приходилось.

Какъ только Каропачинскій вернулся изъ Павловска, я говорю ему такъ:

— "Возьмите кого-нибудь изъ молодыхъ юристовъ, поѣзжайте только вдвоемъ, безъ какого бы то ни было караула, къ Соколову на Знаменскую. Помните, что несмотря на мой ордеръ, васъ назовутъ бандой; поэтому держите себя вѣжливо, но обыщите все до послѣдней нитки".

Каропачинскій всегда былъ очень корректенъ. Не сомнѣваюсь, что у Соколова онъ держалъ себя безупречно, но эта предосторожность не помогла. Она не помѣшала Соколову вопить на всѣхъ перекресткахъ, что къ нему ворвалась банда изъ Штаба и грозила убить. Товарищи военнаго министра пришли въ недоумѣніе: "Какъ! Вы обыскали сенатора?" начали они оба мнѣ деликатно выговаривать въ тотъ же вечеръ.

— "Только не пугайте меня, пожалуйста, такимъ высокимъ званіемъ", отвѣтилъ я имъ, искренно разсмѣявшись,

*) Спеціально на Уншлихта контръ-развѣдка имѣла особое досье по шпіонажу черезъ одну польскую организацію. До разрыва Гитлера съ Совѣтской Россіей Уншлихтъ — старый совѣтскій агентъ Германіи — стоялъ во главѣ всей совѣтской авіаціи, прилеталъ съ эскадрильей въ Парижъ.

"если бы Козловскій получалъ свою корреспонденцію по адресу вашей канцеляріи, мы и къ вамъ пріѣхали бы".

Такимъ образомъ, первый "инцидентъ" былъ исчерпанъ.

5-го іюля министръ Переверзевъ получилъ отставку. Нѣкоторые министры — Керенскій, Терещенко, Некрасовъ — до послѣдняго времени продолжаютъ настаивать, что Переверзевъ былъ уволенъ за преждевременное преданіе гласности нѣкоторыхъ свѣдѣній объ измѣнѣ большевиковъ. По словамъ этихъ министровъ, разслѣдованіе еще не было закончено, а опубликованіе нѣсколькихъ фамилій 4-го іюля будто бы навсегда лишило возможности довести его до конца. По существу этого обвиненія я уже высказался *). Доказательства измѣны остались въ банковскихъ книгахъ. Упомянутая въ газетахъ Суменсонъ подтвердила наши продположенія больше, чѣмъ мы ожидали.

Переверзевъ хорошо зналъ, что дѣлаетъ послѣдній ходъ. Онъ удивительно правильно избралъ психологическій моментъ. Но отвѣтствененъ за опубликованіе не онъ одинъ, а онъ, Половцовъ, Балабинъ и я.

Какъ видно изъ предыдущей главы, я далъ согласіе на опубликованіе, но провелъ весь этотъ день въ Таврическомъ Дворцѣ, а потому не принималъ никакого участія въ редактированіи свѣдѣній, переданныхъ для печати. То же могу категорически заявить въ отношеніи чиновъ моей контръ-развѣдки. Какъ именно составлялось обращеніе, мнѣ неизвѣстно.

Г. А. Алексинскій самъ зналъ, кто такой Ганецкій и его старыя отношенія къ Ленину. Но несомнѣнно, свѣдѣнія о телеграммахъ, добытыхъ Laurent и о Ермоленко изъ Ставки ему были переданы въ послѣдній моментъ Переверзевымъ, или лицами, непосредственно при немъ состоявшими. Въ этихъ условіяхъ Г. А. Алексинскій получилъ лишь очень небольшую часть и только лишь сырой матеріалъ, безъ какихъ-либо данныхъ разслѣдованія, разработанныхъ и добытыхъ моими агентами. Такъ, въ голову разоблаченій былъ поставленъ Ермоленко, на которомъ моя контръ-развѣдка никогда ничего не строила. Случайно наше положеніе отъ этого только выиграло:

*) См. "Нѣмецкія деньги".

цѣль была достигнута, народъ узналъ объ измѣнѣ, а детали и наши направленія остались менѣе задѣтыми.

Увольняя Переверзева 5-го іюля, ни одинъ изъ министровъ не ознакомился съ ходомъ разслѣдованія, а значитъ, просто не могъ имѣть никакого сужденія по данному дѣлу. Но изъ всѣхъ именно Терещенко, и кстати въ присутствіи Некрасова, задалъ мнѣ вопросъ: "Достаточно ли у васъ данныхъ?", на что получилъ утвердительный отвѣтъ, который не счелъ нужнымъ провѣрять.

Поэтому можно считать фактъ совершенно установленнымъ, что генералъ-прокурора уволили совсѣмъ не зато, что объявленіе свѣдѣній помѣшало разслѣдованію. Прежде чѣмъ такъ утверждать, надо было сначала посмотрѣть само разслѣдованіе.

Дальше въ этомъ вопросѣ могу только высказать свое мнѣніе, отъ котораго мнѣ трудно отказаться: обличеніе большевиковъ дискредитировало партію; въ этомъ насъ обвиняли даже самые доброжелательные къ намъ члены Совѣта, перебывавшіе за тѣ дни въ Штабѣ. Они насъ упрекали, что мы опорочили не только цѣлую партію, но и всю лѣвую соціалистическую идеологію. Причину увольненія генералъ-прокурора слѣдовало бы поискать въ этихъ обвиненіяхъ *).

Напрасно я пробовалъ объяснять, что ни Переверзевъ, ни мы тутъ ровно не при чемъ, что если кто опорочилъ себя и дискредитировалъ, такъ это большевики себя сами, а намъ пришлось лишь удостовѣрить свѣдѣнія и предоставить народу самому судить, какъ къ нимъ относиться.

Но дурные симптомы появились на другой же день. Совѣтъ объявилъ, что по дѣлу большевиковъ назначаетъ свою комиссію, и до ея заключенія проситъ воздерживаться отъ обвиненій.

Въ Таврическомъ Дворцѣ на первыхъ порахъ такую комиссію даже назначили изъ 5 человѣкъ Совѣта. Но черезъ нѣсколько дней она была замѣнена другой — отъ Правительства подъ предсѣдательствомъ прокурора палаты, въ которую только вошли представители Совѣта.

*) Вѣроятно, отсутствіе мужества тоже сыграло не послѣднюю роль.

Тѣ, кто видѣли штабы въ большихъ городахъ въ дни возстаній, могутъ себѣ представить, что творилось 5-го іюля и въ послѣдующіе дни въ большомъ штабѣ Петроградскаго Округа. Несмотря на всѣ рогатки и пропуска, зданіе ломилось отъ толпы. Перечислить всѣ жгучіе вопросы, съ которыми къ вамъ обращаются, нѣтъ возможности. Страсти кипятъ, всѣ волнуются, нервничаютъ, а тутъ же еще несомнѣнно провокаторы, стремящіеся вызывать эксцессы.

Въ первый же день вечеромъ большая пріемная Главнокомандующаго полна народа. Вижу шт.-капитана Гвардейской конной. Онъ выдѣляется своимъ высокимъ ростомъ. Среди общаго шума слышу, какъ онъ возбужденно говоритъ Гоцу, что если штабъ большевиковъ въ домѣ Кшесинской не будетъ разгромленъ, то онъ завтра утромъ приведетъ свои два орудія изъ Павловска, поставитъ на набережной и вкатитъ въ домъ всѣ гранаты, пока не опорожнитъ передковъ и зарядныхъ ящиковъ. Гоцъ всплескиваетъ руками и изступленно кричитъ: "Контръ-революція!"

Тутъ подходятъ ко мнѣ сотникъ съ двумя казаками-урядниками и таинственно отводятъ въ сторону.

— "Мы понимаемъ ваше положеніе: вамъ неудобно. Мы хотимъ убрать Ленина и только что получили свѣдѣнія, гдѣ онъ находится. Мы не просимъ отъ васъ никакой бумажки. Люди наши. Дайте только намъ два грузовика".

Въ этотъ моментъ открывается дверь и входитъ начальникъ Генеральнаго Штаба ген. Ю. Романовскій. Увидя меня въ углу комнаты, онъ быстро направляется въ мою сторону и спрашиваетъ: "Что новаго?"

Отвожу его на шагъ въ сторону, разсказываю ему о предложеніи.

— "Я не боюсь отвѣтственности, я говорю съ вами частнымъ образомъ. Дайте дружескій совѣтъ, какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ: этихъ казаковъ я вижу впервые".

Романовскій смотритъ на меня нѣсколько секундъ, опускаетъ голову, вдругъ хватаетъ за руку, трясетъ и восклицаетъ: "Валяйте!"

Спускаюсь съ казаками внизъ, даю имъ два грузовика.

Черезъ день въ газетахъ появились глухія свѣдѣнія о налетахъ казаковъ на грузовикахъ на Выборгской сторонѣ.

Ленина они не нашли.

Клеймо измѣнника перевернуло психологію. Раньше я не могъ найти людей, которые согласились бы всего только послѣдить за Ленинымъ.

Въ ночь на 6-ое Козьминъ идетъ атаковать позицію: домъ Кшесинской — сѣверный конецъ Троицкаго моста — Петропавловская крѣпость. Большевики пытаются выговорить разныя условія. Гоцъ и Либеръ много и тщетно потеряли времени, чтобы уговорить ихъ сдаться на "почетныхъ условіяхъ". Но убѣдительными оказались только дѣйствія вооруженнаго отряда неутомимаго поручика Петрова, вышедшаго въ тылъ позиціи. Къ 9 часамъ утра отрядъ Костицына врывается въ домъ Кшесинской, послѣдній падаетъ, а за нимъ и Петропавловская крѣпость. Засѣвшіе въ ней моряки-кронштадтцы настолько потрясены общимъ крахомъ, что безъ всякихъ споровъ сдаютъ оружіе *). Въ домѣ Кшесинской побѣдителямъ досталось: шесть пулеметовъ и всякаго рода литература, въ томъ числѣ явно провокаціонная, вродѣ груды открытокъ, инсценирующихъ ритуальныя убійства.

Примѣрно черезъ часъ намъ явились первые квартирьеры отряда, направленнаго Керенскимъ съ фронта: прибывалъ самокатный батальонъ, бригада пѣхоты и 14-ая кавал. дивизія со своими дивизіонами артиллеріи. Мы давно отвыкли видѣть воинскія части. Первые дни въ нихъ даже пострѣливали изъ-за угла, или съ автомобилей и даже съ крышъ домовъ — изъ пулеметовъ. Такъ произошло при вступленіи въ Петроградъ съ 177 Изборскимъ пѣх. полкомъ, головную роту котораго матросы взяли подъ огонь на Невскомъ, при чемъ сразу же вывели изъ строя убитыми и ранеными 18 человѣкъ **).

Начальникомъ отряда былъ прапорщикъ Мазуренко, ис-

---

*) Г. А. Алексинскій поднималъ настроеніе своими блестящими выступленіями. Много содѣйствовалъ успѣху и Добронравовъ.

**) Командиръ 1-ой роты, боевой офицеръ Большой Войны, поручикъ Г. З. Трошинъ (впослѣдствіи одинъ изъ героевъ историческаго Корниловскаго ударнаго полка), быстро развернувъ роту, однимъ взмахомъ покончилъ съ убійцами на крышѣ.

пытанный революціонеръ, съ 1900 года работавшій съ меньшевиками. Вопреки элементарному положенію о единомъ начальникѣ, Мазуренко не подчинили Главнокомандующему, чтобы сохранить его прекрасные полки на "защиту демократіи". Самъ Мазуренко и его нач. штаба полковникъ Порадѣловъ явились прежде всего въ Совѣтъ, непрестанно держали съ нимъ связь; диверсія Главнокомандующаго на Совѣтъ, защищенный полками Мазуренко и министрами отпадала, какъ и всякая мысль нѣсколькихъ офицеровъ посадить Половцова на бѣлую лошадь. Все же взятое вмѣстѣ сильно путало положеніе: единственные въ нашемъ районѣ боевые полки — безусловно вѣрные Вр. Правительству и посланные противъ большевиковъ, — слѣпо послѣдовали за Совѣтами.

Здѣсь тоже есть одинъ штрихъ, мало извѣстный: командный составъ этихъ полковъ отнесся на первыхъ порахъ къ Штабу Главнокомандующаго подозрительно и даже враждебно. Не зная обстановки, они подозрѣвали какъ разъ обратное — что это мы — офицеры— и есть тѣ самые революціонеры, которые держатъ въ плѣну Верховную Власть. Офицеръ фронта не зналъ положенія офицера въ Петроградѣ. Черезъ нѣсколько дней ледъ растопился: они поняли.

Къ вечеру того же 6-го юля, Керенскій, пріѣхавъ съ фронта, появился въ Штабѣ Округа. Здѣсь онъ настоялъ передъ членами правительства на томъ, чтобы большевиковъ привлекали не только за связь съ нѣмцами, но и за попытку ниспроверженія существующаго строя. Такимъ образомъ, возстанавливались давно отмѣненныя статьи закона, которыя давали возможность широкаго преслѣдованія участниковъ возстанія. Этотъ декретъ былъ бы заслугой Керенскаго, если бы онъ собственноручно не принялся его уничтожать. Декретъ не былъ проведенъ въ жизнь, а всей машинѣ, съ такимъ трудомъ пущенной, уже черезъ нѣсколько часовъ начали давать обратный ходъ.

Мы собрались на совѣщаніе: товарищи военнаго министра Якубовичъ, кн. Тумановъ, Балабинъ, начальникъ кабинета министра — Барановскій и я. Каждый мнѣ называлъ фамиліи, кого, по ихъ мнѣнію, изъ видныхъ главарей не слѣдовало забыть. Я записалъ съ ихъ словъ 16 человѣкъ. Конеч-

но, этотъ списокъ былъ совсѣмъ не полный; по контръ-развѣдкѣ было, напримѣръ, 28, а изъ боевыхъ отдѣловъ большевиковъ намъ привозили все новыхъ и новыхъ. Фактически мы арестовали болѣе двухъ тысячъ. Списокъ 16-ти мы показали Керенскому, который его утвердилъ.

Видные большевики кочевали съ квартиры на квартиру, проводя ночи въ разныхъ мѣстахъ. Разыскивать ихъ во всколыхнувшемся омутѣ было неимовѣрно трудно.

Старшему агенту контръ-развѣдки Ловцову удалось черезъ какого-то сапожника, чинившаго ботинки родственницы Троцкаго, обнаружить временную стоянку послѣдняго. Посылаю на автомобилѣ съ карауломъ капитана Соколова — энергичнаго офицера Комендантскаго Управленія; вручаю ему два ордера: Троцкій и Нахамкесъ. Черезъ нѣсколько минутъ, это было 6-го іюля вечеромъ, Половцовъ отводитъ меня къ окну въ своемъ большомъ кабинетѣ и спрашиваетъ: "Какъ дѣла?" Въ другомъ концѣ кабинета собралось по обыкновенію нѣсколько министровъ. Я докладываю Половцову вполголоса объ отданныхъ распоряженіяхъ и едва успѣваю сказать, что отправилъ Соколова за Троцкимъ и Нахамкесомъ, какъ между нами, стоящими спиной къ комнатѣ, внезапно появляется мефистофельская физіономія Чернова: "Какъ? Вы арестовываете Троцкаго?" Смотритъ онъ на меня и по привычкѣ улыбается. — "Нѣтъ!" дернулся я, стараясь принять безразличный видъ, "мы просто разговариваемъ о вліятельныхъ большевикахъ".

Но Чернова не такъ-то легко провести. Онъ тоже, съ безразличнымъ видомъ переходя отъ стола къ столу, отъ министра къ министру, а потомъ къ двери, уже черезъ пять минутъ покинулъ комнату.

Ночью меня вызываютъ къ телефону изъ Совѣта с. и р. депутатовъ: "Извѣстно ли вамъ, что какія-то банды ломятся на квартиру Нахамкеса? Мы посылаемъ на его защиту три броневика. Не можете ли и вы помочь Нахамкесу?? Вѣдь это же такъ непріятно".

— "Вотъ какъ? Вы считаете, что трехъ броневиковъ мало? А кого же я могу послать? Вѣдь вы же прекрасно

знаете, что у насъ нѣтъ ни одного броневика", отвѣчаю я на вызовъ и вѣшаю трубку. Опять банда!

Около 5 часовъ утра возвращается съ унылымъ видомъ капитанъ Соколовъ.

— "Что случилось?" спрашиваю его съ удивленіемъ.

— "Если бы вы знали, кого я засталъ на квартирѣ Троцкаго..."

— "Я не знаю, кого вы встрѣтили у Троцкаго. Мнѣ извѣстно только, что на выручку Нахамкеса противъ насъ Совѣтъ выслалъ броневики, но они выступили много позже послѣ вашего отъѣзда, и вы имѣли время проскочить до ихъ прибытія".

— "Войдя въ домъ, гдѣ живетъ Троцкій, я встрѣтилъ Чернова. Онъ приказалъ вамъ передать, что Керенскій и Вр. Правительство отмѣнили арестъ Троцкаго и Нахамкеса".

Присутствіе Чернова въ домѣ Троцкаго меня не удивило, но отмѣна приказанія объ арестѣ явилась полной неожиданностью. Чернова Соколовъ зналъ лично въ лицо очень хорошо и не могъ перепутать. Черновъ, несомнѣнно, былъ и отблагодарилъ Троцкаго за свое спасеніе 4-го іюля. Въ нѣкоторыхъ газетахъ этотъ фактъ освѣщался нѣсколько иначе, а именно, что и Керенскій былъ ночью у Скобелева и оттуда по телефону отмѣнилъ арестъ Троцкаго. Однако, было несомнѣнно, что поспѣшивъ уѣхать изъ Штаба, Черновъ разыскалъ Керенскаго и, заручившись его согласіемъ, поѣхалъ спасать Троцкаго. Впрочемъ, эти детали, кто куда ѣздилъ, могутъ внести только большую или меньшую тенденціозность, но онѣ совершенно несущественны. Важенъ былъ самый фактъ отмѣны, и къ нему мы и вернемся.

Сенсаціонное приказаніе, привезенное Соколовымъ, переполнило чашу моего терпѣнія. Какъ, и теперь пойдетъ эта старая игра съ большевиками? Къ чему вся комедія? Отмѣнять то, что утвердилъ всего три часа тому назадъ? Наконецъ, мы устали; мои люди сбились съ ногъ, чтобы разыскать Троцкаго. И все это напрасно?

Едва Соколовъ закончилъ свой докладъ, какъ я бросился къ Половцову. Онъ незадолго передъ тѣмъ легъ отдохнуть въ своей маленькой комнатѣ при Штабѣ. Подхожу къ дива-

ну, трясу его за плечо и однимъ залпомъ выпаливаю: "Прошу сейчасъ меня уволить въ отставку. Я больше служить не могу и не хочу".

— "Подожди, подожди. Да ты объясни сначала, въ чемъ дѣло", говоритъ мнѣ Половцовъ, подымаясь полусонный въ своемъ черномъ бешметѣ. Объясняю.

— "Вотъ какъ!" привскакиваетъ мой Главнокомандующій, уже окончательно проснувшись. Вижу на его лицѣ насмѣшливую улыбку: "Что же я могу сдѣлать, если это приказаніе военнаго министра? Могу тебѣ только посовѣтовать одно — поѣзжай къ генералъ-прокурору и обжалуй это распоряженіе".

Черезъ два часа подъѣзжаю къ дому министра юстиціи. Послѣ ухода Переверзева этотъ постъ временно занимаетъ товарищъ министра Скарятинъ. Въ пріемной, по раннему часу, застаю одного человѣка, и, къ моему удивленію, то былъ Переверзевъ. Вижу его впервые послѣ боя съ Терещенко и Некрасовымъ. Крѣпко трясу за руку, но словъ не хватаетъ; чувствую, что какой-то комъ подступаетъ къ горлу... Наконецъ, говорю, что, очевидно, и я на-дняхъ оставлю свое мѣсто, и переступаю порогъ министерскаго кабинета.

Симпатичный старикъ Скарятинъ очень хочетъ сдѣлать все, что въ его силахъ. Но вѣдь онъ — халифъ на часъ, да и халифъ ли? Я говорю, что пріѣхалъ къ нему оффиціально, какъ къ генералъ-прокурору, обжаловать распоряженіе военнаго министра Керенскаго, отмѣнившаго арестъ Троцкаго и Нахамкеса.

Скарятинъ обѣщаетъ внести протестъ сегодня же утромъ и немедленно дать мнѣ знать о результатахъ. Я подымаюсь и уже хочу уходить.

— "Не могу ли я еще чѣмъ-нибудь вамъ помочь?" говоритъ мнѣ славный старикъ.

Вѣроятно, видъ у меня былъ очень утомленный: четыре ночи подрядъ я ни разу не прилегъ и едва держался на ногахъ.

Тутъ передъ глазами встали толпы народа, отъ которыхъ ломится штабъ, и я подумалъ о тѣхъ многихъ сотняхъ людей, которыхъ волокутъ къ намъ съ разныхъ сторонъ. Всѣ они тео-

ретически валятся на контръ-развѣдку, которой еще нѣтъ, такъ какъ ее еще предстоитъ собирать послѣ разгрома, и во всякомъ случаѣ всѣхъ передаютъ въ мой отдѣлъ генералъ-квартирмейстера *).

— "Да, можете! Пришлите мнѣ чиновъ прокурорскаго надзора — все равно, военныхъ или гражданскихъ".

— "Пришлю сейчасъ же! Сколько хотите?"

— "Двѣнадцать", назвалъ я цифру и уѣхалъ.

Около 11 часовъ утра мнѣ позвонилъ Скарятинъ и сообщилъ, что постановленіе Врем. Правительства объ отмѣнѣ ареста Троцкаго и Нахамкеса является окончательнымъ.

Въ то же утро ко мнѣ пріѣхали отъ Скарятина прокуроры и товарищи прокуроровъ — шесть гражданскихъ и шесть военныхъ. Я прикомандировалъ ихъ въ приказѣ къ своему Отдѣлу, придалъ каждому изъ нихъ одного младшаго юриста изъ контръ-развѣдки, одного офицера или чиновника штаба и писаря. Они кооптировали себѣ помощниковъ. Такимъ образомъ, составились 12 комиссій, которыя разсматривали дѣло каждаго безъ исключенія приведеннаго изъ города, и если онъ оказывался большевикомъ или былъ причастенъ къ возстанію, то сдавали его въ тюрьму. Дознанія, производимыя прокурорами, давали мнѣ гарантію въ безупречной закономѣрности, а также въ томъ, что ничего не будетъ упущено. Эти 12 комиссій не слѣдуетъ смѣшивать съ той комиссіей подъ предсѣдательствомъ прокурора Палаты, которую назначило Временное Правительство. Этой послѣдней мы передавали свои законченныя дознанія.

Вѣсть о несостоявшемся арестѣ Троцкаго быстро докатилась до Таврическаго Дворца. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ ко мнѣ пріѣхали нѣсколько членовъ Воинской Секціи Совѣта **).

— "Какъ? Вы хотѣли арестовать Троцкаго?" обратились они ко мнѣ съ вопросомъ, въ которомъ не было слышно упре-

*) Дежурный генералъ ген. Т. предусмотрительно не приходилъ въ такіе дни. Онъ сдѣлалъ потомъ прекрасную карьеру у большевиковъ.

**) Богъ съ ними, съ фамиліями! Они часто бывали въ Штабѣ и намъ много помогали.

ка, но чувствовалось какое-то состраданіе съ оттѣнкомъ, будто я не въ своемъ умѣ.

— "Да! Троцкаго и до сихъ поръ требую!"

— "Троцкаго?"

— "Вы, очевидно, уже забыли, что было три дня тому назадъ, ну, а я хорошо помню ваши блѣдныя лица и трясущіеся подбородки, когда мы вмѣстѣ отсиживались 4-го іюля".

— "Да, но вѣдь это — Троцкій! Поймите — Троцкій!" старались они мнѣ объяснить свое передъ нимъ преклоненіе и для наглядности поднимали руки къ небу *).

Въ эти дни волненій какъ-то самъ собой Штабъ сталъ центромъ: все въ немъ сосредоточилось; а потому къ намъ часто заѣзжалъ прокуроръ Судебной Палаты Каринскій.

— "Вотъ видите, Борисъ Владиміровичъ", сказалъ онъ мнѣ, "какъ вы ни оберегали вашу контръ-развѣдку, а волею судебъ она станетъ теперь охраннымъ отдѣленіемъ, потому что другихъ органовъ у насъ нѣтъ".

— "Ошибаетесь", сказалъ я Каринскому, "я сдержалъ свое слово передъ тѣми юристами, которые согласились мнѣ помочь. Политическія преслѣдованія противъ большевиковъ я веду не по контръ-развѣдкѣ, а по оддѣлу генералъ-квартирмейстера тѣми двѣнадцатью чинами прокурорскаго надзора, которые къ нему сегодня прикомандированы".

Какъ бы для наблюденія за дѣятельностью этихъ двѣнадцати, ко мнѣ по меньшей мѣрѣ два раза въ день сталъ приходить министръ труда Скобелевъ. Но онъ ни разу не посмотрѣлъ ни одного досье, а только обходилъ столы, которые пришлось разставить по комнатамъ, а одинъ изъ нихъ, за недстаткомъ мѣста, даже попалъ въ свѣтлый, но подвальный этажъ. Вотъ только около этого, двѣнадцатаго. Скобелевъ первй разъ поморщился и сказалъ: "Какъ будто застѣнокъ!" Сначала я не могъ понять этихъ визитовъ, но цѣль ихъ не замедлила обнаружиться. Скобелевъ мнѣ сказалъ:

*) Мнѣ хочется зафиксировать престижъ Троцкаго въ правомъ секторѣ Совѣта. Замѣтимъ также, что постановленіе объ арестѣ Ленина не вызвало протеста.

— "Я хотѣлъ васъ просить — закройте "Маленькую Газету".

Напомню, что эту газету издавалъ А. Суворинъ. Онъ тонко и остроумно твердилъ о бездѣятельности Врем. Пр-ва. Кто этого тогда не видѣлъ? Суворинъ облекалъ свою критику въ форму юмористическихъ разсказовъ. Въ нихъ особенно доставалось богатому бакинскому молоканину-соціалисту Скобелеву. Мы, близко наблюдавшіе безнадежную анемію Верховной Власти, готовы были обѣими руками подписываться подъ статьями Суворина, а иногда хохотали до слезъ надъ его мѣткими анекдотами. Сверхъ того, нѣкоторые сотрудники этой газеты вызывали во мнѣ самыя горячія симпатіи, т. к. совершенно безвозмездно помогали контръ-развѣдкѣ.

— "Позвольте", сказалъ я Скобелеву, "я совершенно не вижу повода закрывать эту газету. Критика необходима, а въ статьяхъ Суворина можно усмотрѣть много полезнаго".

— "Какая тамъ критика! Просто погромная газетка. Я прошу васъ ее закрыть".

— "Да какъ же я могу закрывать газеты? А свобода слова? Наконецъ, почему вы обращаетесь ко мнѣ? Я вовсе не городничій!"

— "Полноте! Въ массѣ всякихъ распоряженій вы сейчасъ можете все. Вамъ это ничего не стоитъ".

— "Нѣтъ! Простите! "Маленькой Газеты" я не закрою!".

На этомъ нашъ разговоръ и кончился, а Скобелевъ больше ужъ не приходилъ поглядѣть, какъ были разставлены 12 столовъ.

Черезъ два дня вижу въ пріемной вытянутыя физіономіи моихъ друзей — сотрудниковъ "Маленькой Газеты".

— "Что такое?"

— "Газету закрыли".

— "Кто?"

— "По приказу прокурора".

Вотъ что значитъ быть настойчивымъ министромъ. Доѣхалъ-таки!

Въ общей сумятицѣ первые дни ликвидаціи протекали безъ прямого вмѣшательства Совдепа. Обвиненіе, брошенное

большевикамъ, очистило нездоровую обстановку, а масса не дѣлала различія между большевиками и нѣмецкими наймитами. Ихъ тащили со всѣхъ концовъ окраины столицы. Привезенныхъ изъ Петергофа Дашкевича и Черновецкаго едва не растерзали на вокзалѣ; но толпа не пошла на самосудъ; они отдѣлались синяками. Отъ добровольныхъ Шерлокъ-Хольмсовъ не было спасенія. "Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ". Такъ иногда неизвѣстные приклады въ поискахъ большевицкихъ головъ, падали на случайныхъ прохожихъ. Эта непріятность произошла и съ членомъ Совѣта Бенасикомъ, которому пришлось основательно перевязать голову *). Тюрьмы переполнились. Ко мнѣ довольно часто пріѣзжали члены Совѣта, по порученію своего предсѣдателя, со стереотипнымъ вопросомъ:

— "Чхеидзе прислалъ васъ спросить — это вы арестовали члена нашего Совѣта X?"

— "Да! Я! А что?", отвѣтилъ я первый разъ и насторожился, ожидая вмѣшательства.

— "Нѣтъ, нѣтъ, ничего", поспѣшили меня завѣрить прибывшіе. "Предсѣдатель хотѣлъ только знать, сдѣлано ли это вами, представителемъ законной власти, или его схватила случайная толпа".

Было ли это искренно? Не думаю. Не могу не отмѣтить, что лично со стороны Чхеидзе я всегда видѣлъ къ себѣ корректное отношеніе. Я не касаюсь здѣсь тѣхъ гидравлическихъ прессовъ, коотрые пускались за моей спиной **).

Узнавъ объ измѣнѣ, полки заволновались. Вся первая Гвардейская дивизія выразила согласіе на переформированіе изъ расплывчатыхъ массъ въ резервныя части. Отдѣльныя команды и даже полки согласились выступить на фронтъ. Войска, начавшія возстаніе, подлежали расформировыванію ***). Оно началось съ 1-го пулеметнаго полка. Нѣскоьлко тысячъ его солдатъ изъ 12-ти тысячъ списочнаго состава пришли съ

---

*) За этотъ случай въ толпѣ Совѣтъ обвинилъ насъ въ "контръ-революціи".

**) См. слѣдующую главу "Нахамкесъ".

***) Какъ странно читать, что эти отправки на фронтъ и расформированія Вр. Правительство впослѣдствіи ставило себѣ въ заслугу.

повинной къ Александровской колоннѣ, привезя часть пулеметовъ. Остальные съ 30 пулеметами просто разбѣжались.

Прокуроръ Судебной Палаты Каринскій выдвинулъ противъ большевиковъ обвиненіе по статьямъ 51, 100 и 108 уголовнаго уложенія за измѣну и организацію вооруженнаго возстанія.

Казалось бы, что еще надо? Но зловѣщимъ призракомъ стоялъ Троцкій.

Онъ не бѣжалъ, какъ Ленинъ, а разсылалъ ироническія письма, спрашивая, когда же его арестуютъ.

Онъ стучалъ по совѣтской трибунѣ и кричалъ имъ:

— "Вы обвиняете большевиковъ въ измѣнѣ и возстаніи? Сажаете ихъ въ тюрьмы? Такъ вѣдь я былъ съ ними, я же здѣсь! Почему вы меня не арестуете?"

Они молчали.

14
НАХАМКЕСЪ

Овшій Моисеевичъ Нахамкесъ — онъ же Стекловъ.

Былъ арестованъ въ Берлинѣ въ началѣ войны, а затѣмъ освобожденъ и выпущенъ въ Россію.

Съ первыхъ же мартовскихъ дней пріобрѣлъ первенствующее значеніе въ Совѣтѣ с. и р. депутатовъ. При его непосредственномъ участіи была уничтожена полиція, а также вынесено пресловутое постановленіе о невыводѣ гарнизона изъ Петрограда.

10 марта вошелъ въ "Контактную Комиссію", составленную изъ 5 человѣкъ и имѣвшую цѣлью, по его же собственному опредѣленію: "Путемъ постояннаго, организованнаго давленія заставить Временное Правительство осуществлять тѣ или иныя требованія" *).

Ненавидѣлъ русскаго офицера. Панически боялся Арміи.

Призывалъ къ убійству лицъ, стоящихъ за продолженіе войны.

---

*) Составъ "Контактной Комиссіи": Нахамкесъ, Чхеидзе, Скобелевъ, Гиммеръ (Сухановъ) и Филипповскій.

При большевикахъ долгое время былъ редакторомъ "Извѣстій Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ".

Укралъ альбомы марокъ Императора Николая II-го.

Я не беру на себя трудную задачу перечислять всѣ заслуги и таланты Овшія Моисеевича; да вѣдь его дѣятельность у большевиковъ еще и не закончилась. Хочу только записать мою съ нимъ "встрѣчу", а для этого придется привести нѣкоторыя подробности и вернуться немного назадъ *).

Въ первыхъ числахъ іюня ко мнѣ пріѣхалъ комиссаръ изъ Лѣсного; онъ сообщилъ, что наканунѣ вечеромъ, на заводѣ Лесснера состоялось объединенное, закрытое собраніе большевиковъ и анархистовъ. Разбирались вопросы о согласованіи ихъ совмѣстной дѣятельности; большевики предложили анархистамъ взять на себя терроръ противъ лицъ, стоящихъ за продолженіе войны. Послѣдователи Ленина доказывали, что имъ сейчасъ неудобно брать на себя столь крайніе эксцессы, тогда какъ у отдѣльныхъ группъ анархистовъ они входятъ прямо въ программу. Однако, послѣдніе отнеслись къ предложенію безъ особаго энтузіазма; вопросъ рисковалъ провалиться, если бы положеніе не спасъ присутствовавшій на собраніи Нахамкесъ. Онъ такъ горячо и рѣшительно призывалъ къ террору, такъ вдохновилъ присутствующихъ и краснорѣчиво приглашалъ приступить къ убійствамъ немедленно, что послѣ его выступленія большевики безъ труда провели свою резолюцію и тутъ же составили первый списокъ намѣченныхъ жертвъ, во главѣ котораго поставили Керенскаго.

Едва я отпустилъ комиссара Лѣсного, какъ ко мнѣ является инженеръ-механикъ флота Л.:

— "Не могу молчать", заявляетъ онъ, "вчера меня приглашали притти на собраніе на заводъ Лесснера; но я укло-

---

*) Я говорю, что Нахмакесъ былъ "выпущенъ изъ Берлина въ Россію". Спиридовичъ идетъ гораздо дальше. Онъ пишетъ: "Нахамкесъ былъ арестованъ въ Берлинѣ, а затѣмъ освобожденъ и, какъ агентъ, направленъ въ Россію". (См. "Исторія большевизма въ Россіи", стр. 303). Положительно, вся дѣятельность именно Нахамкеса, принимая во вниманіе его тайную измѣну своей партіи, а также указанія секретной агентуры убѣждали меня въ томъ, что онъ состоялъ на службѣ у нѣмцевъ.

нился. Сегодня мой знакомый, присутствовавшій на собраніи, разсказывалъ мнѣ, что Нахамкесъ призывалъ къ террору лицъ, стоящихъ за продолженіе войны. Рѣшено начать съ Керенскаго".

Конечно, я не могу придавать значенія всѣмъ слухамъ, которыми засыпаютъ меня выше головы. Едва ли не самое трудное въ моей дѣятельности, это, — отбрасывая большую часть информацій, выбирать наиболѣе близкія къ истинѣ. Но при этомъ такъ легко промахнуться! Въ настоящемъ случаѣ рѣшаю начать разслѣдованіе.

Среди немногочисленныхъ секретныхъ агентовъ у меня былъ одинъ умѣренный анархистъ, состоявшій сотрудникомъ "Маленькой Газеты". Онъ оказывалъ намъ безвозмездно и безъ всякихъ усилій очень полезныя услуги, такъ какъ съ одной стороны принадлежность его къ партіи, а съ другой — карточка литератора — открывали ему не мало закрытыхъ дверей, совсѣмъ не привлекая подозрѣній.

Даю ему краткую задачу: "Узнайте, что происходило вчера вечеромъ на заводѣ Лесснера". Конечно, въ такихъ случаяхъ агенту не указывается никакихъ подробностей, такъ какъ важно услышать именно отъ него самого подтвержденіе всѣхъ слуховъ.

Одновременно зову одного изъ выдающихся старшихъ агентовъ наружнаго наблюденія Касаткина; поручаю ему то же самое *). Касаткинымъ мы не нахвалимся: у него положительно нюхъ ищейки.

Еще недавно съ нимъ былъ такой случай. Изъ Нарвы намъ сообщаютъ по телеграфу объ одной подозрительной личности, отправившейся въ Петроградъ, но телеграмма опаздываетъ, доходитъ уже послѣ прихода поѣзда. Примѣтъ никакихъ, а только фамилія. Касаткинъ летитъ на вокзалъ, шаритъ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ ему гостинницахъ и открываетъ исчезнувшаго.

Такъ и теперь: къ вечеру Касаткинъ прямо откапываетъ студента Политехникума, который самъ присутствовалъ на упомянутомъ собраніи, и приводитъ его въ мой кабинетъ.

---

*) См. "Прямыя улики".

Выслушиваю все тотъ же разсказъ отъ самого участника; а на другое утро и мой анархистъ подтверждаетъ правильность сообщенія. Сомнѣнія разсѣиваются, — Нахамкесъ для окончанія войны призываетъ къ убійствамъ, что подтверждается не только изъ разныхъ источниковъ, но свидѣтельскими показаніями.

Неужели и этого недостаточно, чтобы обвинить Нахамкеса въ работѣ на Германію? Призывать къ немедленнымъ убійствамъ лицъ, желающихъ продлжать войну, не входило въ программу ни соціалъ-демократической партіи, ни даже ея пораженческаго крыла. По какой же инструкціи шелъ Нахамкесъ? Нѣмецкій Штабъ не могъ бы придумать лучшаго.

Что было бы во Франціи съ тѣмъ, кто сталъ призывать къ убійству Клемансо, корпусныхъ командировъ?

Ѣду къ Балабину.

— "Это политическій вопросъ, а потому мы его совсѣмъ не касаемся. Иди къ помощнику главнокомандующаго по политическимъ дѣламъ — Козьмину".

Нахожу послѣдняго въ его квартирѣ въ Штабѣ. Козьминъ — залежникъ революціи или, правильнѣе сказать, — отъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ при Штабѣ Округа. Прежде всего онъ слѣпо выполняетъ приказанія центральнаго комитета своей партіи. Вы никогда не узнаете, что онъ думаетъ; но если съ чѣмъ-нибудь обратитесь къ нему, а затронутый вопросъ не противорѣчитъ инструкціямъ партіи, то онъ съ полнымъ самоотверженіемъ, со всѣхъ ногъ бросается выполнять вашу просьбу *).

Разсказываю Козьмину о заводѣ Лесснера.

— "Не можетъ этого быть!", сразу же убѣжденно возражаетъ онъ. "Какъ? Нахамкесъ перешелъ къ большевикамъ? Никогда этого не будетъ!"

Перебирая въ памяти наши встрѣчи, не могу не замѣтить, что это и было единственное собственное мнѣніе Козьмина, которое мнѣ когда-либо довелось отъ него услышать.

---

*) Кто-то изъ штабныхъ шутниковъ прозвалъ Козьмина "городовымъ отъ революціи". Такъ это прозвище за нимъ и осталось.

Нахамкесъ былъ меньшевикъ; мнѣ не повѣрили, что онъ измѣнилъ своей партіи. Дѣйствительность показала, кто изъ насъ ошибся.

Если мой разговоръ съ Козьминымъ кончился въ ничью, то совсѣмъ иначе отнеслись къ новымъ даннымъ товарищи военнаго министра.. Очевидно, обо всемъ имъ далъ знать Балабинъ, такъ какъ едва я успѣлъ вернуться въ управленіе, какъ зазвонили телефоны: меня просятъ немедленно пріѣхать въ домъ военнаго министра. Якубовичъ, Тумановъ, Барановскій хотятъ сами меня выслушать. Они тутъ же ставятъ къ Керенскому спеціальную охрану, а меня просятъ придумать техническія мѣры, хотя бы общаго характера, чтобы воспрепятствовать покушеніямъ.

Ѣду къ Начальнику Главнаго Артиллерійскаго Управленія генералу Леховичу *). Сообщаю ему программу Нахамкеса; начинаемъ вмѣстѣ придумывать, какъ затруднить ея выполненіе. Конечно, вопросъ настолько сложенъ, что придумывать намъ приходится нѣсколько дней.

Генералъ Леховичъ прежде всего назначаетъ комиссію, въ которую для авторитета вводитъ старыхъ, вліятельныхъ и разумныхъ рабочихъ Путиловскаго завода. Комиссія должна объѣзжать опредѣленные заводы, изготовляющіе взрывчатыя вещества и оружіе, контролировать регистрацію, упорядочить надзоръ, чтобы не происходило утечки. Независимо отъ сего генералъ Леховичъ пробуетъ такъ наладить изготовленіе ручныхъ гранатъ, чтобы капсюли закладывались внѣ столицы.

Много хлопотъ вызвалъ и отнялъ энергіи Нахамкесъ — какъ провозвѣстникъ террора: назначается охрана, составляется комиссія, вырабатываются проекты, и въ итогѣ о немъ получается исключительная, не похожая на другихъ, исторія. Самъ же онъ до іюльскихъ дней гремитъ съ трибуны, продолжая оказывать "организованное давленіе на Правительство".

Въ первые дни послѣ возстанія мы все же надѣялись на большія перемѣны.

---

*) Генералъ Леховичъ нынѣ проживаетъ въ Парижѣ.

9-го іюля, подъ вечеръ, въ разгаръ ликвидаціи возстанія, меня вызываетъ по телефону съ финляндской дороги помощникъ столоначальника капитанъ-юристъ Снѣгиревскій. Разыскивая Ленина по кроки, которое мы отобрали при обыскѣ у Крупской, онъ, попавъ въ Мустамяки, набрелъ на Нахамкеса. Послѣдній проживалъ на дачѣ, рядомъ съ нѣкоторыми видными большевиками, въ томъ числѣ съ Бончъ-Бруевичемъ, съ коимъ держалъ дружескую связь. Снѣгиревскій сообщаетъ, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на мѣстѣ, эти большевики и Нахамкесъ помогли скрыться Ленину. Снѣгиревскій, дѣйствуя по моему списку въ 28 человѣкъ, составленному еще 1-го іюля и въ которомъ значился Нахамкесъ, тутъ же арестовываетъ послѣдняго. Только второпяхъ онъ забываетъ проставить число на ордеръ. Нахамкесъ желаетъ знать, кто его арестовываетъ, требуетъ показать ордеръ, сразу обнаруживаетъ, что на немъ нѣтъ числа, заявляетъ, что ордеръ незаконный, и отказывается подчиниться. Снѣгиревскій спрашиваетъ, какъ ему поступить.

Только тутъ я вдругъ вспомнилъ, что совершенно искренно забылъ послать въ Бѣлоостровъ отмѣну арестовъ Троцкаго и Нахамкеса, согласно приказанія Временнаго Правительства, подтвержденнаго мнѣ два дня назадъ временнымъ министромъ юстиціи Скарятинымъ. До того ли было!.. А тамъ идутъ все еще по старому списку. Но въ то же время обидно отпустить Нахамкеса, который какъ бы самъ лѣзетъ въ руки; отказаться отъ него я никакъ не могу.

— "Держите крѣпко", отвѣчаю Снѣгиревскому, "сейчасъ высылаю вамъ новый ордеръ".

Беру новый бланкъ. Знаю, что обвинятъ въ неисполненіи двукратнаго приказанія Временнаго Правительства. Послѣ минутнаго размышленія собственноручно вписываю такъ: "Доставить Нахамкеса въ Штабъ Округа". Ставлю печать, подписываю и отправляю ордеръ съ нарочнымъ.

Долженъ отмѣтить, что я совершенно сознательно не поставилъ даты на ордера, подписанные 1-го іюля. Было ясно, что всѣ 28 человѣкъ при переѣздахъ ихъ въ Финляндію или обратно не будутъ схвачены въ одинъ день. А каждый день несъ мнѣ все новое и новое, что могло еще болѣе обосновать

и оправдать мои постановленія, какъ и оказалось въ дѣйствительнсти. Такой порядокъ не вызывалъ никакихъ недоразумѣній, такъ какъ, поставивъ фамилію, я выдавалъ на руки ордера только своимъ высококвалифицированнымъ служащимъ. Въ отличіе отъ тѣхъ, кто поручалъ обыски разнымъ любителямъ, на насъ за все время, конечно, ни разу не было никакихъ нареканій.

Теперь же дѣло идетъ о Нахамкесѣ; а потому не сомнѣваюсь, что исторія выйдетъ громкая. Къ тому же ордеръ выписанъ именемъ Главнокомандующаго; чувствую, что подкатилъ Половцова, и считаю необходимымъ его предупредить. А тутъ и онъ самъ входитъ въ свой кабинетъ, гдѣ на походѣ разставленъ мой письменный столъ генералъ-квартирмейстера.

— "Я, кажется, подвелъ тебя, такъ какъ вопреки приказанія Правительства все-таки арестовалъ Нахамкеса".

Половцовъ не можетъ скрыть своего удовольствія:

— "Ахъ, какъ хорошо сдѣлалъ! Большое тебѣ спасибо! Вотъ и прекрасно. Да я скажу Керенскому, что онъ отмѣнилъ арестъ Стеклова, а я арестовалъ Нахамкеса", шутитъ онъ, задаетъ нѣсколько вопросовъ о заводѣ Лесснера и исчезаетъ *).

Часамъ къ 8 вечера съ шумомъ и грохотомъ въ комнату 3-го этажа Штаба доставляется Нахамкесъ. Молодежь волнуется, прибѣгаетъ, сообщаетъ, что Нахамкесъ выражаетъ возмущеніе, какъ осмѣлились арестовать его, члена "исполнительнаго комитета всея Россіи", требуетъ къ себѣ Балабина или меня.

— "Какъ мнѣ съ нимъ себя держать? Я бы не хотѣлъ къ нему выходить", говоритъ мнѣ Балабинъ.

Тогда мы условились такъ: къ Керенскому ѣдетъ онъ и ко всемъ многочисленнымъ обвиненіямъ, выдвинутымъ при первой попыткѣ ареста, прибавляетъ еще и новое — укрывательство Ленина, котораго разыскивало Временное Правитльство, а къ Нахамкесу выхожу я по возвращеніи Балабина.

Послѣдній является часа черезъ два: "Керенскій возмущенъ, приказалъ изъять отъ насъ Нахамкеса и передать

*) Стекловъ — псевдонимъ Нахамкеса.

его на усмотрѣніе прокурора Судебной Палаты". Такъ. Замѣчательный жестъ, если приянть во вниманіе, что Керенскій зналъ и отъ Козьмина, и отъ товарищей министра о подготовляемыхъ покушеніяхъ. Оцѣнилъ ли тогда Нахамкесъ такую деликатность?

Иду къ Нахамкесу. Въ большой комнатѣ десятка два всякаго рода солдатъ, ординарцевъ, нѣсколько офицеровъ. Развалившись, у стола сидитъ Нахамкесъ. Я отпускаю двухъ конвойныхъ солдатъ, такъ какъ бѣжать отъ насъ немыслимо. Останавливаюсь среди комнаты и спрашиваю:

— "Вы хотѣли просить меня о чемъ-нибудь?"

На это Нахамкесъ развязно и не трогаясь съ мѣста:

— "Но я просилъ васъ придти еще два часа тому назадъ".

Такая обстановка для меня недопустима: кругомъ солдаты, я стою, а онъ сидитъ, нога на ногу, откинувшись спиной къ столу, локти назадъ на столѣ. Дѣлаю видъ, что не слышу его отвѣта.

— "Такъ вотъ, если хотите со мной говорить, такъ потрудитесь встать", дѣлаю я удареніе на послѣднемъ словѣ.

Вскакиваетъ какъ на пружинѣ. Характеръ этого господина извѣстенъ не мнѣ одному. Настойчивый нахалъ, старающійся все время сѣсть вамъ на шею, онъ тотчасъ же трусливо прячется, какъ только на него прикрикнутъ. Но это не мѣшаетъ ему высматривать случая, чтобы снова полѣзть вверхъ до новаго окрика. Такъ было у насъ съ нимъ нѣсколько разъ и въ этотъ вечеръ.

Нахамкесъ брюнетъ, громаднаго роста, выше меня, широкоплечій, грузный, съ большими бакенбардами. Дѣлаю нѣсколько шаговъ въ его сторону и сразу же начинаю жалѣть, что двинулся съ мѣста: по мѣрѣ того, какъ я приближаюсь къ нему, у меня все больше и больше начинаетъ слагаться убѣжденіе, что онъ никогда въ жизни не бралъ ванны, а при дальнѣйшемъ приближеніи это убѣжденіе переходитъ въ полную увѣренность. Положительно начинаю задыхаться и непроизвольно дѣлаю шагъ назадъ.

— "Почему вы меня арестовали, не взирая на запрещеніе Правительства?" спрашиваетъ Нахамкесъ.

Отвѣчаю ему прописными фразами самаго подлиннаго демократическаго словаря:

— "Я зналъ, что при старомъ режимѣ, особыя исключенія дѣлались министрамъ и членамъ Государственнаго Совѣта; но вѣдь при новыхъ условіяхъ, кажется, всѣ равны. почему я долженъ сдѣлать исключеніе для васъ?"

Смотрю — не понравилось. Очевидно, расчеты на эффектъ передъ аудиторіей провалились, да и трудно уже обличать насъ въ "контръ-революціи".

— "Какъ? Значитъ, вы арестуете и члена Учредительнаго собранія?"

Я: "Не понимаю, причемъ тутъ Учредительное Собраніе?"

Нахамкесъ: "Да, но я членъ Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ с. и р. депутатовъ всей Россіи, членъ законодательной палаты. По крайней мѣрѣ, мы сами такъ на себя смотримъ", спѣшитъ добавить онъ, видя на моемъ лицѣ неподдѣльное удивленіе.

— "Не знаю, какъ вы на себя смотрите", начинаю было я; но насъ прерываетъ дежурный офицеръ, который докладываетъ, что прокуроръ Судебной Палаты Каринскій спѣшно проситъ меня къ телефону. Выхожу въ корридоръ; на всякій случай дѣлаю знакъ дежурному, чтобы понаблюдалъ за дверью и не выпустилъ: все же такъ спокойнѣе.

По телефону Каринскій сообщаетъ, что ему извѣстно объ арестѣ Нахамкеса, котораго мы должны передать въ его вѣдѣніе; но самъ онъ очень занятъ, пріѣхать не можетъ, а вмѣсто себя пришлетъ товарища прокурора. Это мнѣ сразу не понравилось: не я позвонилъ ему, а онъ мнѣ, значитъ, уже знаетъ всю исторію, а также, что Нахамкеса надлежитъ передать въ его распоряженіе. Очевидно, уже получилъ приказаніе и директивы. Но отъ кого? Балабинъ съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ не состоялъ и никуда не телефонировалъ. А кромѣ меня и Балабина, о приказаніи Керенскаго никто не знаетъ. Значитъ, самъ Керенскій поспѣшилъ передать инструкцію. Наконецъ, очень подозрительно, что энергичный Каринскій, такъ часто пріѣзжавшій ко мнѣ, на этотъ разъ самъ отстраняется.

Возвращаюсь и говорю Нахамкесу, что напрасно онъ ссылается на распоряженіе Временнаго Правительства, такъ какъ военный министръ самъ приказалъ разсмотрѣть его дѣло прокурору, представитель котораго сюда пріѣдетъ.

На этотъ разъ, едва я вхожу, какъ Нахамкесъ встаетъ, вытягивается и, выслушавъ мои слова, спѣшитъ сказать:" Я въ вашемъ распоряженіи".

Только поворачиваюсь, чтобы уходить, какъ вдругъ распахивается дверь и въ комнату входятъ предсѣдатель Совѣта с. и р. депутатовъ Чхеидзе, а съ нимъ изъ президіума — Богдановъ и Сомовъ. Кто предупредилъ и этихъ объ арестѣ? Откуда они узнали — мнѣ неизвѣстно.

— "Въ чемъ дѣло?" участливо обращается Чхеидзе къ Нахамкесу и трясетъ ему руку. Слѣдуютъ дальнѣйшія рукопожатія.

"Ну", думаю, "попалъ подъ обстрѣлъ тяжелыхъ батарей".

Нахамкесъ, передъ тѣмъ загнанный въ уголъ, быстро выправляется.

— "Вотъ видите, арестованъ самовольно Штабомъ Округа", пробуетъ онъ возвысить голосъ.

— "Неправда", въ свою очередь повышаю я голосъ, "вѣдь вы же видѣли, что я приказалъ убрать караулъ".

Чхеидзе явно конфузится, чувствуетъ себя неувѣренно.

— "Будьте добры, нельзя ли намъ пойти въ какое-нибудь другое помѣщеніе??" обращается онъ ко мнѣ, показывая на находящихся въ комнатѣ солдатъ.

— "Хорошо, пожалуйста".

Иду впередъ; всѣ выходятъ по-очереди; а навстрѣчу подходятъ ко мнѣ резервы и прежде всѣхъ Балабинъ.

Устраиваемся въ большомъ кабинетѣ Главнокомандующаго, гдѣ собираются: съ одной стороны — Чхеидзе, Богдановъ, Сомовъ и Нахамкесъ; а съ другой — Балабинъ, я, извѣстный горный инженеръ П*, начальникъ контръ-развѣдки Б. и состоящій для порученій при Главнокомандующемъ ротмистръ Рагозинъ.

Начинается безконечный разборъ дѣла, продолжавшійся всю ночь напролетъ. Привожу довольно тяжелую сцену, за которую я получилъ впослѣдствіи нѣсколько упрековъ.

Нахамкеса уже не узнать: ободренный присутствіемъ главныхъ силъ Совѣта, онъ, окончательно расправивъ крылья, постепенно лѣзетъ вверхъ. Онъ подробно комментируетъ, какъ былъ редактированъ первый ордеръ безъ числа, и предлагаетъ Чхеидзе самому прочесть его. Чхеидзе проситъ меня показать ордеръ. Но онъ остался у капитана Снѣгиревскаго.

— "Да я и не намѣренъ отрицать, что на первомъ бланкѣ не было числа. Именно потому я и отправилъ второй ордеръ", отвѣчаю Чхеидзе.

Съ Нахамкесомъ непосредственно я ужъ больше не разговариваю и какъ бы не замѣчаю его присутствія. Нахамкесъ въ свою очередь обращается только къ Чхеидзе.

За все время разслѣдованія ни одинъ изъ насъ не коснулся существа обвиненія.

Нахамкесъ, продолжая наступленіе, переходитъ къ незаконности второго ордера. Мы выслушиваемъ длинную цитату о томъ, какъ я не выполняю приказаній Верховной Власти. Чхеидзе поворачиваетъ въ мою сторону очень удивленное лицо, а я возражаю, что написалъ не "арестовать", а "доставить въ Штабъ Округа".

— "Ну, Борисъ Владиміровичъ, вѣдь это игра словъ. Какая въ нихъ разница?" улыбаясь, подаетъ реплику Сомовъ.

— "А вотъ та разница", отвѣчаю я иронически Сомову, "что Нахамкесъ не сидитъ сейчасъ въ тюрьмѣ; а сверхъ того я имѣю удовольствіе бесѣдовать съ вами и еще одну ночь проводить безъ сна". Теперь я изъ обвинителей попадаю на скамью подсудимыхъ.

Тѣмъ временемъ ординарцы ищутъ капитана Снѣгиревскаго, чтобы получить отъ него оба ордера. Насъ предупреждаютъ, что ждать придется очень долго, такъ какъ Снѣгиревскій уѣхалъ домой и, очевидно, легъ спать. Но Чхеидзе проситъ разбудить его обязательно и привезти со всѣми бумагами. Видимо, онъ твердо рѣшаетъ не оставлять Нахамкеса у насъ одного. А тутъ, какъ на грѣхъ, еще и товарищъ прокурора не показывается.

Теперь съ нашей стороны идетъ впереди Балабинъ. Чувствую, что шестая ночь подрядъ совершенно безъ сна затруд-

няетъ мою рѣчь; становится трудно вспоминать слова; голова отяжелѣла и, вѣроятно, обезкровѣла. Нѣкоторе время слышу, словно во снѣ, какъ Нахамкесъ недвусмысленно укоряетъ Чхеидзе за то, что когда его привезли на Финляндскій вокзалъ, изъ толпы кто-то заоралъ: "Вотъ онъ — авторъ приказа № 1". Ссылаясь на этотъ возгласъ, онъ дѣлаетъ выводъ, что всѣ наши обвиненія такъ же неосновательны и несправедливы. Какъ будто издалека слышатся слова Балабина, что Штабъ не отвѣчаетъ за выкрики изъ толпы. Его снова покрываетъ густой басъ Нахамкеса. Послѣдній наглѣетъ все больше, карабкается все выше и выше. Смутно доносятся раскаты обвиненій по адресу Штаба, гдѣ "все произволъ и самоуправство". Наконецъ, Нахамкесъ "категорически" требуетъ занести всѣ мои дѣйствія въ протоколъ.

Кровь вдругъ ударяетъ мнѣ въ голову; въ глазахъ мгновенно просвѣтлѣло, и я съ шумомъ выскакиваю изъ кресла:

— "Это для чего же? Чтобы потомъ показать протоколъ нѣмцамъ? Сдѣлать имъ извѣстной всю мою систему арестовъ?"

Голосъ мой громкій, дрожитъ, повышается:

— "Достаточно контръ-развѣдка расшифрована, чтобы я дальше терпѣлъ все это безобразіе!"

Тутъ покраснѣвшій Чхеидзе вскакиваетъ какъ отъ толчка въ спину, приподымаетъ руки въ мою сторону и спѣшитъ завѣрить:

— "Господинъ генералъ-квартирмейстеръ, даю вамъ слово отъ всѣхъ присутствующихъ членовъ Исполнительнаго Комитета Совѣта и прошу васъ вѣрить, что ни одно слово, произнесенное здѣсь, не будетъ вынесено изъ нашего засѣданія".

Чхеидзе садится; но его заявлнія меня теперь уже остановить не могутъ.

— "Начальникъ контръ-развѣдки", обращаюсь я къ судебному слѣдователю В. Онъ быстро подымается и вытягивается. "Передайте всѣмъ безъ исключенія чинамъ контръ-развѣдки мое категорическое приказаніе никому не отвѣчать ни на какіе вопросы о нашихъ дѣлахъ, отъ кого бы они ни исходили. А если бы къ нимъ обратился кто-либо изъ членовъ Временнаго Правительства", то чтобы направили его ко мнѣ".

— "Слушаюсь", отвѣчаетъ измученный, блѣдный на-

чальникъ контръ-развѣдки, опускаясь въ кресло. На этомъ "разборъ" дѣла естественно кончился.

Все остановилось; дыханія не слышно. Сонъ какъ рукой сняло. Мелькомъ вижу торжествующій огонекъ въ глазахъ Балабина. Однако, успокоиться нелегко. Въ головѣ стучитъ; начинаю ходить по діагонали большой комнаты при гробовомъ молчаніи. Иногда ясно вижу, а то чувствую, какъ, пока перехожу изъ одного ея конца къ другому, за мной поворачиваются головы.

Нахамкесъ свернулся, прижался. Онъ ужъ до конца не проронилъ ни слова.

Первымъ неудачно пробуетъ поддежать разговоръ Сомовъ: "Какой вы сегодня сердитый, Борисъ Владиміровичъ!" Слышу его примирительныя слова. Останавливаюсь передъ нимъ и почти кричу: "Надоѣлъ мнѣ вашъ Нахамкесъ!"

Опять подымается Чхеидзе, опять проситъ вѣрить, что ни одно слово не выйдетъ изъ этой комнаты.

Да, роли перемѣнились. Вижу, что все повернулось прекрасно. "Самое главное", думаю, "молчать, надо молчать, пока не возьму себя въ руки, а то такіе мастера слова такъ незамѣтно подцѣпятъ, что отъ меня перья полетятъ".

Продолжаю быстро ходить. Напряженіе кругомъ все растетъ. Вѣроятно, боятся, что выну револьверъ и начну стрѣлять.

На мигъ останавливаюсь, открываю дверь и кричу: "Позвать дежурнаго!"

Переглядываются. Приходитъ офицеръ. Громко говорю, чтобы всѣ слышали: "Пошлите сказать капитану Снѣгиревскому, что онъ можетъ не пріѣзжать, такъ какъ онъ мнѣ больше не нуженъ".

Молчатъ. Настроеніе накалилось до предѣла.

Богдановъ не выдерживаетъ, улучаетъ минуту, когда я у конца комнаты, у окна, спѣшитъ ко мнѣ:

-- "Да поймите же, мы совсѣмъ не противъ васъ. Наоборотъ: мы всецѣло на вашей сторонѣ и сами не знаемъ, какъ намъ избавиться отъ Нахамкеса. Мы только хотѣли, — если вы идете противъ такихъ видныхъ членовъ Совѣта,

какъ онъ, — чтобы все было безукоризненно правильно, а тутъ ордеръ безъ числа".

Ничего не отвѣчаю. Но едва Богдановъ возвращается къ Чхеидзе, какъ срывается съ мѣста ротмистръ Рагозинъ:

— "Скажи только слово, одно слово, и я ихъ всѣхъ сейчасъ выброшу въ окно".

Не знаю, слыхали ли другіе Рагозина; но зато совершенно увѣренъ, что когда послѣ него черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подлетѣлъ горный инженеръ П. и заговорилъ какъ бы шопотомъ, то вотъ его слова были слышны на Дворцовой площади: "Какъ ты думаешь, что мнѣ будетъ, если я сейчасъ убью Нахамкеса?"

— "Увѣренъ, что ничего", отвѣчаю я и поворачиваю ему спину.

Экспансивный инженеръ П. не убилъ Нахамкеса. Онъ понималъ, какъ и всѣ мы, что, устранивъ одного, не спасти положенія, — а приводили ихъ по-одному. Вывести же въ расходъ всѣхъ видныхъ большевиковъ мы не могли, такъ какъ не знали, гдѣ они прятались, и совсѣмъ не имѣли охотниковъ бѣлаго террора.

Наконецъ, возвращаюсь въ кресло.

Чхеидзе снова даетъ торжественное слово отъ всѣхъ присутствующихъ, что все, сказанное здѣсь, никѣмъ и нигдѣ не будетъ повторено.

Лучи солнца уже заглядываютъ въ комнату.

Начинаю перебирать въ памяти все, что имѣю противъ Нахамкеса; такъ какъ непремѣнно хочу его засадить; а товарищъ прокурора долженъ пріѣхать съ минуты на минуту. Наконецъ, онъ появляется. Отвожу его въ сторону и подробно излагаю "досье" Нахамкеса. Слушаетъ со скучающимъ видомъ, будто по неволѣ; торопится, не задаетъ буквально ни одного вопроса, не спрашиваетъ ни одного доказательства, словно все знаетъ заранѣе, или будто пріѣхалъ съ готовымъ рѣшеніемъ. Объявляетъ Нахамкесу, что онъ свободенъ, и поспѣшно ретируется.

7 часовъ утра. Чхеидзе уводитъ Нахамкеса. Кабинетъ Главнокомандующаго пустѣетъ. Остаемся мы вдвоемъ съ Балабинымъ. У обоихъ не хватаетъ словъ, да ихъ и не надо...

Въ 11 часовъ утра изъ "Довмина" приходитъ приказаніе военнаго министра: "Главнокомандующему арестовъ по возстанію больше не производить, а право на эти аресты сохранить только за прокуроромъ Палаты".

15
ОБРЕЧЕННЫЕ

Измѣна въ лѣвомъ секторѣ и массовыя убійства на улицахъ привели въ негодованіе терпѣливаго петроградскаго обывателя. Маятникъ сразу качнуло вправо.

— "Теперь будутъ останавливать контръ-революцю", сказалъ мнѣ, усмѣхнувшись, Балабинъ.

И дѣйствительно, къ намъ въ пріемную начинаютъ приходить пожилыя женщины хлопотать за мужей, только что арестованныхъ, кѣмъ — невѣдомо. Я только догадываюсь, что политическая канцелярія Козьмина тоже работаетъ, не покладая рукъ. То были жены старыхъ дѣятелей Союза русскаго народа или Михаила Архангела, имена которыхъ уже въ тѣ времена были достояніемъ древней исторіи. Они запрятались послѣ отреченія Государя, кто куда могъ, въ страхѣ никуда не показывались.

Одна изъ пришедшихъ положительно меня не отпускаетъ:

— "Къ вамъ я обращаюсь, какъ къ офицеру. Неужели же и вы меня не поймете? Мужу 75 лѣтъ, онъ боленъ. Семь лѣтъ живетъ на покоѣ, ни во что не вмѣшивается. А его сегодня увезли, и куда — даже не знаю. Вѣдь онъ умретъ! У кого мнѣ искать защиты?

Какую угрозу революціи могли представить эти ископаемые? Ими пытались свести дутый политическій балансъ, забрызганный кровью, пролитой большевиками, кровью, которая еще не успѣла засохнуть. Если нѣтъ контръ-революціи, то аресты вправо, наудачу, по мнѣнію руководителей народныхъ массъ, должны были выправить маятникъ.

Ну а какъ же съ большевиками?

Ударомъ по нѣсколькимъ десяткамъ боевыхъ отдѣловъ, водвореніемъ въ тюрьму за нѣсколько дней болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, — можно было считать большевицкую орга-

низацію разгромленной. Но, конечно, при условіи, что послѣ шага впередъ не сдѣлаютъ двадцать назадъ. А между тѣмъ, начавшіяся отмѣны и перемѣны указывали, что колесо медленно, но тронулось въ обратномъ направленіи. Чтобы зарегистрировать это движеніе, недоставало только толчка; онъ и не заставилъ себя ждать.

У большевиковъ имѣлись склады оружія на различныхъ заводахъ. Нѣкоторые изъ нихъ намъ были извѣстны раньше, но большинство открылось само собой послѣ возстанія, когда Штабъ Округа былъ буквально заваленъ точными свѣдѣніями о такихъ хранилищахъ.

Послѣ неудачи, опасаясь потерять это оружіе, большевики стали разносить его по квартирамъ. Достаточно вспомнить состояніе Петрограда, чтобы понять, что оружіе, разнесенное по частнымъ квартирамъ, уже совершенно ускользало отъ Правительства. Требовались быстрыя мѣры, къ которымъ и было приступлено. Съ маленькими складами мы справлялись легко, на ходу. Для крупныхъ заводовъ вопросъ представлялся серьезнѣе: туда требовалось посылать цѣлые отряды.

Прекрасно отдавая себѣ отчетъ, что о такихъ большихъ выступленіяхъ будутъ громко кричать всѣ, кому они не понравятся, а такихъ будетъ не мало, я рѣшилъ на эти отряды получить предварительное согласіе Половцова.

— "Что ты меня спрашиваешь?" поощряетъ меня Половцовъ. "Неужели мы не знаемъ другъ друга?"

Прекрасно. Формирую первый отрядъ, назначаю начальникомъ рѣшительнаго артиллерійскаго капитана, посылаю на Сестрорѣцкій заводъ.

11-го іюля экспедиція проходитъ безъ кровопролитія и очень удачно: намъ привозятъ 1.200 винтовокъ, нѣсколько сотенъ бомбъ, а къ нимъ въ придачу семь организаторовъ красной гвардіи.

Конечно, громкоговорители возвѣщаютъ изъ Таврическаго Дворца о новыхъ проискахъ контръ-революціи.

Теперь очередь за Путиловскимъ заводомъ. Тамъ, кромѣ большого склада оружія, заканчиваются къ выпуску 13 бронированныхъ автомобилей. Не имѣя въ своемъ вѣдѣніи бро-

невиковъ, мы съ Балабинымъ все время искали случая, какъ бы затащить къ себѣ хоть одинъ и посадить на него свою команду. А тутъ вдругъ 13! Балабинъ меня подзадариваетъ:

— "На Путиловскій заводъ поѣзжай ты самъ. Если заранѣе узнаешь, въ какомъ видѣ броневики и гдѣ именно стоятъ, а ты влетишь внезапно, то тамъ такъ растеряются, что не успѣютъ прійти въ себя. Ты и вытащишь на буксирѣ всѣ машины".

Формирую отрядъ, собираю грузовики, а за точными свѣдѣніями ѣду къ начальнику Главнаго Техническаго Управленія генералу Шварцу. Предпріятіе очень заманчивое: изъ-за броневиковъ стоитъ пойти на что угодно.

Генералъ Шварцъ оказался хорошо освѣдомленнымъ о своихъ строющихся машинахъ. Я подѣлился съ нимъ нашимъ планомъ. Не прибѣгая ни къ какимъ справкамъ, онъ тутъ же далъ мнѣ всѣ подробности о состояніи броневиковъ и ихъ мѣстоположеніи по зданіямъ завода. 5 машинъ были уже закончены къ выпуску.

Едва возвращаюсь отъ Шварца къ себѣ въ Штабъ, какъ вдругъ входитъ Балабинъ, обращается ко мнѣ и, какъ автоматъ, съ безразличнымъ видомъ отчеканиваетъ каждое слово:

— "Предсѣдатель Правительства, военный министръ приказалъ немедленно прекратить захваты складовъ оружія на заводахъ и разоруженіе рабочихъ. Онъ считаетъ, что сознаніе народа уже настолько развилось, что граждане поймутъ разумность требованія, и большевики сами добровольно отдадутъ намъ оружіе. Поэтому министръ приказалъ, чтобы ты составилъ обращеніе-воззваніе, приглашая населеніе сдать все вооруженіе".

Я хорошо зналъ Балабина, — у него были стальные нервы; онъ никогда ничему не удивлялся. Очевидно, онъ уже обломалъ всѣ копья. Тономъ своего голоса онъ мнѣ подчеркиваетъ, что является только лаконичнымъ передатчикомъ приказанія, и даетъ мнѣ понять, что единственно, что мнѣ остается, это — также механически исполнить приказъ и не входить въ обсужденіе этой безсмыслицы.

Встаю. Отвѣчаю военной этикой — перехожу на "вы".

— "Прошу васъ доложить военному министру, что въ

моемъ Отдѣлѣ нѣтъ человѣка, который съумѣлъ бы составить такое краснорѣчивое воззваніе".

Нѣсколько секундъ молчанія.

Балабинъ: "Чего ты формализуешься? Развѣ ты не знаешь, что я считаю это глупостью?"

—"Прекрасно знаю".

Опять молчаніе.

— "Хорошо. Подожди".

Подождалъ.

Балабинъ возвращается.

— "Военный министръ приказалъ разработать только техническую сторону воззванія, — раздѣлить Петроградъ на районы, назначить сборныя мѣста, пріемщиковъ, склады, перевозочныя средства, караулы, время сдачи и пр. И въ такомъ видѣ представить вѣдомость ему. Текстъ же самого воззванія онъ взялъ лично на себя".

— "Слушаюсь".

Къ ночи представляю большую таблицу. Въ ней весь Петроградъ, районы, время сдачи и сборные пункты, и все, что угодно.

Къ таблицѣ прикладываю маленькій листъ бумаги — мой рапортъ въ одну строку: "Прошу меня уволить по болѣзни въ отставку".

Балабинъ улыбается: онъ самъ подаетъ такой же рапортъ, а Половцовъ больше не Главнокомандующій: его передъ тѣмъ уволилъ Керенскій.

Мнѣ и теперь странно разсказывать этотъ анекдотъ съ воззваніемъ, о замѣнѣ пулемета пафосомъ. Если бы я, военный, представилъ отъ себя по командѣ такой проектъ, то въ любой арміи меня посадили бы въ сумасшедшій домъ.

Можетъ быть, все же интересно знать, какъ приняло воззваніе населеніе?

Лирическая сторона этого литературнаго произведенія удалась безукоризненно. Воззваніе было расклеено по угламъ всевозможныхъ зданій. Его читалъ весь Петроградъ. Оно даже подѣйствовало, но, увы, какъ разъ не на преступниковъ, для которыхъ предназначалось, а на самыхъ лойяльныхъ людей, привыкшихъ вообще подчиняться распоряженіямъ любой вла-

сти: сданными оказались нѣсколько охотничьихъ ружей, пистолетовъ и сабель эпохи русско-турецкой войны. Всѣ перевозочныя средства и пріемщики вернулись ни съ чѣмъ — пустыми.

Если эпизодъ съ отмѣной разоруженія большевиковъ былъ ощутительнымъ толчкомъ по гигантскому колесу въ обратную сторону, то для меня онъ явился ударомъ, которымъ выбило послѣднюю надежду.

Новый Главнокомандующій Петроградскаго Округа генералъ Васильковскій не желаетъ слышать о моемъ уходѣ.

— "Можетъ быть, вы не хотите быть подчиненнымъ новому начальнику Штаба Багратуни? Тогда я назначаю васъ при себѣ генераломъ для порученій", слышу я отъ него въ категорической формѣ *).

Нѣтъ. Я кончилъ служить такому Правительству. Послѣдняя карта бита. Попавъ случайно въ Петроградъ, я увидѣлъ, какъ раскатилась революція въ большихъ народныхъ массахъ. И какъ тогда же все стало ясно! Одни слѣва будутъ продолжать спасать революцію или редактировать воззванія о сдачѣ оружія.

Многіе справа еще должны пройти рядъ испытаній, чтобы подавить страсти, — выйти на путь новыхъ доступныхъ намъ заданій.

Вторыхъ гораздо больше, но и тѣ, и другіе слишкомъ малочисленны на стомилліонную темную массу, погнавшуюся за призраками, для которой — вотъ въ чемъ горе — уже опрокинуты всѣ плотины!

Итти въ эту массу? Но чтобы имѣть въ ней успѣхъ, надо на митингахъ срывать съ себя погоны, посылать проклятія прошлому, какъ это дѣлали нѣкоторые офицеры. Нѣтъ. Только не это.

Если въ верхнихъ слояхъ распыленной русской общественности иногда идеологически указываютъ на конецъ августа, какъ на крайній рубежъ "Корниловъ или Ленинъ", то для насъ, пробивавшихся снизу черезъ народную толщу и ви-

---

*) Считалось, что Багратуни присланъ для проведенія взглядовъ Керенскаго.

дѣвшихъ всю картину разрушенія, вопросъ рѣшался гораздо раньше, а именно, тотчасъ послѣ іюльскаго возстанія, когда Временное Правительство не пошло за генералъ-прокуроромъ въ преслѣдованіи большевиковъ за измѣну своему народу.

Картина разрушеній, не учитываемыхъ нѣкоторыми политическими теченіями, можетъ быть отчасти видна въ свѣтѣ подробностей, перечисленныхъ въ предыдущихъ главахъ. Въ нихъ я подтверждаю, что генералъ-прокурору, контръ-развѣдкѣ, Штабу Округа, прокурорскому надзору было совершенно ясно, что Правительство продержится только до слѣдующаго возстанія большевиковъ; намъ было отчетливо видно, что день этого возстанія, такъ же, какъ іюльскаго, будетъ назначенъ не Ленинымъ, а нѣмцами (что и произошло въ дѣйствительности), но бить уже будетъ нечѣмъ *) Отсюда въ нашемъ точномъ рисункѣ Петрограда никакого августовскаго перелома быть уже не можетъ. Поэтому мы говоримъ уже въ іюлѣ: *обречсные мы, всѣ вы; обреченная Россія.*

Прежде чѣмъ не признавать этого положенія, необходимо, казалось бы, опровергнуть отдѣльные элементы разрушенья петрградскихъ войскъ и всего административнаго аппарата, мною приведенные. Иначе мы опять оторвемся отъ дѣйствительности, опять останемся въ области однихъ идеологическихъ споровъ.

Суровый законъ требовалъ, чтобы всѣ переболѣли, каждый по своему. Вотъ послѣ этого только и можно приступить къ новому творчеству **). Ну, а тогда въ Петроградѣ? Васильковскій и Багратуни начнутъ проходить стажъ борьбы въ революціонной столицѣ. А я долженъ буду себя побороть и сговариваться съ Нахамкесомъ? Допустимъ. А какая отъ этого польза?

Энергичный прокуроръ Палаты Каринскій тоже пробо-

*) См. "Въ музей Ленина".

**) Проведя слѣдующій періодъ борьбы на Сѣверномъ Кавказѣ, а затѣмъ кончивъ внѣшнюю войну въ началѣ 19-го года, я не призналъ мое производство въ генералы и отказался принять самостоятельный фронтъ (изъ подчиненныхъ мнѣ войскъ Бичерахова и горцевъ Сѣв. Кавказа — кадровъ старой Дикой дивизіи), который настойчиво предлагали мнѣ горцы, англійской службы генералъ Томсонъ и полковникъ Ролленсонъ.

валъ. остановить обратное движеніе. По матеріаламъ, добытымъ послѣ возстанія, онъ арестовалъ Троцкаго. Опять на сцену выступаетъ Ловцовъ, — бѣгаетъ по городу и опять его находитъ. Троцкаго сажаютъ 23 іюля, а въ теченіе августа и въ началѣ сентября новые министры юстиціи выпускаютъ и Троцкаго, и всѣхъ одного за другимъ, кого мы посадили и до, и послѣ возстанія. Если кивать въ прошлое и говорить, что доказательствъ измѣны большевиковъ было недостаточно, то казалось бы, нельзя было не привлечь большевиковъ за возстаніе по распубликованному декрету Правительства. А убитыхъ 4-го іюля? Развѣ ихъ тоже не было?

Къ сожалѣнію, узнавъ о моемъ рапортѣ, уходятъ начальникъ контръ-развѣдки, суд. слѣдов. В. и Александровъ.

Васильковскій ихъ вызываетъ: при Багратуни, въ моемъ присутствіи, онъ убѣждаетъ ихъ остаться. Достаточно взглянуть на обоихъ, чтобы понять, что наши мысли одинаковы. На всѣ уговоры Васильковскаго каждый изъ нихъ твердитъ: "Нѣтъ, я ни за что не останусь. Я былъ связанъ личнымъ словомъ только съ Б. В. Никитинымъ; а разъ его нѣтъ, то считаю себя свободнымъ".

Васильковскій обрушивается на меня:

— "Вотъ, видите, что вы дѣлаете! Да я же вамъ сказалъ, что вы не уйдете!"

— "Посмотримъ. Я все надѣюсь, что комиссія врачей, въ которой мнѣ предстоитъ свидѣтельствоваться, уволитъ меня по болѣзни въ отставку" *).

Въ двадцатыхъ числахъ іюля меня свидѣтельствуютъ въ Благовѣщенскомъ госпиталѣ и единогласно признаютъ здоровымъ, какъ дай Богъ всякому.

Прямо изъ госпиталя ѣду къ Начальнику Генеральнаго Штаба Романовскому. Говорю о неудачѣ въ комиссіи врачей; прошу меня убрать изъ Штаба Округа куда угодно на фронтъ.

— "Какъ? Неужели уже до этого дошло?" говоритъ онъ задумчиво, стучитъ дружески по плечу; мнѣ кажется, въ моихъ словахъ онъ находитъ подтвержденіе какихъ-то своихъ даль-

---

*) Послѣ контузіи на войнѣ у меня развилась болѣзнь сердца.

нихъ мыслей. "Но я же не могу васъ взять изъ Штаба, если васъ не отпускаетъ Главнокомандующій".

— "Да, это по старымъ правиламъ, а вы уберите меня по новому, приказомъ Начальника Генеральнаго Штаба Начальнику Штаба Округа".

— "Идетъ", говоритъ Романовскій. "Сдѣлаю".

На другой день Багратуни получаетъ приказаніе откомандировать меня въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба; а 26-го іюля я являюсь своему новому начальнику, старому знакомому, генералу Потапову.

Послѣ всѣхъ любезностей, которыми мы съ нимъ обмѣнялись за пять мѣсяцевъ, я приготовился къ сухому пріему, но ошибся. Потаповъ, очевидно, былъ добрымъ человѣкомъ. Онъ устроилъ мнѣ сердечную встрѣчу; отъ него я узналъ, что Романовскій меня назначилъ не на фронтъ, а начальникомъ Развѣдывательнаго отдѣленія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба по группѣ державъ, съ которыми мы вели войну.

Однако, на этомъ моя записная книжка не закончилась.

16

ДѢЛО ГЕНЕРАЛА ГУРКО.

Разсказывая о томъ, какъ останавливали маятникъ, когда его качнуло вправо, нельзя не привести нѣсколькихъ деталей изъ отношеній министровъ къ Гурко.

21 іюля, утромъ, ликвидируя свои дѣла въ Штабѣ Округа, я встрѣтилъ сіяющаго отъ удовольствія адъютанта помощника Главнокомандующаго — Козьмина *).

— "Если бы вы только знали, кого мы сегодня арестовали!" говоритъ онъ, не умѣя скрыть своего восторга.

— "Откуда же я могу знать, что происходитъ въ вашей тайной канцеляріи? Кого именно?"

— "Генерала Гурко".

*) Къ сожалѣнію, не помню фамиліи. Но у Козьмина былъ всего одинъ адъютантъ - поручикъ съ высшимъ образованіемъ, небольшого роста, старый революціонеръ. Кажется, Чарномскій?

— "А что онъ сдѣлалъ?" непосредственно срывается у меня удивленный вопросъ.

Наступаетъ неловкое молчаніе. Мой собесѣдникъ смотритъ на меня съ растеряннымъ видомъ.

— "Какъ что сдѣлалъ?"

— "Ну да, какое у васъ было основаніе для ареста?"

— "Какъ какое основаніе?.. Да вѣдь это Гурко, понимаете — Гурко! Нѣтъ, вы никогда не поймете!" восклицаетъ онъ, кидаетъ на меня безнадежный взглядъ и уходитъ.

Начинаю припоминать слухи съ фронта, что Главнокомандующій генералъ Гурко настаивалъ предъ военнымъ министромъ на рѣшительныхъ мѣрахъ для спасенія дисциплины въ арміи, имѣлъ съ министромъ крупныя столкновенія и былъ уволенъ.

Арестовывать генерала ѣздилъ Козьминъ со своимъ адъютантомъ. Они привезли его въ Штабъ, на квартиру Козьмина, а оттуда черезъ два дня водворили въ Петропавловскую крѣпость.

24 іюля утромъ меня зоветъ новый начальникъ Штаба Багратуни. Онъ передаетъ мнѣ небольшую папку и говоритъ:

— "Вотъ дѣло генерала Гурко. Военный министръ приказалъ произвести разслѣдованіе. Поручите его контръ-развѣдкѣ".

Отвѣчаю: "Я не знакомъ съ генераломъ Гурко и никогда его не видѣлъ, но предвижу заранѣе, что бывшій начальникъ кавалерійской дивизіи и начальникъ Штаба Верховнаго — генералъ Гурко — отнюдь не шпіонъ".

— "Что вы, что вы, конечно, нѣтъ!" даже вздрогнулъ Багратуни отъ такого рѣзкаго слова.

— "Ну, а въ такомъ случаѣ контръ-развѣдка, которая преслѣдуетъ только шпіоновъ, этимъ дѣломъ заниматься не можетъ, и разрѣшите мнѣ вамъ его вернуть".

Багратуни явно непріятно; онъ отстраняетъ протянутую папку: "Да, вы правы, совершенно вѣрно; но не торопитесь, подождите. Я потомъ вамъ скажу".

Въ этотъ же день я случайно оказался въ кабинетѣ Багратуни, когда у него была супруга генерала Гурко. Симпатичная, съ большими глазами, эта женщина приходила проте-

стовать, и что было особенно тяжело видѣть, обращалась къ начальнику Штаба съ полной увѣренностью, что онъ также возмущенъ случившимся. Она говорила, что это первый случай за все время существованія Петропавловской крѣпости, чтобы въ нее кого-нибудь посадили безъ "ордера", какъ это было сдѣлано съ ея мужемъ *). Какъ бы ища защиты, она часто поворачивалась въ мою стоорну. Багратуни отвѣчалъ что-то неопредѣленное, а я не могъ на нее смотрѣть.

Вернувшись къ себѣ, я рѣшилъ самъ ознакомиться съ дѣломъ, облетѣвшимъ съ такимъ трескомъ всю печать. И чего только не говорили о немъ въ газетахъ со словъ услужливыхъ освѣдомителей: контръ-революція, переписка съ низложеннымъ монархомъ, заговоръ, — ну, словомъ, сразу всѣ темы для безконечнаго бульварнаго романа. Какъ же не увлекаться такими сообщеніями, если газеты приводятъ подлинныя слова самого министра Некрасова, произнесенныя имъ на ночномъ засѣданіи въ Зимнемъ Дворцѣ: "Генералъ Гурко въ своемъ планѣ пишетъ, что всѣ вѣрные слуги Государя въ силу обстоятельствъ должны только на время приноровиться къ новымъ порядкамъ и принять соотвѣтствующій видъ".

Открывъ небольшую папку, называемую "Дѣло генерала Гурко", я нашелъ въ ней всего только одинъ листъ бумаги, а именно, письмо Гурко къ Государю.

Такимъ образомъ, будемъ точны: прежде всего не переписка, а одно письмо. Оно было на четырехъ страницахъ и имѣло дату 2 марта. Генералъ писалъ только что отрекшемуся Императору. По содержанію письмо не только не заключало какого-то плана, но тамъ не было ни совѣта, ни даже малѣйшаго намека, что можно исправить случившееся. Гурко замѣнялъ одно время генерала Алексѣева по должности Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, т. е. былъ сподвижникомъ Государя. Но 2-го марта это былъ просто близкій человѣкъ, который хотѣлъ высказать только свое душевное сочувствіе тому — другому, хоть чѣмъ-нибудь его поддержать

*) Я слышалъ, будто бы прокуроръ отказался вообще подписать какой бы то ни было ордеръ.

въ великомъ горѣ, которое на него обрушилось. И слова утѣшенія больше касались Воли Божьей.

Отсюда видно, что министръ Некрасовъ въ своемъ пересказѣ далеко ушелъ отъ дѣйствительности. Въ письмѣ была одна фраза, касающаяся Наслѣдника. Генералъ писалъ, что, можетъ быть, для мальчика все будетъ къ лучшему: онъ въ тиши окрѣпнетъ, будетъ расти въ спокойной обтановкѣ, учиться, наберется знаній, "а пути Божьи неисповѣдимы: кто знаетъ, — можетъ быть, самъ народъ когда-нибудь призоветъ его". Противъ этого мѣста на поляхъ стояли краснымъ карандашемъ большіе и малые восклицательные знаки.

На этомъ письмо, а съ нимъ и все "дѣло Гурко" заканчивается.

При всемъ желаніи, не найти тамъ ни контръ-революціи, ни заговора, ни даже той малой мухи, изъ которой можно бы сдѣлать слона.

Но что поистинѣ было исключительнаго на этихъ четырехъ страницахъ, такъ это совсѣмъ не то, что писалъ генералъ Гурко, а собственноручная резолюція начальника кабинета военнаго министра, поставленная чернилами на поляхъ письма:

"Военный министръ приказалъ привлечь генерала Гурко по 126 статьѣ уг. ул. Полковникъ Барановскій" *).

Врядъ ли царскіе архивы Министерства Юстиціи видѣли такія рискованныя надписи. Если въ тѣ отдаленныя времена инсценировались процессы, и министры тоже "приказывали' слѣдственной власти подгонять обвиненія подъ опредѣленныя статьи, то они не писали такихъ откровенныхъ резолюцій на оффиціальныхъ бумагахъ; а тѣмъ болѣе на тѣхъ, кои представляли собой вещественныя доказательства.

При этомъ важно еще замѣтить, что даже независимо отъ заключенія по существу всего дѣла, за это письмо Гурко никакъ нельзя было подвести ни подъ какую статью: согласно декрета Правительства, всѣ дѣйствія, направленныя въ за-

*) Эта статья стараго Уголовнаго Уложенія примѣнялась къ виновнымъ въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя.

щиту стараго строя и имѣвшія мѣсто до 4 марта, подлежали полной амнистіи. На основаніи этого декрета были, напримѣръ, амнистированы въ Ораніенбаумѣ офицеры, стрѣлявшие 3 марта изъ пулемета. Письмо Гурко было отъ 2 марта и на него, въ довершеніе всего, распространялось и дѣйствіе названнаго декрета.

Вечеромъ того же дня захожу къ Багратуни, чтобы напомнить о дѣлѣ. Нашъ разговоръ повторяется въ тѣхъ же выраженіяхъ. Слышу отвѣтъ: "Да... но и подождите".

Выйдя отъ него, мнѣ вдругъ пришла мысль: о чемъ я спорю? О какихъ принципахъ, которые меня уже не касаются? Черезъ два дня, все равно, меня не будетъ въ Штабѣ. А развѣ не лучше, если это разслѣдованіе произвести подъ моимъ наблюденіемъ? Основаній для обвиненія, все равно, не найдутъ, такъ какъ ихъ нѣтъ; но безъ меня дознаніе будутъ тянуть; Гурко будетъ сидѣть; а въ этомъ и заключается главная опасность. Сколько разъ я повторялъ членамъ Слѣдственной Комиссіи Муравьева, что они сажаютъ въ Петропавловскую крѣпость представителей стараго режима не для суда Временнаго Правительства, а для большевиковъ. Они все мнѣ не вѣрили, что приходъ къ власти большевиковъ — вопросъ самаго небольшого времени, и что въ случаѣ возстанія защищать Правительство будетъ некому. Если же теперь мнѣ представляется возможность сохранить хоть одного, то надо спѣшить.

Звоню въ контръ-развѣдку, вызываю Каропачинскаго; прошу немедленно пріѣхать. Онъ быстро появляется.

— "Съ вами, Всеволодъ Николаевичъ, я началъ контръ-развѣдку. А вотъ вамъ и мое послѣднее дѣло. Произведите лично разслѣдованіе о генералѣ Гурко".

Вижу удивленное лицо Всеволода Николаевича. Передаю ему досье, предлагаю прочесть письмо. Конечно, я не позволилъ себѣ указывать, какого ожидаю заключенія. Надо знать характеръ Каропачинскаго. Онъ всегда ревниво оберегалъ независимость судебныхъ рѣшеній, онъ никогда не мирился съ давленіемъ извнѣ на слѣдственное производство. Для него сама по себѣ резолюція Барановскаго уподоблялась большому крас-

ному флагу, которымъ размахиваютъ на корридахъ въ Испаніи.

Я только сказалъ ему:

— "Даю вамъ 48 часовъ на производство разслѣдованія".

— "Зачѣмъ такъ много?" услыхалъ я короткій отвѣтъ.

Уже на другой день онъ привозитъ мнѣ законченное разслѣдованіе. Внизу, передъ подписью выведена трафаретная фраза: "Состава преступленія не найдено, а потому постановилъ дѣло прекратить".

Но онъ былъ бы не Каропачинскій, если бы и здѣсь не проявилъ своей инниціативы. Меня ждалъ сюрпризъ.

— "Вы знаете, Борисъ Владиміровичъ, у насъ до сихъ поръ каждый день бываютъ товарищи прокурора Судебной Палаты, которымъ мы передаемъ разныя дѣла.

Такъ я предложилъ сегодня одному изъ нихъ тоже подписать постановленіе послѣ меня, что онъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ, и заключеніе прокурорскаго надзора уже имѣется".

Подписываю препроводительную бумагу.

— "Возьмите внизу мою машину, отвезите отъ меня все это прокурору Палаты и вручите ему лично".

Бѣдный Всеволодъ Николаевичъ! Ему такъ влетѣло, что когда черезъ полчаса онъ вернулся обратно, то еле переводилъ дыханіе; а на лицѣ еще оставались красныя пятна, но глаза смѣялись.

— "Никогда не видѣлъ прокурора въ такомъ состояніи: онъ такъ разсвирѣпѣлъ, что я даже слова не могъ вставить".

— "Какъ?" воскликнулъ я. "Прокуроръ не согласился съ мнѣніемъ контръ-развѣдки?"

— "Нѣтъ, объ этомъ и рѣчи не было. Онъ только выражалъ неудовольствіе за такую посиѣшность въ производствѣ разслѣдованія".

Я не напоминалъ больше Багратуни о дѣлѣ Гурко. Самъ же онъ, надо отдать ему справедливость, тоже никогда меня о немъ не спрашивалъ.

На другой день я простился со Штабомъ Округа, а черезъ нѣсколько дней генералъ Гурко былъ выпущенъ изъ крѣпости и высланъ заграницу.

17

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Душевное вниманіе Великаго Князя, его чарующая простота и деликатность навсегда привлекали сердца тѣхъ, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться. Что же сказать намъ, проведшимъ съ нимъ войну? Мы были счастливы близостью къ нему, а преданы безмѣрно.

Всегда ровный, Великій Князь никогда не выходилъ изъ себя. Онъ оставался спокойнымъ, какіе бы сюрпризы ни приносила обстановка. А иногда, дѣйствительно, было чему удивиться. Великій Князь провелъ кампанію не въ большомъ штабѣ, а выступилъ на войну во главѣ шести кавалерійскихъ полковъ такъ называемой Дикой Дивизи *); затѣмъ командовалъ 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, а совсѣмъ передъ революціей получилъ постъ генерала-инспектора кавалеріи.

Вотъ онъ въ самомъ началѣ кампаніи, когда дивизія пролѣзла въ щель у Береги Горніе, и послѣ ночного боя, прорвавъ охраненіе, втянулась въ узкія ущелья Карпатъ. Тирольскіе стрѣлки держатся кругомъ на гребняхъ по тремъ сторонамъ образовавшагося мѣшка и пытаются замкнуть послѣдній выходъ у Береги Горніе. Связь съ корпусомъ порвана. Великій Князь въ головной сотнѣ головного отряда черкесовъ бригады князя Вадбольскаго, а ночь проводитъ съ кабардинцами графа Воронцова-Дашкова, на котораго начинаютъ нажимать австрійцы. Обстановка выясняется: передъ нами начало большого наступленія пѣхоты. Дикая Дивизія выскакиваетъ изъ петли, занимаетъ длинный фронтъ и вмѣстѣ съ 12-ой кавалерійской генерала Каледина сдерживаетъ натискъ.

И влетѣло же штабу дивизіи отъ командира корпуса, хана Нахичеванскаго! Ему вторитъ начальникъ штаба корпуса баронъ Дистерло: "Вы можете исчезать, куда хотите, но мы не можемъ не знать втеченіе двухъ сутокъ, гдѣ братъ Государя!"

А братъ Государя въ восторгѣ. Онъ смѣется надъ страха-

---

*) Кавказская Туземная конная дивизія.

ми за его жизнь, самъ отвѣчаетъ командиру корпуса и уходитъ въ окопы.

Позиціонная война тяготила его подвижной характеръ.

— "Пришли лошадей на высоту 700", говоритъ мнѣ по телефону личный ординарецъ Великаго Князя князь В. Вяземскій.

— "Куда? Какъ? Да она сильно обстрѣливается, тамъ нельзя показаться верхомъ. Попроси Великаго Князя спуститься внизъ пѣшкомъ по ходу сообщенія".

Но развѣ можно запомнить высоты и гребни, по которымъ Великій Князь обходилъ свои позиціи? Онъ всегда хотѣлъ самъ знать, самъ увидѣть. Въ его присутствіи забывали о личной опасности, и бывали случаи, когда этимъ пользовались даже сосѣди.

Однажды подъ Залещикомъ Великій Князь поѣхалъ посмотрѣть Заамурскую конную бригаду и, какъ обыкновенно, въ нѣсколько часовъ всѣхъ зачаровалъ. Черезъ три дня, въ критическую минуту, славные заамурцы атаковали въ лобъ въ конномъ строю пѣхотные окопы подъ Дзвинячъ-Жежава. Командиръ бригады генералъ А. Черячукинъ, идя на подвигъ и желая поднять настроеніе, сказалъ своимъ солдатамъ, что съ сосѣдней высоты на нихъ смотритъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ и интересуется, повернутъ они подъ огнемъ, или нѣтъ. Надо ли говорить, что на высотѣ никого не было? Великій Князь былъ занятъ своей дивизіей и узналъ только къ вечеру о подвигѣ героевъ. Ведомые Черячукинымъ, они не только не повернули, не дрогнули, не только дошли, но прошли пѣхотные окопы.

Вспоминаю Тлумачъ, когда бой закончился лихимъ обходомъ татаръ и блестящей атакой третьей сотни князя Алека Амилахвари. Влетѣвъ въ Тлумачъ, Великій Князь пронесся черезъ городъ, еще занятый австрійцами. Около него падаютъ всадники и лошади маленькаго конвоя, сраженные ружейными пулями. "Вамъ очень хотѣлось быть убитымъ сегодня?", спросилъ я Его Высочество вечеромъ за кружкой чая у командира корпуса, хана Нахичеванскаго.

У Великаго Князя не было инстинктивнаго движенія наклонить голову подъ пулей. Какъ-то разъ, уже командиромъ

2-го кавалерійскаго корпуса, онъ спѣшитъ въ день наступленія съ участка 6-ой донской казачьей дивизіи въ 9-ую кавалерійскую. Для скорости онъ несется въ автомобилѣ по открытому мѣсту. Четыре тяжелыхъ орудія противника даютъ залпъ; снаряды вздымаютъ воронки, клубы дыма, а земля отбрасывается къ автомобилю. Не забуду его характерный жестъ головы вверхъ, взмахъ руки и непроизвольное восклицаніе: "Восьмидюймовые!" Шофферъ поблѣднѣлъ и остановился; его приводятъ въ себя короткія слова начальника штаба генерала Юзефовича: "Давай впередъ".

— "Знаешь, почему онъ такой храбрый?" сказалъ мнѣ какъ-то начальникъ конвоя, старый Черниговскій гусаръ ротмистръ Пантелѣевъ. "Онъ такъ глубоко порядоченъ, что не можетъ не быть храбрымъ".

Какъ начальникъ, Великій Князь всегда искалъ крайнихъ рѣшеній, стоялъ за ихъ настойчивое проведеніе. Большой спортсменъ въ душѣ, онъ любилъ рискъ, огорчался, когда новыя обстоятельства не позволяли довести занесенный ударъ до конца.

Его доступность извѣстна всѣмъ русскимъ людямъ. Онъ принималъ всѣхъ, кто хотѣлъ его видѣть, и былъ добрымъ геніемъ для тѣхъ, кто просилъ о помощи. На войну шли за нимъ тяжелые сундуки писемъ, прошеній и всевозможныхъ просьбъ. Въ періодъ затишья полковникъ баронъ Н. А. Врангель просиживалъ надъ бумагами до глубокой ночи, подготовляясь къ утреннимъ докладамъ. Только смотря на эти горы писемъ, можно было получить представленіе о числѣ просителей. А мы знали и видѣли, какъ Великій Князь стремился помочь каждому. Онъ разспрашивалъ о подробностяхъ, тратилъ громадныя средства на благотворительность. Его Высочество никогда не говорилъ объ этихъ дѣлахъ, какъ никогда не показывалъ своего высокаго положенія. Особая красота была въ его скромности.

— "Берегите Великаго Князя. Мы не знаемъ, какія судьбы готовитъ ему Россія", часто говорилъ мнѣ начальникъ штаба Юзефовичъ, когда боевая обстановка заставляла насъ разлучаться *).

*) Я былъ старшимъ адъютантомъ штаба Дикой Дивизіи, а потомъ штабъ-офицеромъ штаба 2-го кавалерійскаго корпуса.

Эти слова пришли мнѣ невольно на память, когда я подходилъ 21 августа 1917 г. къ маленькому знакомому домику въ Гатчино, такъ напоминавшему раньше англійскій катэджъ. Судьбѣ угодно было сохранить Великаго Князя на войнѣ. Но какъ все кругомъ перемѣнилось! Около небольшого сада бродятъ вооруженные, разнузданные, всклокоченные солдаты. Только Великій Князь все тотъ же спокойный, ровный, привѣтливый. Я разсказываю ему о своихъ злоключеніяхъ, о совершенно новой для меня теоріи идеализма, которую пробуютъ примѣнять въ Россіи, и о тѣхъ, кто ее проводитъ. Его Высочество задаетъ вопросы; но мнѣ кажется, что онъ давно все знаетъ, и полонъ глубокой грусти. Я ясно чувствую, что ему больно слушать пересказы моихъ наблюденій. Меня выручаетъ Барановъ, который докладываетъ, что супруга Великаго Князя *) зоветъ насъ къ столу. Великій Князь гостепріимный хозяинъ; онъ любитъ угостить, но самъ всегда на строгомъ режимѣ: очень ограниченъ въ ѣдѣ и пьетъ только молоко. Наталія Сергѣевна также радушна, душевна и встрѣчаетъ своей обворожительной улыбкой.

За столомъ секретарь, поручикъ Джонсонъ разсказываетъ о томъ, какъ ему приходится спорить со всевозможными комиссарами и комендантами, когда онъ старается избавить Великаго Князя отъ различныхъ осмотровъ и требованій.

— "Вы не можете себѣ представить, какую онъ ведетъ съ ними войну", смѣется Великій Князь.

Тутъ же узнаю, что окружающіе солдаты успѣли полюбить этого особеннаго человѣка. Да развѣ могло быть иначе?

— "Отчего бы вамъ не уѣхать, хотя бы въ Финляндію?" спрашиваю я Его Высочество.

— "Нѣтъ", тихо отвѣчаетъ онъ и дѣлаетъ отрицательное движеніе головой. "Я останусь въ Россіи".

Мы переходимъ въ гостинную, вспоминаемъ дивизію, корпусъ, отдѣльныхъ лицъ. Я говорю:

— "Какое несчастье, что этихъ частей не было съ вами въ февралѣ".

— "Я ожидалъ катастрофы, но я и не имѣлъ правъ на

---

*) Княгиня Наталія Сергѣевна Брасова.

престолъ", говоритъ Великій Князь. "и не видѣлъ возможности работать съ министрами, которые противъ меня".

День проходитъ быстро; начинаетъ спускаться ночь, я собираюсь уходить.

-- "Вамъ все равно, какъ вернуться?" спрашиваетъ меня Великій Князь, "я хочу проѣхаться по воздуху и отвезу васъ на вокзалъ въ Царское Село".

На крыльцѣ у автомобиля его высокая стройная фигура, а кругомъ рѣзкимъ контрастомъ революціонные солдаты. Они такъ похожи на только что сбѣжавшихъ преступниковъ, да и шинели ихъ удивительно напоминаютъ рваные арестантскіе халаты. Что-то дрогнуло внутри, жутко стало мнѣ — офицеру, а каково же ему? Но онъ какъ будто ихъ не замѣчаетъ, какъ будто не видитъ окружающаго. Его Высочество садится за руль. Неразлучная съ Великимъ Княземъ Наталія Сергѣевна и я подымаемся за нимъ, и машина летитъ, какъ стрѣла, ведомая опытной рукой.

Быстро мелькаютъ версты, съ ними исчезаютъ послѣднія минуты, и на вокзалѣ я разстаюсь навсегда съ тѣмъ, чей свѣтлый образъ отходитъ уже въ дорогія воспоминанія.

Прошло много лѣтъ. Княгиня Брасова любезно предоставила мнѣ для напечатанія нижеприводимые документы Великаго Князя и подѣлилась со мной слѣдующими точными подробностями.

Передъ революціей Великій Князь отдавалъ себѣ ясный отчетъ во всемъ происходящемъ. Онъ послалъ Государю письмо такого содержанія *):

"Годъ тому назадъ, по поводу одного разговора о нашемъ внутреннемъ положеніи, ты разрѣшилъ мнѣ высказать тебѣ откровенно мои мысли, когда я найду это необходимымъ. Такая минута настала теперь, я и надѣюсь, что ты вѣрно поймешь мои побужденія и простишь мнѣ кажующееся вмѣшательство въ то, что до меня, въ сущности, не касается. Повѣрь, что въ этомъ случаѣ мною руководитъ только чувство брата и долгъ совѣсти.

*) На копіи помѣтка: "Письмо послано въ ставку изъ Гатчины 11 ноября 1916 г.".

Я глубоко встревоженъ и взволнованъ всѣмъ тѣмъ, что происходитъ вокругъ насъ. Перемѣна въ настроеніи самыхъ благонамѣренныхъ людей — поразительная; рѣшительно со всѣхъ сторонъ я замѣчаю образъ мысли, внушающій мнѣ самыя серьезныя опасенія не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за цѣлость государственнаго строя.

Всеобщая ненависть къ нѣкоторымъ людямъ, будто бы стоящимъ близко къ тебѣ, а также входящимъ въ составъ теперешняго правительства, объединила, къ моему изумленію, правыхъ и лѣвыхъ съ умѣренными, и эта ненависть, это требованіе перемѣны уже открыто высказывается при всякомъ случаѣ.

Не думай, прошу тебя, что я пишу подъ чьимъ-либо вліяніемъ: эти впечатлѣнія я старался провѣрить въ разговорахъ съ людьми разныхъ круговъ, уравновѣшенными, благонамѣренность и преданность которыхъ выше всякаго сомнѣнія, и, увы — мои опасенія только подтверждаются..

Я пришелъ къ убѣжденію, что мы стоимъ на вулканѣ, и что малѣйшая искра, малѣйшій ошибочный шагъ могъ бы вызвать катастрофу для тебя, для насъ всѣхъ и для Россіи.

При моей неопытности, я не смѣю давать тебѣ совѣтовъ, я не хочу никого критиковать. Но мнѣ кажется, что, рѣшивъ удалить наиболѣе ненавистныхъ лицъ и замѣнивъ ихъ людьми чистыми, къ которымъ нѣтъ у общества, а теперь это вся Россія, явнаго недовѣрія, ты найдешь вѣрный выходъ изъ положенія, въ которомъ мы находимся, и въ такомъ рѣшеніи ты, конечно, получишь опору какъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ и въ Думѣ, которые въ этомъ увидятъ не уступку, а единственный выходъ изъ создавшагося положенія во имя общей побѣды.

Мнѣ кажется, что люди толкающіе тебя на противоположный путь, т. е. на конфликтъ съ представительствомъ страны, болѣе заботятся о сохраненіи собственнаго положенія, чѣмъ о судьбѣ Твоей и Россіи.

Полумѣры въ данномъ случаѣ только продлятъ кризисъ и этимъ обострятъ его.

Я глубоко увѣренъ, что все изложенное подтвердятъ тебѣ и всѣ тѣ изъ нашихъ родственниковъ, кто хоть немного зна-

комъ съ настроеніями страны и общества. Боюсь, что эти настроенія не такъ сильно ощущаются и сознаются у тебя въ Ставкѣ, что вполнѣ понятно, большинство же пріѣзжающихъ съ докладами, оберегая свои личные интересы, не скажутъ рѣзкую правду.

Еще разъ прости за откровенное слово; но я не могу отдѣлаться отъ мысли, что всякое потрясеніе внутри Россіи можетъ отозваться катастрофой на войнѣ. Вотъ почему, какъ мнѣ ни тяжело, но любя тебя такъ, какъ я тебя люблю, я все же рѣшаюсь высказать тебѣ безъ утайки то, что меня волнуетъ".

27 февраля 1917 г. Его Императорское Высочество былъ въ Гатчино, когда М. В. Родзянко *) попросилъ его по телефону спѣшно пріѣхать въ Петроградъ. Великій Князь сейчасъ же прибылъ въ Маріинскій Дворецъ, гдѣ присутствовалъ на засѣданіи Совѣта Министровъ, а оттуда поѣхалъ съ Родзянко въ домъ военнаго министра для разговора по прямому проводу съ Государемъ.

Въ Могилевѣ къ аппарату подошелъ генералъ Алексѣевъ. Вотъ копія съ подлинной ленты:

" У аппарата великійкнязь михаилъ александровичъ
" прошу васъ доложить отъ моего имени государю импе-
" ратору нижеслѣдующее двоеточіе для немедленнаго успо-
" коенія принявшаго крупные размѣры движенія по мо-
" ему глубокому убѣжденію необходимо увольненіе все-
" го состава совѣта министровъ что подтвердилъ мнѣ и
" князь голицынъ **) точка въ случаѣ увольненія каби-
" нета необходимо одновременно назначить замѣстите-
" лей при теперешнихъ условіяхъ полагаю остановить
" выборъ на лицѣ облеченномъ довѣріемъ вашего импе-
" раторскаго величества и пользующемся уваженіемъ въ
" широкихъ слояхъ возложивъ на такое лицо обязанно-
" сти предсѣдателя совѣта министровъ отвѣтственнаго
" единственно передъ вашимъ императорскимъ величе-

*) Предсѣдатель Государственной Думы.
**) Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

" ствомъ необходимо поручить ему составить кабинетъ
" по его усмотрѣнію точка ввиду чрезвычайно серьез-
" наго положенія не угодно ли будетъ вашему импера-
" торскмоу величеству уполномочить меня безотлага-
" тельно объявить объ этомъ отъ высочайшаго вашего
" императорскаго величества имени при чемъ со своей
" стороны полагаю что такимъ лицомъ въ настоящій мо-
" ментъ могъ бы быть князь львовъ генералъ-адъютантъ
" михаилъ".

— " Сейчасъ доложу императорскому величеству те-
" леграмму вашего императорскаго высочества точка зав-
" тра государь императоръ выѣзжаетъ въ царское село
" генералъ-адъютантъ алексѣевъ" — "позволяю себѣ до-
" ложить что если послѣдуетъ сейчасъ какое либо повелѣ-
" ніе государя императора то я немедленно телеграфирую
" его вашему императорскому высочеству генралъ адъю-
" тантъ алексѣевъ".

— " я буду ождать вашъ отвѣтъ въ домѣ военнаго
" министра и прошу васъ передать его по прямому про-
" воду точка вмѣстѣ съ тѣмъ прошу доложить его импе-
" раторскому величеству что по моему убѣжденію прі-
" ѣздъ государя императора въ царское село желательно
" отложить на нѣсколько дней. генералъ адъютантъ ми-
хаилъ".

— "отправляюсь съ докладомъ генералъ алексѣевъ"

— "у аппарата генералъ алексѣевъ"

" государь императоръ повелѣлъ мнѣ отъ его имени
" благодарить ваше императорское высочество и доло-
"жить вамъ слѣдующее точка первое ввиду чрезвычай-
" ныхъ обстоятельствъ государь императоръ не считаетъ
" возможнымъ отложить свой отъѣздъ и выѣзжаетъ зав-
" тра въ два съ половиной часа дня второе всѣ мѣро-
" пріятія касающіяся перемѣнъ въ личномъ составѣ его
" императорское величество отлагаетъ до времени своего
" пріѣзда въ царское село третье завтра отправляется въ
" петроградъ генералъ адъютантъ ивановъ въ качествѣ
" главнокомандующаго петроградскаго округа имѣя съ
" собой надежный батальонъ четвертое съ завтрашняго

" числа съ сѣвернаго и западнаго фронта начнутъ от-
" правляться въ петроградъ изъ наиболѣе надежныхъ ча-
" стей четыре пѣхотныхъ и четыре кавалерійскихъ пол-
" ковъ точка позвольте закончить личной просьбой о
" томъ чтобы высказанныя вашимъ императорскимъ вы-
" сочествомъ мысли въ предшествовавшемъ сообщеніи
" вы изволили настойчиво поддержать при личныхъ до-
" кладахъ его величеству какъ относительно замѣны со-
" временныхъ дѣятелей совѣта министровъ такъ и от-
" носительно способа выбора новаго совѣта и да помо-
" жетъ вашему императорскому высочеству господь богъ
" въ этомъ важномъ дѣлѣ генералъ алексѣевъ" —

— " со своей стороны сообщаю лично вамъ что я
" опасаюсь какъ бы не было упущено время до возвра-
" щенія его величества такъ какъ при настоящихъ усло-
" віяхъ дорогъ буквально каждый часъ благодарю васъ
" михаилъ васильевичъ за принятый на себя трудъ же-
" лаю вамъ полнаго успѣха генералъ адъютантъ миха-
" илъ" —

— " завтра при утреннемъ докладѣ еще разъ доло-
" жу его императорскому величеству желательность при-
" нять теперь же нѣкоторыя мѣры такъ какъ вполнѣ со-
" знаю, что въ такихъ положеніяхъ упущенное время бы-
" ваетъ невознаградимо желаю здоровія вашему импе-
" раторскому высочеству и успѣха въ той помощи кото-
" рую вы желаете оказать государю императору въ пе-
" реживаемыя нами рѣшительныя минуты отъ которыхъ
" зависитъ судьба и дальнѣйшій ходъ войны и жизни
" государства генералъ алексѣевъ" —

Отойдя отъ аппарата передъ концомъ разговора, Родзянко уѣхалъ, а Великій Князь остался одинъ. Но вернуться въ Гатчино, да и выбраться изъ Петрограда было уже невозможно, такъ какъ вооруженные матросы и солдаты успѣли занять вокзалы. Великій Князь расчитывалъ, что его могъ бы вывезти автомобиль предсѣдателя Государственной Думы, престижъ котораго въ эти часы былъ очень великъ. Но Родзянко уже не было! Судьбѣ было угодно, чтобы тотъ, кому

черезъ два дня предстояло вступить на престолъ, оказался запертымъ совсѣмъ одинъ въ возставшей столицѣ *).

Далеко, въ Могилевѣ, Государь не внялъ совѣтамъ брата. Какъ извѣстно, онъ выѣхалъ на другой день въ Царское Село; но поѣздъ его не былъ допущенъ къ столицѣ и попалъ въ Псковъ, къ Главнокомандующему Сѣвернаго фронта.

1-го марта Великій Князь посылаетъ Царю слѣдующую телеграмму **):

"Забывъ все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народомъ. Въ эти тяжелые дни, когда мы всѣ, русскіе, такъ страдаемъ, я шлю тебѣ отъ всего сердца этотъ совѣтъ, диктуемый жизнью и моментомъ времени, какъ любящій братъ и преданный русскій человѣкъ".

Могилевъ не могъ сохранить престолъ монарху. Его начальникъ штаба генералъ Алексѣевъ послалъ за нимъ 2 марта свою знаменитую телеграмму № 1878, въ которой передавалъ телеграммы трехъ Главнокомандующихъ съ просьбой объ отреченіи. Самъ генералъ Алексѣевъ не произноситъ этого слова. Наиболѣе независимый изъ Главнокомандующихъ, Великій Князь Николай Николаевичъ своими первыми словами открываетъ глаза на значеніе Алексѣева въ составленіи этого коллективнаго обращенія: "Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе..."

Искушенный въ дипломатіи, служившій потомъ у большевиковъ Брусиловъ пишетъ не Царю, а Алексѣеву: "Прошу васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ Родинѣ и Царскому Престолу"...

Генералъ Эвертъ ссылается на обстановку, которую ему "передалъ начальникъ Штаба Вашего Величества" и говоритъ, что "на Армію нельзя расчитывать при подавленіи без-

*) Совершенно особенное недовольство противъ Родзянко именно за то, что онъ вызвалъ и оставилъ Великаго Князя одного, — сильно высказывалось Его Императорскимъ Высочествомъ въ разговорѣ со мной.

**) Копія снята рукою Джонсона.

порядковъ". Изъ телеграммы видно, что Алексѣевъ раздѣляетъ эту мысль.

Въ то же время обстановка въ Петроградѣ мѣняется съ быстротой, которая не уступаетъ телеграфной передачѣ.

Авторитетъ Государственной Думы стремительно падаетъ. М. В. Родзянко пишетъ Великому Князю Михаилу Александровичу *):

"2 марта 1917 г. Теперь все запоздало. Успокоить страну только отреченіе отъ престола въ пользу наслѣдника при вашемъ регентствѣ. Прошу васъ повліять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично самъ вишу на волоскѣ и могу быть каждую минуту арестованъ и повѣшенъ.

Не дѣлайте никакихъ шаговъ и не показывайтесь нигдѣ· Вамъ не избѣжать регентства.

Да поможетъ вамъ Богъ исполнить мой совѣтъ — уговорить Государя.

Вашего Высочества всепреданнѣйшій слуга М. Родзянко".

Императоръ отрекается за себя и наслѣдника.

Много лѣтъ спустя, въ печати **) появились свѣдѣнія, что Государь послалъ Великому Князю со станціи Сиротино слѣдующую телеграмму:

№ 218.

Подана 3-го — 14 ч. 56 м. Передана Петроградъ 3-го 15 ч. 10 м.

"Его Императорскому Величеству. Петроградъ.

Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайній шагъ· Прости меня, если имъ огорчилъ тебя, и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда вѣрнымъ и преданнымъ тебѣ братомъ. Возвращаюсь въ Ставку, откуда черезъ нѣсколько дней надѣюсь пріѣхать въ Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебѣ и нашей Родинѣ. Твой Ники".

Эта телеграмма, какъ видно, была передана въ Петро-

---

*) Оригиналъ.
**) См. фотографію телеграммы № 3 журнала "Иллюстрированная Россія", стр. 5. Текстъ написанъ рукою Государя.

градъ, но Временное Правительство ее Великому Князю не доставило *). Послѣдній такъ никогда и не узналъ ея содержанія.

Историческій фактъ отреченья Великаго Князя освѣщается различно.

Совершенно достовѣрнымъ является свидѣтельство княгини Брасовой, что Великій Князь не признавалъ за Государемъ права отречься за наслѣдника, и потому не считалъ себя въ правѣ взойти на престолъ.

Въ частности, для тѣхъ, кто провелъ съ нимъ войну, нѣтъ мѣста объясненіямъ, что его остановили шальныя пули Петрограда. Великій Князь привыкъ совсѣмъ не къ такому огню. Онъ никогда не останавливался передъ опасностью.

Два министра уговаривали Великаго Князя принять корону: Милюковъ и Гучковъ. Напротивъ, Родзянко, кн. Львовъ и всѣ остальные стремились добиться его отказа отъ престола, указывали, что въ противномъ случаѣ всѣ офицеры и Члены Дома Романовыхъ будутъ немедленно вырѣзаны въ Петроградѣ, что уже вступая на тронъ онъ обагритъ его кровью. Какъ видно изъ подлинныхъ словъ — сильнѣйшее препятствіе Его Императорское Высочество видѣлъ въ нежеланіи министровъ (кромѣ двухъ) съ нимъ работать.

Смущенный незаконно доставшимся престоломъ, считая, что Правительство, противъ него настроенное, не дастъ ему возможности работать, Великій Князь, никогда ничего не искавшій для себя лично, отказался отъ короны, вѣря министрамъ, что въ этомъ благо Россіи. Великій Князь былъ совершенно одинъ; министры добивались немедленнаго рѣшенія, а странѣ и арміи не позволили узнать объ отреченіи Императора въ его пользу и высказать свое мнѣніе, оказать ему свою поддержку **).

---

*) Категоричексое заявленіе княгини Брасовой.

**) См. главу "Войска".

Исторія насъ учила, что въ спорныхъ случаяхъ монарховъ на престолъ возводили преданныя имъ войска. И тогда тѣмъ болѣе становится непонятнымъ, какую отвѣтственность за 1917 г. можно передвигать въ сторону Великаго Князя, окруженнаго враждебными министрами и враждебными бандами.

Такъ, по опредѣленію однихъ, Великій Князь принялъ свободное рѣшеніе, безъ всякаго давленія со стороны, а по мнѣнію другихъ, то же называется "взять мертвой хваткой".

Конечно, цѣль оправдываетъ средства. Великому Князю дается завѣреніе, что формы государственнаго строя будутъ опредѣлены на Учредительномъ Собраніи, а полгода спустя, въ порядкѣ декрета, Россія провозглашается республикой. Такъ были забыты демократическіе принципы, о которыхъ столь широко намъ возвѣщали.

Глубоко демократичнымъ выявилъ себя только одинъ Великій Князь. Онъ сказалъ Россіи *): "Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную Власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительное Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго".

Здѣсь снова проходитъ та же мысль: Великій Князь не считалъ себя въ правѣ взойти на престолъ по манифесту Государя, отрекшагося и за Наслѣдника.

Объявивъ свою волю, Великій Князь не покинулъ Россіи; онъ не только раздѣлилъ участь своего народа, но спокойно переносилъ эксцессы революціи, спеціально противъ него направленные.

Приказаніе о его первомъ арестѣ было отдано Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ 21 августа 1917 г. Оно было адресовано Главнокомандующему войсками Петроградскаго Военнаго Округа за № 580. Вотъ его копія:

"На основаніи п. 1-го постановленія Временнаго Правительства отъ 2-го сего августа о предоставленіи исключительныхъ полномочій Министрамъ Военному и Внутреннихъ дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію приказываю Вамъ съ полученіемъ сего задержать бывш. вел. кн. Михаила Александровича какъ лицо, дѣятельность котораго предсатвляется особо угрожающей оборонѣ Государства, внутренней безопасности и за-

*) См. Манифестъ 3-го марта.

военной революціей свободѣ, при чемъ такового надлежитъ содержать подъ строжайшимъ домашнимъ арестомъ, съ приставленіемъ караула, коему будетъ объявлена особая инструкція.

Настоящій приказъ объявить бывш. вел. князю Михаилу Александровичу и содержать его подъ арестомъ впредь до особаго распоряженія.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ Савинковъ".

Это приказаніе ярко характеризуетъ состояніе умовъ правящей группы того печальнаго времени за 2 мѣсяца до Октябрьской революціи. Могли ли они спасти Россію, если ихъ воображеніе искало опасности со стороны благороднаго рыцаря, одни подозрѣнія о которомъ оскорбительны для его памяти!

Почему же о дѣятельности, о которой говоритъ Савинковъ, не зналъ никто изъ близкихъ Великаго Князя, никто изъ тѣхъ, чьи имена приведены мной выше, которыхъ онъ зналъ и въ безграничной ихъ преданноти не могъ усумниться?

Великій Князь былъ арестованъ. Его освободили по предписанію Управляющаго дѣлами Временнаго Правительства № 8717 отъ 13 сентября 1917 г. на имя Главнокомандующаго Петроградскаго Военнаго Округа Г. П. Полковникова слѣдующаго содержанія *):

"Милостивый Государь, Георгій Петровичъ! Согласно приказанію Министра Предсѣдателя А. Ф. Керенскаго, имѣю честь увѣдомить, что Временное Правительство признало возможнымъ освободить великаго князя Михаила Александровича и его супругу отъ домашняго ареста. Въ случаѣ, если упомянутыя лица выразятъ желаніе отправиться въ Крымъ для свиданія съ находящимися тамъ членами бывшей императорской фамиліи, Министръ Предсѣдатель приказалъ оказать имъ всяческое содѣйствіе къ выѣзду изъ Петрограда безъ замедленія и съ предоставленіемъ имъ возможныхъ удобствъ.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности". Подпись.

Такимъ образомъ, передъ нами фактъ безспорный, что

*) Оригиналъ. На поляхъ помѣтка карандашемъ: "Полит. Къ исполненію. Г. М: Багратуни 15/IX.

Временное Правительство разрѣшило Великому Князю выѣхать въ Крымъ. Но онъ не пожелалъ воспользоваться этимъ правомъ и остался въ Гатчино. Здѣсь сравнительно спокойно проходятъ для него первые 4 мѣсяца большевицкой власти. Въ концѣ февраля большевики его арестовали и увезли въ Пермь.

31 мая 1918 года *) Великій Князь безслѣдно исчезъ въ Перми. Съ этого дня свѣдѣнія о его судьбѣ долго терялись въ догадкахъ. Было лишь достовѣрно извѣстно, что Джонсонъ раздѣлилъ его участь.

Вѣрнѣе всего было сразу предположить, что руки большевиковъ были обагрены его кровью. Они долго страшились показывать эти пятна, и только въ вышедшемъ въ 30-мъ году описаніи Быкова "Послѣдніе дни Романовыхъ", авторъ-большевикъ впервые подтвердилъ, что Великій Князь и Джонсонъ были разстрѣляны въ ночь похищенія около Перми, въ лѣсу, въ 6 верстахъ отъ Мотовилихи.

18

ВЕЛИКАЯ ПРОВОКАЦІЯ.

Совсѣмъ необычайно попасть послѣ буйнаго митинга въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ тишину монастырскихъ стѣнъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Только старшій писарь, тупой большевикъ, смотритъ на меня исподлобья, дѣлая видъ, что серьезно мной недоволенъ. Но едва проходитъ нѣсколько дней, какъ получаю телеграмму съ фронта отъ начальника Дикой Дивизіи князя Д. П. Багратіона: "Уходитъ Гатовскій. Не хочешь ли занять должность".

Гатовскій — начальникъ Штаба. Вернуться въ дивизію, къ своимъ, съ кѣмъ такъ много пережито, съ ними встрѣтить неизбѣжную катастрофу — это ли не идеалъ каждаго...

Отвѣчаю: "Съ восторгомъ". Половцовъ говоритъ: "Оставь, еще успѣешь. У меня для тебя другіе планы".

Не получая дальнѣйшихъ извѣщеній, начинаю безпокоиться.

Въ началѣ августа ко мнѣ является бывшій сослуживецъ,

*) По старому стилю.

способный, лучшій, незамѣнимый секретный сотрудникъ Петроградской контръ-развѣдки Я-нъ, тотъ самый, который ходилъ на Суменсонъ, а вообще получалъ самыя трудныя заданія и ихъ распутывалъ *). Онъ проситъ его перевести въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Я категорически отказываюсь, такъ какъ не могу себѣ представить, какъ можетъ безъ него обойтись контръ-развѣдка.

Послѣ ухода слѣдователя В. ея начальникомъ былъ назначенъ Мироновъ, довѣренный Керенскаго, чѣмъ осуществилось завѣтное желаніе Керенскаго, о которомъ мнѣ много разъ говорилъ, смѣясь, Балабинъ **).

Я-нъ сильно нервничаетъ. Выслушавъ мой отказъ, онъ говоритъ, что въ такомъ случаѣ просто оставитъ этого рода дѣятельность, которой въ новой обстановкѣ заниматься не можетъ ***).

— "Такъ я вамъ скажу, и вы сами увидите, въ какую исторію я сейчасъ влечу. Вчера Мироновъ приказалъ мнѣ познакомиться съ Милюковымъ и Родзянко и взять ихъ во "внутреннюю обработку".

Да, дѣйствительно, въ этой исторіи, куда онъ собирается "летѣть", безконечно далеко отъ преслѣдованія шпіоновъ и борьбы съ большевиками. Можно не соглашаться съ политическими убѣжденіями этихъ двухъ людей, но тратить на нихъ и безъ того небольшія силы, лучшія силы, направленныя противъ большевиковъ, значитъ — не отдавать себѣ отчета въ томъ, что происходитъ кругомъ. Захвативъ организацію, созданную коекакъ, съ большимъ трудомъ, принялись ее разрушать и передѣлывать въ органъ борьбы съ контръ-революціей, который за полгода не съумѣли построить, несмотря на всѣ старанія Совѣта.

Пусть такъ, но кто же займется нѣмцами и большевиками? На Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи 13 августа какъ

---

*) Мой предшественникъ полковникъ Якубовъ долженъ знать этого агента: Я — нъ изъ его состава контръ-развѣдки.

**) См.: "Петроградская трясина".

Было время, когда Керенскій хотѣлъ подчинить меня Миронову, но Балабинъ заявилъ, что между мной и имъ никого не допуститъ.

***) Не знаю, ушелъ ли онъ въ дѣйствительности.

ни высчитывалось заранѣе и большинство, и меньшинство, Россія все же многое узнала изъ того, что проходить на петроградскомъ плацдармѣ. Узнала многое, хотя далеко не все; а замкнутый кругъ лицъ, взявшихъ на себя отвѣтственность передъ страной, ясно увидѣлъ, правда, еще издалека, волну возмущенія, которая не преминетъ его смыть, когда докатится. Но у страха глаза велики. Угроза покзаалась многимъ гораздо ближе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. По опыту іюльскихъ дней они вернулись къ методу арестовъ вправо, наудачу.

22-го августа утромъ открываю газету и не могу опамятываться: Главнокомандующій арестовалъ Вел. Князя Михаила Александровича *).

Спѣшу въ Штабъ Округа, къ Главнокомандующему.

— "Вашимъ именемъ арестованъ Великій Князь. Да вѣдь онъ рыцарь, выше всѣхъ подозрѣній! Какъ допустили вы подобную несправедливость?!"

— "Вотъ такъ", прерываетъ меня Васильковскій, "какъ вы, именно вы, могли подумать, что я замѣшанъ въ эту исторію?! Вѣдь вы же хорошо знаете, что такіе аресты происходятъ безъ моего вѣдома. Я самъ узналъ объ этомъ сейчасъ, изъ газетъ, и возмущенъ не меньше вашего. Здѣсь рѣшительно все идетъ мимо меня".

— "Но какъ же вы можете мириться, что вашимъ именемъ продѣлываются такія вещи? Уйдите!"

— "Именно сегодня я и рѣшилъ уйти".

Въ Штабѣ Округа старые сослуживцы обступили меня, — перебивая другъ друга, они спѣшатъ подѣлиться своими маленькими, иногда характерными впечатлѣніями.

Начальникъ строевого отдѣленія не можетъ успокоиться, прежде чѣмъ не разскажетъ о новомъ, непріятномъ для него происшествіи съ Нахамкесомъ.

— "Какъ, опять Нахамкесъ! Все онъ же. Но вѣдь это такъ старо! Никуда отъ него не дѣнешься!"

— "Да вы послушайте. Мы выдаемъ пропуска на выѣздъ

*) Всего два дня тому назадъ я былъ у Великаго Князя въ Гатчино (см. главу: "Свѣтлой памяти Вел. Кн. Михаила Александровича").

въ Финляндію. Очередь, какъ всегда, занимаетъ всю лѣстницу и кончается на тротуарѣ. Является Нахамкесъ, не желаетъ ждать, требуетъ выдать пропускъ ему первому. Публика возмущается, волнуется. Я его — въ очередь, а Нахамкесъ — обратно. Я опять, а онъ — назадъ, и такъ нѣсколько разъ, пока я не сказалъ, что онъ такой же, какъ и всѣ другіе. Нахамкесъ грозитъ начальникомъ Штаба, уходитъ и, дѣйствительно, приводитъ Багратуни, который приказываетъ выдать разрѣшеніе на выѣздъ немедленно. Ну, думаю, хорошо, я жъ тебѣ устрою пропускъ! Выписываемъ ему фамилію Нахамкеса. Онъ вскипѣлъ, кричитъ: "Не Нахамкесъ, а Стекловъ!" Я кричу. "Не Стекловъ, а Нахамкесъ! Никакого Стеклова не знаю, а слѣдую точнымъ указаніямъ документовъ! Онъ опять къ Багратуни, снова его приводитъ, послѣ чего получаетъ свой билетъ подъ псевдонимомъ".

Повидимому, Багратуни еще разбирается... Въ наше время Нахамкесъ попалъ въ Штабъ всего одинъ разъ и не гулялъ такъ свободно по комнатамъ...

Ординарецъ Начальника Штаба — штабсъ-ротмистръ Гончаровъ, нашъ старый офицеръ — сильно взволнованъ. Онъ говоритъ, что всю ночь дежурилъ при Багратуни и самъ хотѣлъ, какъ разъ сегодня утромъ, притти посовѣтоваться со мной, что ему дѣлать. Всю ночь при немъ обсуждался планъ новыхъ репрессій. Рѣшено, что Савинковъ и Мироновъ ѣдутъ сегодня въ Ставку арестовать Лигу офицеровъ *). Вотъ это очень серьезный шагъ, который можетъ вызвать оглушительныя на всемъ фронтѣ послѣдствія. Въ порядкѣ растерянности, обвиняя офицеровъ въ контръ-революціи, они могутъ однимъ махомъ порвать послѣднія связи офицера съ солдатомъ...

Въ своихъ воспоминаніяхъ, на страницѣ 19, Савинковъ пишетъ, что по порученію Керенскаго долженъ былъ просить Корнилова только о переводѣ правленія Лиги офицеровъ изъ Ставки **). Но дальше, на стр. 21, у него самого вырывается вдругъ такая фраза: "Просьбу эту ген. Корниловъ уважилъ безъ возраженій, прибавивъ, что если въ Ставкѣ есть заговор-

*) Я не состоялъ членомъ этой Лиги.
**) "Къ дѣлу Корнилова" — Б. Савинковъ. 1919 г.

щики, то онъ арестуетъ ихъ своею властью". Слова самого Верховнаго Главнокомандующаго, что онъ арестуетъ "своею властью", наводятъ на мысль, что въ разговорѣ съ нимъ Савинкова шла рѣчь объ арестѣ и по инициативѣ какой-то другой власти. Но для меня эта фраза не представляетъ загадки, такъ какъ болѣе точное сообщеніе Гончарова, какъ увидимъ ниже, подтвердилось тогда же совсѣмъ инымъ и случайнымъ путемъ.

— "Но какъ же", спрашиваю я Гончарова, "они могутъ это продѣлать въ Ставкѣ? Какими силами?"

— "Вопросъ уже обсуждался, — черезъ могилевскій Совѣтъ солд. и рабочихъ депутатовъ".

Только этого не хватало! Разводить изъ Петрограда междоусобіе въ Ставкѣ!

Рѣшеніе мое принято немедленно: ѣду въ Могилевъ, предупрежу Лигу, буду просить Корнилова заявить протестъ Арміи на арестъ Великаго Князя. Наконецъ, узнаю, гдѣ же мой Штабъ Кавказской Туземной Конной Дивизіи. Только надо очень торопиться, чтобы поспѣть во-время.

Какъ разъ наканунѣ Половцовъ просилъ меня устроить ему на сегодня два мѣста въ поѣздѣ: онъ ѣдетъ въ Ставку выяснить вопросъ о своемъ назначеніи.

Звоню Половцову: "Уступи мнѣ одно мѣсто".

— "Съ удовольствіемъ".

Въ Генеральномъ Штабѣ беру отпускъ на три дня; оттуда спѣшу къ себѣ въ гостинницу "Асторія". Спускаюсь съ саквояжемъ и въ вестибюлѣ какъ разъ попадаю на генерала Васильковскаго.

— "Давайте подвезу", любезно останавливаетъ онъ меня.

— "Вотъ спасибо".

Садимся въ автомобиль

Васильковскій: "Куда ѣхать?"

Я: "На Царскосельскій вокзалъ".

Васильковскій поворачивается въ полоборота. Онъ застылъ: "Какъ, въ Ставку?"

— "Да".

Ѣдемъ.

— "Мнѣ какъ разъ надо на этотъ вокзалъ — провожать

Савинкова", начинает Васильковскій. "Вы, конечно, увидите Корнилова. Будьте добры, объясните ему положеніе, всѣ тѣ условія, въ которыя меня зажали. Скажите ему, что я ухожу изъ Главнокомандующихъ, ухожу вонъ — куда глаза глядятъ".

Я: "Съ удовольствіемъ".

Васильковскій: "Теперь дальше. Извѣстно ли вамъ, что съ этимъ поѣздомъ ѣдутъ въ Могилевъ Савинковъ и Мироновъ? Знаете ли вы, для чего они ѣдутъ? Такъ я вамъ скажу: они ѣдутъ арестовывать Лигу офицеровъ".

— "Вотъ какъ!" подаю я реплику, улыбаясь.

Васильковскій: "Нѣтъ, подождите. Я говорю серьезно. Я васъ прошу — какъ только попадете въ Могилевъ, немедленно предупредите Лигу. Вѣдь это же скандалъ на весь фронтъ!"

Я: "Непремѣнно. А теперь тоже по душамъ. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ. Кругомъ говорятъ о какихъ-то заговорахъ Корнилова. Правда ли это?"

Васильковскій: "Самъ я ни секунды не вѣрю. Но Временное Правительство увѣряетъ, что заговоръ дѣйствительно существуетъ, и что будто у него на этотъ предметъ самыя точныя свѣдѣнія".

Автомобиль останавливается.

На перронѣ встрѣчаю Половцова, товарища военнаго министра кн. Туманова, товарища морского министра Лебедева. Послѣдній тоже ѣдетъ съ нами

Поѣздъ отходитъ. Половцовъ сообщаетъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ кн. Тумановымъ.

— "Керенскій спрашиваетъ: куда ты провалился? Онъ ничего не можетъ понять, что происходитъ въ контръ-развѣдкѣ. Они съ нимъ рѣшили объединить всѣ контръ-развѣдки, создать одну новую организацію по всей Россіи и поручить ее тебѣ съ особыми правами".

— "Какъ!?" привскакиваю я на диванѣ.

— "Да ты не кипятись. Я уже за тебя отвѣтилъ, что ты только и мечтаешь вернуться въ Дивизію и никуда не пойдешь".

Дѣлюсь съ Половцовымъ моими свѣдѣніями. Меня больше всего заботитъ, какъ обогнать Савинкова и Миронова, находясь съ ними въ одномъ поѣздѣ. Ихъ, конечно, будутъ встрѣчать въ Ставкѣ казенные автомобили.

Половцовъ развиваетъ подробности нашей скачки:

— "Стоитъ ли ломать себѣ надъ этимъ голову! Ты примѣни старый туземный способъ — бери первый попавшійся автомобиль и дай шофферу четвертной билетъ".

На одной изъ промежуточныхъ станцій садимся пить чай: съ одной стороны мы съ Половцовымъ, а съ другой Савинковъ и Мироновъ.

— "Какъ, и вы ѣдете?" смотритъ на меня подозрительно Мироновъ.

Я: "Ужъ если кому удивляться, такъ это скорѣе мнѣ, что вы нашли время уѣхать изъ Петрограда".

На другой день на вокзалѣ въ Могилевѣ ,не ожидая остановки поѣзда, проношусь на крыльцо вокзала, влѣзаю въ первый попавшійся большой лимузинъ, даю озадаченному шофферу 50 руб. и говорю: "Къ генералъ-квартирмейстеру. Если поѣдете скоро, то успѣете вернуться".

Шофферъ сразу усваиваетъ всѣ аргументы. Не сомнѣваюсь. что онъ успѣлъ вернуться, такъ какъ дома и столбы замелькали въ окнахъ, а на поворотахъ насъ подбрасывало и качало, какъ по волнамъ океана.

Генералъ квартирмейстеръ генералъ Плющевскій-Плющикъ — близкій человѣкъ. онъ коренной офицеръ, одной со мной бригады. Но итти къ нему, а тѣмъ болѣе сразу къ Корнилову не хочу, такъ какъ рискую, что оба заняты, и потеряю время. Зато тамъ же страый другъ, полковникъ Мика Тихобразовъ. Вотъ этого захвачу сразу, безъ промаха. Ему и объяснять нечего, откуда и какъ пріѣхалъ. Пойметъ съ перваго слова.

— "Ну, Мика, предупреждай, кого слѣдуетъ". открываю дверь къ нему въ бюро. "Сейчасъ пріѣхали Савинковъ и Мироновъ. Имѣютъ заданіе арестсвать Лигу офицеровъ. Остальное потомъ".

Тихобразовъ исчезаетъ.

Не проходитъ и четверти часа, какъ онъ возвращается уже не одинъ ,а съ секретаремъ Лиги, капитаномъ Генеральнаго Штаба Роженко.

— "Всѣ уже предупреждены до нашихъ людей въ могилевскомъ Совѣтѣ включительно".

Теперь встрѣча вездѣ подготовлена; аресты, конечно, сорвутся. Идемъ къ Плющевскому-Плющикъ. Выполнить свою миссію Миронову онъ не допуститъ. О "заговорѣ" его офицеровъ горячо возмущенъ пущенными слухами. Эти офицеры ему слишкомъ близки, и никакого заговора нѣтъ.

Узнаю, что Кавказская Туземная Конная Дивизія развертывается въ корпусъ. Поэтому Гатовскій рѣшилъ остаться. Плющевскій-Плющикъ предлагаетъ мнѣ Штабъ 1-ой Дивизіи этого корпуса. Половцовъ совѣтуетъ отказаться: "Ты не знаешь Гатовскаго. Онъ вездѣ васъ подведетъ".

Я отказываюсь. Иду къ личному адъютанту Верховнаго Главнокомандующаго, штабсъ-ротмистру Корнилову; прошу его доложить Корнилову, что, попавъ въ Ставку случайно, я хотѣлъ бы ему явиться.

— "Конечно, онъ пожелаетъ васъ видѣть. Приходите прямо завтра утромъ. Я ему доложу", отвѣчаетъ адъютантъ.

Всю ночь напролетъ провожу у Тихобразова. Онъ пригласилъ еще кое-кого изъ офицеровъ. Наговорились на всѣ лады: все свои люди, откровенно, безъ свидѣтелей. Никакого заговора я не видѣлъ. Просто мои старые знакомые возмущались петроградскимъ хаосомъ, — никакъ не больше.

Утромъ меня принялъ Корниловъ. Мнѣ казалось, что онъ довѣрялъ мнѣ безоговорочно. Корниловъ служилъ когда-то въ Округѣ моего отца и сохранялъ о немъ теплыя воспоминанія. Это сразу внесло задушевную ноту въ его отношенія ко мнѣ еще въ Петроградѣ. Когда Лавръ Георгіевичъ уѣзжалъ опальный въ апрѣлѣ, то изъ старшихъ чиновъ Штаба провожать его пріѣхалъ я одинъ.

Верховный Главнокомандующій Корниловъ, пріѣзжая иногда въ Петроградъ, приглашалъ меня обѣдать въ свой вагонъ. При этихъ встрѣчахъ онъ и Плющевскій-Плющикъ, не стѣсняясь, высказывались при мнѣ съ полной откровенностью. Наконецъ, мой уходъ изъ Штаба Округа, о чемъ я ему разсказывалъ раньше, явно поставилъ меня въ ряды недовольныхъ. Поэтому я никакъ не могу допустить, что Корниловъ въ нашемъ разговорѣ хоть сколько-нибудь покривилъ душой.

Онъ встрѣтилъ меня словами:

— "А правда, въ Петроградѣ нельзя работать? Безцѣльно и безплодно!"

Настрадавшись передъ тѣмъ отъ петроградскаго безволія и вытекающей изъ него неописуемой безтолочи, Лавръ Георгіевичъ естественно видѣлъ единственное спасеніе Россіи именно въ упорядоченіи петроградской обстановки.

Мы сначала говорили о правительствѣ. Наконецъ, онъ спросилъ: "А чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?"

Я: "Покорнѣйше благодарю. Я уже кончилъ свои дѣла и сегодня возвращаюсь въ Петроградъ. Но вотъ о чемъ хочу васъ просить. Тамъ додумались арестовать Вел. Князя Михаила Александровича. Мнѣ не приходится докладывать вамъ о всей безсмыслицѣ этого шага. Не могли бы вы протестовать отъ имени Арміи?"

Корниловъ: "Уже сдѣлано. Вчера послалъ телеграмму Правительству съ протестомъ отъ всей Арміи".

Тогда я заговорилъ о Васильковскомъ, разсказалъ о его положеніи, сообщилъ, что онъ уходитъ, и тутъ поставилъ вопросъ ребромъ:

— "У министровъ такія свѣдѣнія, что вы составили заговоръ противъ Врменнаго Правительства".

При этихъ словахъ Корниловъ всталъ изъ-за стола, пошелъ къ боковой двери, быстро ее открылъ наружу, заглянулъ въ сосѣднюю комнату, очевидно, провѣряя, не подслушиваетъ ли насъ кто-нибудь; затѣмъ вернулся, сталъ передо мной и, судорожно сжавъ руки, сказалъ:

— "Только потому, что я не кидалъ бомбы въ Николая II, они меня считаютъ контръ-революціонеромъ. Видитъ Богъ, — никакихъ заговоровъ!" *).

Черезъ нѣсколько часовъ, когда я ожидалъ на Могилевскомъ вокзалѣ обратнаго поѣзда, прибылъ поѣздъ изъ Петрограда.

Изъ вагона вышелъ Львовъ. Мы даже успѣли поздороваться.

---

*) Для меня этого искренняго возгласа Корнилова навсегда достаточно.

Какъ произошла и въ чемъ заключалась провокація, изложено въ обширныхъ изслѣдованіяхъ *).

Я только вкратцѣ запишу выдержку изъ доклада Львова, прочитаннаго имъ осенью 1921 года въ Парижѣ, именно ту часть доклада, гдѣ Львовъ приводилъ свой разговоръ съ глазу на глазъ съ Корниловымъ.

Львовъ обратился за свиданіемъ къ Корнилову не прямымъ путемъ — черезъ адъютанта или начальника Штаба, а при помощи безотвѣтственныхъ ординарцевъ, рискуя быть непринятымъ, что едва и не произошло на самомъ дѣлѣ. Первая попытка увидѣть Корнилова черезъ этихъ ординарцевъ окончилась неудачей **).

А кто могъ подслушивать, когда Корниловъ рѣзко открылъ дверь въ моемъ присутствіи? Эти два штриха достаточно характеризуютъ отношеніе Корнилова къ его ординарцамъ. Попытку повторили. Бывшій министръ Львовъ явился къ Корнилову со словами: "Я къ вамъ отъ Керенскаго".

Въ отвѣтъ на первые вопросы Львова Корниловъ тщетно продолжаетъ требовать введенія въ тылу смертной казни.

Во второмъ разговорѣ со Львовымъ Корниловъ на поставленные ему вопросы высказываетъ мнѣніе о необходимости болѣе общихъ мѣръ: "Верховная Власть — Верховному Главнокомандующему, незавасимо отъ того, кто бы онъ ни былъ".

Львовъ предлагаетъ въ свою очередь:

— "А можетъ быть, просто Верховный Главнокомандующій — Предсѣдатель Временнаго Правительства?"

Корниловъ сразу соглашается и на слова Львова, посланнаго Керенскимъ: "Кто же, какъ не вы?" — Корниловъ киваетъ головой (буквальныя выраженія Львова). При этомъ для будущаго кабинета, о которомъ подымаетъ вопросъ опять-таки

---

*) Глава Верховной власти Керенскій въ своемъ описаніи рисуетъ тяжелую картину. La Révolution Russe, chapitre XVI. Всячески избѣгая точнаго вопроса, онъ старается любезнымъ обращеніемъ вытянуть что-нибудь изъ ничего не подозрѣвающаго Корнилова.

Затѣмъ онъ же, при разговорѣ съ Львовымъ ставитъ одного понятого въ темной комнатѣ за роялемъ, а другого — Козьмина — за дверью (стр. 314-322).

**) Львовъ собирается уѣзжать.

Львовъ, Корниловъ указываетъ только двѣ фамиліи: Керенскаго — министромъ юстиціи, Савинкова — военнымъ министромъ *).

При свиданіи съ ординарцами, Львовъ ихъ отождествляетъ съ Корниловымъ **). Замѣтимъ, что ординарецъ Завойко, даже онъ протянулъ Львову бѣлый листъ бумаги и предложилъ вызвать для составленія кабинета какихъ угодно политическихъ дѣятелей.

Теперь забудемъ о Львовѣ.

Остальное слишкомъ извѣстно. Керенскій предлагаетъ по аппарату подтвердить слова Львова, но не говоритъ, какія именно. Спѣшитъ "мнѣніе" Корнилова передать гласности, какъ окончательный ультиматумъ. Онъ не считается съ мнѣніемъ большинства министровъ; а Некрасовъ торопится распубликовать всевозможные циркуляры. Корниловъ, направившій передъ тѣмъ конную группу въ Петроградъ по соглашенію съ Керенскимъ и Савинковымъ для проведенія въ столицѣ военнаго положенія, неожиданно для начальниковъ этой группы, приказываетъ имъ свергнуть Верховную Власть.

Командиръ Кавказскаго Туземнаго коннаго Корпуса, князь Багратіонъ; начальникъ 1 Дивизіи, старый герой Бугскихъ уланъ, князь А. Гагаринъ; наконецъ, живые свидѣтели, въ эмиграціи разсѣянные, — всѣ они своими подвигами вписавшіе въ исторію дивизіи славныя конныя атаки: герои Доброполе — генералы кн. Г. Амилахори, кн. Т. Бековичъ-Черкасскій, полковникъ А. Гольдгааръ, цу-Бабина — генералъ Султанъ Келечъ-Гирей, Брына — генералъ Топорковъ и полковникъ М. Хорановъ, — всѣ они люди безупречнаго слова, всѣ старшіе начальники, Штабъ Корпуса, который я принялъ черезъ нѣсколько дней, и тогда, и потомъ, на Кавказѣ, за стаканомъ

*) Другихъ фамилій названо не было; но такъ называемый "выборъ" самого Корнилова потомъ почему-то считался недемократичнымъ.

**) Обвиненіе обычное: Корниловъ подписалъ нѣсколько воззваній пера Завойко! (Какъ будто Верховн. Главнокомандующій долженъ ставить свое имя только подъ тѣмъ, что пишетъ самъ!)

нина съ полной откровенностью свидѣтельствовали, что понятія не имѣли о "заговорѣ" и цѣляхъ похода *).

Я позволилъ себѣ зайти такъ далеко въ подробности своей поѣздки въ Могилевъ. Мнѣ хотѣлось разсказать, какъ я совсѣмъ случайно прошелъ наканунѣ выступленія въ самомъ сердцѣ такъ называемыхъ "заговорщиковъ", среди которыхъ всѣ были мои единомышленники и многіе старые друзья. Я нигдѣ не видѣлъ заговора, о которомъ до настоящихъ дней говорятъ, правда съ разными оттѣнками, но положительно всѣ, безъ исключенія, историческія описанія. Неужели такъ-таки ни Корниловъ, ни Плющевскій-Плющикъ, ни офицеры Лиги, ни въ Дикой Дивизіи, ни тогда, ни потомъ, никто не подѣлился бы со мной своимъ секретомъ! А мои собственныя впечатлѣнія? Я видѣлъ людей, увѣренность въ которыхъ измѣрялась годами и не одними словами. Мнѣ даже предложили Штабъ этой самой 1-ой Туземной Дивизіи.. Но заговоръ? Офицерскій заговоръ въ Ставкѣ? Корниловскій заговоръ?

Я категорически утверждаю, что его никогда не было.

Какая надобность мнѣ теперь скрывать это прошлое? Исторіи не передѣлаешь. Меня самого никто не считалъ заговорщикомъ, и мнѣ не въ чемъ оправдываться **).

Какіе и гдѣ еще могли зарождаться центры, — я не касаюсь. Кто и кому говорилъ, что такъ продолжаться больше не можетъ, и надо спасти Россію, — перечислять не стоитъ.

Если теперь въ чужихъ странахъ наблюдается недовольство правительствами, если отдѣльные люди говорятъ, что надо

---

*) Керенскій на стр. 309 говоритъ, что нѣкоторая часть „un certain nombre") — офицеровъ Дикой дивизіи была замѣшана въ заговорѣ. Горячо протестую. Это совершенно невѣрно: офицеры оставались въ высокой степени лояльны. Утверждать противное, значитъ, до сихъ поръ не понять нашей психологіи.

**) Въ 1937 г. явилась новая тенденція — отнести истоки "Заговора Корнилова" на апрѣль, когда промышленные круги приступили (замѣтимъ — совершенно лояльно и безъ вѣдома Корнилова) къ образованію фонда пропаганды и выборовъ въ Учред. Собраніе. Превратить ихъ черезъ 20 лѣтъ въ заговорщиковъ (вопрки протестовъ главы группы А. И. Путилова) и пришить къ нимъ Корнилова — такова новая заплата, бѣлыми нитками наметанная. Говорю "бѣлыми", т. к. въ разсказахъ объ "оргіяхъ" и "деньгахъ на возстаніе" самыя даты указываютъ, что деньги вытаскивались не подъ "заговоръ Корнилова", а подъ соглашеніе "Керенскій — Корниловъ", бесѣды же отдѣльныхъ лицъ — за дальностью времени принимаютъ причудливыя формы заговоровъ "организацій".

убрать правительство, если всякаго рода лица вездѣ кружатся вокругъ большихъ людей, то это далеко не значитъ, что составился "заговоръ".

Въ обстановкѣ революціи на повышенную нервность все казалось острѣе. Именно, къ большому сожалѣнію, заговора-то не было; его повели бы немного иначе. Онъ померещился взвинченному воображенію тѣхъ, кто имѣлъ всѣ основанія ждать гигантскаго сдвига. Соглашеніе Керенскій — Корниловъ неизбѣжно взорвалось. Ударъ предупредили; для этого не остановились ни передъ какими способами, ни передъ какой цѣной; а услышавъ о конной группѣ, перепугались до смерти и спасались ложью и клеветой.

Какъ только прошелъ первый слухъ о выступленіи, физіономія улицъ Петрограда сразу измѣнилась: рабочихъ и солдатъ стало меньше; а тѣ, кто еще гулялъ, замѣтно преобразились — враждебные взгляды исчезли. Что же касается солдатъ, то, къ нашему большому удивленію, часть изъ нихъ начала отдавать офицерамъ честь.

Сильный своей чистой совѣстью, Корниловъ издалека, еще изъ Могилева, заглянулъ въ совѣсть мятущагося петербуржца, и пока каждый былъ одинъ, внѣ посторонняго вліянія, онъ сталъ подтягиваться. Но такое настроеніе продолжалось всего нѣсколько часовъ, пока не былъ заведенъ аппаратъ пропаганды.

Совѣтъ с. и р. депутатовъ обуяла паника.

Всѣ силы Совѣта, большевики, кронштадтцы, — все объединилось, все закружилось. Для агитаціи самъ министръ Черновъ помчался на фронтъ — въ Павловскъ. Товарищи-кронштадтцы прибывали занимать отвѣтственные участки фронта, а для охраны Зимняго Дворца и Керенскаго были призваны самые большевиствующіе матросы, съ крейсера "Аврора", того самаго крейсера, который два мѣсяца тому назадъ прислалъ извѣщеніе Керенскому, что онъ будетъ убитъ.

Страхъ толкнулъ на все, чтобы добиться быстраго успѣха. На второй день похода на углахъ улицъ появились отпечатаные портреты Корнилова съ трафаретнымъ текстомъ о "помѣщикахъ-реставраторахъ" при заголовкѣ: "Смертная казнь врагу народа". Тутъ же объяснялось, что конную группу, направленную, какъ извѣстно, къ Петрограду, по соглашенію съ

Керенскимъ, Корниловъ снялъ съ фронта единолично и тѣмъ открылъ фронтъ нѣмцамъ *).

Помню толпу на Дворцовой площади: два матроса, ободряемые слушателями, объясняли товарищамъ, что Корниловъ хочетъ ввести крѣпостное право.

Мощная телеграфная централь разносила циркуляры по всѣмъ концамъ Россіи, представляя Корнилова, какъ разъ обратно тому, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Подъ напоромъ этихъ разъясненій, противорѣчащихъ истинѣ, массу перебросило влѣво. Вотъ только этого, одного этого добились агитаціей. И отнюдь не большевики, ни всѣ, кто былъ съ ними и кто ихъ призывалъ, спасли защитниковъ Петрограда. Имѣя противъ себя боевые конные полки, нельзя было и думать запереть импровизированными бандами громадный периметръ столицы. Такъ называемая "оборона" продолжалась четыре дня. Простоявъ всего нѣсколько часовъ, участки начали разлагаться сами собой. Какіе же то были воины, безъ дисциплины, разнузданные и не умѣющіе обращаться съ оружіемъ. Къ тому же имъ просто хотѣлось ѣсть, а довольствіе налаживалось съ большими трудностями.

Для петроградскаго гарнизона число наступающихъ на него полковъ было подавляющее. Учетъ силъ въ гражданской войнѣ — особенный; онъ болѣе чѣмъ когда-либо зависитъ не отъ числа, а отъ психики, наконецъ, отъ своихъ резервовъ, которые наступающій находитъ впереди — на территоріи противника. Въ августѣ же 1917 г. этотъ психологическій коррективъ былъ еще сильнѣе, потому что петроградская толпа солдатъ, такъ поддававшаяся паникѣ, еще не была достаточно обработана для упорной гражданской войны.

Если казаки корпуса Крымова начали мѣстами останавливаться по разнымъ совѣтамъ, а верхи Штаба Петроградскаго Округа лихорадочно работали по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ Ливеровскаго, задерживая поѣзда, то совсѣмъ не такъ обстояло съ Туземнымъ Коннымъ Корпусомъ. Онъ остановился просто по-

---

*) Соглашеніе Керенскій — Корниловъ было извѣстно не только Савинкову, но и другимъ министрамъ, до Скобелева включительно, въ частности, министру пут. сообщ. П. П. Юреневу, нынѣ живущему въ Парижѣ.

тому, что, выступивъ безъ всякаго заговора, его начальникамъ еще импонировала идея Петроградской Верховной Власти. Они не знали нашей трагедіи и тѣмъ болѣе не представляли, что Зимній Дворецъ занятъ экипажемъ "Авроры".

— "Ну, какъ мы могли разобраться, кто изъ нихъ правъ?" волнуясь ,объясняли они мнѣ на другой день. "Одинъ Верховный Главнокомандующій, другой — военный министръ, предсѣдатель Правительства — Верховная Власть. Откуда же мы знали, что у васъ ея давно нѣтъ!"

— "Только помни и когда-нибудь запиши", говорилъ мнѣ, стараясь утѣшить самого себя, нынѣ покойный командиръ Татарскаго полка князь Ленко Магаловъ, вышедшій съ полкомъ въ Красное Село: "Татарскій конный полкъ не послалъ своихъ делегатовъ Совѣту с. и р. депутатовъ".

Послѣ взрыва, Половцевъ получилъ командира этого Кавказскаго Туземнаго коннаго Корпуса.

— "Ну, вотъ, видишь", сообщаетъ онъ мнѣ, "говорилъ тебѣ, что успѣешь получить свой туземный Штабъ. Теперь поѣзжай принимать его на станцію "Дно".

Какъ нельзя кстати. Кругомъ меня тучи сгустились, казалось, безпросвѣтныя. Уже не зналъ, куда переѣзжать: отрядъ моряковъ Балтійскаго флота въ дни Корниловскаго наступленія ночью "расчистилъ" гостинницу "Асторія". Я случайно задержался въ городѣ у знакомыхъ. Швейцаръ — мой старый агентъ — увѣрялъ, что только я одинъ отсутствовалъ; искали по всѣмъ номерамъ, а въ газетахъ написали о "контръ-револющіи", которая ушла, демонстративно оставивъ всѣ ящики открытыми. Ящики я, дѣйствительно, засталъ перевернутыми.

Корпусъ потрясенъ. Офицеры, джигиты, всѣ волнуются. Въ довершеніе всего, Правительство пообѣщало ихъ отправить на Кавказъ ,но приказа объ этомъ что-то не видно. Довольствіе на мѣстныя средства принимаетъ угрожающую форму. Подношенія отъ "благодарныхъ жителей" учащаются.

7 сентября, на разсвѣтѣ черезъ станцію "Дно" проходилъ поѣздъ новой Директоріи: Керенскій, адмиралъ Вердеревскій и генералъ Верховскій.

Керенскій ѣхалъ въ Ставку Верховнымъ Главнокомандую-

щимъ и Предсѣдателемъ Временнаго Правительства, т. е. пунктуально была воспроизведена та конструкція власти, о которой Корниловъ говорилъ: "Независимо отъ того, кто бы онъ ни былъ".....

Половцовъ приказалъ мнѣ сѣсть въ этотъ поѣздъ и убѣдить Керенскаго отпустить на Кавказъ развалившійся Корпусъ.

На перронѣ меня увидѣлъ Верховскій и пригласилъ къ себѣ въ вагонъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ всемѣрно поддерживалъ Керенскаго, за что и получилъ генерала и постъ военнаго министра и портфель члена Директоріи.

Верховскій съ мѣста началъ мнѣ говорить:

— "Вотъ Корниловское дѣло: лучшіе военные люди. Какія громкія имена! Это совсѣмъ не возстаніе, а простое недоразумѣніе!"

Затѣмъ состоялось мое послѣднее свиданіе съ Керенскимъ. При немъ присутствовалъ Барановскій, явно подавленный генеральскими погонами, которыя ему нацѣпили "за усмиреніе возстанія Корнилова". Керенскій сразу согласился отпустить Корпусъ на Кавказъ; а затѣмъ самъ заговорилъ на жгучую тему. Онъ сказалъ:

— "Я знаю, Петроградъ можно было взять однимъ кавалерійскимъ полкомъ".

— "Двумя эскадронами", поправилъ я его.

Керенскій: "Согласенъ. Но только потомъ что? Никакой оппозиціи не было, а было всего только нѣсколько виновныхъ". А дальше всему происшедшему онъ старался придать видъ незначительности

16 сентября мы съ Половцовымъ уѣхали вслѣдъ за Корпусомъ на Кавказъ.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ на Корниловске выступленіе склонны смотрѣть, какъ на причину нашей катастрофы. Все, будто бы, устраивалось прекрасно, какъ вдругъ Корниловъ испортилъ.

На фронтѣ послѣ введенія закона о смертной казни было замѣтно нѣкоторое оздоровленіе. Но сколько еще требовалось времени, чтобы можно было упразднить всевозможные комитеты, комиссаровъ и поднять дисциплину? Корниловъ требовалъ "теперь". Правительство говорило: "нѣтъ, потомъ". Это на фронтѣ. Ну, а какъ же съ тыломъ, разрушившимъ Армію?

Здѣсь, къ сожалѣнію, изъ разборовъ обыкновенно выпадають два тезиса:

1. Въ Петроградѣ Вр. Правительство могло держаться только до перваго выступленія большевиковъ *).

2. Выступленія большевиковъ de facto были назначены нѣмцами **).

Если вернуть эти двѣ фигуры (тезиса) на шахматную доску 1917 г., то событія конца августа получатъ только относительное значеніе и уже рубежа не дадутъ.

Эти двѣ фигуры отчеканилъ Петроградъ въ дни іюльскаго возстанія. Чтобы ихъ разбить, важно было бы послѣдовательно опровергнуть матеріалы, мною представленные въ этой книгѣ; въ противномъ случаѣ вопросъ все будетъ трактоваться внѣ реальныхъ условій нашей столицы.

Вспомнимъ, какъ неотдѣлимо отъ Петрограда было Врем. Правительство, часть котораго была изъ Совѣта. При такой связи, соглашеніе Керенскій-Корниловъ было построено на такихъ страстныхъ противорѣчіяхъ, что оно неминуемое привело къ острому столкновенію.

Неосторожно было и расчитывать въ августѣ вводить свѣжія войска, чтобы проводить чрезвычайныя положенія: только-что, въ іюлѣ, части отряда Мазуренко, оставшіяся въ Петроградѣ, — исчезли въ омутѣ!

Значитъ, быстрая, т. е. конная атака извнѣ. Но когда? Когда фронтъ и Россія осознаютъ ея необходимость? Не успѣемъ, т. к. нѣмцы торопятъ съ іюля мѣсяца. Да и кругомъ этого вопроса мы топтались восемь мѣсяцевъ, и какъ-то выходило, что, по разнымъ причинамъ, но ни одинъ отрядъ съ фронта изъ трехъ (ген.-адъютантъ Ивановъ, Крымовъ, Красновъ) не дошелъ до столицы.

Намъ говорятъ, что Корниловъ посягнулъ на Верховную Власть, помѣшалъ новой политикѣ.

Мысль о сверженіи власти подалъ вовсе не Корниловъ, Она была усвоена въ февралѣ и іюлѣ.

---

*) См. "Обреченные"; мнѣніе перечисленныхъ въ этой главѣ должностныхъ лицъ и его обоснованіе.

**) См. "Въ музей Ленина".

А политика?

Если арестовать Вел. Кн. Михаила Александровича, посылать лучшаго агента слѣдить аз Милюковымъ и Родзянко, быть изысканно предупредительнымъ съ Нахамкесомъ, ѣздить въ Ставку арестовывать офицеровъ, систематически въ августѣ выпускать изъ тюремъ большевиковъ и этими мѣрами думать спасти Россію отъ большевиковъ, то Богъ съ ней, съ такой политикой!..

Какъ именно наступилъ конецъ, это уже не существенныя мелочи.

Тотъ же тѣсный кружокъ, составивъ лѣвый предпарламентъ, продолжалъ спорить и переѣзжать изъ дворца во дворецъ, а Троцкій все заводилъ свои отряды въ полкахъ, развивалъ свою организацію.

Наконецъ, нѣмцы назначили октябрьскій рубежъ; большевики немного пострѣляли у Зимняго Дворца и оффицально извѣстили, что Временнаго Правительства уже давно нѣтъ.

19

ВЪ МУЗЕЙ ЛЕНИНА

Свѣдѣнія о Ленинѣ тщательно собираются въ Институтѣ Ленина. Тамъ они искусно фильтруются и обрабатываются испытанными коммунистами, занятыми возведеніемъ историческаго монумента.

Я не ставлю себѣ задачей представить законченную фигуру современнаго Атиллы или погружаться въ изслѣдованіе теоріи большевизма. Я также далекъ отъ мысли лишать дѣятельность Ленина того громаднаго значенія, которое она пріобрѣла въ развитіи революціи и особенно въ закрѣпощеніи русскаго народа. Мнѣ предстоитъ лишь занести на карту только тѣ звенья его пути, которыя, попадая подъ прожекторъ контръ-развѣдки, вызывали ея пристальное вниманіе.

Возстановимъ прежде всего старую "регистраціонную карточку". Ленина. Будемъ пользоваться для этого только документами его старыхъ сотрудниковъ.

Среди нихъ мы найдемъ извѣстныя подробности раскола,

внесеннаго Ленинымъ въ соціалъ-демократическую рабочую партію послѣ его выѣзда въ 1900 году за границу.

Начиная съ 1902 года, тактическія разногласія въ партіи, а за ними принципіальныя расхожденія все заострялись. Меньшевики провозглашали нѣмецкую идею лойяльнаго марксизма въ формѣ открытаго движенія съ предоставленіемъ рабочимъ массамъ широкой самодѣятельности. Напротивъ, Ленинъ въ конечномъ результатѣ рѣзко настаивалъ на узко-заговорщицкомъ характерѣ всей работы: вопреки своимъ брошюрамъ — фактически отвергалъ временныя совмѣстныя дѣйствія съ другими классами и группами, революціонно настроенными; организовывалъ вооруженныя экспропріаціи; призывалъ къ немедленному вооруженному возстанію.

Перечитывая старыя брошюры того времени, переходя отъ съѣздвъ къ конференціямъ, созываемымъ за границей, до войны, мы, въ подлинномъ смыслѣ слова, съ первой страницы до послѣдней не выходимъ изъ уголовной хроники.

Передъ нами проходятъ страстныя пренія, угрозы разоблаченія, подробности безконечной тяжбы о деньгахъ и партійномъ имуществѣ, систематически путемъ обмана захватываемыхъ Ленинымъ и его большевицкимъ новоявленнымъ центромъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ редакціи Мартова — виднаго меньшевика *).

На первыхъ шагахъ своего образованія "Большевицкій центръ отнялъ у Центральнаго Комитета громадную сумму" денегъ.

Изъ года въ годъ отношенія Ленина къ общей партійной кассѣ пышно развиваются все въ томъ же направленіи.

Большевицкіе делегаты на Лондонскій съѣздъ были собраны "при помощи громадныхъ денежныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ редакціей "Пролетарія" — Ленинымъ путемъ конфискаціи средствъ, переданныхъ на общественныя цѣли".

Тотъ же съѣздъ поручаетъ Центральному Комитету партіи произвести разслѣдованіе о "значительной суммѣ, открыто со-

---

*) Мартовъ — "Спасители или упразднители". Парижъ. Изданіе 1911 г. — стр. 3, 18, 20, 21, 31, 35; 36; 40 и 46.

Въ настоящей главѣ въ кавчкахъ приведены подлинныя выраженія соотвѣтственныхъ источниковъ.

бранной отъ имени партіи на ея нужды въ Америкѣ, переданной видному дѣятелю большевицкаго центра и безслѣдно исчезнувшей".

Деньги, оставленныя партіи послѣ смерти жертвователя въ Англіи, "экспропріируетъ Большевицкій центръ".

Слѣдуетъ третейскій судъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Примѣрамъ нѣтъ числа.

Обличенный на пленарномъ собраніи Ц. К. въ 1910 г. въ Парижѣ, Ленинъ за возвратъ денегъ требуетъ отступного. Разоблачаемый на каждой конференціи, онъ вынужденъ давать всевозможныя обѣщанія, вродѣ — вернуть часть денегъ въ 3 года, оставить деньги держателямъ, обращать доходы отъ изданія центральнаго печатнаго органа въ партійную кассу и т. д.

Всѣ подобныя резолюціи вырабатывались, голосовались, записывались; но, какъ принято говорить въ такихъ случаяхъ, оставались на бумагѣ.

Приведенная выше система финансированія большевицкой секціи сопровождалась "подтасовкой и подлогами офиціальныхъ документовъ". Мартовъ называетъ эти пріемы "вопіющими фактами сознательнаго извращенія истины, совершенные большинствомъ редакціи" Ленина. Далѣе, по Мартову, пресловутый секретарь редакціи, Зиновьевъ, третировался, какъ всѣмъ извѣстный фальсификаторъ, котораго не стала бы терпѣть ни одна уважающая себя "буржуазная газета".

Названный порядокъ офиціально продолжался до 1914 г., пока, по указанію Ленина, большевикъ Сѣмашко не унесъ въ новый фиктивный Комитетъ всю кассу партіи. Къ этому же времени относится окончательный захватъ Ленинымъ типографіи и остального имущества партіи.

Факты и документы зафиксированы Мартовымъ въ 1911 году. Они отражаютъ настроенія политической группы изъ партіи меньшевиковъ, стоящихъ вправо отъ Ленина.

Перейдемъ къ заявленіямъ большевиковъ, занимавшихъ крайнія лѣвыя позиціи въ самой секціи большевиковъ, а именно тѣхъ, кто болѣе категорически отвергалъ легальныя возможности работы, тѣхъ, кто стоялъ въ рѣзкой оппозиціи меньшевикамъ и Мартову. Я имѣю въ виду длинное воззваніе группы

"Впередъ", выпущенное въ Парижѣ въ февралѣ 1910 г. *).

Передъ нами обвинительный актъ Ленину, составленный ортодоксальными большевиками. Существо обвиненія и форма видны изъ слѣдующихъ выраженій воззванія: "За послѣдніе два года не дано было организаціямъ ни одного денежнаго отчета; истрачены были сотни тысячъ".

"Подотчетное завѣдываніе матеріальными средствами превратилось въ безконтрольное хозяйничанье безотвѣтственныхъ лицъ".

"Дѣло доходило даже до фальсификаціи документовъ, уже разоблачавшейся въ партійной печати"...

"Мы заявляемъ, что не хотимъ участвовать во всей этой панамѣ".

Дѣла партійныя, денежныя дѣла; зарегистрируемъ еще одно, заимствованное изъ внѣшней корреспонденціи и прогремѣвшее одновременно съ исторіей Степана Лбова **).

Въ 1907 году военно-техническое бюро Центральнаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической партіи, состоявшее изъ большевиковъ, заключило договоръ съ пермской "дружиной" разбойника Лбова.

Послѣдняя именовалась Пермскимъ революціоннымъ партизанскимъ отрядомъ, но въ дѣйствительности занималась грабежомъ и разбоемъ на Уралѣ. По договору, составленному "на бланкѣ Ц. К.", но безъ вѣдома послѣдняго, большевики обязывались поставить Лбову транспортъ оружія. Деньги — 10.000 рублей, были получены большеивками впередъ, но оружіе доставлено не было. Самъ Лбовъ былъ пойманъ и повѣшенъ; но одинъ изъ его "дружинниковъ", по прозвищу Сашка Лбовецъ, пріѣхалъ въ Парижъ требовать деньги обратно. Разыгрывается очередной конфликтъ.

---

*) Лидеромъ группы былъ Г. А. Алексинскій. Изъ видныхъ большевиковъ къ нему примыкали: Менжинскій, Богдановъ, Домовъ, Лядовъ, Луначарскій, Мануильскій.

Полный текстъ воззванія см. синюю брошюру группы "Впередъ". Изд. 1910 г.

**) Tatiana Alexinsky — „Souvenirs d'une socialiste russe" — „La grande revue", 1923, page 623.

Вышеназванная брошюра Мартова, — стр. 21 и 22.

Сашка Лбовецъ выпускаетъ прокламацію, обвиняя большевицкій центръ "въ присвоеніи денегъ, принадлежавшихъ Лбовцамъ *). Ленинъ рѣзко обрушивается на Лбовцевъ. Спеціальная комиссія производитъ разслѣдованіе; она выносить постановленіе вернуть деньги дружинѣ.

Исторія очень старая, такая же, какъ всѣ другія. О нихъ, обо всѣхъ высказалъ свое мнѣніе Плехановъ, основоположникъ научнаго соціализма въ Россіи. Всѣми силами стремясь не допустить раскола партіи, онъ первое время покровительствовалъ Ленину; потомъ оставался съ меньшевиками, а въ 1908 году отошелъ и отъ послѣднихъ.

20 іюня 1914 г., на засѣданіи конференціи, созванной Интернаціональнымъ Соціалистическимъ Бюро въ Брюсселѣ, Плехановъ открыто заявилъ, что "главная причина непримиримости Ленина заключается въ томъ, что онъ не желаетъ выпустить изъ своихъ рукъ партійныхъ денегъ, часть которыхъ имъ была захвачена воровскимъ способомъ **). Конференція постановила разобрать дѣло въ августовскую сессію въ Берлинѣ ***).

Замѣтимъ, что передъ нами именно тотъ случай, когда не конечная цѣль оправдывала средства: денежные подлоги возникли съ самаго начала, когда еще разногласія въ партіи сводились къ несущественнымъ тактическимъ подробностямъ.

Именно поэтому мы ихъ приводимъ въ первую очередь.

Деньгами большевицкаго центра вѣдали только Ленинъ лично и его жена Крупская. Даже секретарь редакціи Зиновьевъ не допускался къ кассѣ.

Приведенныя справки изъ уголовной хроники имѣли свое значеніе для контръ-развѣдки во времена давно прошедшія. Ими заканчивалась первая страница регистраціонной карточки Ленина. Слишкомъ блѣдными выглядятъ теперь эти нѣсколько

---

*) Г. А. Алексинскій разсказывалъ мнѣ, что распространеніемъ этой прокламаціи усердно занимался Менжинскій бывшій предсѣдатель коллегіи Г. П. У.

**) Заявленіе было сдѣлано въ присутствіи Вандервельде, Гюеманса, Каутскаго. Розы Люксембургъ и другихъ. См. вышеназванныя воспоминанія Т. И. Алексинской, стр. 86 и 87. Тоже: Спиридовичъ: "Исторія большевизма въ Россіи", стр. 261.

***) Сессія не состоялась вслѣдствіе объявленія войны.

безсвязныхъ линій, выхваченныхъ изъ контура Ленина. Ихъ давно покрыли потоки крови и грязи, всѣмъ извѣстные.

Тѣмъ не менѣе, мы извлекли на свѣтъ эту карточку, такъ какъ линіи пріобрѣтаютъ иной смыслъ, если ихъ связать слѣдующими показаніями тѣхъ же современниковъ:

"Ленинъ субсидировалъ членовъ Ц. К., чтобы имѣть ихъ голоса *).

Члены Ц. К. получали жалованье отъ Ленина. Неугодные его лишались. Такая непріятность едва не произошла съ самимъ Каменевымъ, когда онъ не въ мѣру увлекся неугодными философскими вѣяніями, но во-время спохватился, а для сохраненія своего платнаго мѣста вынужденъ былъ раскаяться въ печати **).

Въ 1908 году, передъ съѣздомъ въ Женевѣ, Зиновьевъ подтвердилъ, что польскіе делегаты поддержатъ Ленина, такъ какъ имъ заплатятъ "немного больше" ***).

Мартовъ пишетъ: "Только опираясь на эти средства, Ленинъ могъ удерживать диктатуру, оказывая давленіе на партію силою денегъ ****).

Въ упомянутомъ выше воззваніи большевиковъ группы "Впередъ" мы читаемъ: "Поскольку же большевицкому центру надо было воздѣйствовать на общественное мнѣніе партіи, онъ старался дѣлать это путемъ денежной зависимости, въ которую онъ ставилъ какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и цѣлыя организаціи большевицкія, и не только большевицкія".

Сила денегъ! Сила убѣжденій!

Контръ-развѣдка дѣлала свои выводы. Еще на первыхъ ступенькахъ своей длинной лѣстницы, по которой спускался Ленинъ, деньги, деньги, добытыя, по словамъ Плеханова, "воровскимъ способомъ", деньги поставили его въ исключительное по своему значенію исходное положеніе. Онѣ оплачивали его печатныя изданія и штатъ партійныхъ работниковъ; онѣ дѣлали его хозяиномъ организаціи за границей и въ Россіи. Эти же

---

*) T. Alexinsky. — „Souvenirs d'une socialiste russe" — p. 450.
**) T. Alexinsky — „Souvenirs d'une socialiste russe" — p. 455.
***) То-же — стр. 451.
****) "Спасители или упразднители", изд. 1911г., стр. 36.

деньги обезпечивали его существованіе, какъ бы скромно оно ни было.

Деньги привели къ такому положенію, при которомъ, по выраженію Мартова, "въ оппозиціи Ленину большевики не смѣли итти дальше бунта на колѣняхъ".

И какъ разъ обратное значеніе въ тѣ далекія времена сыграла "сила" ленинскихъ убѣжденій: отъ него разбѣжались всѣ и все, сколько-нибудь индивидуальное, сохранившее къ себѣ уваженіе. Силы убѣжденій не оказалось прежде всего потому, что предпосылки бланкизма, нечаевщины, максимализма, изъ которыхъ они слагались, рѣшительно не отвѣчали обстановкѣ: до войны не было въ Россіи почвы для ихъ развитія.

У Ленина на жалованіи остались наименѣе уважаемые, наиболѣе неспособные, а подчасъ и вовсе несомнительные люди. Иначе и быть не могло, если принять во вниманіе крайнюю нетерпимость Ленина къ чужому мнѣнію. Раскаленной желѣзной полосой проходитъ она черезъ всю его жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, а отнюдь не только въ образованіи его политической концепціи.

Чтобы судить объ интеллектуальномъ уровнѣ послѣдователей Ленина, припомнимъ, что первымъ ученикомъ, или во всякомъ случаѣ однимъ изъ первыхъ, какъ за границей, такъ и въ 1917 году въ Россіи, былъ Каменевъ. Обладая нѣкоторыми ораторскими способностями, большимъ багажомъ чужихъ идей, Каменевъ отличался чрезвычайной робостью не только въ прямомъ смыслѣ, но робостью высказыванія своихъ сужденій. Предоставленный самому себѣ, онъ сдавалъ позиціи, а какъ политическая сила въ Совѣтѣ Таврическаго Дворца, представлялъ пустое мѣсто.

Техническую работу Центра вела жена Ленина — Крупская. Плохой организаторъ, Ленинъ нашелъ въ ней несомнѣнныя организаціонныя способности. Искать въ Крупской чего-либо индивидуальнаго — задача неблагодарная, чтобы не сказать большаго. "Женщина хитрая, очень ловкая, безталанная, ничтожная", — такъ рисуетъ ее Т. И. Алексинская, помогавшая ей нѣкоторое время, но быстро отъ нея отшатнувшаяся *).

*) Excelsior — 10 Septembre 1922.

Изъ членовъ Центра, работавшихъ въ Россіи, выдвигался Рыковъ. Этотъ ѣздилъ къ Ленину, получалъ указанія, деньги и мужественно возвращался въ Россію — въ объятія охраны. Въ 1917 году за ослушаніе едва не былъ исключенъ изъ партіи. Слабый удѣльный вѣсъ его извѣстенъ.

Таковы первые ученики первой большевицкой аудиторіи. Быть ея учителемъ не могло составить славы. Именно въ этой аудиторіи Ленинъ годами завоевывалъ авторитетъ и проявлялъ свою тиранію.

Въ 1904 году Троцкій писалъ такъ: "Тамъ, гдѣ надо было связать, скрутить, накинуть мертвую петлю, тамъ на первомъ мѣстѣ выступалъ Ленинъ" *).

Сталинъ не былъ изъ "первыхъ" по развитію; зато выдѣлялся самомнѣніемъ и аморальностью.

Охранное отдѣленіе окружило эту организацію тѣснымъ кольцомъ провокаторовъ. Имена: Малиновскаго, Шурханова, Черномазова, Романова, Житомирскаго давно преданы широкой гласности. Я назвалъ только нѣсколькихъ изъ тѣхъ, кого полиція ввела въ Центръ. Множество другихъ, разбросанныхъ по Россіи, обнаружились впослѣдствіи или просто пропали безъ вѣсти. Въ одномъ Петербургскомъ Комитетѣ изъ 7 членовъ 3 состояли на службѣ у полиціи.

Провокаторы пользовались довѣріемъ Ленина наперекоръ чужимъ мнѣніямъ **). Они въ корнѣ подрывали его революціонную работу, которая имѣла въ основѣ, какъ упомянуто выше, заговорщицкій характеръ. Провокаторы подталкивали Ленина на эксцессы, которые вызывали неизбѣжныя репрессіи Министерства.

Директоръ Департамента полиціи игралъ по открытымъ картамъ. Шефъ жандармовъ могъ поздравить своихъ подчиненныхъ: соціалъ-демократическая партія была расколота; меньшевики, опасные идеей широкаго, открытаго движенія, оказывались лишенными не только денегъ, но и большей части организацій на мѣстахъ. Деньги Ленинъ тратилъ черезъ провокаторовъ; черезъ нихъ же пересылались его брошюры, подавля-

*) Троцкій — "Наша тактика", изд. 1904 года.
**) Это положеніе уже не требуетъ доказательствъ.

ющая часть которыхъ попадала въ Охранное отдѣленіе. Тамъ ихъ либо бросали въ каминъ, либо использовали въ цѣляхъ дальнѣйшаго сыска. Тѣ немногія, кои доходили по назначенію, составляли ничтожную часть литературы, выпускаемой другими партіями.

Пріѣзжіе агенты Ленина сопровождались по пятамъ агентами полиціи. Заговорщицкія организаціи на мѣстахъ подвергались повальному разгрому, а члены ихъ ссылались въ Сибирь. Послѣдніе удары остатки партіи получили съ началомъ войны, когда была арестована фракція большевиковъ Государственной Думы, а въ ноябрѣ 1914 г. — нѣсколько большевиковъ, созванныхъ на конференцію въ Озеркахъ.

Послѣ этого логическаго результата, къ которому привелъ захватъ Ленинымъ партійной организаціи, участіе его въ русскомъ "освободительномъ" движеніи фактически прекращается, если не считать нѣсколькихъ листовокъ, случайно переклнутыхъ въ Россію, листовокъ съ тезисами, пораженческія идеи которыхъ совсѣмъ не отвѣчали настроенію всего народа.

До послѣднихъ дней большевики испытываютъ острое желаніе пріобщиться къ лаврамъ февральской революціи, чтобы разсказывать народу о своихъ "заслугахъ" по сверженію царскаго престола. Однако, дальше остраго желанія за 20 лѣтъ вопросъ не продвинулся. Троцкій дѣлалъ отчаянныя попытки сорвать для большевиковъ хотя бы нѣсколько лавровыхъ листковъ; но, читая его описанія, только видишь, какъ онъ отъ нихъ удаляется, какъ противорѣчитъ самъ себѣ, когда говоритъ, что "старые большевики были обречены на пораженіе, ибо защищали тотъ элементъ партійной традиціи, который не выдержалъ исторической провѣрки" *).

Какъ база, у Троцкаго извѣстное объясненіе большевиковъ, что престолъ свергла только масса — рабочіе и крестьяне.

Послѣ этого одинъ за другимъ тянутся факты, размывающіе всю базу: экономическая стачка женщинъ 23-го февраля, забастовка текстильщиковъ, "вопреки прямымъ директивамъ"; военныя власти, которыя "отчасти не дооцѣниваютъ то, что

---

*) Троцкій — "Февральская революція", стр. 361.

происходить"; "семь револьверовъ русскихъ главнокомандующихъ", приставленныхъ къ виску императора; переговоры со Ставкой Родзянки, участіе Государственной Думы до и послѣ переворота: значеніе Таврическаго Дворца, куда стекаются рабочіе и солдаты *). Особенно живописны его воспоминанія какъ уцѣлѣвшіе въ Выборгскомъ Комитетѣ большевики предполагаютъ 26 февраля призывать къ окончанію стачки; а на другой день имъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, выбрасывается на улицу возставшій Волынскій полкъ. Столь же характерны первые шаги всѣхъ старыхъ большевиковъ, вернувшихся изъ ссылки, когда 30 марта 1917 г. они голосуютъ за формулу меньшевиковъ объ условной поддержкѣ Временнаго Правительства и только смущены перспективами побѣдъ буржуазіи, которыя рисуетъ имъ все тотъ же Нахамкесъ.

Троцкій не упомянулъ, что Совѣты — органы большевицкой власти, — были собраны меньшевиками, тѣми самыми меньшевиками, котрыхъ Ленинъ за границей "систематически оглашалъ поименно въ печати", т. е. предавалъ Охранному Отдѣленію **).

Въ февралѣ активно выступаетъ Государственная Дума, которую въ моментъ перваго созыва Ленинъ изступленно призывалъ бойкотировать. Онъ старался сорвать планы меньшевиковъ, видѣвшихъ въ Государственной Думѣ будущій революціонный центръ, созывающій Учредительное Собраніе ***). 1-го марта появляются Совѣты, ставшіе впослѣдствіи органами диктаторской власти политическаго бюро коммунистической партіи; тѣ самые Совѣты, которые, какъ идея революціоннаго коллектива, подверглись яростнымъ выпадамъ Ленина въ 1905 году, когда они тоже были собраны всѣми, кромѣ большевиковъ, окриковъ

---

*) Троцкій — "Февральская революція", стр. 130-180.

**) Мартовъ. — "Спасители или упразднители", изд. 1911 года, стр. 35 и 36.

Стремясь примирить оба теченія, Плехановъ объяснялъ меньшевикамъ, что для нихъ, какъ представителей "лояльнаго" марксизма, это распубликованіе именъ не столь опасно. Дѣйствительность не замедлила показать какъ разъ обратное.

***) "Искра" № 108 — Черевонинъ.

которыхъ не слушали рабочіе *). Такъ, еще въ 1905 г. большевики вынуждены были пристроиться къ первой революціи. Тогда, измѣнивъ тактику, внеся дезорганизацію, они начали свое выступленіе со "скромной" претензіи о подчиненіи имъ перваго русскаго Совдепа и закончили его московскимъ возстаніемъ, подавленнымъ однимъ гвардейскимъ полкомъ состава мирнаго времени.

Съ началомъ военнаго времени Ленинъ призываетъ къ немедленному окончанію войны, той самой войны, затяжной характеръ которой привелъ къ революціи.

Поставивъ эти вѣхи, мы можемъ разглядѣть въ точной исторической перспективѣ путь, по которому шелъ Ленинъ на первомъ этапѣ.

Какъ видно, его принципіальныя положенія опрокидывались дѣйствительностью; а въ моменты рѣшительныхъ столкновеній ставили его самого внѣ революціоннаго движенія, способствовавшаго паденію монархіи. Итакъ, первый этапъ не даетъ основаній говорить о непогрѣшимости Ленина, въ силу которой большевикамъ теперь такъ необходимо увѣрить народъ.

Перейдемъ ко второй страницѣ карточки Ленина, на которой соберемъ нѣсколько моментовъ его жизни, взятыхъ въ разныхъ обстановкахъ. Они рисуютъ его психическій комплексъ, относящійся къ области симпатическихъ переживаній, въ частности, тотъ элементъ, изъ котораго развивается личный страхъ.

Выѣхавъ изъ Россіи въ 1900 г. съ разрѣшенія властей, Ленинъ предпочелъ поселиться внѣ территоріи политическихъ преслѣдованій. Въ его біографіи мы не найдемъ подвига, который украшалъ прошлое каждаго идейнаго революціонера. Онъ свои совѣты посылаетъ изъ-за границы. Ленинъ не даетъ ни одного примѣра, который бы говорилъ о настойчивости, связанной съ личнымъ рискомъ, о томъ самоотверженномъ упорствѣ, коимъ богато иллюстрирована вся исторія русскаго революціоннаго движенія. За 17 лѣтъ онъ одинъ разъ, въ 1906 году, послѣ ма-

---

*) "Искра" — № 101.

Таково въ дѣйствительности было отношеніе Ленина къ тѣмъ "попутчикамъ", которыхъ онъ рекомендовалъ искать по своей брошюрѣ "Что дѣлать", изданной въ 1902 году.

нифеста 18 октября, послѣ первыхъ выступленій другихъ, на нѣсколько дней пріѣзжаетъ въ Россію. Поѣздка обставляется чрезвычайными предосторожностями: англійскій паспортъ, вилла въ Куокала (въ Финляндіи) и запасъ денегъ, которыя были всегда отложены на собственный непредвидѣнный случай.

Вотъ какъ описываетъ его Т. И. Алексинская *):

"Воспринявъ марксистскую доктрину съ ея безличнымъ методомъ, мы все-таки искали въ вождѣ человѣка, въ которомъ были бы соединены темпераментъ Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковскаго Буревѣстника. Такой живой фигуры не было передъ нами; но мы хотѣли олицетворить ее въ лицѣ Ленина. И когда я увидѣла его впервые въ 1906 г. на одномъ изъ загородныхъ митинговъ въ Петербургѣ, я была страшно неудовлетворена **). Меня удивила не его наружность... — а то, что когда раздался крикъ: "казаки!" — онъ первый бросился бѣжать. Я смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ перепрыгнулъ черезъ барьеръ, котелокъ упалъ у него съ головы... Съ паденіемъ этого нелѣпаго котелка въ моемъ воображеніи упалъ самъ Ленинъ. Почему? Не знаю!.. Его бѣгство съ упавшимъ котелкомъ какъ-то не вяжется съ Буревѣстникомъ и Стенькой Разинымъ".

Остальные участники митинга не послѣдовали примѣру Ленина. Оставаясь на мѣстахъ, они, какъ было принято въ подобныхъ случаяхъ, вступили въ переговоры съ казаками. Бѣжалъ одинъ Ленинъ ***).

Во французскомъ изданіи „Lenine à Paris" правовѣрный большевикъ „Aline" разсказываетъ о собраніи своего кружка въ 1910 году въ café — 11, avenue d'Orleans ****). Ленинъ сидѣлъ въ углу. Входятъ большевики оппозиціи группы "Впередъ". Они держатъ себя демонстративно;

---

*) "Родная Земля" № 1 — 1-го апрѣля 1926 г., стр. 6.

**) Митингъ въ Палюстрово.

***) Побѣжалъ Ленинъ безтолково, сразу упалъ въ канаву, изъ которой его вытаскивали, — такъ бѣгаютъ ослѣпленные страхомъ.

****) Стр. 40, 41. Авторъ — Алинъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, старый большевикъ Рыжковъ. Эти воспоминанія — гимнъ Ленину, въ которомъ звучитъ диссонансомъ только приводимый эпизодъ.

слышатся возгласы: "крѣпкоголовые демагоги". Ленинъ, поблѣдѣвъ, хватаетъ шляпу, взволнованный, „en vitesse" покидаетъ залъ. Остальные переходятъ въ сосѣднее кафэ. Ленина нигдѣ не могутъ найти, даже дома. Оказывается, два часа подъ дождемъ, онъ, скрываясь, бродилъ по городу, такъ какъ, по словамъ автора, "былъ сильно взволнованъ". Свидѣтели приводятъ этотъ примѣръ, какъ образецъ его личной трусости.

Теперь передъ нами № 21/4826 "Правды" отъ 21 января 1931 года, — Воспоминанія Крупской. Она разсказываетъ, какъ австрійцы арестовали Ленина въ Поронинѣ по подозрѣнію въ шпіонажѣ, непосредственно послѣ объявленія войны. Даже годы, далеко отодвинувшіе старыя происшествія, не смогли смягчить въ ея описаніи, какъ все было "больно тревожно", какъ Ленинъ "постепенно приходилъ болѣе спокойный". Заступился Ганецкій. Воспоминанія еще черезъ много лѣтъ отражаютъ страхъ.

Я не имѣю въ виду приводить этотъ частный случай спеціально въ доказательство развиваемой темы. На немъ слѣдуетъ остановиться потому, что въ жизни Ленина онъ представляетъ психологическій рубежъ, на которомъ Ленинъ безповоротно повернулъ по нѣмецкому указателю противъ Россіи.

Крупская приводитъ разговоръ съ министромъ депутата В. Адлера, послѣ котораго Ленинъ былъ освобожденъ.

— "Увѣрены ли вы, что Ульяновъ врагъ царскаго правительства?", спрашиваетъ министръ.

— "О, да!" отвѣтилъ Адлеръ. "Болѣе заклятый врагъ, чѣмъ ваше превосходительство".

И это все?!. Такого заявленія оказалось достаточнымъ, чтобы освободить Ленина изъ тюрьмы и, не взирая на его призывной возрастъ, выпустить въ Швейцарію?

Министръ Австро-Венгріи былъ такъ наивенъ, что спрашивалъ: "Врагъ ли эмигрантъ-соціалистъ царскому правительству?"

Министръ не зналъ, что на войну выступило не одно царское правительство, а поднялась вся Россія?

Этотъ исключительный министръ внутреннихъ дѣлъ не былъ освѣдомленъ, что соціалисты всей Европы раздѣлились

на защитниковъ своихъ народовъ, и предателей, именуемыхъ пораженцами? Фальшивой, грубой поддѣлкой защищается Крупская отъ тяжкихъ обвиненій въ "поронинскихъ обязательствахъ".

По окончаніи войны специальные совѣтскіе послы перевозили поронинскій архивъ въ Россію. Все доставили, кромѣ подписки, данной Ленинымъ австрійскому министерству внутреннихъ дѣлъ, копіи которой такъ, конечно, и нѣтъ въ музеѣ Ленина. А между тѣмъ, все, относящееся къ началу войны, представляетъ исключительный интересъ для пролетаріата, такъ какъ, по словамъ Крупской, съ того момента "въ центрѣ вниманія Ленина стали вопросы международной борьбы пролетаріата" и "это наложило печать на всю его дальнѣйшую работу" *). Именно съ этой даты, согласно принятыхъ на себя обязательствъ, Ленинъ активно выступаетъ въ тѣсномъ кругу нѣмецкой группы, созывающей рядъ конференцій въ Швейцаріи. Секретарь постояннаго бюро конференцій Робертъ Гриммъ, какъ мы документально доказали, получалъ директивы отъ германскаго вице-консула въ Женевѣ, Гофмана **).

Ленинъ работалъ съ нѣмцами для побѣды нѣмцевъ, работалъ противъ всего русскаго народа, принесшаго неисчислимыя жертвы въ міровой войнѣ. Ленинъ умножилъ эти жертвы. Коммунисты объясняютъ — для великихъ цѣлей. Тогда гдѣ же этотъ документъ, воспроизводящій поронинскія обязательства, оправдываемыя высокими цѣлями? Почему его боятся показать народу? Понялъ бы его народъ тогда, пойметъ ли его теперь? Оправдываетъ ли первую измѣну Ленина въ 1914 году?

Большевики сами регистрируютъ основной элементъ ленинской психики, который неуклонно побуждалъ его подговаривать и толкать на смерть другихъ, а самому скрываться въ наиболѣе безопасныхъ мѣстахъ. Въ ихъ изданіи "Ко дню пятидесятилѣтія В. М. Ульянова" мы находимъ подробности кон-

*) Въ кругахъ старой лѣвой русской эмиграціи твердо настаиваютъ, что Ленинъ получилъ свободу цѣною обѣщанія содѣйствовать побѣдѣ Центральныхъ Державъ, какъ обладающихъ наиболѣе могущественнымъ пролетаріатомъ, какъ странъ наиболѣе экономически равитыхъ и культурныхъ.

**) См. "Изъ журнала контръ-развѣдки".

ференціи въ Циммервальдѣ, состоявшейся 9-12 сентября 1915 года *).

Ленинъ призываетъ къ немедленной вооруженной борьбѣ. Большинство не соглашается. Въ разгарѣ дебатовъ нѣмецъ Ледебургъ упрекнулъ Ленина въ призывѣ къ гражданской войнѣ, находясь за границей. Ленинъ отвѣтилъ: Когда прійдетъ время, онъ съумѣетъ быть на своемъ посту и не уклонится отъ тяжелой обязанности взять власть при побѣдѣ въ гражданской войнѣ".

Свое время онъ считалъ "при побѣдѣ". Такъ, въ 1920 году, приспособляя прошлое, большевики объясняли хроническое дезертирство Ленина съ театра гражданской войны.

Въ 1917 году, послѣ іюльскаго возстанія, онъ бѣжитъ, бѣжитъ опять одинъ, если не считать Зиновьева, имя котораго въ самой партіи было синонимомъ трусости. Характерная деталь этого бѣгства выступаетъ изъ разговора, который происходилъ одинъ на одинъ въ 1924 г. между большевиками Іоффе и Троцкимъ **). Іоффе напоминаетъ Троцкому, какъ послѣ провала іюльскаго возстанія нѣсколько большевиковъ, въ томъ числѣ Ленинъ, собрались на совѣщаніи на окраинѣ Петрограда. "Вы помните", говоритъ Іоффе, "какимъ выглядѣлъ Ленинъ: блѣдный, на-смерть перепуганный. Онъ сидѣлъ и даже слова не могъ произнести. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше прихожу къ убѣжденію, что онъ былъ рѣдкій трусъ". Троцкій задумался. Онъ высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, потомъ Ленинъ не бѣжалъ бы ***). "Ну, а я, Левъ Давыдовичъ", отвѣ-

---

*) Изданіе И. К. Московскаго Совѣта рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ — стр. 32.

**) Іоффе передалъ въ Берлинѣ содержаніе этого разсказа большевику X, ставшему не особенно давно извѣстнымъ невозвращенцемъ въ Парижѣ. X. привелъ мнѣ этотъ разговоръ въ первую нашу встрѣчу; самъ предложилъ мнѣ его изложить въ письменной формѣ; но черезъ нѣкоторое время объяснилъ, что группа, которую онъ оглавляетъ, считаетъ невозможнымъ подписывать для печати пдобныя показанія о Ленинѣ. X. согласился, чтобы я предалъ гласности весь разговоръ, но не называя его имени, а только сославшись на "извѣстнаго парижскаго невозвращенца". Отвѣчая на мой вопросъ, онъ такъ живо, не задумываясь, непосредственно передалъ весь разсказъ Іоффе, что у меня нѣтъ сомнѣній въ правдивости передачи.

***) Фраза, ничего не выражающая.

тилъ Іоффе, "все остаюсь при своемъ мнѣніи" *).

Таковъ былъ вождь, который бѣжитъ, бросаетъ своихъ въ критическую минуту; но что особенно поразительно, — "слова не можетъ выговорить" — "для великой цѣли".

Потомъ онъ начинаетъ осторожно возвращаться.

Когда? — Черезъ три мѣсяца — 7 октября, послѣ того, какъ Троцкій, отбывъ тюрьму, успѣлъ стать 25 сентября во главѣ Совѣта с. и р. депутатовъ и привести къ присягѣ весь гарнизонъ.

Какъ возвращается Ленинъ? — Послѣ 7 октября по ночамъ, по квартирамъ у Каменева, у Суханова, и у другихъ на Выборгской сторонѣ.

Въ какомъ видѣ? — Загримированный: "сѣденькій, подъ очками, — не то учитель, не то музыкантъ, а можетъ быть, букинистъ", — такъ описываетъ Ленина, измѣнившагося подъ гримомъ до неузнаваемости, — одинъ изъ его сотрудниковъ того времени. Нуженъ ли былъ этотъ маскарадъ, когда опасно было показываться въ офицерскихъ погонахъ?

22 октября послѣ митинга въ Народномъ домѣ "кампанія была уже, въ сущности, выиграна", пишетъ Троцкій **).

23-го октября на сторону большевиковъ переходитъ Петропавловская крѣпость.

Въ ночь съ 23-го на 24 октября въ Смольный Институтъ пробирается загримированный Ленинъ подъ защиту пушекъ, ружей и пулеметовъ. Тамъ ему будетъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Первый разъ послѣ іюльскаго бѣгства онъ показывается широкой публикѣ въ Совдепѣ 26-го октября, на другой день "послѣ побѣды въ гражданской войнѣ", какъ онъ самъ сказалъ, такъ, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлили большевики въ отчетѣ о Циммервальдской конференціи, заднимъ числомъ составленномъ.

У насъ нѣтъ основаній оспаривать это заявленіе. Намъ остается лишь установить особенность Ленина, такъ рѣзко его

---

*) Если истинные вожди непремѣнно должны дезертировать въ отвѣтственныя опасныя минуты, то неужели имъ не положено оставлять хоть какія-нибудь инструкціи?

**) Троцкій — "Октябрьская революція", стр. 65.

отличающую отъ всѣхъ революціонеровъ всѣхъ революцій, — отсутствіе жертвенности.

Мужество, храбрость не являются прямымъ рефлексомъ первичныхъ элементовъ человѣческой психики. Физіологическіе центры инстинкта самосохраненія естественно заложены въ основѣ жизни. Мужество и храбрость получаютъ свое выраженіе только въ томъ случаѣ, если налицо оказываются другіе импульсы, болѣе сильно развитые, чѣмъ инстинктъ самосохраненія, а потому его подавляющіе. У насъ — у офицеровъ — надъ инстинктомъ самосохраненія доминируютъ различныя чувства, какъ то: честь, сознаніе долга, любовь къ родинѣ и т. д. Политическаго дѣятеля двигаетъ на рискъ идеалъ, сознаніе необходимости жертвы для общаго блага. Мы можемъ констатировать, что никакихъ чувствъ, превалирующихъ надъ животнымъ инстинктомъ самосохраненія, у Ленина не оказалось. Въ трудныя минуты онъ прежде всего бѣжитъ, одинъ бѣжитъ, молча бѣжитъ, бросаетъ своихъ безъ указаній. Значитъ, весь его психическій комплексъ оглавлялъ личный элементъ животнаго инстинкта самосохраненія *).

Столь ярко развитый и превыше всего поставленный, этотъ личный элементъ представлялъ начало и конецъ его психологіи.

Если выписать извѣстную формулу, выдвигаемую научной психологіей, а именно: "Активный идеализмъ неизмѣнно приводитъ къ жертвенности", и попробовать подставить въ нее коэффиціенты Ленина, то мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Первая предпосылка — налицо — активность несомнѣнная. Результатъ — жертвенность — нуль — не достигнутъ. Отсюда вторая предпосылка — идеализмъ — подводится подъ сомнѣніе.

Ленинъ чуждъ идеалу, какъ производной чувства; именно въ этой области вообще, кромѣ чрезмѣрно развитаго чувства страха, Ленинъ не даетъ ни одного признака: у него не было склонности къ изящнымъ искусствамъ — музыкѣ, живописи, изящной литературѣ; ему недоступенъ цѣлый міръ сим-

---

*) Если стать на точку зрѣнія Плеханова о "непримиримости" Ленина, исходящей изъ нежеланія выпустить краденыя деньги, если принять во вниманіе постоянное стрмленіе занять первое мѣсто, то придется вообще признать наличіе еще и этихъ личныхъ мотивовъ.

патическихъ переживаній, который ведетъ къ облагороженію духа. Онъ не поднялся даже до любви къ рабочему, которая могла бы привести къ героизму.

Ленинъ — не легенда, одухотворенная подвигомъ; онъ и не фанатикъ. Именно не фанатикъ, потому что понятіе о фанатизмѣ подразумѣваетъ наличіе идеала и жертвенности. Нельзя опредѣлять Ленина, какъ фанатика, который ни передъ чѣмъ не останавливался для достиженія своей цѣли. Нѣтъ! Останавливался: онъ не хотѣлъ и не могъ принести собственной жизни Онъ и не могъ стать фанатикомъ *). Тогда, можетъ быть, маніакъ? Тоже далеко отъ истины: маніакъ упрямо преслѣдуетъ свою навязчивую идею, а Ленинъ былъ жестоко упрямъ на всѣ случаи жизни, не переносилъ чужихъ мнѣній, по поводу чего они не высказывались бы, а не въ одной политикѣ. Завистливый до изступленія, онъ не могъ допустить, чтобы кто-нибудь, кромѣ него, остался побѣдителемъ. Жестокое и злое проступало въ немъ, какъ въ любомъ спорѣ, такъ и въ игрѣ въ крокетъ или шахматы, когда онъ проигрывалъ **). Проявить независимость, поспорить съ нимъ о чемъ угодно или обыграть его въ крокетъ — значило разъ навсегда пріобрѣсти себѣ врага въ лицѣ Ленина.

Заканчивая на этомъ вторую страницу, а съ ней и старую регистраціонную карточку Ленина, вспомнимъ теперь нѣкоторыя подробности изъ его досье 17-го года.

Для меня оно открылось съ пріѣздомъ майора Alley Узнавъ о моихъ неудачахъ наложить запрещеніе на въѣздъ въ Россію пассажировъ пломбированнаго вагона, Alley влетѣлъ ко мнѣ "внѣ себя" со словами: "Вы понимаете, что теперь произойдетъ?" Онъ понималъ.

Нѣсколько послѣдовательныхъ ударовъ вдребезги разбили русскую государственность за нѣсколько часовъ февральской революціи. По безбрежной равнинѣ первыми безпрепятственно

---

*) Называя неправильно Ленина фанатикомъ, мы затрудняемъ другимъ, а съ ними и всему русскому народу составить о немъ надлежащее представленіе.

**) T. Alexinsky. Exselsior - 10 septembre 1922.
То-же "Родная Земля" № 1, 1 апрѣля 1926 г.

выступаютъ въ тѣсномъ союзѣ: анархистъ Желѣзняковъ, нѣмецкій агентъ Мюллеръ и воръ-рецидивистъ Аснинъ *).

Сколько ихъ? Въ Петроградѣ я встрѣтилъ на одного Желѣзнякова — сотню Мюллеровъ и легіонъ Асниныхъ. Послѣдніе все прибывали.

Носитель идеи государственности — русская интеллигенція, выступивъ позднѣе этихъ легіоновъ, съ вѣрою смотритъ на Временное Правительство, видя въ немъ Верховную Власть. Она долго не вѣдаетъ, что Правительство составляло лишь щитъ анонимнаго интернаціонала, — прикрытіе для блуждающей въ потемкахъ демократіи и весьма определеннаго Нахамкеса и иже ему подобныхъ.

Временное Правительство не даетъ твердаго политическаго курса. Въ безграничной свободѣ народныя массы приходятъ въ движеніе. Его ускоряютъ условія войны; но Желѣзняковъ, Аснинъ и Мюллеръ въ своемъ максимализмѣ далеко выбрасываются впередъ.

Ленинъ, запертый въ Швейцаріи, продолжалъ точить свое жало; онъ, вѣроятно, никогда не увидѣлъ бы свѣта, если бы не спекуляторы Парвусъ и Ганецкій, которые предложили его нѣмецкому командованію. Отъѣзжая изъ Цюриха, онъ пишетъ швейцарскимъ рабочимъ, что "размахъ буржуазно - демократической революціи въ Россіи можетъ сдѣлать изъ нашей революціи всемірную соціалистическую революцію **).

Прибывъ 3 апрѣля въ Петроградъ, онъ на вокзалѣ возвѣщаетъ толпѣ: "Да здравствуетъ всемірная соціалистическая революція!" ***).

Ему вновь приходится пристраиваться къ революціи, которая пришла совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ предполагалъ, уже успѣла разрушить русскую государственность и твердо стать на прямой путь торжествующаго максимализма.

По соображеніямъ Ленина, февральская революція должна была дать толчекъ къ соціалистическому перевороту въ Европѣ, который уже обратнымъ ударомъ долженъ былъ вызвать соціа-

---

*) См. главу "Дача Дурново".
**) Троцкій — "Февральская революція", стр. 351.
***) Сухановъ. — Троцкій. — "Февральская революція", стр. 330.

листическую революцію въ Россіи. Эти соображенія, въ которыхъ большевики усматривали исключительное предвидѣнье своего вождя, лежать въ основѣ его генеральнаго плана, кратко выраженнаго извѣстными словами о "ставкѣ на міровую соціалистическую революцію". Судьбѣ было угодно, чтобы "вождь" сдѣлалъ новую ошибку, оказавшуюся роковой для всего народа: 20 лѣтъ изолированный, народъ до послѣднихъ дней вынужденъ все одинъ закладывать "фундаменты для будущаго соціалистическаго строительства".

Ленинъ привезъ въ Россію классовую ненависть, *нѣмецкія деньги* и обширные труды о приложеніи марксизма въ Россіи *). Эти печатныя изданія, написанныя въ излюбленной полемической формѣ, длинныя, такъ какъ Ленинъ имѣлъ привычку повторяться, были раскрыты только послѣ 25-го октября. Они имѣли первостепенное значеніе послѣ большевицкой революціи, выдвинули въ Совнаркомѣ Ленина, какъ теоретика по диктатурѣ пролетаріата, которая должна будетъ привести къ соціализму, но не находили еще приложенія въ 17 году. Заставъ партію на перепутьѣ съ явно выраженнымъ меньшевицкимъ уклономъ въ сторону длиннаго буржуазно - демократическаго моста, который со временемъ приведетъ къ соціалистическому берегу, Ленинъ, соотвѣтственно своему новому генеральному плану, увидѣлъ обѣтованный берегъ настолько близкимъ, что, по его мнѣнію, пролетаріатъ могъ самъ на него перескочить отъ обратнаго удара европейскихъ соціалистическихъ революцій и безъ всякихъ мостовъ. Его политическій миражъ привелъ въ недоумѣніе старыхъ большевиковъ. Споры о конечной цѣли соціализма отбрасываются; на помощь приходятъ деньги. Опять деньги! Раньше воровскія, теперь нѣмецкія. Первый ученикъ — Каменевъ, а съ ними даже Зиновьевъ опять едва не исключаются изъ партіи. "Бунтъ на колѣняхъ" прекращается въ двѣ недѣли. Вопросъ о соціализмѣ снимается съ очереди. Надо ли на немъ ломать копья, когда деньги получаются и можно добраться до власти? До войны убѣжденія и воровскія деньги Ленина уничтожили партію, загнавъ ея остатки

---

*) Я поставилъ нѣмецкія деньги на второе мѣсто, такъ какъ хочу избѣжать упрека въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

въ тупикъ. Послѣ войны въ отношеніи всего генеральнаго плана они же бросили весь народъ въ склепъ, изъ котораго онъ до сихъ поръ не можетъ выбраться *).

При Временномъ Правительствѣ, въ первой фазѣ выполненія этого плана, Ленинъ приходитъ побѣдителемъ. При его косномъ умѣ, страдающемъ хронической политической аберраціей, залогомъ побѣды уже являлся тотъ факторъ, что въ 17-омъ году онъ не навязывалъ своей собственной идеологіи. Напротивъ, Ленинъ отъ нея отступилъ, играя на индивидуальныхъ силахъ. Онъ даже не пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія, а просто примкнулъ къ Аснинымъ и Мюллерамъ. Но его громадное значеніе уже выступаетъ въ томъ, что онъ не только катился съ ними, а раздувалъ мѣха на нѣмецкія деньги. Онъ пріобрѣлъ на нѣмецкія деньги рупоръ гигантскихъ размѣровъ, который черезъ мѣсяцъ выдувалъ 35 періодическихъ изданій всевозможной "Правды" и содержалъ армію пропагандистовъ, имѣвшихъ задачей повторять и муссировать лозунги вора-рецидивиста и нѣмецкаго агента **).

По словамъ П. Н. Переверзева, "число разъѣзжающихъ платныхъ агентовъ Ленина поражало воображеніе Временнаго Правитльства".

Большевики оцѣниваютъ этотъ "идеологическій пріемъ", какъ "высшее предвидѣніе генія, который съумѣлъ подслушать голосъ народа".

Суммарное понятіе — народъ и массы, будто бы дѣлающіе революцію, не получило до послѣднихъ дней своего большевицкаго опредѣленія. Мы позволимъ себѣ отсѣчь отъ народа только тѣхъ, кого всѣ народы во всѣ времена бросали за тюремную ограду. Эта ограда была взорвана въ Россіи 1 марта. Кромѣ Ленина, оцѣнившаго по достоинству сподвижниковъ въ арестантскихъ халатахъ, были и другіе, кои не менѣе "геніально" услышали голоса послѣднихъ. Въ происходящемъ прекрасно отдавали себѣ отчетъ — майоръ Alley, капитанъ Laurent, французская и моя контръ-развѣдки, прокурорскій

---

*) По многимъ доктринамъ идеалъ таранитъ самъ; для представителей многихъ теченій выдвигать ленинскія деньги недопустимо.

**) См. "Войска" — содержаніе рѣчей съ балкона дворца Кшесинской и разршеніе аграрной проблемы путемъ захвата земли.

надзоръ, Главнокомандующій Половцовъ, Балабинъ, вѣроятно, соціалистъ Церетели, когда онъ голосовалъ за смертную казнь въ столицѣ. Неизбѣжную гибель видѣлъ Корниловъ; въ Петроградѣ ее сознавали министры, уходившіе въ отставку; понимали тѣ генералы и офицеры, которые, не впадая въ панику, протестовали на фронтѣ, болѣя за Армію и Россію, и т. д.

Сподвижниковъ Ленина оцѣнили гимназисты и гимназистки, готовившіе демонстрацію противъ дворца Кшесинской *). Всѣхъ не перечислить. Если приступить къ подсчету тѣхъ, "кто подслушалъ, какъ никто, голосъ народа", то уже на первой страницѣ появляется небывалое число геніевъ. Усиливая пары, Ленинъ разжигалъ классовую ненависть непрестанно, что придало его участію въ революціи чрезвычайное значеніе. Историческая брешь между слабой общественностью и неграмотнымъ народомъ искусственно раздвигалась.

Съ другой стороны, если по большевицкой терминологіи "народныя массы ломали перегородки", то мы дополнимъ: подъ руководствомъ нѣмецкихъ плотниковъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и при непремѣнномъ участіи преданныхъ остракизму народныхъ низовъ. Въ отношеніи большихъ народныхъ массъ крестьянъ и рабочихъ, какъ говорятъ, выражавшихъ "великія силы революціи", поступательное движеніе развивалось значительно медленнѣе: аграрная революція отставала на цѣлые мѣсяцы; рабочія массы Петрограда, — главнаго центра, — остались позади, разительно оторвались отъ праздной, развихленной толпы солдатъ, хлынувшей за большевиками на улицу 25 октября **).

Разжигая ненависть, Ленинъ извлекалъ "ликъ сатаны", выступившій въ яркихъ краскахъ у морально отверженныхъ всѣхъ цвѣтовъ и мастей на общемъ фонѣ народныхъ требованій. Препятствій не было. Преступные низы потянулись къ деспотическому предсѣдателю убогой партіи, широко тратившему

*) См. "Петроградская трясина".

**) Въ поискахъ закономѣрности историческаго процесса, Троцкій имѣетъ неосторожность увѣрять, что большевики были во сто разъ правѣе массы. Внесемъ поправку: "Не массы, а иногда оказывались праве "Аснина". Законы бытія гигантскихъ массъ опредѣляются не черезъ 20 лѣтъ, а въ концѣ эпохи.

нѣмецкія деньги, призывавшему къ грабежамъ. Ихъ кинетическая энергія собиралась въ одномъ фокусѣ — предсѣдателѣ — Ленинѣ и тѣмъ самымъ поднимала его на высоту, на которой онъ и получилъ свою силу и значеніе.

Нѣмецкіе плотники продолжали ломать перегородки. Новая, начинающая контръ-развѣдка не могла настигнуть всѣхъ. Наконецъ, списокъ мой совсѣмъ не полный, потому что съ абсолютной точностью въ памяти задержались только болѣе отмѣтные.

Однихъ изъ нихъ можно отнести къ сѣти, заброшенной непосредственно изъ Германіи черезъ Стокгольмъ. Въ нее входили:

Карлъ Гибсонъ, разрушившій контръ-развѣдку въ февралѣ.

Коммерсантъ Бэммэ — организаторъ шпіонажа въ прифронтовой полосѣ.

Робертъ Гриммъ, какъ устроитель конференцій и редакторъ соціалъ-демократическихъ резолюцій нѣмецкаго толка, приводившихъ въ бурный восторгъ нашу демократію.

Публицистъ К., доносившій Брейденбейдъ о своихъ работахъ по удаленію изъ Правительства Милюкова и Гучкова. Онъ имѣлъ также задачей заключеніе сепаратнаго мира и пріобрѣтеніе большого печатнаго органа.

Сотрудники публициста К**: для пропаганды и связи со Стокгольмомъ — Дитрихсъ; для руковофства въ уличной толпѣ — Степинъ, служившій связью звена К** съ группой Ленина.

Политическій агентъ Мюллеръ, подвизавшійся въ развитіи анархіи и сильно агитировавшій за немедленное прекращеніе войны *).

Офицеръ изъ Военнаго Министерства, похитившій документъ, игравшій замѣтную роль въ февральской революціи и вносившій развалъ въ новыя административныя учрежденія **).

Проживавшій въ Лигово Сорокинъ — устроитель митинговъ и стачекъ за Нарвской заставой.

---

*) Къ этой же категоріи принадлежалъ Нахамкесъ (безъ прямыхъ уликъ).

**) См. "Изъ журнала контръ-развѣдки". Распубликовывать его фамилію я предоставляю замѣстившему меня полк. Порадѣлову,

Военноплѣнные вообще и въ частности 206-го Прусскаго полка — Альфредъ Ульке и Гансъ Штрейхъ *).

Другая сѣть тянулась отъ Берлина на Ленина по меньшей мѣрѣ по двумъ проводамъ, намъ извѣстнымъ. Первая линія проходила черезъ Парвуса. Вторая — черезъ директора компаніи Сименсъ и финансоваго агента большевицкой партіи — Красина.

Къ ленинскому нѣмецкому центральному узлу контръ-развѣдка относила на основаніи документовъ: Ленина, Ганецкаго, присяжнаго повѣреннаго Козловскаго, Суменсонъ.

Бывшаго казначея партіи Сѣмашко, вызывавшаго "стихійныя явленія массъ"... въ Первомъ пулеметномъ полку.

Бывшаго агента компаніи Зингеръ — Степина, раздававшаго деньги солдатамъ 2-ой Гв. Пѣх. дивизіи и рабочимъ.

Нельзя не замѣтить, что именно полки Сѣмашко и Степина — 1-й пулеметный и 2-ой Гв. пѣхотной дивизіи — шли въ головѣ всѣхъ выступленій и возстаній.

Изъ редакціи "Правды" — Брониславъ Веселовскій.

Несомнѣнные агенты связи на Стокгольмъ: г-жа Коллонтай и Лурье.

Довольно самостоятельную роль по связи съ нѣмцами игралъ въ польской организаціи Уншлихтъ, который связывался съ Ленинымъ въ польскомъ вопросѣ черезъ Козловскаго **).

Если вглядѣться въ лица, только здѣсь поименованныя, твердо связанныя съ Германіей; если вспомнить объ условіяхъ и значеніи ихъ дѣятельности, то въ нихъ мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства нѣмецкой интервенціи, отразившейся на движеніи большихъ народныхъ массъ въ русской революціи.

Это мнѣ даетъ основаніе высказать мой протестъ тѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ — русскимъ и иностраннымъ — въ которыхъ отсутствуетъ коэффиціентъ нѣмецкаго вмѣшательства. Онъ можетъ быть большой или малый, въ зависимости отъ документомъ, которыми располагаетъ авторъ.

---

*) См. "Нѣмецкія деньги".

**) Всѣ перечисленныя фамиліи были "зарегистрированы документально". Съ полной увѣренностью къ сознательымъ предателямъ слдѣуетъ также отнести Крупскую и Зиовьевна, хотя прямыхъ уликъ на нихъ не имѣлось.

Но если всѣ причины крушенія искать въ прошломъ, или договариваться до славянской идеологіи, въ которой заложены корни большевизма, то пропускъ нѣмецкаго рычага, отказъ отъ его оцѣнки — явится досаднымъ пропускомъ самого изслѣдованія.

Послѣ іюльскаго бѣгства личное вліяніе Ленина падаетъ по отвѣсной линіи: его письма запаздываютъ. Чернь подымается на припешихъ въ движеніи массахъ; ее вести можно только на мѣстахъ. Революція даетъ ей своего вождя — Троцкаго. Авторъ перманентной революціи еще въ мартѣ съ трибуны изъ Америки посылаетъ черезъ океанъ стрѣлы въ февральскихъ побѣдителей. Онъ ѣдетъ такимъ же непримиримымъ, какъ Ленинъ. Пріѣзжаетъ на мѣсяцъ позже его. "Искрометный блескъ; неисчерпаемый запасъ энергіи и таланта, которыми природа такъ щедро одарила его" *). Троцкій на сажень выше своего окруженія. Тотъ же нечаевскій политическій цинизмъ, та же ленинская олимпійская самоувѣренность. Онъ такъ же готовъ, "не моргнувъ глазомъ, погубить милліоны людей". Онъ ихъ и погубилъ. Фокусникъ слова, неподражаемо-звонкій митинговый ораторъ. Если менѣе упрямый, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ способный на компромиссъ, то во многихъ другихъ — страстно увлекающійся до истерическаго энтузіазма. Чернь слушаетъ Троцкаго, неистовствуетъ, горитъ. Клянется Троцкій, клянется чернь. Въ революціи толпа требуетъ позы, немедленнаго эффкта. Троцкій родился для революціи. Онъ не бѣжалъ. Его старый послужной списокъ говоритъ о нѣкоторой дозѣ риска, передъ которымъ онъ не останавливался — въ тюрьмѣ, не задумывался, какъ предсѣдатель послѣднихъ дней Совдепа въ 1905 году.

Октябрь Троцкаго надвигается, планомѣрно имъ подготовленный и технически разработанный. Троцкій — предсѣдатель Петроградскаго Совѣта съ 25-го сентября, бойкотируетъ Предпарламентъ Керенскаго. Троцкій — предсѣдатель Военнаго революціоннаго Комитета — составляетъ планъ, руководитъ возстаніемъ и проводитъ большевицкую революцію.

Большевики, а за ними очень многіе, возводятъ въ заслу-

---

*) Такъ пишетъ Зивъ въ своей характеристикѣ Троцкаго.

гу Ленину выборъ момента возстанія, которое Троцкій слегка оттянулъ до 25 октяября. Таковъ еще одинъ исторический вымыселъ, вродѣ легенды объ іюльскомъ возстаніи. Послѣднее, какъ мы доказали въ іюлѣ, было назначено нѣмцами, въ связи съ наступленіемъ на фронтѣ. Съ того времени нѣмцы торопили съ новымъ выступленіемъ и нѣмцы же выбрали день октябрьской революціи — именно такъ было извѣстно еще заранѣе членамъ Временнаго Правительства. Ленинъ передавалъ эти требованія въ іюлѣ противъ желаія; въ октябрѣ имъ сочувствовалъ. Замѣтимъ, что лично для него уже не было риска.

Троцкій постепенно, одинъ за другимъ переводитъ полки на свою сторону, послѣдовательно день за днемъ захватываетъ арсеналы, административныя учрежденія, склады, вокзалы, телефонную станцію, систематически разбрасываетъ своихъ комиссаровъ. Если такой порядокъ наиболѣе обезпечивалъ военный успѣхъ, то вся громадная организаціонная работа дала большевикамъ еще большее и главное: она твердо технически подвела чернь столицы и ея солдатъ подъ куполъ Совдепа Троцкаго. У этого Совѣта оказался дѣйствительный походный аппаратъ власти въ столицѣ. Открытый въ Петроградѣ 26 октября 2-ой Всероссійскій съѣздъ Совѣтовъ распространилъ эту власть идейно по всей странѣ, установилъ ее фактически на части территоріи Россіи.

27 октября страна узнаетъ по радіо короткую, изъ трехъ пунктовъ, декларацію новой власти: Учредительное Собраніе, земля крестьянамъ и обращеніе о мирѣ къ народамъ и правительствамъ всѣхъ воюющихъ странъ *).

Въ совѣтскихъ газетахъ мы читаемъ до послѣдняго времени: "Подъ знаменемъ Ленина побѣдили мы въ октябрѣ". Объ Учредительномъ Собраніи возвѣстилъ Россіи Великій Князь Михаилъ Александровичъ 3 марта. Земля и миръ — тезисы, давно пришедшіе отъ народовольцевъ и демократіи. Обращеніе о мирѣ — лозунги всѣхъ нѣмецкихъ агентовъ. Знамя Ленина какъ будто выходитъ краденымъ. Народъ усталъ ждать 8 мѣ-

*) Архивъ Русской революціи — Октябрьскій переворотъ, стр. 219. Зивъ — Троцкій: Стенографическій отчетъ — рѣчь Троцкаго въ Предпарламентѣ — 8 октября: "Учредительное Собраніе, миръ и земля".

сяцевъ. Словами не разрубить всѣхъ Гордіевыхъ узловъ. и старыхъ, и новыхъ.

26 октября Ленинъ, очевидно, самъ не видѣлъ своего знамени, когда въ Центральномъ Комитетѣ предлагалъ назначить Троцкаго Предсѣдателемъ Совѣта народныхъ комиссаровъ: "Вы стояли во главѣ Петроградскаго Совѣта, который взялъ власть", сказалъ Ленинъ. Троцкій отказался *). Такъ Ленинъ показался въ историческій моментъ на той высотѣ, на которую устремились взоры всего міра. Каждый часъ пребыванія на вершинѣ сплеталъ кругомъ его имени легенды въ далекой странѣ, которая нервно ждала своего кроваваго будущаго. Ближайшее его окруженіе, кромѣ нѣсколькихъ пришельцевъ, составляла старая большевицкая аудиторія, интеллектъ и воля которой не подымались до уровня посредственности. Стоять на колѣняхъ годами вошло у нихъ въ привычку.

Въ первые годы аппаратъ власти держался и укрѣплялся въ условіяхъ непрерывной динамики военнаго коммунизма и гражданской войны. Въ критическе моменты на главныхъ пунктахъ опять показывается Троцкій, но уже не въ Петроградѣ, а съ летучимъ поѣздомъ по Россіи. Изъ позднихъ пришельцевъ выступаетъ ограниченный исполнитель Дзержинскій, неподкупный изувѣръ и фанатикъ.

Въ заревѣ долгой гражданской войны въ аппаратъ вливаются новые люди, которые, защищая далекій центръ, все выше и выше подымаютъ его. Въ центрѣ Каменевы и задрапированный Ленинъ. Чтобы расцѣнивать силу ленинской идеологіи въ ея практическомъ приложеніи, предстоитъ отстранить первыя главы революціи и прямо открыть тотъ томъ, съ котораго начинается совѣтская Россія. Она выстраивалась по Ленину. Внося своимъ "старымъ служащимъ" декреты на обсуждене, онъ фактически предлагалъ ихъ къ исполненію, не останавливаясь для этого ни передъ какими обходными путями. При этомъ ему все же приходилось маневрировать. Чтобы удержи-

---

*) Троцкій — "Моя жизнь", т. II. стр. 61.
Онъ былъ пришелецъ въ партіи. Вѣроятно, считалъ такое предложеніе только формльнымъ, и во всякомъ случаѣ безъ шансовъ пройти на баллотировкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ же отказался отъ Внутреннихъ Дѣлъ, ссылаясь на свое еврейское происхожденіе.

вать власть въ партіи, которая распускала свои щупальцы по всей странѣ, Ленинъ искусно провелъ въ 1921 году на Х-омъ съѣздѣ положеніе о "единствѣ" партіи.

Пунктъ этой резолюціи объ исключеніи изъ партіи за фракціонныя раздѣленія былъ опубликованъ только въ 1924 году, въ мартѣ, послѣ смерти Ленина.

"Мертвая петля" подбирала въ 1904 году отдѣльныхъ эмигрантовъ; теперь она затягивала всю страну. Совершенно понятно, что народъ, столѣтіями проживишій въ абсолютизмѣ, естественно поддался его новой формѣ.

Нѣсколько десятковъ милліоновъ книгъ о Ленинѣ и брошюръ, разбросанныхъ большевиками по всему міру, имѣли свое воздѣйствіе: намъ твердятъ о силѣ (злой) и монолитности, не замѣчая или замазывая капитальныя трещины.

Дѣйствительность вернула коммунистовъ къ классовой формѣ общины; они признаютъ, что уже добились изувѣрскаго соціальнаго неравенства совѣтскихъ подданныхъ.

Непремѣнное начало всѣхъ началъ изъ системы — Че-ка совѣтская, Че-ка, непосредственно и прежде всего вытекающая изъ всего ученія Ленина. Она необходима, чтобы давить индивидуальныя начала, Отражая его характеръ, отвѣчая нетерпимости Ленина къ чужому мнѣнію, вся "заговорщицкая" его идеологія была проникнута недовѣріемъ къ массамъ, боязнью, какъ бы народъ, предоставленный самому себѣ на пути самодѣятельности, не ускользнулъ изъ-подъ его вліянія и его не опрокинулъ. За народомъ слѣдуетъ слѣдить, шпіонить; его надлежитъ взять въ тиски, чтобы бить копромъ, принудить итти только по тому направленю, которое выбралъ для всѣхъ одинъ онъ, одинъ Ленинъ. Сколько людей погибнетъ — не важно: Ленинъ злобенъ, нравственно слѣпъ — для Че-ка всѣ пріемы хороши. Чѣмъ больше народъ, тѣмъ больше Че-ка; чѣмъ ярче самодѣятельность — тѣмъ глубже застѣнокъ, утонченнѣе пытки. Ленинская идеологія — ленинская Че-ка. Она — памятникъ его нерукотворный.

Индивидуальныя начала дала человѣку природа, начала матеріи и духа, его запросы и побужденія, отъ скота человѣка отличающіе. Че-ка противъ природы. Кто побѣдитъ?

Ленинъ умеръ. Принявшіе за нимъ власть спѣшатъ возве-

сти въ догму его тезисы, — "высказыванія", какъ ихъ называетъ Крупская. Ленинъ, какъ догма, необходимъ всѣмъ: Сталину, чтобы сбивать Троцкаго; Троцкому, чтобы обличать Сталина; тройкамъ, пятеркамъ, коммунистическимъ главковерхамъ.

Въ славѣ, создаваемой Ленину, они видятъ историческое оправданіе своихъ собственныхъ преступленій. Она же нужна имъ, чтобы удержаться у власти, такъ какъ позволяетъ въ критическихъ положеніяхъ ссылаться на непогрѣшимыя высказыванія самого Ленина, какъ на высшій законъ страны. Для этого приходится внушать народу слѣпую вѣру въ Ленина, поддерживать гипнозъ массы именемъ великаго вождя, который устроилъ революцію и никогда не ошибался.

Отсюда столица его имени, институты Ленина, библіотеки, заводы, ордена, ледоколы, портреты, дни, годовщины, уголки Ленина, языческій мавзолей, паломничество къ мощамъ, изъятое изъ глубокаго прошлаго, безконечныя толпы, суевѣрно настроенныя кругомъ гроба.

За ними развитіе мистическаго начала, ощущеніе связи совѣтскаго раба съ Ленинымъ, взятымъ изъ большевицкой мифологіи, подлинное осознаніе пролетарской религіи — культъ Ленина, которымъ насыщенъ полный объемъ совѣтской страны.

Но Сталинъ начинаетъ пересматривать мифологію партіи, т. к. революція надвигается. Она идетъ по извѣчнымъ законамъ расцвѣта индивидуальныхъ силъ, все на своемъ пути сокрушающихъ. Противъ нихъ выступилъ совѣтскій Ленинъ.

20

ЕЩЕ ДВА СЛОВА

Всякій намекъ на участіе нѣмцевъ въ русской революціи вызываетъ до сихъ поръ дружный вой большевиковъ, что народныя требованія пытаются подмѣнить инструкціей Людендорфа.

Нѣтъ сомнѣнія, — о моихъ воспоминаніяхъ будетъ разсказано, что я безъ намековъ, прямо, помѣстилъ всю Россію 17-го года въ канцелярію нѣмецкаго генерала. Въ дѣйствительности

же я старался привести точныя данныя, какъ инструкціи извнѣ разжигали народныя страсти *).

Не касаясь историческихъ проблемъ, вскрытыхъ революціей, подведемъ итогъ сокрушительнымъ ударамъ, которые добивали Власть съ марта по октябрь. Ихъ было такъ много. Напомнимъ главнѣйшіе.

Первый. Уничтоженіе въ одну ночь всѣхъ административныхъ органовъ, вездѣ и всегда необходимыхъ для огражденія общественнаго порядка.

Второй. Разгромъ тюремъ. Заключенные вновь обрѣтаютъ возможность активныхъ дѣйствій. Конечно, тѣ, кто искалъ лазурнаго неба, мнѣ закричатъ: "Проза! Односторонніе выводы!" До сихъ поръ слышу возгласы членовъ Совѣта Таврическаго Дворца: "Мы строимъ новую Россію! Поймите — новую, свѣтлую жизнь! А вы тутъ съ вашей контръ-развѣдкой, съ какой-то уголовщиной. У насъ законныя чаянія; передъ нами неоплаченные счета исторіи! Какое намъ дѣло до вашихъ преступниковъ!"

Шквалъ вышелъ именно съ каторги. Онъ потащилъ низы, поднялся, разбилъ Армію, опрокинулъ хрупкую ладью, въ которой спорили о безконечно далекомъ, похоронилъ однѣ иллюзіи, подбросилъ народу другія.

Третій. Форсированный темпъ революціи, искусственно данный нашимъ врагомъ, — нѣмцами — въ критическій моментъ міровой войны. Они же поддержали деньгами уголовный міръ, который преградилъ пути творчества здоровыхъ силъ націи.

Четвертый. Постановленіе о невыводѣ Петроградскаго гарнизона. Развращенная толпа солдатъ переливалась по улицамъ. Она была далеко, очень далеко впереди всей страны. Въ ней погибло Временное Правительство.

Пятый. Отмѣтимъ сверхъ всего и чрезвычайно рѣзкій переходъ къ полной свободѣ, который своимъ размахомъ тоже задержалъ выходъ интеллигенціи — наша самодѣятельность опаздываетъ. При несогласіи съ властью мы подаемъ въ от-

---

*) Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что я вездѣ ссылался на живыхъ свидѣтелей, иностранцевъ и русскихъ.

ставку и еще не составляемъ заговоровъ *). Мы слишкомъ лояльны и отнюдь не революціонны. А сколько среди насъ было Потаповыхъ! Конечно, мы приняли революцію такими, какими вышли изъ прошлаго. Тутъ и отсутствіе общественности, такъ понятное въ режимѣ абсолютизма, и "слабыя государственныя прослойки", и спеціальныя проявленія славянскаго быта — русской безкрайности.

Противъ этихъ пяти грозный условій требовались необычайныя усилія, можетъ быть, чудо, — не стану спорить.

Только въ спокойномъ состояніи, только далекій историкъ увидитъ и приведетъ въ систему причины происшедшаго. Ихъ не найти въ одномъ только прошломъ, сознательно закрывая глаза на 17-ый годъ, такъ же, какъ нельзя въ злой волѣ и ошибкахъ отдѣльныхъ группъ и лицъ этого года искать полнаго объясненія исторіи Россіи.

21

ЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ

Брестъ-Литовскій миръ вывелъ Россію изъ войны, но не могъ уничтожить ни русской традиціи, ни славянской идеологіи, призывающей къ жертвенности. Тѣмъ болѣе настойчиво выступали усилія продолжать войну бокъ-о-бокъ съ союзниками. Эти общія желанія были ясно выражены на далекой окраинѣ Россіи, гдѣ народу удалось сбросить большевистское иго: тамъ сейчасъ же возникъ и свой собственный театръ войны, связанный съ союзниками честью русскаго имени. На этомъ фронтѣ вышелъ изъ арміи русскій отрядъ, который оставался въ рядахъ союзниковъ до конца Міровой войны. Только для него, не имѣвшаго за собою Великой Державы, война съ турками кончилась не въ день общаго перемирія 11 ноября 1918 года, а на двѣ недѣли позднѣе. Въ его рядахъ горсть русскаго народа вышла на свой маленькій фронтъ и выполнила, какъ умѣла, выросшія передъ нѣй заданія.

*) Прежде всего я имѣю въ виду себя самого.

Для союзниковъ отрядъ оттянулъ значительныя силы противника и прикрылъ пути въ Индію, а для русскаго знамени — боролся за осколки Великой Родины въ Закавказьѣ, билъ большевиковъ и не допустилъ корпусъ Иззета-паши съ его ордой пройти на Сѣверный Кавказъ и поднять возстаніе.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ этомъ, совсѣмъ забытомъ театрѣ Большой Войны.

Новое формированіе началось съ того, что генералъ Баратовъ и англійское командованіе въ Персіи предложили четыремъ русскимъ офицерамъ сформировать четыре отряда. Справиться съ этой задачей удалось только одному — Лазарю Бичерахову. Послѣ развала фронта онъ сколачиваетъ свое ядро — въ 1 баталіонъ, 1 батарею, 6 сотенъ казаковъ, проходитъ Персію до Энзели, уничтожаетъ по дорогѣ большевиковъ и разбиваетъ банды Кучукъ-Хана.

Къ этому времени, въ концѣ іюня 1918 года, командующій Восточной турецкой арміей Нури-паша наступаетъ отъ Елизаветполя на Баку, занятое большевиками *).

На бакинскомъ направленіи Нури сосредоточилъ 5-ую пѣх. дивизію (Мурсалъ-паша); 15-ую пѣх. дивизію (Юсуфъ-Иззетъ-паша); 107-й пѣх. резервн. полкъ, два батальона пограничнаго формированія и 4-ую пѣх. дивизію, предназначенную для занятія центральнаго Азербейджана, обезпеченія тыла, коммуникацій и особенно для спеціальныхъ формированій частей изъ мѣстныхъ мусульманъ.

Приблизительно въ этихъ же цифрахъ, а именно въ четыре дивизіи, исчисляетъ силы сражавшихся турокъ и представтель Французской Арміи, много потрудившійся на Кавказѣ и въ самомъ Баку въ описываемый періодъ, неутомимый генералъ Chardigny. По его же мемуарамъ, три выше названыя полевыя турецкія дивизіи были полностью укомплектованы и прекрасно дисциплинированы (чего нельзя было сказать про 107-й пѣх. резервн. полкъ). И дѣйствительно, въ пополненіяхъ воен-

*) Предназначался въ намѣстники мусульманскаго Кавказа; братъ Энвера-паши — извѣстнго лидера младотурецкой партіи.

пополнёнными и закавказскими татарами недостатка не было *).

Въ іюнѣ Бичераховъ, одинъ, съ двумя казаками, высаживается въ Баку. Большевики въ паникѣ, предлагаютъ ему взять командованіе противъ турокъ.

Онъ соглашается, вызываетъ изъ Энзели свой отрядъ и черезъ три недѣли свергаетъ большевиковъ. Послѣдніе передъ паденіемъ, вступивъ въ переговоры съ нѣмцами, успѣваютъ увести съ фронта отрядъ коммуниста Петрова, занимавшій Хурдаланскій участокъ. Турки выходятъ за Петровымъ къ окраинѣ Баку. Бичераховъ оставляетъ городъ, идетъ на сѣверъ, бьетъ большевиковъ, беретъ Петровскъ. Каспійскій флотъ, коммерческій и военный, порты Каспійскаго моря, кромѣ цитадели большевиковъ, Астрахани, — всѣ признаютъ Бичерахова, а Правительство Союза Прикаспійскихъ Областей избираетъ его своимъ предсѣдателемъ. Одновременно союзники признаютъ въ лицѣ Бичерахова русскую власть въ краѣ.

Тѣмъ временемъ турки, развивая военныя дѣйствія, двигаютъ въ Дагестанъ еще въ іюлѣ, отъ своей 4-ой пѣх. дивизіи инструкторскій отрядъ — около 500 офицеровъ и унтеръ-офицеровъ — для формированія Дагестанскаго корпуса (набрали только дивизію) и для усиленія нѣсколькихъ десятковъ инструкторовъ, группировавшихся въ Чечнѣ съ весны около Шукри бея (въ Ведено). Въ Азербейджанѣ же, къ концу войны была, въ сущности, сформирована одна пѣх. дивизія.

Такимъ образомъ. въ описываемыхъ военныхъ операціяхъ на Восточномъ Кавказѣ со стороны турокъ непосредственно участвовали: вышеперечисленныя 3½ дивизіи турокъ, одна азербейджанская, одна дагестанская, отрядъ чеченцевъ, — а всего до 6 дивизій съ артиллеріей, 1½ тысячью сабель иррегулярной конницы и техническими войсками.

Сверхъ того, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Персіи, въ районѣ Тавриза, турки держали въ полной готовности двѣ дивизіи

---

*) Самый номеръ "4" одной изъ вышеупомянутыхъ дивизій. дававшей инструкторовъ мѣстнымъ частямъ, — подлежитъ повѣркѣ, хотя онъ взятъ изъ показанія нашихъ плѣнныхъ и также согласуется съ показаніями плѣнныхъ, записанныхъ генераломъ Chardigny.

(3-юю и 11-ую), опасаясь въ Карабагѣ возстанія армянъ Андраника, которому помогалъ матеріально Бичераховъ *).

Поэтому приходится признать, что Русское Національное Движеніе на Кавказѣ приковывало со стороны противника не менѣе 8 дивизій разнаго состава; нѣсколько изъ нихъ сражались непосредственно съ войсками русскими.

Разбросанныя по Закавказью части этой лавины медленно надвигались на Дагестанскій театръ войны, гдѣ на аванпостахъ Дербента гремѣли выстрѣлы полусотни орудій и нѣсколькихъ батальоновъ русскихъ войскъ; они были зажаты между моремъ и горами — большевиками съ сѣвера, примѣрно по линіи Терека.

Здѣсь, въ Петровскѣ, основное ядро Бичераховскаго отряда разворачивается до 9 баталіоновъ, 8 батарей и 6 сотенъ казаковъ съ техническими командами, и отсюда война ведется на два фронта: на сѣверъ — противъ большевиковъ, а на югъ и западъ — противъ Иззета-паши и мусульманскихъ отрядовъ.

Въ эту группу Иззета входили: 15-ая пѣх. турецкая дивизія; части азербейджанскихъ войскъ; одна дивизія дагестанцевъ и отрядъ горцевъ Сѣв. Кавказа — всѣ съ турецкими инструкторами. Ихъ дѣйствія мнѣ близко знакомы, т. к. я былъ Главнокомандующимъ этого театра войны и Командующимъ Полевыми войсками отряда Бичерахова.

Мы вели маневренную войну, иногда безъ проволоки, на большихъ пространствахъ, въ лѣсистыхъ горахъ, среди враждебно настроеннаго населенія. Одновременно турецкіе эмиссары спокойно продолжали свою работу кругомъ военной зоны, вербовали Иззету отряды изъ мусульманъ-горцевъ, преданныхъ Турціи.

Мы, военные, будто воскресли, снова попали на войну, жили по нормальнымъ уставамъ военнаго времени. Казаки сражались выше всѣхъ похвалъ. Солдаты ходили въ огонь, но требовали непрестаннаго, неусыпнаго надзора. Артиллерія была прекрасная.

Острый некомплектъ въ офицерахъ былъ больной стороной

---

*) Я не перечисляю турецкихъ частей на Карсскомъ и Трапезундскомъ направленіяхъ за отсутствіемъ точныхъ данныхъ.

новаго формированія *). Ротами командовали прапорщики и подпрапорщики. Давалъ себя также знать недостатокъ шинелей, особенно въ октябрѣ и ноябрѣ, когда дожди продолжались по нѣсколько дней кряду.

Походныхъ кухонъ почти не было; мы довольствовались главнымъ образомъ шашлыками изъ буйволовъ, отъ которыхъ "ломались зубы". Войска терпѣли. Огнестрѣльныхъ припасовъ было достаточно.

Наша тактика — при большомъ превосходствѣ силъ турокъ: непрестанное движеніе; короткіе удары; сильный артиллерійскій огонь; пѣхота, энергично поддерживаемая казаками.

Имѣя задачи и войска въ другихъ областяхъ Каспійскаго бассейна, усиливаясь съ каждымъ днемъ, мы вначалѣ старались выиграть время, избѣгали рѣшительныхъ столкновеній.

Въ первый періодъ, если Иззетъ-паша наступалъ, то мы ему подставляли только арьергардъ изъ 2-3-хъ ротъ, одной-двухъ сотенъ казаковъ, — всего 250-400 штыковъ, 90-180 сабель и 2-4 орудія. Этотъ маленькій отрядъ, растянутый въ предгорьяхъ, блиндированные поѣзда въ приморской долинѣ, баркасы съ пулеметами вдоль берега моря, — всѣ вмѣстѣ стрѣляли на широкомъ фронтѣ, заставляли Иззета каждый разъ разворачивать всѣ свои силы и дѣлать глубокіе обходы **). Такъ было три раза: подъ Мамедъ-Кала, Каякендомъ и Буйнакомъ. Только подъ Буйнакомъ у насъ было не три, а 4 роты. Блиндированные поѣзда, отойдя назадъ, давали туркамъ продвинуться, потомъ неслись впередъ, проскакивали огнемъ турецкія цѣпи; возвращаясь назадъ, они прорывались черезъ новыя цѣпи, новыхъ обходныхъ колоннъ турокъ.

Въ бою у Каякенда нашъ маленькій арьергардъ одно время подвергся полному окруженію не только турецкою пѣхотою, но и его артиллеріей, занявшей позицію у насъ въ тылу — сѣвернѣе станціи у желѣзной дороги. Замкнувшую кольцо турецкую колонну удалось разбить внезапнымъ ударомъ въ тылъ. Мы вывезли всѣхъ и все, отдѣлались нѣсколькими убитыми и де-

---

*) Нѣсколько зонъ большевиковъ отдѣляли насъ отъ офицеровъ Большой Арміи.

**) Турки несли серьезныя потери - они ни разу насъ не преслѣдовали.

сятками раненыхъ; зато особенно досталось отъ огня паровозамъ и вагонамъ; но ни одинъ изъ нихъ изъ строя выведенъ не былъ.

Въ бою подъ Буйнакомъ были пущены по одноколейной дорогѣ, одинъ за другимъ, три блиндированныхъ поѣзда. Два первыхъ, на которые сѣли ротмистръ Рагозинъ и поручикъ Арскій, пролетѣли со стрѣльбой черезъ наступающія главныя силы турокъ за станцію Буйнакъ. При поддержкѣ третьяго поѣзда, а также полевой артиллеріи, всѣ поѣзда благополучно выскочили назадъ на сѣверъ, за буйнакскій віадукъ, разстрѣливая свои пулеметныя ленты. Они только слегка были тронуты ружейнымъ огнемъ и шрапнелью противника.

Въ войскахъ было много героевъ. Назовемъ нѣсколькихъ изъ нихъ: казакъ полковникъ Тарарыкинъ, подполковникъ Никольскій, ротмистръ Рагозинъ, ротмистръ Савичъ, есаулъ Невольниковъ, капитанъ Евсѣевъ, артиллеристъ-капитанъ Леерть, поручикъ Арскій, хорунжій Хмара, прапорщикъ Петровъ, — какъ въ этихъ бояхъ, такъ и въ послѣдующихъ, не знали ни страха, ни усталости, всегда рвались на новые подвиги.

Во время боевъ часто приходилось посылать для поддержки пѣхоты по 8 казаковъ на баталіонъ, иногда по четыре на роту. Они скакали на смерть: рѣдко кто изъ нихъ возвращался.

Не могу не сказать двухъ словъ о Владикавказской желѣзной дорогѣ и ея персоналѣ. Удивительные люди! Паровозы ходили на развѣдку безъ карауловъ на линію, соединяющую насъ съ базой — Петровскомъ — по узкой береговой полосѣ. Она подвергалась на протяженіи 100 верстъ нападенію съ горъ. Поѣзда-кухни, продовольственные, санитарные и другіе, нерѣдко подавались прямо въ окопы.

На полѣ сраженій, отдѣльныя части, взятыя съ обойденныхъ участковъ, перебрасывались въ поѣздахъ подъ огнемъ, высаживались и вновь велись въ атаку во флангъ обошедшимъ ихъ передъ тѣмъ колоннъ (Каякендъ, Буйнакъ).

Обстрѣлъ паровозовъ и поѣздовъ — обычное явленіе. Начальники станцій — безсмѣнно на своемъ посту. Телеграфисты жел. дороги несли обязанности военныхъ телеграфистовъ. Они выстукивали по Морзе спѣшные боевые приказы и донесенія въ зданіяхъ, попадавшихъ подъ ружейный обстрѣлъ. Среди этого

персонала были убитые и раненые. Никто никогда не жаловался ни разу ни о чемъ не просилъ.

Мы держались постояннымъ движніемъ въ горахъ, — вѣчный принципъ активности, — опираясь на желѣзную дорогу.

При моемъ штабѣ состоялъ старшій агентъ службы движенія Красинъ. Ему только не хватало винтовки въ руку. Иногда мнѣ казалось, что я даю ему невыполнимыя заданія; онъ только отвѣчалъ: "слушаюсь" и все исполнялъ раньше срока.

Казаковъ и желѣзную дорогу я считалъ надежной частью моихъ "полевыхъ войскъ".

Флотъ принималъ участіе въ дѣлахъ; особенно отличались канонерскія лодки "Карсъ" и "Ардаганъ". Главноначальствующій флотомъ — достойный сподвижникъ Бичерахова — полковникъ В. Г. Воскресенскій крѣпко держалъ въ рукахъ своихъ моряковъ. Условія были необычайныя — достиженія тоже. Одно изъ таковыхъ — замѣчательный договоръ Воскресенскаго съ Мурсалъ-пашей, по которому турки снабжали нефтью весь нашъ Каспійскій флотъ, дравшійся съ ними же — турками *).

Конецъ войны прошелъ у насъ тоже необычайно. Я его записываю подробнѣе. Въ немъ выразилась глубокая русская драма людей, лишенныхъ отечества. Защищая свою честь, они пали послѣдними на фронтѣ Большой Войны.

Въ октябрѣ 1918 года мы развиваемъ съ флотомъ наступательную операцію подъ Дербентомъ въ районѣ Мамедъ-Кала.

Три баталіона успѣшно продвигались въ предгоріи. Прекрасно работали казаки глубокимъ охватомъ въ горахъ, а съ моря "Карсъ" и "Ардаганъ" продольнымъ огнемъ по окопамъ на дистанцію отъ 2 до 7 верстъ.Командиры канонерокъ и моряки-артиллеристы наканунѣ объѣхали позиціи, а въ день боя ихъ корректировалъ T. S. F.

Турки были быстро подавлены перекрестнымъ огнемъ съ моря, полевой и тяжелой артиллеріей изъ приморской долины. Затѣмъ ихъ фронтъ былъ широко прорванъ нашей пѣхотой. Загнанный въ Дербентъ, Иззетъ-паша къ вечеру 13 октября, во

---

*) Полковникъ В. Г. Воскресенскій — теперь подъ псевдонимомъ де Базиль — извѣстный директоръ русскаго балета, возродившій его былую славу за рубежомъ.

время боя присылаетъ мнѣ парламентера съ предложеніемъ заключить миръ.

Я не отвѣчаю и продолжаю бой.

Ко второй половинѣ дня мои батареи полевой артиллеріи переѣхали отъ Мамедъ-Кала на новыя позиціи къ разъѣзду Огни, на 4-5 верстъ впередъ; 9-дюймовыя бомбы тяжелой артиллеріи снесли участокъ окоповъ первой линіи турокъ. Отъ горцевъ, шедшихъ съ турками, я узналъ впослѣдствіи нѣкоторыя подробности: съ моря мѣткимъ огнемъ особенно "свирѣпствовалъ" красавецъ "Карсъ". (Онъ близко подходилъ къ берегу, чтобы лучше слѣдить за наступленіемъ пѣхоты). Иззетъ выѣзжалъ въ цѣпь закрывать прорывъ, останавливать свои войска у Дербента.

Моя пѣхота, въ которой передъ боемъ на роту приходилось по одному офицеру, за день понесла значительныя потери; ночью сильно сказалась убыль въ офицерахъ: достаточно было бы одного эскадрона, чтобы захватить всю мою артиллерію, но турки отступали къ самому Дербенту. Таковы наши короткіе удары.

На слѣдующее утро Иззетъ повторяетъ попытку мирныхъ переговоровъ: онъ снова направляетъ подъ бѣлымъ флагомъ новую делегацію, на этотъ разъ прямо въ Петровскъ, къ Бичерахову.

"Кто вы такіе? Россіи уже нѣтъ и никогда не будетъ. Отойдите на сѣверъ, за Кубань", писалъ намъ Иззетъ.

Бичераховъ, какъ предсѣдатель временнаго правительства Союза Прикаспійскихъ областей, рѣзко отвергаетъ предложеніе.

Но вотъ, послѣ 2-го ноября 1918 года, узнавъ, что Турція капитулировала, мы сами извѣщаемъ объ этомъ Иззета и предлагаемъ ему вывести войска изъ боевой линіи, на 25 верстъ назадъ. Хитрый турокъ выговариваетъ себѣ на размышленіе два дня, по истеченіи которыхъ обѣщаетъ прислать свой точный отвѣтъ.

Боевыя дѣйствія, наша активность и огонь съ обѣихъ сторонъ прекращаются. Иззетъ спокойно использует выговоренный срокъ и черезъ 2 дня переходитъ въ наступленіе по всему фронту. Движеніе, инниціатива уже его.

Петровскъ сразу наполняется бѣжавшими съ позицій солдатами. Въ городѣ паника. Портъ горитъ.

На фронтѣ разыгрываются упорные и кровопролитные бои за подступы къ Петровску и особенно на западномъ нагорномъ секторѣ — на высотахъ Тарки-Тау, гдѣ въ контръ-атакахъ съ ручными гранатами гибнутъ лучшіе офицеры, солдаты и матросы *). Смертью ихъ, послѣ третьей контръ-атаки, на утро второго дня боя русскія войска прорываютъ фронтъ противника въ направленіи на Кизилъ-Агачъ, послѣ чего наступленіе турокъ замѣтно пріостанавливается.

Оказавшаяся у насъ случайно проѣздомъ Уральская офицерская казачья полусотня — 50 офицеровъ — влилась по войскамъ боевой линіи. Эти офицеры почти всѣ погибли.

Доблестно сложили головы въ третьей контръ-атакѣ матросы 2-го десантнаго отряда; они отбили окопы на спускѣ въ самый Кизилъ-Агачъ.

Сподвижники Иззета мнѣ разсказывали впослѣдствіи, что тогда его спасъ отъ катастрофы отрядъ чеченцевъ — вождя Веденскаго округа Али Митаева, пришедшій въ послѣднюю минуту съ Сѣвернаго Кавказа. То же подтвердилъ въ подробностяхъ самъ старый кунакъ — Али Митаевъ, — пріѣзжавшій ко мнѣ раскаиваться черезъ два мѣсяца.

Турецкая орда съ большимъ числомъ пулеметовъ все же ползетъ съ разныхъ сторонъ по лѣсистымъ отрогамъ и мѣстами влѣзаетъ на горный хребетъ Тарки-Тау; но ключъ къ овладѣнію всего гребня и единственный изъ него выходъ къ Петровску до конца остается въ нашихъ рукахъ. Здѣсь, наверху, на лѣсистомъ плато въ центрѣ массива сохраняются едва замѣтныя развалины маленькой исторической крѣпости Тарки, воздвигнутой основателемъ Русской Арміи и Флота Петромъ Великимъ. Уцѣлѣлъ отъ времени, собственно, длинный сарай со стѣнами изъ каменной кладки, впослѣдствіи реставрированный, но уже наполовину разрушенный; стѣны были безъ бойницъ и

*) Событія, мало извѣстныя, сильно искаженныя въ описаніи чужихъ и не знающихъ людей. Читая авторовъ, не бывшихъ въ Петровскѣ, можно подумать, что петровскихъ боевъ даже никогда не было.

почти безъ крыши. Здѣсь помѣщался штабъ полевыхъ войскъ.

Величественная панорама открывалась съ высотъ Тарки-Тау на востокъ: неизмѣримая пропасть въ приморскую долину Дагестана, далеко внизу, какъ на ладони, наши сѣверный и южный секторы, между ними городъ, огонь и дымъ горящихъ пакгаузовъ, миніатюрный портъ, маленькіе, игрушечные пароходы, а дальше, пока доступно глазамъ, — широкое, открытое море.

Изъ этихъ развалинъ Тарки офицеры штаба полевыхъ войскъ и его команда въ теченіе сутокъ въ штыки отбивали послѣднія атаки турокъ, при славной поддержкѣ своихъ четырехъ казачьихъ пулеметовъ и двухъ конно-горныхъ орудій; послѣднія били картечью.

Начальникъ штаба полевыхъ войскъ — ротмистръ Татарскаго Коннаго полка Рагозинъ палъ смертью славныхъ: раненый, съ саблей въ рукѣ, съ крикомъ: "Впередъ!" онъ бросился въ контръ-атаку, но тутъ же былъ сраженъ двумя ручными гранатами *).

Наши гаубицы съ южнаго отрога кряжа безостановочно перекидывали бомбы по артиллеріи и лѣснымъ опушкамъ, занятымъ противникомъ, а полевыя орудія и конно-горныя батареи состязались съ турецкой полевой артиллеріей, стоявшей на закрытыхъ позиціяхъ на сосѣднемъ гребнѣ къ западу.

Послѣдній день грохотъ турецкихъ пулеметовъ сливается въ непрерывный гулъ. Жители Петровска его слушали долго. Становилось вѣроятнымъ, что для обѣихъ сторонъ наступилъ послѣдній день боя; такой ураганъ пулеметнаго огня долго можно развивать только въ большой позиціонной войнѣ при технически оборудованныхъ путяхъ подвоза патроновъ, а не на горныхъ высотахъ, куда мы съ трудомъ подымали питьевую воду.

Надо было во что бы то ни стало дотянуть до вечера.

И вотъ вѣрные друзья полевыхъ войскъ "Карсъ" и "Ардаганъ", выйдя на легкой волнѣ изъ порта, начинаютъ залпами посылать вверхъ на массивъ снаряды своихъ дальнобой-

*) Читатель найдетъ его имя въ главахъ: "Дача Дурново" и "Нахамкесъ".

ныхъ 120-миллиметровыхъ орудій. Они несутся съ моря, перелетаютъ на излетѣ черезъ головы защитниковъ, иногда глохнутъ въ лѣсахъ, или выбрасываютъ вверхъ столбы земли съ деревьями, но въ большинствѣ ложатся по главнымъ резервамъ Иззета на главномъ Кизилъ-Агачскомъ подступѣ. Земля дрожала.

Меня сильно безпокоило: какъ удастся провести этотъ импровизированный артиллерійскій маневръ съ моря при качкѣ, дальней дистанціи и стрѣльбѣ по "невидимой цѣли". Въ его успѣхѣ и заключался нашъ послѣдній шансъ задержать резервы турокъ и новые подошедшіе къ нимъ изъ Дагестана отряды.

Начавъ пристрѣлку съ отмѣтной для судовъ вершины, корректируя стрѣльбу, я поворачивалъ влѣво и все снижалъ огонь, передавая свои наблюденія по телефону въ портъ лично начальнику штаба Бичерахова Мартынову; онъ же самъ пересылалъ ихъ дальше на суда по **T. S. F.**

Моряки-артиллеристы еще разъ показали свое искусство, ни разу не хватили по своимъ и несомнѣнно ослабили послѣдній ударъ, который съ утра готовилъ намъ Иззетъ.

Турки отъ ближайшихъ цѣпей настойчиво продолжали накапливаться перебѣжками изъ лѣса съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ складкахъ мѣстности по большому открытому полю передъ Тарки. Часамъ къ 5 дня, изъ тѣхъ, кто близко, ихъ какъ будто уже нѣсколько сотъ, а ближайшіе изъ нихъ зашли намъ въ тылъ справа и уже у самыхъ развалинъ. Они готовятся повторить свои приступы, но уже болѣе крупными силами, которыхъ мы не выдержимъ; они явно подтягиваютъ участковые резервы.

Но ихъ цѣпи не успѣли подняться для штурма. На нихъ изъ-за развалинъ вышли въ контръ-атаку цѣпи команды штаба, а черезъ нѣсколько минутъ подтянутый послѣдній резервъ — баталіонъ капитана Евсѣева, при немъ же и старый стрѣлокъ, капитанъ Конакинъ. Всѣхъ вмѣстѣ съ телефонистами и денщиками набралось около 400 человѣкъ.

Подъемъ духа офицеровъ былъ такъ великъ, что нѣкоторые изъ нихъ: Вознесенскаго Уланскаго полка ротмистръ Савичъ, штабсъ-капитанъ Борисовъ, мой адъютантъ поручикъ Арскій, начальникъ телефонной команды поручикъ Черномо-

ровъ, ординарецъ прапорщикъ Петровъ, — идя въ атаку, въ азартѣ сбрасывали на землю шинели и кителя, увѣряя, что они стѣсняютъ движенія винтовки и что имъ слишкомъ жарко. (Нѣкоторые офицеры опрокидывали на огонь свои котелки съ горячей пищей: думали, что выходятъ умирать).

Подъ самый конецъ одной тяжелой сцены не выдержали два солдата-артиллериста: потрясенные, можетъ быть уже душевно-больные, они побѣжали назадъ и въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ бросились съ отвѣсной скалы въ пропасть къ аулу Тарки, гдѣ, конечно, разбились на-смерть. Остальные солдаты всѣ вышли за своими офицерами. Головная рота послѣдняго резерва была выведена Черноморовымъ по боковой тропѣ въ свою очередь въ тылъ турокъ, зашедшихъ передъ тѣмъ намъ въ тылъ справа. Остальныя роты развернулись черезъ Тарки.

Одновременно герой-казакъ хорунжій Хмара идетъ съ нами въ цѣпь со своими пулеметами, а конно-горныя орудія штабсъ-капитана Гибера выкатываются подъ пулеметнымъ огнемъ на открытую позицію, теряютъ часть прислуги, но открываютъ огонь. Хорошо стрѣляли, хорошо отвлекали на себя огонь; послѣднее было чрезвычайно важно. Стояли въ пятидесяти шагахъ правѣе вышеназваннаго сарая. Гиберъ просилъ меня записать дѣйствія этихъ орудій, что я съ удовольствіемъ и дѣлаю.

Турки не приняли нашего штыкового удара. Они повернули и стали спѣшно уходить въ лѣса, увлекая за собою и тѣхъ, кто занималъ ихъ кольцевую опушку; мы ее проходимъ своими цѣпями. Ихъ пулеметный огонь прекращается быстро. На вылазкѣ мы теряемъ убитыми и ранеными около 80 человѣкъ. Изъ перечисленныхъ офицеровъ были ранены — легко Черноморовъ и Петровъ, они остались въ строю, и тяжело въ животъ Евсѣевъ, но поправился.

Наконецъ, за пулеметами постепенно умолкаютъ и ружейные выстрѣлы. Начинаетъ темнѣть, и солдаты впервые разводятъ костры вокругъ своей Тарки. Для меня они зажглись какъ-то сами собою. Ставить охраненіе было ни по настроенію, ни по обстановкѣ, ни по силамъ.

Только одни "Карсъ" и "Ардаганъ" возобновили огонь, прерванный за время вылазки. О нихъ мнѣ напомнилъ по теле-

фону Мартыновъ. Я согласился, но уже на удлиненный прицѣлъ и по главной турецкой артеріи.

До самой темноты оня посылаютъ свои мощные залпы по дальнему Кизилъ-Агачскому прицѣлу и своими дивными громовыми раскатами, оглушающимъ эхомъ повторяемымъ въ горахъ, вспышками разрывовъ, видимыхъ на фонѣ темнѣющихъ лѣсовъ, пріятно напоминаютъ собравшимся, что они тоже съ ними.

Наступила ночь. Гдѣ-то высоко, высоко надъ головой на излетѣ изрѣдка проносятся никому не нужныя пули, но скоро и онѣ умолкаютъ и на этотъ разъ — навсегда.

Именно этимъ эпизодомъ, а не выходомъ турокъ къ Петровску, и даже не подходомъ ихъ къ проволочнымъ загражденіямъ, закончилось сраженіе, затѣянное Иззетомъ послѣ заключенія всеобщаго перемирія. Паника въ порту, охватившая бѣженцевъ и солдатъ, прекращается суровыми мѣрами. Бѣжавшіе солдаты возвращаются на фронтъ, занимаютъ позиціи западнаго сектора и тѣмъ смыкаютъ линію кольцевыхъ укрѣпленій Петровска *).

Выходъ всѣхъ въ контръ-атаку изъ Тарки съ орудіями и пулеметами былъ изъ послѣдняго. Далѣе уже рѣшала судьба: если наши силы дѣйствительно кончились, то то же оказалось и у Иззета. Тѣ же его сподвижники, вспоминая "адъ всѣхъ перемѣшавшихся огней", и нашего, и своего собственнаго, увѣряли меня впослѣдствіи, что въ сраженіи подъ Петровскомъ они разстрѣляли всѣ патроны своихъ полевыхъ и головныхъ парковъ. Можетъ быть, и такъ: вышедшіе цѣлыми изъ этихъ боевъ нѣкоторое время оставались полуглухими.

Противъ развалинъ Тарки Иззетъ послѣдовательно поднялъ на горный, лѣсистый Таркинскій плацдармъ и въ конечномъ

*) Оставшись въ Тарки съ уцѣлѣвшими солдатами, я отправилъ (съ согласія Бичерахова) всѣхъ до одного офицеровъ въ Петровскъ для водворенія порядка въ городѣ, на судахъ и прихода солдатъ. Всѣ эти офицеры были герои: послѣ длинныхъ боевъ, сейчасъ же послѣ очень трудной контръ-атаки, они спустились по тропамъ съ горъ: съ расходившимися нервами, имѣя дубину въ одной рукѣ, съ револьверомъ въ другой, они по-два и даже по-одному (Саничъ, Арскій, Борисовъ) взбирались на суда, стрѣляли, ссаживали бѣженцевъ и солдатъ. Уже къ серединѣ слѣдующаго дня они вернулись на позиціи съ собранными солдатами. Турки молчали.

итогѣ развернулъ: всю 15-ую пѣх. турецкую дивизію, команды пополненія закавказскихъ татаръ, нѣсколько дагестанскихъ формированій и 2 тысячи чеченцевъ Али Митаева. Отдѣльные дагестанскіе отряды оставались внизу противъ другихъ секторовъ.

Рядъ нашихъ контръ-атакъ (большихъ раздѣльныхъ было четыре) и сосредоточенный огонь — главнымъ образомъ артиллерійскій — такъ и не допустили этимъ частямъ продебушировать изъ лѣсовъ, въ которыхъ онѣ перемѣшались. Человѣкъ исключительной храбрости, Иззетъ не былъ въ рѣшительномъ мѣстѣ, а оставался съ артиллеріей на сосѣднемъ гребнѣ. Отъ захваченныхъ плѣнныхъ мы узнавали, что они изнемогаютъ отъ усталости и жажды.

Черезъ сутки, которыя, дѣйствительно, проходятъ въ мертвой тишинѣ, мы съ Бичераховымъ обсуждаемъ планъ будущихъ дѣйствій. Турки остановились и засѣли въ лѣсахъ. Иззету не удалось насъ сбросить въ море или, говоря военнымъ языкомъ, взять Петровскъ открытой силой. Имѣя флотъ, обрекать себя на тѣсную осаду и пассивное сидѣніе, т. е. на вѣрное самоубійство, или вести трудные для насъ лѣсные бои черезъ Тарки — не входитъ и никогда не входило въ наши расчеты. Да это совсѣмъ не отвѣчаетъ и новымъ задачамъ правительства прикаспійскихъ областей. Наконецъ, можно было свободно выйти на сѣверъ вдоль желѣзной дороги, такъ какъ противъ сѣвернаго сектора турокъ уже не было, но это значило бы оставить вопросъ съ Иззетомъ неразрѣшеннымъ.

Мы рѣшаемъ: пользуясь флотомъ и базируясь на Ленкорань, выйти на пути сообщенія Иззета, захватить Баку.

По нашимъ планамъ, эта операція должна была привести къ полному уничтоженію Иззета. До сихъ поръ стратегическій выходъ на сообщенія турокъ нами откладывался, такъ какъ нельзя было дробить силъ. Теперь для всей массы революціонно-настроенныхъ солдатъ онъ представлялъ единственное правильное рѣшеніе, независимо отъ новыхъ политическихъ заданій, появившихся съ окончаніеемъ войны. Странное положеніе: война съ турками кончилась для союзниковъ, но не для русскихъ войскъ!

Мы эвакуируемъ 3.000 раненыхъ и больныхъ по портамъ

Каспійскаго моря, сажаемъ при полномъ затишьѣ на фронтѣ весь отрядъ на 57 судовъ и производимъ десантную операцію на новое государство Азербейджанъ, только что построенное Турціей и превращенное въ базу Иззета.

Всего съ бѣженцами на суда посажено было болѣе 60.000 человѣкъ. Бѣженцы — главнымъ образомъ армяне изъ Эривани и Баку. Погрузили все — до послѣдняго парка и обоза.

Русскія войска съ представителями союзниковъ и ихъ командами высаживаются прямо въ столицѣ Азербейджана — Баку, чѣмъ лишаютъ турокъ базы и ихъ единственной коммуникаціонной линіи, идущей черезъ Баладжары на Закавказье. Мы захватываемъ громадные склады и запасы снарядовъ, военнаго и интендантскаго снаряженія. Усиливаемъ личный составъ. Черезъ два дня часть отряда садится въ поѣзда, спускается по коммуникаціонной линіи Иззета, въ Петровскъ, а 30-го ноября высаживается на его вокзалѣ.

Флотъ прикрывалъ десантную операцію съ сѣвера. Коммерческіе пароходы "Каспій" и "Орленокъ", вооруженные пушками, вступаютъ въ бой у Старо-Теречной съ четырьмя вооруженными кораблями большевиковъ, топятъ одинъ изъ нихъ, выводятъ изъ строя другой, послѣ чего двое оставшихся поворачиваютъ и уходятъ въ Астрахань. "Орленокъ" загорается, но успѣваетъ справиться съ пожаромъ. Генералъ баронъ Арпсгофенъ, ѣхавшій къ намъ для связи отъ Добровольческой арміи, попалъ случайно на "Орленка"; получивъ свое морское огневое крещеніе, онъ восторженно отзывался мнѣ о дѣйствіяхъ матросовъ въ этомъ бою противъ большевиковъ.

Каспійскій флотъ въ очень трудныхъ условіяхъ выполнилъ операціи переброски базы въ Ленкорань и десанта въ Баку. Буря, разразившаяся въ открытомъ морѣ, не нарушила планомѣрности въ проведеніи рѣшающаго стратегическаго хода. Главноначальствующій флотомъ В. Г. Воскресенскій показалъ всю свою находчивость, исключительную энергію и распорядительность.

Какъ мы расчитывали, нашъ выходъ на пути сообщенія Иззета сильно охлаждаетъ воинственный пылъ послѣдняго. Онъ отказывается отъ плана завоевать Сѣверный Кавказъ и отъ провозглашенія самостоятельной Горской республики. Самъ Из-

зетъ съ эмиссарами уходитъ горами въ Турцію, а турецкія войска, послѣ короткихъ переговоровъ, эвакуируются, но уже не на 25 верстъ назадъ, а черезъ Баладжары по Закавказской желѣзной дорогѣ въ Малую Азію.

Нѣсколько главарей-горцевъ, сподвижниковъ Иззета, запросили меня черезъ своихъ родственниковъ: "Могутъ ли они пріѣхать въ Баку съ тѣмъ, что не будутъ арестованы?" Фамиліи не имѣютъ значенія. Еще за годъ передъ тѣмъ, мы вмѣстѣ, какъ братья, ѣздили въ Екатеринодаръ открывать Русскій Юго-Восточный Союзъ.

Мой штабъ волновался. Я отвѣтилъ: "Могутъ". Новыя задачи, новая политическая обстановка. Я считалъ, что не мы будемъ проводить границы Россіи, а будущія поколѣнія.

Я зналъ, что запросившіе меня горцы не вѣрили въ будущую независимость своихъ народовъ, а ошибочно поддались къ туркамъ, думая защититься отъ большевиковъ. Много разъ передъ тѣмъ они сами мнѣ говорили, что неприступный Кавказскій хребетъ съ юга создаетъ такія условія, при которыхъ Сѣверный Кавказъ долженъ и можетъ жить вмѣстѣ только со своими сѣверными сосѣдями, и что они не хотятъ его превращать войной "во вторую Галицію". Однако, нѣсколько иначе звучало ихъ и Иззета письмо, посланное въ день боя 13 октября изъ Дербента въ Петровскъ – Бичерахову, въ которомъ они писали обо мнѣ и приводили свою расцѣнку моихъ боевыхъ дѣйствій.

Въ Баку я принялъ ихъ молча, стоя, заложивъ руку за спину. На всякія ихъ привѣтствія я спросилъ: для чего они съ Иззетомъ, послѣ заключенія мира, убили моихъ лучшихъ офицеровъ и солдатъ, и гдѣ теперь ихъ турецкія войска? Они просили забыть, но вѣдь это невозможно: павшимъ на полѣ чести ставятъ памятникъ славы.

Въ литературѣ указываютъ, вѣроятно, за отсутствіемъ точныхъ даныхъ, что турки ушли съ Сѣвернаго Кавказа вслѣдствіе окончанія Европейской войны — 11 ноября 1918 г. и даже изъ-за занятія нашими союзниками Закавказья. Какъ можно усмотрѣть изъ приведенныхъ выше фактовъ, Иззетъ-паша былъ только на порогѣ Сѣвернаго Кавказа; сверхъ того, ввиду спеціальныхъ заданій и соглашеній, Иззетъ именно не призналъ

всеобщаго перемирія; результатомъ этого и явились кровопролитные бои, разыгранные именно послѣ всеобщаго перемирія.

Накнецъ, возвращеніе Иззета черезъ горы въ Турцію и прекращеніе войны были вызваны не занятіемъ Закавказья союзниками, которые, кстати, его никогда не занимали, а захватомъ русскими войсками (десантомъ на Баку) всей базы и коммуникаціонныхъ линій Иззета.

И какъ разъ наоборотъ, составлявшія Закавказскій край того времени республики Азербейджанъ и Грузія (не считая Арменіи) значительно содѣйствовали планамъ Иззета, который долженъ былъ построить буферъ между ними и Россіей (то же, выражаясь языкомъ горцевъ: превратить Сѣверный Кавказъ во вторую Галицію).

Въ Азербейджанѣ содѣйствіе это выражалось въ превращеніи всей республики цѣликомъ въ базу Иззета. Содѣйствіе Грузіи, дипломатическое, восходитъ еще къ самому началу — къ отправленію мусульманской делегаціи къ турецкому султану.

Наша высадка въ Баку вызвала немалое волненіе въ Закавказьѣ и весьма обострила антирусскую политику сепаратистскихъ группировокъ этихъ двухъ республикъ; послѣднія не только не составляли угрозы Иззету, но, естественно, продолжали болѣе чѣмъ когда-либо оставаться его союзниками.

Нашъ противникъ Иззетъ въ своихъ официальныхъ письмахъ, его горцы отводятъ вышеуказаннымъ операціямъ русскихъ войскъ соотвѣтствующее имъ мѣсто. Большевики вносятъ путаницу, но хорошо помнятъ Бичерахова, что видно хотя бы по краткимъ замѣткамъ въ номерахъ "Краснаго Архива".

Наряду съ этимъ, въ вихрѣ страстей разныхъ изданій, отъ періода Бичерахова осталось пустое мѣсто.

Между тѣмъ, Бичераховская глава, русскою кровью написанная, имѣла свое опредѣленное значеніе какъ конца общеевропейской войны (хотя бы моральное), такъ и въ исторіи русской революціи.

Въ развитіи гражданской войны Бичераховъ получилъ весь флотъ Каспійскаго моря и почти весь Каспійскій бассейнъ, отбитый имъ у большевиковъ. Стратегическое положеніе освобожденныхъ областей, богатства территорій и войска, связанныя флотами коммерческимъ и военнымъ, дѣлали ихъ большимъ

русскимъ центромъ всей окраины въ теченіе половины 1918 года и начала 1919 года.

Слѣды остались — могилы русскихъ войскъ тянутся по длинному пути изъ далекой Персіи до высотъ Тарки-Тау. По нимъ поднялся упавшій трехцвѣтный флагъ. Это появленіе національныхъ цвѣтовъ вызывало моральный подъемъ далеко, далеко за периферіей новаго центра, откуда устремлялись къ нему живыя силы.

Бичераховъ усилилъ Русское Національное Движеніе на Каспіи, его оглавилъ и канализировалъ. Совершенно реально онъ имѣлъ войска, одинъ сражался съ турками, одинъ щедрой рукой во многихъ милліонахъ оказывалъ матеріальную помощь казачьимъ областямъ Уральцевъ и Терцевъ, поддерживалъ деньгами Русское Дѣло въ Закваказьѣ и возстанія Андраника въ Арменіи, перебрасывалъ патроны кубанскимъ и кабардинскимъ партизанамъ и т. д.

Да и въ самомъ Баку, занятомъ турками, рѣзню армянъ предотвратили тѣ же русскія пушки, наведенныя съ кораблей Воскресенскаго, и угроза его по заложникамъ - плѣннымъ на островѣ Наргенѣ.

Съ потерей большевиками прикаспійской территоріи вся Совѣтская Россія лишилась нефти, не взирая на прекращеніе для нея Европейской войны; благодаря соглашеніямъ съ турками, продолжавшими питать нефтью многія англійскія части въ Персіи и бичераховскій флотъ, послѣдній непрерывно примѣнялъ ко всей территоріи Совдепіи дѣйствительныя нефтяныя санкціи *).

Наконецъ, на фронтѣ Большой войны противъ турокъ наши русскія войска выполнили свои заданія: оттянули значительныя силы, прикрыли пути въ Индію, а маневромъ на Баку — справились съ турками собственными штыками. Они не пропустили корпусъ Иззета пройти на Сѣверный Кавказъ, гдѣ Иззетъ долженъ былъ поднять давно подготовленное возстаніе.

Такой итогъ войны признавалъ противникъ.

Безъ этихъ войскъ турки вышли бы на Терекъ въ августѣ

*) Вопреки извѣстнымъ усиліямъ Ленина повліять на турокъ черезъ нѣмцевъ (отмѣчено въ "Красномъ Архивѣ").

1918 г., и только упорными боями былъ сорванъ планъ ихъ — отбросить русскихъ за Кубань, на которой только что начинала дѣйствовать еще маленькая Добровольческая Армія.

Казачьи станицы, русскія поселенія Сѣвернаго Кавказа, такимъ образомъ, перешагнули въ будущее, оставаясь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были раньше.

Весь періодъ прошелъ въ огнѣ, былъ очень многограннымъ, а длинною отъ войны въ Месопотаміи — до боевъ кораблей Воскресенскаго у Старо - Теречной. Эти значительныя операціи не вмѣстить въ короткія строки; я вернусь къ нимъ въ моей слѣдующей книгѣ.

Приводить другія жуткія подробности этой эпопеи въ свѣтѣ международной политики — еще преждевременно..

Нашъ союзникъ, англійской службы генералъ Томсонъ говорилъ мнѣ въ Баку, что требовалъ черезъ свое главное командованіе ареста и преданія Иззета-паши суду Международнаго трибунала. Я не знаю, какія послѣдствія имѣли эти требованія.

Былъ бы радъ узнать о нихъ хотя бы теперь,

Вѣдь, какъ ни замалчивать, а міровая война для этого отряда русской арміи закончилась уже послѣ общаго мира, заключеннаго союзниками.

Именно послѣ 11 ноября 1918 года — этой счастливой для союзниковъ даты — русскія войска прошли черезъ тяжелые бои, потеряли своихъ лучшихъ воиновъ на внѣшнемъ фронтѣ союзниковъ.

Не признаваемые турками и нѣмцами за русскихъ, давно забытые, безвѣстные герои отдали жизнь за честь своего русскаго имени.

Да будутъ имъ эти строки моимъ вѣнкомъ на могилу.

Полковникъ *Б. Никитинъ.*